

Юлия Жукова

ЗАМУЖ
с осложнениями

Юлия Жукова
Замуж с осложнениями
Серия «Замуж с
осложнениями», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41817130

SelfPub; 2023

Аннотация

Альтернативное будущее, в котором людям удалось прорваться в космос и плотно там обосноваться. Народы Земли расселились по далеким галактикам и проводят отпуска на курортных планетах. И кто бы мог подумать, что, казалось бы, простой полет, всего лишь сопровождение группы детишек на курорт, обернется для героини таким приключением. Страшные инопланетные пираты, захват в плен и предательство соотечественников. Чужая, незнакомая культура, для которой земляне нечто особенное, приравненное к богам. И суровый капитан космических пиратов, который при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж суровым и совсем не пиратом. Автор не преследует цели сформировать привлекательный образ нетрадиционной сексуальной ориентации и не отрицает семейные ценности.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	34
Глава 3	59
Глава 4	75
Глава 5	93
Глава 6	123
Глава 7	133
Глава 8	149
Глава 9	176
Глава 10	212
Глава 11	241
Глава 12	265
Глава 13	282
Глава 14	312
Глава 15	337
Глава 16	381
Глава 17	419
Глава 18	456
Глава 19	498
Глава 20	530
Глава 21	553
Глава 22	569
Глазами знающего	613

Юлия Жукова
Замуж с осложнениями

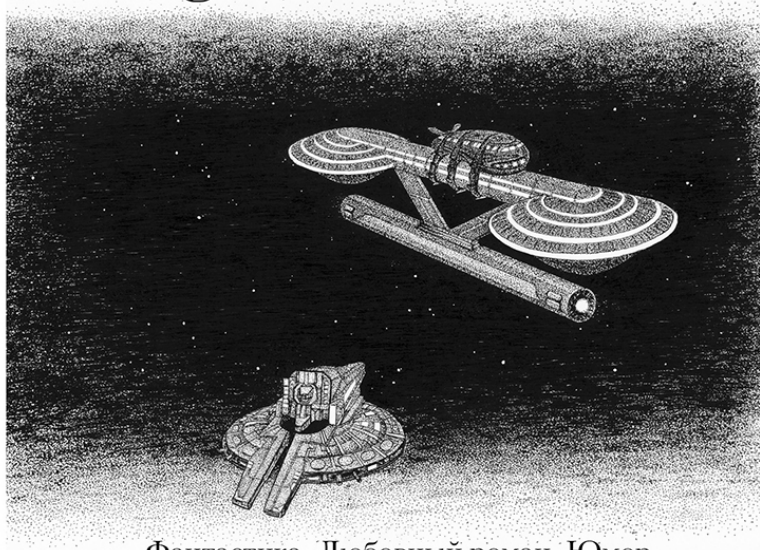

Юлия Жукова

Затуж с осложнениями

Фантастика Любовный роман Юмор

2021

Глава 1

В которой награда находит героя

Работать в космосе я хотела почти с института, с тех пор как стала встречаться с одним пилотом. Очень уж неудобно, когда его по два-три месяца на Земле не бывает. А так была бы романтика, он пилотирует, я за санитарией слежу. Да и платят в восемь раз больше, чем на Земле за то же самое. Но пробиться, конечно, оказалось непросто даже по блату. Уже и запал схлынул, и пилотик мой сгинул, и вот наконец я вырвалась с родной планеты на вольный воздух, вернее вакуум. (Хотя зелёные последнее время ворчат, что мы так засорили космос воздухом, что скоро уже дышать можно будет.)

Однако всё у меня вечно не как у людей, а точнее всё как всегда – тут уж кому какая философия ближе. За три дня полёта я успела перекидать об стенку столько туфель, что можно было записываться в сороконожки. Конечно, всё дело было во мне: всегда-то меня всякие мелкие несовершенства в окружающем мире раздражают. Кто угодно другой, наверное, принял бы как должное... Ну начальница противная, но не смертельно. Ну работа не такая, как мечталось, зато платят хорошо.

А вообще за иллюминатором звёзд тьма тьмущая, если так можно выразиться. Солнышко далеко-о-о светит. Земли

уже четыре дня как не видно. В стекло можно ткнуть пальцем, появится менюшка: выбирай объект, увеличивай, любишься. Можно посмотреть, куда летим, хотя это ещё через два Сфинктера. (На всеобщем языке они Воротами называются, по функции, ну а наши, конечно, по внешнему сходству обозвали.)

А летим на курорт. Несколько лет назад в той системе планетку нашли с очаровательными пляжами. Атмосфера – Земля отдыхает, климат как на заказ. В общем, турфирмы, частично друг друга поистребив, наперегонки наладили сообщение и теперь гоняют туда по два звездолёта в день. Лететь долго, конечно, почти неделю – за это время можно и до Гарнета добраться, но там уже всё застроено...

Так вот, начальница моя, госпожа Дюпон, канадка средней степени упитанности, ухитрилась выбить из Всемирного фонда до- и внешкольного образования какие-то средства, чтобы организовать на Кинине детский лагерь. А я у них подвигаюсь бортовым врачом. И везём мы первую партию детишек на двухмесячное пребывание.

На мой привередливый вкус, с этой работой вообще всё не так. Во-первых, меня зачем-то загнали в ассоциацию парамедиков, хотя я вовсе не парамедик, а хирург с международным сертификатом. Но бейджик носить надо обязательно. Во-вторых, я впервые лечу на этот самый курорт вместе с детьми, хотя по идее в число моих должностных обязанностей входит проверять санитарное состояние лагеря *до* при-

бытия отдыхающих. Очевидно, кого-то жаба задушила меня отдельным рейсом посылать. В-третьих, помимо залечивания болячек у несовершеннолетней части населения корабля в мои функции почему-то входит полное обслуживание начальницы, типа принести-подать, записать в ежедневник, позвонить-написать, посчитать и поговорить. Я вообще-то не секретаршей нанималась. Однако я успокаиваю себя тем, что всё-таки лечу, наконец-то лечу. На вечер у меня остаётся только одна обязанность – принести мадам её витамины. А после этого можно спокойно уткнуться в иллюминатор в предвкушении. Осталось уже не так много.

* * *

Мадам Дюпон вместе с главой Всемирного многопафосного расположились в уютной маленькой переговорной. Им туда уже и кофе кто-то принёс, и даже не я. Главу я пока что только издалека видела, но смотреть там особо не на что. Мелкий мужичонка за пятьдесят, лысый, очки в палец толщиной, скрюченный, как рождественский леденец.

– А-а, Лизонька, – приветствует меня Дюпониха. На всеобщем, конечно, так не скажешь, но с её интонацией только уменьшительное и может получиться. – Познакомься с господином Квиггли.

Фиггли. Крабле бумс.

То есть да-да, очень приятно.

И конечно, смотрим мы не на лицо и даже не за декольте, а прям сразу под юбку. Кстати, среди прочих загадочных тре-

бований этой работы был ещё и дресс-код: юбка выше колена. Теперь понимаю, зачем.

– Вот, – говорит мадам Дюпон, – наш бортовой медик, высококлассный специалист, обеспечивает безопасность детей.

– Да-да, – бормочет глава. – Да-да, обеспечивает, я вижу.

А он умнее, чем кажется. Всё-таки, чтобы такой фонд возглавлять, надо в голове что-то иметь. И в то, что я специалист, он не поверил. Я бы и сама не поверила. А вот в то, что у меня венерических должно быть с полдюжины, я бы поверила легко. Ну хотя бы ноги мои ему понравились. И в любом случае раньше надо было смотреть, дядя. Не разворачивать же теперь звездолёт.

– Спасибо, Лизонька, можешь идти.

Ура, бегу.

За спиной, слышу, Квиггли ворчит:

– Я вообще-то говорил о другого рода безопасности. Мы ведь недалеко от Гарнета, не боитесь неприятных встреч? Джингоши, муданжцы... Не самое благополучное окружение...

На этой оптимистической ноте я перестаю его слышать.

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Было хорошо известно, что по статистике этот регион – третий во Вселенной по терактам. Однако от солидной фирмы можно было бы ожидать безопасности на уровне. Впрочем, с учётом их кадровой политики, можно было пред-

положить, что и другие организационные моменты отразились больше на бумаге, чем на деле. Но человек склонен полагаться на счастливый случай.

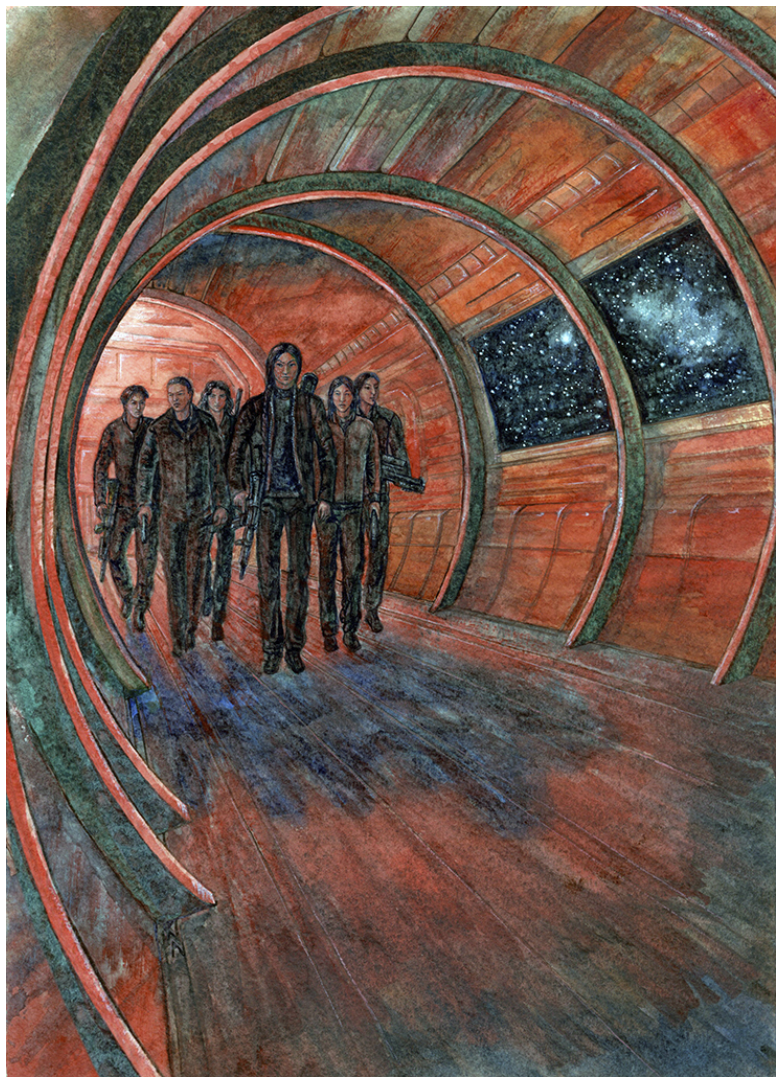
* * *

Возвращаюсь к себе, бодро размахивая подносом. Мадам на сегодня оставила меня в покое, так что я уже предвкушаю, как поставлю чайку, включу себе сериальчик да вязание достану, и тут нас хорошенько встряхивает.

Я сначала подумала, что это меня шатает от какого-нибудь перепада. Новичок в космосе либо всего боится, либо на всё плюёт, дескать, чего тут только не бывает. Я, правда, в детстве летала и ничего такого не припомню. Хватаюсь за стенку. До Сфинктера вроде бы ещё полдня лететь, а на перегонах так трясти не должно. Корабль швыряет в другую сторону, и я теряю стенку и поднос. В такие моменты понимаешь выражение «пол ушёл из-под ног». Как бы я прекрасно обошлась без этого знания! Прикусывать язык мне совсем не понравилось. А в следующий момент мой собственный поднос вмазывается мне же в висок.

Свет померк. Сначала думала, что сотрясение, но нет, не так меня сильно шандарахнуло: включается аварийный. Да только хозяева опять пожадничали: за углом загорелся, а вокруг меня нет. Кстати, мне всегда было интересно, аварийный свет делают красным специально, чтобы было страшнее переживать аварию? Собираюсь соскрестись с пола и пойти в каюту, пристегнуться, ругаясь, что по громкой связи не по-

стует никаких инструкций.

Но встать не успеваю, в проходе появляется тень. С красной подсветкой выглядит жутковато. Хоть бы шприц с собой был с чем-нибудь седативным... Тень обретает плоть, много плоти, и вот уже надо мной возвышается громада...

Первая мысль – на борту у нас такого человека нет.

Вторая – у него в руках нечто огнестрельное, а за спиной ещё одно. Чтоб Квиггли сдох со своими опасениями!

Дальше думалка отключается, остаётся только головная боль.

– Где кто-нибудь из начальства? – спрашивает оно... это... пришлое.

– Дверь в конце коридора. Код 551, – ещё не хватало мне за этих раздолбаев заступаться. Нет, со мной что, правда случилось что-то из выпуска новостей? Врач с Земли в заложниках у...

Вжавшись в стенку, я исподтишка провожаю взглядом группу невероятно высоких мужиков, топаящих в сторону переговорной. Надо уже включать думалку. Запомнить их в лицо, что ли. Да хоть понять, кто они такие! Может, на сделку пойдут...

Дверь отъезжает в сторону, раздаётся растерянное «Ой, кто это?» Дюпонихи и какой-то хрип со стороны Квиггли. Пришельцы ведут себя тихо. В аварийном свете из переговорной на рукаве у одного блеснул значок: строчная m с хво-

стиком-стрелочкой, как зодиакальный скорпион.

Муданг.

Я беззвучно выдыхаю. Чувство такое, как на экзамене, когда вытягиваешь билет, на который угрохал втрое больше времени, чем на прочие, потому что нигде не найти, что на него отвечать. Вроде с чистой совестью можешь сказать, что учил, и пару-тройку умных дядей процитировать, а толку...

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

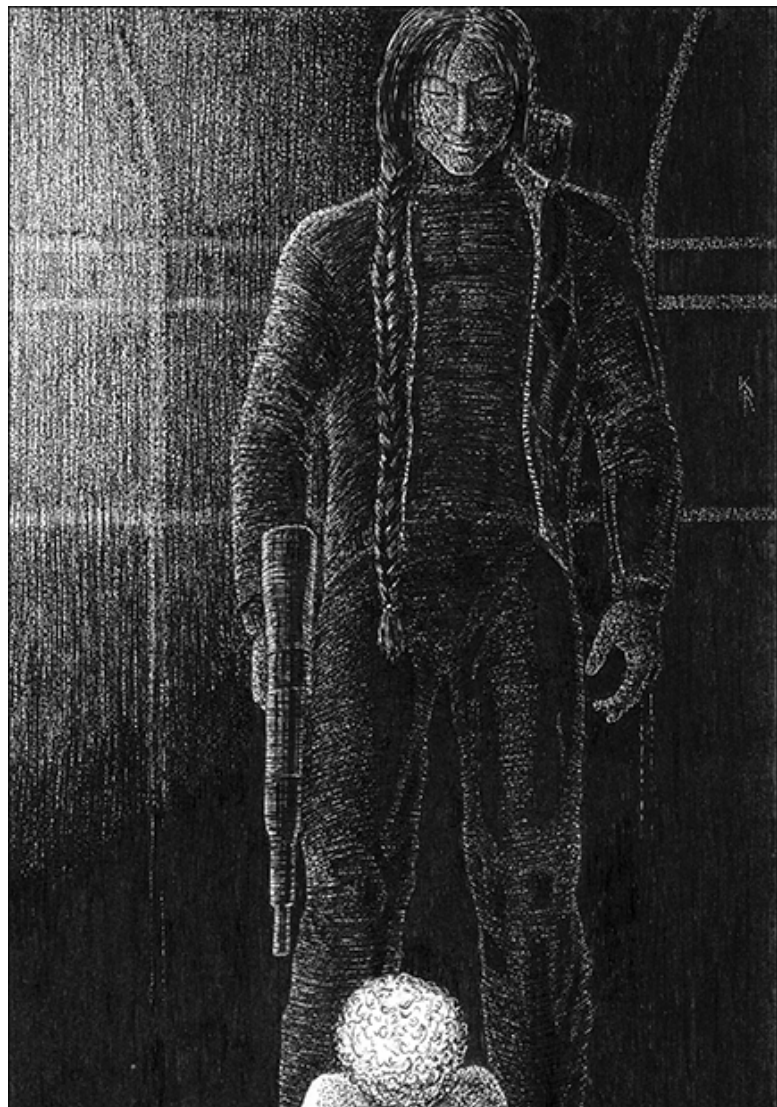
Про эту планету с неблагозвучным названием известно было много. Например, что муданжэцы – самые умные, хитрые и опасные наёмники во Вселенной. Или что они очень крупные и сильные – но это с первого взгляда выясняется. Неизвестно, когда и как они попали на свой Муданг, а вот по геному они – помесь индейцев с монголами. Ещё известно, что у них в языке отсутствует слово «любовь». Сам язык преподаётся на Земле в космических колледжах, где два года положено повышать квалификацию всем, кто хочет работать в космосе. В столичном колледже был обязательный курс малого инопланетного языка по выбору; ходили слухи, что преподаватель по муданжэскому ставит зачёт всем без разбора. В таком раскладе, конечно, запоминается не много.

* * *

Слева пару раз полыхает с тихим шорохом. Это они расстреляли переговорники. Потому что мне очень не хочется,

чтобы расстреливали людей. Я тоже смотрела весёлые боевики про космос и знаю, что любой урод может оказаться ключом к спасению всей команды...

Из переговорной выходит самый высокий муданжец и направляется ко мне. Я наконец-то встаю и даже вооружаюсь подносом, хотя ежу ясно, что этот мужик меня может волоском перешибить и не заметить. Когда он подходит совсем близко, я понимаю, что можно было и не вставать – с высоты его роста сажу я или стою, не важно.

– Юная леди, всем будет удобнее, если вы примкнёте к своим землякам в той комнате, – говорит он спокойным глубоким голосом. И это террорист? Он бы ещё реверанс сделал! Нет, по мне, конечно, лучше так, чем руки заламывать! Но что-то как-то неправдоподобно... Может, это какая-то ошибка? И хотела бы я знать, прибили они мою сладкую парочку или нет? Не хочется мне в эту комнату...

Я нервно зыркаю в сторону переговорной и поворачиваюсь к пришельцу. Не знаю, какой средневековый знахарь лечил ему ожоги на лице, но я бы ему руки пооборвала, ибо всё равно не в том месте росли... Может, ему предложить врачебную помощь? Но шрамы старые, я ничего не смогу сделать. И вот тогда мне точно финдец. Как же отмазаться?! Ма-а-а-мочка-а-а... Дети... О!

– Я бы с удовольствием, – начинаю я намного более уверенным голосом, чем ожидала, – но я обязана быть рядом с детьми. Я сюда только на минутку зашла... Понимаете, я врач. Если кому-то из них станет плохо, то это вам же создаст лишние трудности. Вам ведь дети нужны... – Я утихаю в страхе что-нибудь ляпнуть.

– Живыми, да, – договаривает он за меня. Лапочка моя, ну давай... – Значит, вы умеете лечить?

– Да, да! – я энергично киваю. Хорошо, что он так хорошо говорит на всеобщем. С лёгким таким акцентом, как будто нарочно заставляет этот вялый язык звучать чётко.

– *Женщина?* – с недоверием переспрашивает другой подошедший муданжец на своём родном. Я ещё что-то помню по-муданжски... А что им не понравилось?!

– *Старый Угун говорил: «От землян жди неожиданно-стей»*, – отвечает ему мой собеседник и снова поворачивается ко мне. – Мне это нравится. Идите к детям. *Алтонгирел* вас проводит.

Это имя, осознаю я.

Алтонгирелу эта идея, впрочем, не особо нравится.

– *Азамат, да она же просто вы... выаεται!*

Чего я делаю, я не поняла. Слова этого не знаю...

– *Ну и пусть вы... выаεται. Если ей с детьми спокойнее, то пусть сидит с детьми, под ногами мешаться не будет. И нам не придётся на них человека тратить.*

Алтон... э-э-э... гирел (вспомнила!) не находит, что на это возразить, и велит мне идти к детям, а сам плетётся следом. Он вряд ли знает, куда идти, но пользоваться этим мне незачем. Если меня посадят с детьми, которые им нужны живыми – сами же сказали, – то я буду вроде как при деле. Может, ещё и не убьют. Может, им за меня выкуп дадут...

Детей всех согнали вместе, и вой стоит оглушительный. Алтонгирел объясняет двум парням на входе в «детскую», кто я такая, сопроводив моё резюме парой непонятных эпитетов в адрес Азамата. Парни присоединяют к имени Азамата какое-то слово (Ахмат, что ли, – как татарский царевич?), которое явно означает, что он тут главный. Меня весьма об-

надёживает мысль, что моё предложение понравилось капитану.

Дети всё-таки удивительные существа. Своих у меня нет, но я, как-никак, уже пять лет практикую, да и в студенчестве нянькой подрабатывала. Стоит на секунду отвернуться, как они умудряются получить по нескольку травм разных степеней опасности в совершенно безопасном окружении! Синяки я даже осматривать не стала, тут можно с уверенностью сказать, что они есть у всех и во множестве, хотя у детской мебели на борту вообще нет углов и твёрдых граней. Видимо, надо было стены войлоком обить. Попалась пара расквашенных носов – упали на бегу. Ещё несколько носов кровоточат на нервной почве. Почти все подопечные ревут, трут глаза грязными руками... В общем, бедлам. Но зато я – полезный член общества. Может быть, мне поставят памятник на детской площадке около дома. Мне крупно повезло, что шкафчик с медикаментами именно в этой комнате, а то пришлось бы с мрачными парнями на входе объясняться.

Когда потребность в неотложной помощи временно иссякает, я завариваю всем, включая себя, успокоительного чайку и наконец позволяю себе расслабиться. Младшие отрубаются на диване и на мне, старшие собрались кучками по углам, понимая, что я им больше ничем помочь не могу. Я приспосабливаюсь гладить каждой рукой по три головы одновременно, чем вызываю уважительные взгляды у охранников.

Видимо, поверили, что я и правда врач.

Охранники оба пониже капитана, но тоже под два метра. Один стриженный почти в ноль в отличие от прочих мударжцев, которых я успела рассмотреть. И капитан, и А-лтонги... рел (всё ещё помню!), и второй охранник могут похвастаться прекрасными чёрными гривами.

Зажигается свет. Я подскакиваю, ненарочно бужу нескольких детей. Те, которые не спали, тоже напрягаются. Несколько минут мы все ждём, что что-то вот-вот случится, но оно не случается. Наконец появляются ещё несколько мударжцев с матрасами и пледами. С ума сойти, какой сервис! Всё-таки что-то не так с этими террористами. Какое-то время все стелются, постепенно расслабляясь обратно, и я даже ухитряюсь проспать эту ночь – впрок, мало ли что.

Следующий день тянется и не кончается. В космосе принято менять освещение и пейзажи в декоративных окнах в соответствии с земными сутками, по Гринвичу. Считается, что так людям легче подолгу летать. Поскольку у меня обычно дежурства сутки через двое, мне эта смена дня и ночи глубоко безразлична, солнца я и на Земле не замечаю. Зато сегодня я выучила все варианты освещения Фудзиямы, электронная фотография которой висит ровно напротив моего дивана.

Нас кормят сухим пайком три раза, чай можно сделать прямо в комнате. Три ванн-туалета, совмещённых по иди-

отскому европейскому стандарту, обеспечивают комфорт и чистоту. Днём двое муданжцев под предводительством Алтонгирела принесли мои и детские вещи, так что можно переодеться и заняться хоть чем-нибудь. Книжки там почитывать, в игрушки поиграть... Но никто не читает и не играет, как я их ни уговариваю: все слишком нервничают. Так что я достаю вязанье и демонстративно усаживаюсь с ним посреди комнаты, пытаюсь подать пример. И подаю, часов шесть с перерывом на ужин. Не добиваюсь этим ничего, кроме того, что охранники меня ещё больше зауважали. Ну, тоже неплохо.

Вечером хожу от ребёнка к ребёнку, поправляя одеяла и уверенно бормоча, что всех нас вернут домой в целости. Присаживаюсь около маленькой девочки, которая уже спит, потом прислоняюсь к стене, больше не пытаюсь заставить работать раскисший от скуки мозг.

– *Этого не было в договоре,* – доносится до меня раскати-стый голос капитана из холла напротив нашего. Я настораживаюсь: вот только ещё ссоры наёмников с работодателем мне не хватало.

– *А чего ты хотел? Это же джингоши!* – раздражённо отвечает ему Алтонгирел. Нетбук пищит, соединяясь.

– Соччо, я тебя внимательно слушаю, – Азамат, очевидно, звонит нанимателю. Так это что же, эти наёмники работают на других? Джингоши ведь тоже наёмники... Ничего не понимаю.

– Азамат, как всегда хорошего из себя строишь? – слышится скрипучий голос заказчика. – Земляне не верят, что детки у нас. Доказательств требуют. Если хочешь получить денег за эту работу, давай мне доказательство. У тебя их там за сорок! Давай, напугай Земное сообщество.

– Я не убиваю заложников, – отрезает Азамат. – И в договоре это было прописано, иначе я бы не согласился на это дело. Мы можем прислать им видео, но не труп.

– А как насчёт ушей? Или пальчиков? Нас не воспримут всерьёз!

– Соччо, я сказал: нет, – заключает Азамат спокойно.

– Значит, деньги тебе не нужны. И репутация не дорога?..

Что они говорили дальше, я не слышу, потому что крадусь к иллюминатору. Мне показалось, что там маячит какой-то корабль. И точно, вот он, красавец. Я увеличиваю изображение и вижу два скрещённых полумесяца – знак джингоши. Корабль, похожий на черепаху, бурый и грубовато сработанный, медленно вращается среди звёзд. Ну и что с нами теперь будет? По крайней мере, мударжцы нас не убьют. Но вот перспектива вернуться к цивилизации отдаляется...

На всякий случай решаю собрать вещи. Мало ли, ещё погонят сейчас куда-нибудь. Стягиваю со своего матраса наматрасник и сгребаю в него все лекарства из шкафчика заодно с портативным диагностическим сканером и прочими капельницами. Потом распахиваю разбросанные детские вещи по сумкам, которые им отдали днём. Джингошский корабль

в иллюминаторе как будто сменил конфигурацию, став круглее. За дверью слышится топот. Я тихонько стучу в неё, чтобы узнать у охранников, не надо ли будить детей. Никто не отвечает, и я дёргаю ручку. Оказывается открыто. Они нас даже не заперли? Супер!

Охранников нет. Отчётливо осознавая, что поступаю очень неправильно, я иду по коридору до угла. Никого. Господи, ну не бросят же они нас на произвол этим джингошам! Неужели не ясно, что те нас перережут?! Или Азамат просто хочет, чтобы на *его* репутации это не сказалось, а так ему на нас плевать?

Внезапно из-за угла выскакивает Алтонгирел. Понимая, что спалилась, я прямо спрашиваю:

– Что проис...

– Отвали! – следует краткий ответ, и он чешет дальше на хорошей скорости. Вот так вот. Пленница разгуливает, но всё так плохо, что ему не до этого. Чёрт, что же делать?!

Не придумав ничего лучше, я кидаюсь за ним. Может, у них ещё какие-то проблемы, и они про нас забыли? Очень уж страшно сидеть в неведении.

Топот ног впереди по коридору приводит меня в среднюю часть корабля между двумя выходами. Ворота плотно закрыты, а вот один из иллюминаторов в потолке аккуратно вырезан и к нему присосалась герметичная труба с лестницей, по которой, очевидно, можно попасть на муданжский корабль. Его яркое брюхо видно через соседние иллюминаторы: по-

добно гигантскому жуку он сидит на нашем звездолёте, обхватив длинными суставчатыми лапками нашу «гантелю» за перемычку посередине.

Муданжские корабли все похожи на насекомых, нам их в колледже показывали. Этот, по идее, должен вмещать до ста человек. Муданжцы группами больше, чем по пятнадцать-двадцать, не летают. Нас сорок семь детей и я. Ну ладно, допустим, у нас есть путь к отступлению. Дышать становится легче.

Я возвращаюсь в детскую без приключений. Пару раз через переборки было слышно какую-то невнятную ругань, но навстречу мне никто не попался. Гляжу в иллюминатор. Джингошский корабль продолжает трансформироваться. Теперь у него вырос блестящий хвост, которым он постепенно поворачивается к нам. Стоять, ребята. Это же ствол.

– ПАДЪЁО-О-О-ОМ! – я взрываю сиреной, не успев даже подумать, что делать дальше. Дети подскакивают, никому даже в голову не приходит попросить ещё пять минуточек. Я еле вспоминаю про свой мешок с лекарствами, отряжаю старших идти вперёд и слушать мою команду и гоню своё стадо на выход. Пульсация в висках успешно подавляется уговорами, что я – главная героиня этого весёлого боевика с хэппи-эндом, так что у меня всё будет отлично.

Мы проносимся до лестницы за считанные секунды, так все перепугались моих истошных воплей. У лестницы возникает затор, младших приходится передавать на руках, но

мы успеваем. Я влезая последней, и тут люк с издевательским шипением закрывается. Ноги у меня не подкашиваются только потому, что падать некуда – везде несчастные дети!

– Ребят, – я снова прибегаю к помощи моих старших. – Ищите открытые двери, загоняйте всех по каютам. Хоть по многу, но чтобы без пробок в коридоре.

Каюты, впрочем, все оказываются заперты, зато в одном из отнорков мои шустрые подростки находят некое подобие гостиной, куда мы всех и загоняем. Там тёплый, приглушённый свет и на удивление уютно.

– Ну вот и знакомая обстановка, – говорит кто-то из детей. – Тоже диваны и журнальные столики.

Что ж, по крайней мере, муданжцы не пренебрегают комфортом.

Тут нас подбрасывает, и в иллюминаторах становится неожиданно светло. Я чувствую в голове приятную ватную лёгкость и вспоминаю какие-то школьные стихи про малый сабантуй. В коридоре, по которому мы пришли, раздаются дикие вопли, что-то совершенно первобытно-звериное, потом всё стихает.

Я обнаруживаю, что лихорадочно прижимаю к груди свой мешок с таблетками, расслабляюсь, прохожусь по рядам, осматривая отдавленные ноги и прикушенные языки. Ничего неотложного, отделались лёгким испугом. Где бы тут у этих инопланетян чай заварить? А то опасность-то миновала, так я же сейчас разрыдаюсь, а это детям видеть бесполезно

– и так половина хнычет. И туалет бы найти не мешало...

Слева снова доносятся голоса и шаги, на сей раз вполне человечески. Все опять напрягаются, ожидая, что будет дальше.

А дальше драматический театр. Азамат и Алтонгирел входят в гостиную, не особо глядя по сторонам, и застывают как вкопанные. Я решаю не вставать, потому что не доверяю своим ногам, но встречаю изумлённый взгляд нашего капитана. Мне только мерещится эта романтическая бледность? И кто ж ему всё-таки рожу так раскроил?

Оправляется он довольно быстро:

– Это все?

Я киваю.

– Что ж, замечательно.

Он подходит и присаживается рядом со мной на диван.

– Простите.

Я изо всех сил стараюсь не выдать удивления. Если он считает нужным извиниться, я не буду его разубеждать! Но что, чёрт возьми, происходит?!

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Джингоши тоже были инопланетными наёмниками, но их принципом было «сила есть – ума не надо». Они брали количеством и агрессивностью, не особенно заморачиваясь со стратегией.

Два века назад джингошский император Микан захватил

Муданг, о чём на Земле как всегда ничего не знали. С тех пор и вплоть до недавних событий муданжцы были вынуждены скрепя сердце подчиняться корыстному и жестокому джингошскому наместнику Куре. На наёмников это, правда, не распространялось. Они – люди без родины.

Поэтому у Азамата не было особых причин беспрекословно подчиняться Соччо, капитану джингошского корабля, с которым они заключили договор. Дело в том, что муданжцы в совершенстве умеют прятаться в космосе. Их корабли невозможно заметить ни простым глазом, ни земными приборами до того самого момента, когда он внезапно обхватывает ваш корабль своими членистыми лапками и забирает себе контроль. Джингоши неспособны к таким хитростям, их огромные неповоротливые корабли обычно сильно освещены и заметны издали, зато совершенно неприступны для реальных и виртуальных атак. Поэтому муданжцы и джингоши часто проводят совместные операции, используя сильные стороны обеих команд с максимальной выгодой. Муданжцы тихо умыкают корабль, а джингоши на своём броневойном космическом танке летят выставлять требования.

Однако в тот день Соччо не собирался работать за деньги. Последние годы его стал раздражать авторитет Азамата среди других муданжских наёмников, которые обычно недолюбливают конкурентов, пусть даже и земляков. Выдвижение харизматичного лидера могло привести к центра-

лизации всего промысла, а это означало бы для Соччо гораздо менее привлекательные условия. Поэтому он решил подложить Азамату свинью – вынудить его убить нескольких заложников. Азамат славился чистыми руками – дескать, ему было доступно высокое искусство вести боевые действия без потерь с обеих сторон. Но на этот раз он просчитался. Он был уверен, что у Соччо нет возможности им управлять, оба корабля – муданжский и захваченный – надёжно защищены и скрыты от глаз. Однако Соччо хорошо спланировал это дело. Он где-то раздобыл исключительно одарённого хакера, который смог, хотя бы и всего на несколько минут, дистанционно захватить управление муданжского корабля.

Джингоишские корабли известны своей медлительностью. Чтобы выдвинуть ствол для обстрела, им может понадобиться от десяти до пятнадцати минут. За это время муданжцы успели бы вывести всех с захваченного корабля на свой и раствориться в ближайшей туманности, как они это прекрасно умеют. Но хакер Соччо захлопнул люк, ведущий на земной звездолёт, и заблокировал управление кораблём. И тогда Соччо успел взорвать добычу. Все, кто оставался на земном корабле, а именно: команда, персонал турфирмы и двое муданжцев, – конечно, погибли. И Соччо праздновал победу, глядя, как позорно улепётывает муданжский корабль, унося в брюхе сорок семь детей и одну паникёршу...

* * *

– ... Он смог перехватить дистанционное управление кораблём, поэтому когда мы поняли, что он собирается взорвать захваченный корабль, то элементарно не смогли открыть люк, чтобы забрать людей, – капитан разводит руками.

Ах, вот чего они так были.

– Кто-то из ваших людей...

– Да, двое.

– Мне очень жаль.

Он смотрит на меня с лёгким недоверием, но кивает.

– Мне тоже.

Все замолкают. Даже дети боятся шушукаться. Вообще зря он всё при детях рассказал, зачем их пугать... Хотя если б мне было двенадцать, я бы тоже очень хотела знать, что случилось.

Однако неожиданно оказаться невиновным в смерти сорока семи детей – это тоже малый сабантуй. Так что дорогой капитан мне кое-чем обязан.

Он задумывается о своём достаточно глубоко, чтобы я набралась наглости его разглядеть получше, хотя бы и в тусклом свете. Несмотря на жуткие шрамы, лицо у него приятное. Он действительно похож одновременно на индейца и монгола, при общем смуглом цвете кожи. Чёрные волосы заплетены в тугую косу толщиной в две моих руки и длиной в три. Огромные ладони обожжены так же, как и лицо, если не хуже. Это ж как надо было ухитриться...

Одет он неожиданно обычно: невнятно-тёмная водолазка, куртка из модной псевдокожи, такие же штаны. Ни кольца в носу, ни золотых цепей до пупа. Так и не скажешь, что варвар-наёмник.

– Что мы с ними будем делать? – спрашивает всеми забытый Алтонгирел, прерывая нашу с капитаном минуту молчания.

– Звонить на Землю и отдавать, – спокойно отвечает Азамат.

– За бесплатно? – уныло протягивает Алтонгирел.

– Они дадут нам вознаграждение, – заверяет его капитан, вставая. Похоже, ему не впервой чужих заложников возвращать. – Разгони их по каютам и накорми.

– И туалет покажите, – хмыкаю я.

Алтонгирел закатывает глаза.

– Пусть ими Гонд занимается, да и вообще они самостоятельные!

– Друг мой, при гостях невежливо говорить на языке, которого они не понимают, – доносится до нас голос капитана из коридора.

Глава 2

В которой все плохо себя ведут

Гондом оказывается стриженный охранник. Мы с ним довольно быстро раскидываем детей по каютам по половому признаку (раздельно) и возрастному (один к одному). Потом я им (и себе) впихиваю по горсточке успокоительного (в аптечках детских организаций всегда такие слабые препараты, что, пока две пластинки не съешь, не поможет), и скоро они все дрыхнут без задних ног.

Меня всё ещё живо интересует наша дальнейшая судьба, так что я спрашиваю у Гонда, не будет ли невыразимой наглостью с моей стороны разыскать капитана и спросить, о чём он договорился с Землёй.

Гонд слегка приподнимает брови.

– Вы можете поговорить об этом с Алтонгирелом.

– А с капитаном нельзя? – я стараюсь не очень настаивать, но Алтонгирел, по-моему, от меня устал ещё до моего появления.

Брови Гонда ползут ещё выше.

– Ну, если хотите, то можно и с капитаном...

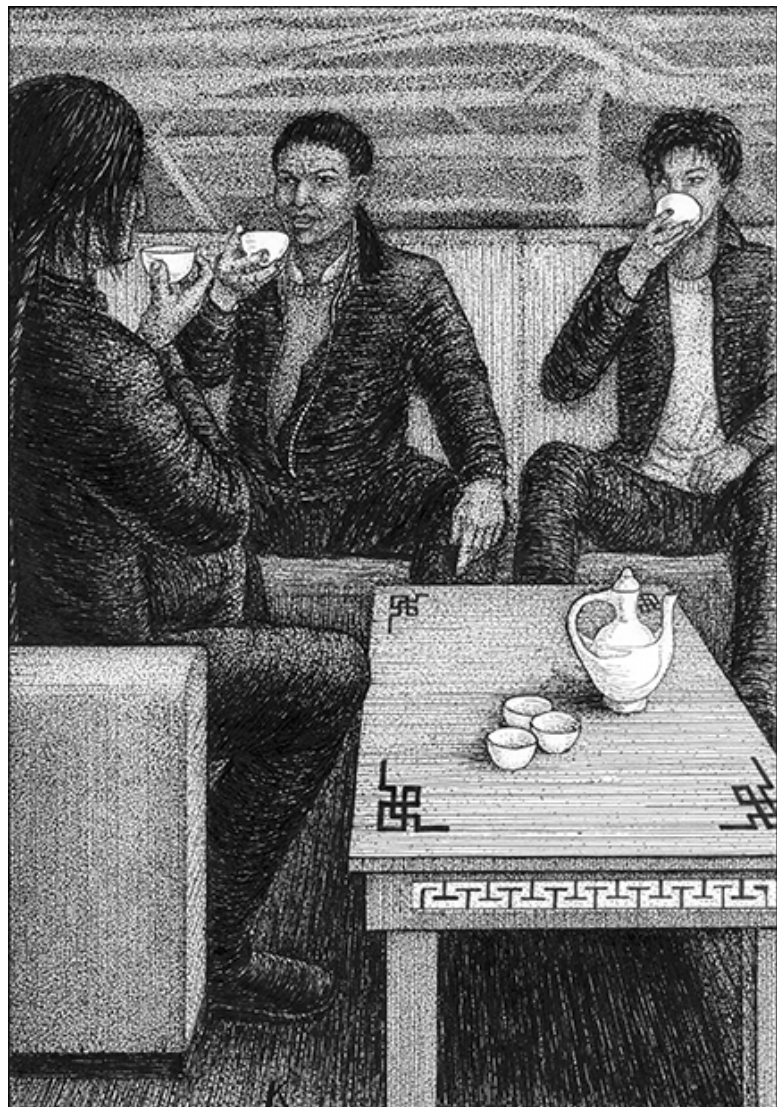
Так говорит, как будто я собралась пообниматься с особо злобной собакой.

– Вы мне не советуете к нему сейчас подходить?

– Да нет, почему, он будет рад.

Я пожимаю плечами. Видимо, я слишком устала, чтобы адекватно воспринимать действительность. К чёрту Алтон-гирела, ещё скажу ему что-нибудь неласковое случайно.

Капитан обнаруживается в той самой гостиной, где была наша временная база. С ним ещё двое полужнакомых мне мужчин. Они пьют какую-то бледную жижу из пластиковых пиал, расслабляясь после трудного дня. Ну или погибших поминают, кто их знает.

– Азамат-ахмад, – говорю я, стараясь проявить всю почти-тельность, на какую способна. Чего вы на меня так тарачитесь? Что я, за два дня не могла просечь, как к капитану обращаться надо?

– Я вас слушаю, юная леди, – отвечает он, и двое других начинают хихикать. Ну и что я не так сказала? Это обращение принято только между мужчинами, что ли? Вот вечно мне надо выпендриться... Ладно, плевать.

– Я хотела спросить, удалось ли вам связаться с Землёй. Ближайший ко мне муданжец, помоложе капитана и своего соратника, фыркает и зажимает себе рот.

– Спрашивайте, – благосклонно кивает мне капитан. Нет, я не покраснею, и не надеюсь.

– Удалось ли вам связаться с Землёй? – железобетонным голосом повторяю я. Ох уж мне эти мужские компании...

– Удалось, – отвечает он, поглядывая на меня со смешинкой в глазах. Правый уголок рта у него так сильно повреждён, что он как будто всё время ухмыляется. Жуть с ружьём. – Стыковка с земным кораблём будет послезавтра вечером, ориентировочно в восемь тридцать по Земле.

– Так скоро? – удивляюсь я. Мы же пять дней летели!

– Ну у вас пассажирский звездолёт, большой. А мы быстро бегаем, – он ставит свою пиалу на стол, берёт чистую и наливает в неё из такого же пластикового кувшина всё той же бледной жижи. Протягивает мне.

Нет, я, конечно, убедила себя не удивляться, что космические террористы со мной обращаются, как будто я их королева, но тут уже усталость сказывается – я совершенно неприлично вытаращиваюсь на капитана.

Он делает вид, что не заметил, и ставит пиалу на стол. Я подвигаю ближайшее кресло (кстати, при всей их галантности, присесть мне никто не предложил), сажусь и беру пиалу. Невежливо, наверное, от угощения отказываться, тем более если сам капитан наливает. Отхлёбываю. Оказывается какой-то травяной чай.

Только выпив половину, я осознаю, что это вполне может быть седативным или афродизиак (или два в одном, ага), и то, что я не опознаю его на вкус, ничего не доказывает – мало ли что у них на Муданге растёт. Вот дура. Это же надо так попасться. Да ещё и на корабле с дюжиной инопланетных мужиков. Нифига себе я доверчивая.

Повисшее молчание надо как-то прервать, но у меня в голове только два варианта: поблагодарить за угощение или спросить, что они мне туда подсыпали. Второе невежливо, так что выбираю первое.

– Спасибо.

Капитан моргает, как будто не понимает, к чему это относится. Краем глаза замечаю, что двое других переглядываются. Мне становится страшно.

– Что вы тут делали, так далеко от Земли? – внезапно спрашивает капитан.

– Э, ну, – голос не слушается, приходится кашлянуть. – Мы летели на курорт.

Как-то это жалко звучит. Несчастно даже.

– Курорт? Здесь? – перебивает молодой муданжец.

– На Кинине, что ли? – переспрашивает второй.

Киваю.

– Боюсь, что там теперь курорта не выйдет, – хмыкает Азамат. – По дальнюю сторону её орбиты отстроили новые Ворота, чтобы обходить Гарнет и не платить за транзит. Так что теперь тут будет оживлённо.

Ох ну ни фига себе. Почему же у нас об этом ничего не знали?!

Капитан, очевидно, замечает мою вытянувшуюся физиономию.

– Джингоши обычно всё выбалтывают в считанные дни, но, видимо, в этот раз им удалось помолчать подольше. Но мне всё равно придётся рассказать о Воротах, когда мы вас будем передавать на земной корабль, так что не волнуйтесь.

Лапочка ты мой, предупредительный. Я даже испугаться не успела.

– Идите спать, – говорит он мне как-то по-отечески. – А то сейчас заснёте тут, а моим ребятам много чести будет вас на руках носить, юная леди.

Ну ладно, всеобщий ему не родной, мог и ошибиться, кому это будет много чести. Но это обращение... Да ведь он же не знает, как меня зовут!

– Моё имя Лиза, – говорю, вставая.

Снова пялятся все трое. Ну а с именем-то что не так?!

– Азамат, – говорит капитан. Как будто я так не знаю.

– Тирбиш, – представляется молодой муданжец около меня.

А третий молчит. Ну ладно...

Я желаю всем спокойной ночи и иду прочь, слыша, как этот третий шипит Тирбишу по-муданжски:

– *Ты зачем назвался?!*

– *Моё имя, кому хочу, тому говорю! Капитан тоже назвался.*

– *У капитана выхода не было, она ему сама представилась.*

– *Ахамба, оставь его в покое, – это уже Азамат вклинивается. Ага, значит, Ахамба... – Как будто ты в молодости красивым девушкам имя не раздавал. Да и вряд ли она умеет...*

Чего я вряд ли умею, я не поняла. У них что, имя – как номер телефона, незнакомым не дают? Ужас какой. И что, я капитана вынудила представиться? Господи, да за что ж мне эти дикари? . .

Не знаю уж, как должен был подействовать этот их чай, но не подействовал никак. Завалилась я спать без задних ног, едва доплелась до своей каюты, и никакие неразрешённые загадки мне не помешали. Чтоб я дома так спала, честное

слово!

Утро начинается с приключений. Встаю, напяливаю какие-то шмотки, которые не глядя сгребла в мешок с лекарствами, выхожу в коридор, чтобы получить у кого-нибудь инструкции, в каком порядке тут завтрак. То есть я его готовить должна или у них какой-нибудь сухой паёк предусмотрен? Иду в гостиную (которая, конечно, должна называться кают-компанией, но я блондинка, мне можно). За один поворот дотуда мне попадается навстречу Алтонгирел. Замечает меня, подходит так вальяжно, опирается на стенку у меня над головой, зажав меня в угол.

Ну всё, думаю, кранты. Только бы целоваться не полез, остальное я стерплю. Уж очень рожа противная. Вроде ничего особенного, длинное такое лицо, нос с горбинкой, большие губы. Но выражение собственного превосходства над миром такое, что уж лучше шестьдесят девять.

– Иди, – говорит, – детей своих корми.

Смаргиваю.

– Чем?

– Там на кухне всё готово, а у нас есть дела поважнее, чем их из кают выгонять.

– Хорошо, – говорю, – а где кухня?

Закатывает глаза. Он это любит делать.

– Пошли, покажу, – говорит так, как будто уже в пятнадцатый раз показывает. Какие они разные, эти наёмники. Толь-

ко давайте это и правда будет кухня, а не его спальня...

Мои мольбы услышаны, это кухня, а точнее целая столовая. Меня представляют огромному печному горшку с горячим чем-то. Похоже на рагу, но поди ж его разбери. Пахнет вкусно.

– Дальше разберёшься? – снисходительно, как слабоумную, спрашивает меня Алтонгирел. Он мне очень не нравится. Но не всё же коту масленица, правда?

Киваю.

К счастью, почти все мои дети при вчерашней эвакуации успели похватать сумки, так что им нашлось, во что переодеться и даже чем почистить зубы. А я вот очень страдаю по утраченной расчёске, не говоря уже обо всяких пемзочках-мочалочках.

Детей не приходится приглашать на завтрак дважды, и тюрю из горшка, оказавшуюся и правда мясным рагу, они лопают с энтузиазмом. Кажется, среди них есть вегетарианцы, но я и в нормальных-то условиях им не очень потакаю, а уж тут кушают как миленькие. Правда, чьё это мясо, я не знаю.

Дальше мои дети чинно сгружают тарелки в посудомойку (ну не я же за всеми буду убирать, правда?) и отправляются обратно по каютам. Вернее, это я так думаю. До сих пор они так хорошо себя вели, что я прямо расслабилась.

Однако когда через четверть часа я покидаю столовую с намерением тихо посидеть повязать, то внезапно обнаружи-

ваю, что по кораблю носятся с топотом и визгом два десятка молокососов, а кто постарше пытаются пробраться на капитанский мостик поглазеть, как управляется настоящий наёмничий корабль. Гомон стоит дикий, и я в ужасе представляю себе, что мне сейчас скажет Алтонгирел (почему-то именно от него мне кажется наиболее вероятным получить взбучку).

Я кидаюсь собирать своих подопечных и ещё через полчаса более-менее сгоняю их всё в ту же гостиную. Но они по-прежнему буянят, стоят на голове, скачут по диванам и норовят разбежаться, стоит мне отвернуться. Расходиться по каютам они отказываются решительно. Ох уж мне это гуманное воспитание.

Ну я как чуяла, что без Алтонгирела не обойдётся! Вот он, красавец, стоит в дверях и с отвращением на всех нас смотрит. Может, этих мелких паразитов хоть его рожа проймёт?

Не проняла.

– Здравсьте! – радостно здороваются дети.

– А у вас куртка форменная? – с места в карьер спрашивает один мальчик.

– Продадите? – тут же подхватывает другой.

Я хватаюсь за голову.

– Приструни своих молокососов, – цедит Алтонгирел. Да я бы с удовольствием, цыпочка.

– Пытаюсь.

– Я сказал, не пытайся, а приструни!

Ах ты гад.

– Если б могла, давно бы уже так и сделала, – стараюсь сдерживаться. Всё-таки мы от них зависим.

Кажется, он осознаёт, что я бессильна (и это, конечно, роняет мой авторитет в его глазах ниже нуля), и решает попробовать свои силы.

– А ну быстро все по каютам!!!

Эти мелкие паразиты ржут. Я начинаю бояться. Только в открытый космос не вышвыривай, дядя.

– Ребят, – говорю, – это не смешно. Щас придёт капитан и выкинет всех нас за борт, и меня тоже. Тут вам не школа. Нам вообще большую милость оказывают, что домой везут.

Ну, человек десять старших слегка посерьёзнили. Но это даже не четверть. Остальные принялись шептаться. Я улавливаю реплики «настоящий капитан!», «а за бортом очень холодно?», «меня мама не пустит» и ещё что-то столь же разумное. Господи, да что же делать-то? Ну не умею я с детьми обращаться, когда их так много!

Алтонгирел кроит кривую рожу и выходит из гостиной. Я уже достаточно себя накрутила, чтобы подумать, что он и правда сейчас за нас доносить пойдёт. Кидаюсь за ним.

– Послушайте, ну они же не виноваты! Они маленькие, глупые, никогда не были в такой ситуации. У многих это вообще первый полёт без родителей!

– А почему меня это должно волновать? – бросает он через плечо. Кажется, я сейчас заплачу. Кстати, может, так и

сделать? На мужиков это иногда действует. Набираю в лёгкие побольше воздуха, преисполняюсь жалости к себе – и...

– Ну почему вы такой жесто-о-окий?! – хороший рёв вышел, ещё и от стен отрикошетило.

Он замирает и оборачивается, как будто привидение увидел. Что, я так страшна? Нет, я знаю, что у меня всё лицо краснеет, когда плачу, но чтобы так напугать...

Стоим, пялимся друг на друга в полутёмном коридоре, я озадаченно всхлипываю, он губами шевелит... И тут между нами распахивается дверь.

Оказывается, мы устроили всю эту пантомиму ровнёхонько у каюты капитана. И он, конечно, вышел посмотреть, что тут за шум. Ох, что сейчас будет...

Азамат первым видит обалдевшего Алтонгирела, потом меня с мокрой красной физиономией. Ну вот, и его тоже напугала. Поворачивается снова к моему обидчику, лица его я не вижу, но тот отступает на шаг.

– *Я ничего...* – начинает Алтонгирел, неровным голосом, глядя снизу вверх на возвышающегося над ним капитана. Этот человек умеет робеть?! – *Я только... Там эти дети очень шумят, я только попросил их... ну, по каютам... Я даже не сказал ничего!*

Азамат снова смотрит на меня, я спешно вытираю слёзы. Если Алтону из-за меня влетит, он же меня потом со свету сживёт!

– Я... просто... перенервничала, – мямлю. – Извините.

Кто ж их знал, что они такую трагедию устроят из-за меня? Они тут вообще женщин не видят, что ли? Или, может, на Муданге растёт какая-нибудь трава, облегчающая ПМС? Я тоже такую хочу!

– Оставь детей в покое, – говорит Азамат Алтонгирелу. На всеобщем, заметьте, вежливый ты мой.

В этот момент со стороны гостиной раздаётся жуткий грохот и визг. Успеваю заметить, как Алтонгирел, осмелев, иронично поднимает бровь. Мчусь на шум.

Ну конечно они уронили диван! К счастью, кажется, никто не пострадал. Врываюсь в гущу, начинаю отчитывать – как вдруг всё стихает.

Оборачиваюсь – в дверях стоит Азамат, во всей красе: два метра с гаком, чёрная блестящая псевдокожа, шрамы на поллица. Хмурится, обводя взглядом наше собрание. Дети, как бандерлоги, пялятся на него, затаив дыхание. Похоже, вчера слишком перепугались, чтобы заметить.

– Будьте поосторожнее, пожалуйста, – произносит капитан своим спокойным, раскатистым голосом.

– Да, сэр, – говорит кто-то из старших мальчиков и внезапно запускает цепную реакцию:

– Да, сэр! Да, сэр! – нестройным хором отзываются все остальные.

– Вам лучше разойтись по каютам и заняться тихими играми, – продолжает Азамат благосклонно-отеческим тоном.

– Да, сэр, – на этот раз почти в унисон.

Встают. И расходятся!

Впрочем, я и сама с трудом удерживаюсь, чтобы не разойтись вместе с ними. Вот это я понимаю – у человека сила убеждения! Впрочем, увязавшийся за нами следом Алтонгирел смотрит так, как будто мы все с ума посходили.

Когда последние детские шаги стихают в направлении кают, наш зазнайка всё-таки не удерживается.

– Ну ничего себе! Землянку они не слушают, меня они не слушают, а тебя – пожалуйста!

Азамат, кажется, и сам слегка озадачен. Пожимает плечами. Теперь уже я смотрю на них как на чокнутых.

– А что вас удивляет? – спрашиваю. – Он капитан. Высокий, э-э-э... внушительный. Конечно его слушаются!

И тут этот потрясающий человек, в смысле Алтонгирел, видимо, решает, что ему жизнь не мила в этом несправедливом мире, потому что говорит:

– Но он же урод!

Я замираю вследствие полного отключения мозга. Господи, что сейчас будет? И как мне реагировать? Возмущаться? Прячется?

Очень осторожно перевожу взгляд на Азамата. Он задумчиво смотрит в сторону.

– Возможно, – медленно произносит он, – у землян другие приоритеты.

– Ка-анечно! – фыркает Алтонгирел, а потом кивает на меня. Ой, нет, нет, пожалуйста, только не это, не спрашивай

меня...

– Вот скажи, по-твоему, он что, не урод? – всё-таки спросил, зараза. И что мне делать?!

Внезапно очень ясно осознаю, что, будь я Парисом, яблоко бы досталось Афине, потому что у неё ружьё. Ну то есть копьё. Неважно. Так, девочка, соберись. Тут надо отстраниться и ничего не отвечать.

– Боюсь, что не понимаю вашего юмора, – говорю с как можно более тупым выражением лица.

– Да нет, я серьёзно! – продолжает этот мучитель.

– Серьёзно не понимаю, – говорю я и порываюсь сделать ноги. К сожалению, он стоит как раз между мной и дверью. Хватает меня за локоть, зараза такая.

– А ну-ка отпусти, – быстро и мрачно говорит Азамат. Отпускает, извиняется.

Меня уговаривать не надо, выстреливаю по коридору, как взрывной волной отбросило.

Сажу за решёткой в темнице сырой. Ну ладно, сухой, то бишь в своей каюте. И решётку я тоже сама себе организовала – заперлась изнутри. Теперь бы пульт от двери не потерять, а то на ней самой, кажется, никаких кнопок нету.

Каюта у меня очень приятная: небольшая, но всё на месте. Кровать человеческая, а не эти гравитационные гамаки, которые на наших малых кораблях ставят на случай разгравитации. Столик для бука (нет-, комм-, джой- и какие они

там ещё бывают) с выдвижным креслом, сверху полочки – прямо нормальное рабочее место. Интересно, муданжцы тоже играют в наши сетевые РПГ-шки? И что они на этих полочках держат? Народную музыку в красивых коробочках? Летописи в электронном формате?

В другой стене встроенные шкафчики и – о чудо! – дверь в личный санузел. На земных кораблях эту роскошь себе позволяют только капитан да пара заместителей, ну или уж если у кого частный звездолёт. Вот это, я понимаю, люди ценят личное пространство. Да и вообще они же тут, наверное, месяцами живут безвылазно. Без комфорта никак.

Жаль, у меня ни нетбука, ни зубной щётки нет. Хотя погодите-ка, вот же в мешке одноразовые щётки. Ладно, одной проблемой меньше. Теперь бы ещё маме позвонить, а то же волнуется, наверное. Интересно, насколько хорошо наши скрывают взорванный корабль? Не узнать-то не могли. И ведь главное, скорее всего, про взрыв уже вся планета знает, а вот что кто-то спасся – только председатель Земного Союза. Сволочи. Могу себе представить, что там мама... И брат... Ох, нет, лучше не представлять. Пойти, что ли, попросить кого-нибудь письмо отправить? Так там Алтонгирел. Вот зараза, из-за него... Ну нет, я ему не позволю портить кровь моей родне. Вот сейчас же выйду и выклянчу связь.

Выхожу. Никого. Сюю нос в гостиную. Никого. На кухню.

О! Капитан! Вот и прекрасно.

– Здравсьте, – улыбаюсь, по возможности, очаровательно.

– Сегодня уже здоровались, – говорит он, но не вздорно.

Видимо, опять чёртовы культурные различия. Подхожу, сажусь напротив.

– Я хотела спросить... – начинаю и вижу, как ему опять становится смешно. Да что б тебя! – Ладно, хорошо, я спрашиваю. У меня дома все, скорее всего, считают, что я погибла. Можно мне как-нибудь им... письмо хотя бы отправить?

Смотрит на меня, как на попугая, который учится говорить.

– Вы, наверное, никогда раньше не общались ни с кем с Муданга?

– Наверное, нет.

– Вы не уверены?

– Ну мало ли... Вы не так уж отличаетесь от некоторых земных народов... – в голове всплывает светлый образ сетевых игр. – А в Сети обычно и лица не увидишь.

– Насчёт Сети – это верно. Но я думал, что земляне все, как вы.

– Да нет, что вы. Такие бледные, как я, вообще вымирающий вид. А так мы самые разные бываем. Разве что ростом в среднем пониже... – добавляю, в очередной раз прикидывая, сколько же в нашем капитане этого самого роста. Вот и кровать у меня в каюте, кстати, все два с половиной в длину. И стол мне высоковат...

Он немного смущается и утыкается в свой бук, который тут же и стоит на столе сбоку, а я и не заметила. Пощёлкал там чего-то и поворачивает ко мне.

– Пишите, звоните, что хотите.

Ой, я думала, он меня к кому-нибудь из подчинённых с этим пошлёт... Всё-таки странная у них субординация.

* * *

Привет, мам.

У нас тут небольшая нестыковочка вышла, но у меня всё ок. Похоже, буду дома раньше, чем собиралась. Новости не смотри, если посмотрела – забудь, там пургу гонят, чтобы деньги отмыть, как обычно.

Со связью у меня сейчас не очень, так что не удивляйся, если долго не буду писать.

Брату привет, погладь кота.

* * *

– Спасибо, – говорю, закрывая почту и поворачивая бук обратно к владельцу.

Он, пока я писала, встал и занялся чем-то в собственно кухонном углу столовой. Смотрю – несёт вчерашний пластиковый кувшин с пиалами.

– Не откажетесь?

Отказаться-то я не откажусь, но что-то мне это нравится всё меньше и меньше. Нет, ну серьёзно, с какой стати он меня обслуживает? То есть статья-то довольно очевидная, но удивительно, что он считает это нужным. Мог бы и просто

потребовать. Я же ни отбиться, ни убежать не могу... Если только ему доставляет удовольствие сам процесс?

– С-спасибо. А можно узнать, что это? – вот только по-пробуй мне сказать «узнайте»!

Он произносит какое-то страшное раскатистое слово, я пугаюсь, он улыбается.

– Извините, не знаю названия на всеобщем.

Лезет в бук, что-то там находит, поворачивает ко мне. Там – батюшки-светы, справочник по лекарственным растениям, на муданжском языке! Электронное издание... Кто бы мог подумать. На меня смотрит картинка: мелкая травка с колючими листочками, цветы-звёздочки. Как есть могильник!

– А, – говорю, – Пеганум. Хармала.

– Да, да, – говорит он. – *Гармарра*.

Ох ты ёлки, могла бы и узнать.

– Я думала, её курят.

– Только когда очень весело, – он так улыбается, что хоть сейчас косячок подавай. – Но у нас правило, в космосе – не пьём и не курим. А если её заварить, получается просто приятный напиток. Успокаивает, улучшает настроение.

Ах вот чего я так спала вчера хорошо.

– Спасибо... что вчера угостили.

Смотрит на меня опять как-то странно. Сколько я его благодарю, ещё ни разу «пожалуйста» не сказал. Это у них тоже не принято? Сейчас будет тебе той же монетой:

– Вы, наверное, нечасто с землянами общаетесь? – спра-

шиваю невинно.

– Так близко впервые, – ни капли не смутился. – Переговоры ведём, конечно. Но это очень интересный опыт.

М-да, взаимно.

– Ну так вы будете? – кивает на пиалу.

– Боюсь заснуть...

– Ах, да, я не подумал... Нужно вам, наверное, пожиже развести...

Да ёлкин дрын! Кто из нас тут капитан космических пиратов, а кто запуганная девица?! И ведь не скажешь ничего, ещё не так поймёт – и мне кранты.

– Да вы не беспокойтесь, я как-нибудь... и так... Я ведь только зашла насчёт письма, так неудобно вас отвлекать... – мямлю в лучших традициях визита в бухгалтерию.

Качает головой, глядя сквозь меня куда-то вдаль. Глаза у него – узкие длинные щёлочки, а веки такие огромные... Вокруг правого глаза всё обожжено, удивительно, как сам глаз не задело. Интересно, сколько ему лет? У левого глаза сбorkу морщинки, но седых волос совсем нет. Хотя кто их знает, когда они там седеют, эти инопланетяне. Зубы на вид все свои, а если у них зубные врачи такие же, как тот, что ему ожоги залечивал, то очень много лет капитану быть не может. Шрамы на шее тоже есть, а дальше высокий воротник. С учётом того, на что похожи ладони, там и под одеждой ничего себе должно быть. Как же это, наверное, было больно – подумать страшно.

– Не переживайте, – вздыхает. – Я с удовольствием трачу на вас время. Люблю узнавать новое. Лучше расскажите, что вы обычно пьёте.

– Чай... – пожимаю плечами. – Ну это если безалкогольное.

– Чай... – повторяет. – Но ещё рано, его вечером... Или вы днём?

– Да я-то хоть круглые сутки, – хихикаю.

– Легко, – опять я его с места согнала, пошёл, похоже, чай добывать. Достает немаленький холщёвый мешок. – Вот, – говорит, – заваривайте.

Заварочного чайника, конечно, не нашлось. Хорошо хоть кружку какую-то отыскала с ситечком сверху. Листья они сушат, похоже, целиком. И никаких добавок. Получилась жидкость почти шоколадного цвета, разве что прозрачная слегка, но на вкус нормально. Беру пиалу побольше – чашек-то тут совсем нет, иду к столу. Капитан там уже опять в буке ковыряется. Смотрит на меня, как на дрессированную собачку.

– Вам посуда подходит?

– Ну я бы предпочла, чтобы она была с ручкой, а так вполне.

И тут он принимается хохотать. Да как вступило! Громко, гулко, как автоматная очередь. Голову запрокинул – господи, а на шее-то шрамы... Как он только выжил вообще?!

Развеселить Азамата было не лучшей идеей – на этот грохот, который у него канал за смех, явился Алтонгирел. Я ста-

раюсь слиться со стулом, естественно, тщетно.

– Развлекаешься? – спрашивает он как-то нехорошо.

Азамат вытирает ладонью левый глаз. Ой, как мне хочется отсюда уйти немедленно и не вникать в их разборки...

– Тебя что-то не устраивает? – спрашивает капитан, всё ещё весело.

– Да так, знаешь, боюсь, как бы ты не слишком жестоко разочаровался потом, – цедит Алтонгирел. Когда Азамат сидит, Алтоша выглядит почти представительно. Оборачивается ко мне, опираясь на спинку моего стула:

– А вам тут ещё не скучно, *юная леди*? – что он хочет подчеркнуть? Что юная? Или что леди? Нет, тут явно какие-то свои интриги, которых я не понимаю и понимать не хочу. Выгибаю спину, чтобы быть от него подальше.

– Напротив. Мы вели чрезвычайно познавательную беседу о напитках.

– Уверен, вы получили от этого массу удовольствия, – шипит практически мне в ухо. Отклоняюсь в сторону так, что это уже неприлично. Ну почему Азамат ничего не сделает?!

– Совершенно верно, – огрызаюсь.

– И почему я вам не верю? – он уже меня почти касается. Приходится всё-таки встать и обойти стол.

– Понятия не имею.

Сейчас ведь расплещет мой чай, урод.

К счастью, он переключается на Азамата – и заодно на мунданжский.

– *Очень тебе советую это прекратить.*

Капитан, изменив своей вежливости, тоже переходит на родной язык:

– *Я не уверен, что это входит в сферу твоей компетенции.*

Хорошо, что у них тоже много умных слов заимствовано из всеобщего, а то хрен бы я что поняла.

– *Зато я уверен. Над тобой мало смеются? Хочешь брызнуть бензином в костёр?*

А, ну да, поняла. Ещё бы знать, о чём он...

– *Я думаю, что большие уже некуда.*

– *Тебе рано себя хоронить.*

– *И поэтому ты считаешь, что мне надо сидеть под замком.*

Да о чём они?! Или я не хочу этого знать...

– *Азамат, я тебя предупредил, что будет больно.*

– *Мне не привыкать.*

На этой оптимистической ноте Алтонгирел вздыхает и выходит из кухни строевым шагом, шарахнув дверью.

Я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи и зажмуриваюсь.

– Простите, – говорит Азамат. Да уж, правильно извиняешься. Только почему ты его сразу не выставил?

– Я думала, он ваш подчинённый, – не выдерживаю.

– Не совсем, – откидывается на спинку стула, вздыхает. – У нас с ним некоторое разделение ролей. У меня, как бы это сказать... светская власть, а у него духовная.

Таращусь.

Вот уж такого – на звездолёте! – я точно не ожидала.

– Знаю, что это странно, – ухмыляется он. – Но у нас так заведено. Наёмники иногда годами не бывают на планете, а со Старейшинами по нетбуку не поговоришь, нарушится таинство поучения. В то же время, у некоторых Старейшин есть ученики, которые после пятнадцати лет послушничества обязаны провести хотя бы десять лет в удалении от наставника, научиться принимать собственные решения. Вот они-то и летают с наёмниками. Алтонгирел здесь уже пять лет, но я его знаю с детства.

– А, э-э... вы не ладите?

– Обычно ладим, просто он несколько... близко к сердцу принимает некоторые вещи.

Ага. И называет тебя уродом.

– Но вообще-то он хороший друг, – заключает наш удивительный капитан.

Пора мне делать ноги из этого дурдома.

Извиняюсь, забираю свой подостывший чай, иду к себе. Где моё вязанье?. . Там как раз самое время начинать узорчик вывязывать, для этого какая-никакая, а концентрация нужна, голову займу хоть, чтобы не ломать её о подслушанные реплики на неблагозвучном муданжском... Может, я на самом деле всё совсем неправильно поняла. Я ведь даже до этой истории никогда живого муданжца не слышала, а только нашего препода...

Пиала вылетает из рук и *разбивается о стену*, хоть и пластиковая. О н-нет, как я могла его не заметить?!

Мощная рука Алтонгирела впечатывает меня в стенку, глаза его сверкают, из ноздрей дым, рожа красная, клыки торчат... Не знаю, что уж там правда, а что мне с перепугу мерещится...

– Держись подальше от Азамата! – рычит он так, что я еле разбираю слова. Его пальцы сжимают моё плечо в опасной близости от горла, да с такой силой, что вот-вот ключица хрустнет. А кроме меня самой тут врача нету... Как же так, духовник есть, а врача нету...

– Слышишь меня?! – шарахает меня затылком об стену. Хорошо, что я не пластиковая.

Слышать-то слышу, но у меня в ушах шумит, в глазах рябит, в горле вантуз застрял... Пытаюсь кивнуть, но он не понимает. Навис надо мной, маленькой, как вопросительный знак, вот-вот точкой под дых заедет. В панике толкаю его в грудь, но с тем же успехом можно было попытаться пройти сквозь стену: он сильнее меня раз в двести, наверное.

– Я тебе побрыкаюсь, – заносит руку... Я начинаю визжать. Не длинно, как заклинивший дверной звонок, а короткими пронзительными взвизгами, точка-тире, хотя всё больше точка-точка-точка...

Глава 3

В которой никто не пострадал

Что-то происходит, и мне позволено упасть на пол. Пожалуй, я за эти дни превысила месячную квоту по падениям. Так, дышим глубоко. Не хватало мне ещё в ответственный момент панического приступа. Кажется, меня уже никто не убивает. Ещё пара глубоких вдохов, и можно попробовать воспринять окружающий мир.

Мир тих, хотя в ушах по-прежнему шумит. Поднимаю голову – и вижу длинную косу. Капитан здесь. Странно, только что ведь был на кухне. Хочется дёрнуть за косичку, но пока что могу сдержаться. Хорошо, что я не стала пить могильник. Сажусь на колени. Затылок саднит, щупаю – череп цел, а это главное. Бедная моя голова, что ни день, то шишка.

Капитан поворачивается ко мне, и за его плечом я вижу Алтонгирела, белого как полотно. Огромные чёрные глаза – на меня, руки не знает куда деть. Наконец-то гул в моих ушах стихает, и я начинаю осознавать, что случилось. Похоже, орала я громко, на совесть, и моя глотка теперь очень мной недовольна. Азамат приседает около меня, смотрит с тревогой. Ты ещё пальцем потыкай. Живая я, живая...

– Вы как?

Очень не хочется говорить. Руки дрожат. Ноги, навер-

ное, тоже. Осторожно киваю, тру лицо, как будто только что проснулась. Понервничай-понервничай. В следующий раз надаёшь физдюлей своему духовнику до того, как он сделает из меня отбивную. Внезапно очень хочется к маме. А ещё лучше – к Кириллу, но его больше нет, и никто меня сильными руками не обнимет, и щетиной не пощекочет. Стой-стой-стой! Я не хочу сейчас плакать! Они и так уже достаточно насмотрелись, какая я слабая и беззащитная. Капитан того и гляди примется меня по голове гладить. Достаточно ли я несчастна, чтобы этого хотеть? Пожалуй, нет. Тем более что у него из внутреннего кармана растёгнутой куртки торчит что-то огнестрельное, а я боюсь вооружённых мужиков.

– Встать можете? – спрашивает.

– Щас попробую, – говорю, ожидая, что он мне руку предложит. Не предлагает, гад. Ладно, может, растерялся. Пытаюсь опереться на его предплечье, но он вдруг отстраняется. Пока я пытаюсь врубиться, он поворачивается к Алтонгирелу:

– Иди помоги.

– НЕТ!! – очень быстро выкрикиваю я. Бедная моя глотка, у твоей хозяйки реакция намного опережает разумную мысль. Духовник застывает, занеся ногу для шага, неуверенно смотрит на Азамата.

– Не волнуйтесь, – говорит мне этот потрясающий человек. – Он не причинит вам вреда, я обещаю.

Тебя при рождении сколько раз головой уронили? Ой, не

надо о голове...

– Уберите его от меня, – говорю тихо и хрипло, но, как мне кажется, убедительно. Пытаюсь подвинуться так, чтобы капитан оказался ровно между мной и этим чудищем поганым.

– Лиза, не психуйте, – строго говорит мне капитан. – Кто-то же должен помочь вам дойти до каюты. Алтонгирел, давай уже иди сюда, не тяни время.

Поняв, что помощи мне ждать неоткуда, беру своё спасение в свои руки. В роли спасения предстаёт та самая пушка из кармана Азамата.

– Ещё шаг, и останешься без печени! – хриплю как можно грознее. Стрелять нас учили, у меня даже неплохо получалось. С такого расстояния если и не печень, то какой-нибудь важный орган задену. Руки, правда, дрожат...

Мужики ахают и отступают. Азамата я совсем не понимаю, он же сбоку сидел, мог прекрасно отобрать у меня свою пушку, держу пари на что угодно, что у него реакция лучше, чем у меня.

– Лиза, послушайте, – начинает резонить капитан. – Давайте не будем всё усложнять. Алтонгирел не собирался причинять вам боль.

– Ага, только придушить и об стенку постучать! – от адреналина язык заплетается, не знаю, насколько они вообще понимают, что я говорю. Где мой полированный университетский выговор...

– Я только припугнуть тебя хотел! – находит наконец голос Алтонгирел.

– Тебе удалось! – ору громче, чем думала, что могу.

– Я не знал, что земляне такие хрупкие!

– Заткнись, урод! Вали отсюда и не прикасайся ко мне никогда!!!

Надеюсь, он не замечает, что у меня предохранитель не снят, потому что пальцы совсем не слушаются... Судя по тому, как у него лицо пятнами идёт, ему не до предохранителя.

– Прикормил стерву, теперь сам с ней и разбирайся! – выкрикивает он капитану и стремительно уносится прочь. Мои руки сами собой опускаются, меня бьёт крупная дрожь.

Капитан снова присаживается около меня.

– Отдайте мне пистолет, Лиза, он всё равно не заряжен.

Кошусь на него недоверчиво. Поворачиваю пушку кверху пузом – и правда, индикатор заряда даже не светится. Тьфу ты. Кладу бесполезный предмет на пол рядом, капитан суёт его обратно в куртку.

– Чего ж сразу не отобрали? – бормочу, прислонившись виском к холодной стене. Я уже себе представляю, какое у меня будет несварение желудка после всего этого стресса.

– Алтонгирел мне нужен, а он обидчив. Я предпочитаю не наказывать его самостоятельно. Тем более что от вас ему обиднее слушать оскорбления, чем от меня.

Не знаю, чем я его там оскорбила... Лишь бы не приближался.

– Помогите мне встать, – говорю устало. Обойдётся без реверансов после такой нервотрёпки. Он ещё чего-то колеблется. Что, думаешь, укушу?

Подставляет руку, но не ладонь. Цепляюсь за что есть, встаю, повисаю. Ноги дрожат так, что, по-моему, вибрация переходит на стены. До него наконец-то доходит, что меня надо придержать. Не знают они, дескать, что земляне такие хрупкие. Каз-злы.

Азамат практически доносит меня до каюты, и вид у него такой виноватый, что мне даже становится его жалко. Как он ухитряется быть хорошим капитаном, если так неуверен в себе?

Сворачиваюсь клубочком на кровати. Кто бы знал, как мне надоела эта короткая юбка. Только и следи, чтобы вы-

глядеть прилично. Хорошо хоть туфли на мне удобные были, танкетки, не каблуки. Но на кроссовки готова хоть прямо сейчас поменять. А так приходится разуться, чтобы дать ногам отдохнуть. Капитан уходит, ещё раз извинившись, и дверь за ним защёлкивается.

Я довольно быстро перестаю изображать из себя несчастную жертву обстоятельств. Всё-таки обошлось без травм – так, синяк на ключице да шишка на затылке. Вот напугалась я конкретно. С этим и надо бороться.

Встаю, раскапываю свой мешок: тэк-с, этого таблетку внутрь от нервов, этого пять капель в нос для соображаловки, а этим шишку помазать. Красота. Какая же я всё-таки умная! Про удачливость я в данной ситуации, пожалуй, промолчу.

Стук в дверь. Кого это принесло? Добивать пришёл? Спрашивать бессмысленно, закрытая каюта на звездолёте всегда звуконепроницаема. Осматриваю пульт, кнопки подписаны по-муданжски. Ладно, в случае чего скажу, нажимала наугад. Будем надеяться, «окно» – это то, что мне нужно.

И правда, дверь становится прозрачной. Не исчезает совсем, к счастью, а то бы меня точно кондратий хватил, а так – мутненько, но видно. Там капитан. Стоит, переминается, в руках что-то держит, не разберу. Один вроде. Ладно, не могу же я капитана не пустить... У него, наверное, всё равно пульт от всех дверей есть. Открываю.

– Простите за вторжение, – начинает он. Поклонись ещё

поясно. – Подумал, может быть, поможет успокоиться.

Ставит на стол пиалу с дымящимся чаем. Скажите, что мне этот бред снится, а? Потому что иначе я пошла искать чемпионат по неадекватному поведению, я знаю, кто его играет.

Нет, правда же на сон похоже? Особенно такой... в изменённом состоянии сознания... Вот и повторяющийся мотив, и всем, кроме меня, происходящее кажется естественным. Но самое ужасное, что я не могу просто проигнорировать Азамата, как надоедливого ухажёра в чате. Надо как-то реагировать.

– Ой, да не надо было, – всплёскиваю руками, хоть и с задержкой. – Мне прямо неловко, прислали бы кого-нибудь, на худой конец...

– Да, наверное, так и надо было сделать, – неожиданно соглашается он, глядя в сторону. Да он обиделся! О господи, что же это за кошмар такой?!

– Я... то есть... в смысле... – что можно сказать капитану, чёрт возьми, пиратского корабля, чтобы он перестал на меня обижаться?! Что он, решил, что я его видеть не хочу?

– Ничего-ничего, – говорит, поворачиваясь к двери. – Я вас больше не побеспокою.

Приходится всё-таки вскакивать и догонять его босиком, а я так не люблю в общественных местах без тапочек... Хватаю его за руку, мелодраматичненько так, но ничего лучшего в голову не приходит. Впрочем, действует хорошо, останав-

ливається, як будто я на паузу нажала.

– Подождите, – говорю. А чего ещё сказать, не знаю. Он послушно ждёт, смотрит на свою руку, как будто впервые видит. Если я когда-нибудь в старости буду преподавать в космическом колледже, я там организую спецкурс о повадках инопланетян, потому что знания языка тут явно недостаточно. Я ведь только догадываться могу, на что он обиделся. А если не на это? Я, кстати, до сих пор не знаю, что его так развеселило в столовой. Но, похоже, выбора у меня нет. Была – не была и прочие пропавшие паны.

– Я вас не прогоняю, просто мне страшно неудобно отнимать у вас столько времени. Вы так обо мне заботитесь, как будто я какая-то особенная, а я самая обычная, и мне очень неловко.

Надеюсь, *это* он не воспримет как «отстань, без тебя справлюсь»?

Улыбается, шевелит бровями. Фух, пронесло...

– Вы ведь с Земли, – говорит. Тонко подмечено, однако...

– Ну да, – моргаю.

– Ну и какая же вы «самая обычная»?

А, то есть я – редкий экспонат в коллекцию, так что ли? Меня надо держать в удобном вольере и кормить предпочитаемой пищей?. . А чего это я так разозлилась внезапно? Пускай царь диковинкой потешится, лишь бы вернул на место в целости.

Однако часть моего возмущения, видимо, всё-таки отра-

жается на лице, и капитан замечает. Тянет руку, чтобы я отпустила. Теперь поверх прочего мне ещё и стыдно.

– У вас на корабле, – говорю, – кроме меня ещё сорок семь человек землян.

– Они меня боятся.

– Я тоже.

Ой, зря я это сказала, сейчас опять обидится! Быстро, быстро всё исправить!

– Правда, Алтонгирела я боюсь гораздо больше, – выдаю с нервным смешком.

Так, кажется, на этом канате я научилась балансировать. Он снова улыбается. Вернусь на Землю – попробую себя на поприще дрессировки диких зверей.

– Не стоит, он теперь к вам на пять метров не подойдёт.

– Или просто подстроит несчастный случай.

Азамат так широко открывает глаза, как ему только позволяет природная узкоглазость.

– Вы же не можете всерьёз предполагать, что он хотел вас убить? – спрашивает он меня в благоговейном ужасе.

– Мне жаль вас разочаровывать, – говорю, – но я в этом твёрдо уверена.

Этот непредсказуемый человек покатывается со смеху.

– Извините, Лиза, – говорит он. – Но это совершенно невозможно. Я сам виноват, надо было вам сразу всё объяснить. Ни один муданжец не причинит вреда землянину нарочно. Это абсолютное табу. Алтонгирел вёл себя как пол-

ный идиот, но он действительно просто не рассчитал силу.

– А как вы тогда воюете? Чтобы без травм? – интересуюсь. Это что, новый шаг в буддизме?

– А мы с Землёй и не воюем. И земных заложников вот впервые осмелились взять, – хмурится. – Мне слава в голову ударила. До сих пор у меня ещё ни один заложник не пострадал, вот я и соблазнился. Мне очень жаль, что вам пришлось так переживать, но на этом корабле вас никто не тронет. По хорошему, мы вообще не имеем права к вам прикасаться и даже знать ваше имя. Я почему-то был уверен, что вы это понимаете. Земляне для нас – те же боги.

Меня снесло лавиной новой информации ещё где-то на середине его монолога, и теперь я пытаюсь осмыслить сказанное. Так вот почему он мне руки не подал.

– А тогда зачем вы пытались, – осмысление начинает потихоньку порождать вопросы, – заставить Алтонгирела довести меня до каюты? Он ведь тоже не должен меня трогать?

– Не должен, но он духовник, и он красивый, так что из нас двоих для него нарушение этого запрета – меньшее зло.

Ну я и попала. Нет, это всё, конечно, прекрасно, но... Ой, я же его за руку взяла!

– А мне-то можно вас трогать? – спрашиваю в лёгкой панике. Ещё не хватало, чтобы я ему какой-нибудь запрет нарушила.

Удивлённая улыбка – это, видимо, выражение его лица по умолчанию.

– Можно, конечно, хотя меня несколько озадачивает, что у вас возникает такое желание, – хмыкает капитан. Он всё-таки вогнал меня в краску. Ну ладно, хоть с третьего раза, вот, знайте, что я сопротивлялась.

Ой, а ведь он же меня сюда волок...

– А это ничего, что... – начинаю я, но он, похоже, уже просёк ход мыслей моей паранойи.

– Если вас это устраивает, то всё в порядке.

Облегчённо вздыхаю. Меня так и будет сегодня швырять из паники в облегчение и обратно? Где там мой чай? Если уж капитан сам принёс, грех не пить. Да и вообще, мы уже минут пять, как идиоты, стоим около двери.

– Может быть, присядем и обсудим всё спокойно? – предлагаю, немедленно подавая пример. Он, склонив голову, наблюдает, как я на цыпочках гарцую обратно к кровати – полы тут вроде чистые, но не люблю я босиком ходить. Он как-то выкручивает компьютерный стул лицом ко мне и садится, откинувшись на спинку. Ему этот стул маловат, правда. Капитан у нас всё-таки очень крупный дядя – не только ростом, но и в прочих измерениях.

Впиваюсь в чай, отчего Азамат несколько приободряется. Думал, вылью, что ли? Нет, как ему всё-таки удаётся людьми управлять, с такой-то самооценкой? Надо с ним быть пожевлее, если уж я для него такая важная персона. Может, комплексов ему поубавлю.

– Азамат-ахмад, – начинаю вроде как вежливо, запоздало

вспоминая, какая на это была реакция последний раз. Ну и он, конечно, хохочет.

– Не называйте меня так, – отмахивается.

– Ну почему? – спрашиваю несчастным голосом.

Отворачивается, бормочет что-то на муданжском. Похоже, я его всё-таки дожала до того порога, где кончается его знание всеобщего.

– Это я вас должен титулами называть, а не вы меня, – объясняет наконец. Ага, ну хотя бы я не сказала ничего неправильного.

– У меня никаких титулов нету, – говорю, – и я лечу на вашем корабле. Не могу же я вас просто по имени называть!

Смотрит на меня долгим изучающим взглядом, а потом вдруг выдаёт:

– Вы, очевидно, не понимаете, насколько вы красивы.

Да что у него за пунктик с этой красотой? Я не жалуясь, конечно, но как-то до сих пор за мной не водилось устилать улицы обморочными юношами. Хотя, если он Алтонгирела красавцем считает, то на его фоне я, конечно, суперзвезда.

– У нас могут быть разные критерии оценки красоты, – говорю с умным видом.

– Да, – кивает, – да, это возможно. Мы тут привыкли думать, что все земляне прекрасны, но у вас ведь наверняка есть какая-то внутренняя градация.

А, ну то есть дело не во мне. Это просто стереотип. Мы, значит, боги и должны быть красивыми, как бы оно там ни

было на самом деле. Ладно, с этим разобрались. Отхлёбываю ещё чаю. Жизнь почти налаживается.

– Ладно, – говорю. – Теперь насчёт Алтонгирела. Допустим, я вам поверила насчёт табу и прочего...

Хмурится.

– Ну вы же понимаете, что у меня единственная причина вам верить – это ваше личное обаяние...

Совсем сник. Блин!

– Которое, безусловно, зашкаливает, поэтому будем считать, что я вам всё-таки верю.

Перевожу дух. Может, он просто хорошо владеет искусством эмоционального шантажа? Изображает тут из себя затюканного, чтобы я легче ему навстречу пошла? Но мне это никак не проверить, так что лучше уж буду играть по его правилам.

– Так вот. Запрет там или как, но поверить, что он не попытается меня ещё раз «припугнуть», я не могу. Поэтому мне неизмеримо приятнее от вас помощь принять, чем от него.

О-о-о, кажется, я наконец-то сказала то, что надо. Мой капитан просто расцветает на глазах. Ура, могу себе поаплодировать. Ему вообще идёт улыбка, насколько это, конечно, можно сказать про человека с такими шрамами. Но он, когда улыбается, становится какой-то свой. Как будто я его уже сто лет знаю. Но я ведь не могла его раньше встречать, правда? Такое лицо не забудешь.

– Спасибо за доверие, – он начинает выбираться из кресла, когда я вспоминаю, что у меня есть ещё один вопрос.

– А чего вообще от меня хотел Алтонгирел? Похоже было на сцену ревности, но как-то...

– Ревности? – осторожно повторяет Азамат явно незнакомое слово. Э. Ну по-муданжски я его тоже не знаю... А и знала бы – не подсказала. И потом, если у них слова «любовь» нету, то, наверно, и с ревностью туго. Хотя поведение дорогого духовника свидетельствует об обратном.

– Неважно. Так чего он хотел?

– Он считает, что мне с моим уродством не пристало с вами общаться больше, чем необходимо. А поскольку я его доводам не внял, то он взялся за вас.

Ну допустим, в какой-то части это можно притянуть за уши к тому, о чём они говорили в кухне. Хотя это явно не всё. Но мне вообще радоваться надо, что хоть что-то объяснили.

– А у вас... степень приближенности к богам красотой измеряется?

Кажется, не обиделся... Так, хорошо, хмыкает, думает...

– Пожалуй, можно и так сказать.

Всё-таки ужасные дикари. Но я свой устав поберегу для какого-нибудь более безопасного монастыря. Правда, очень уж хочется Азамата как-нибудь подбодрить. Ему, наверно, очень тяжело с таким лицом, если у них красота так важна.

– Как интересно, – говорю с напускной живостью. – А у

нас оценивают по способностям, по достижениям... Мне вообще всё равно, кто как выглядит, лишь бы хороший человек был.

Кривит губы, смотрит в сторону.

– Спасибо на добром слове, – встаёт. – Через час обед будет. Вы справитесь с детьми?

Киваю, и он уходит.

Не поверил. Блин!

Глава 4

В которой не удаётся трогательное расставание

Когда я пригоняю своих притихших подопечных на обед, оказывается, что вся команда тоже там. К такому повороту дел я несколько не готова, но успеваю сориентироваться: рассаживаю детей за свободными столами. Их, к счастью, хватает. Дети шушукаются, поглядывая на наёмников. Те ведут себя примерно так же, косятся на нас, переговариваются на муданжском. Преимущество у них, впрочем, невелико: среди нас разве что у шести человек всеобщий – единственный родной язык, а остальные – такие же билингвы, как я. Так что мы тоже можем на непонятной муданжцам фене ботать, хоть и не все со всеми.

Поначалу сидим тихо, носы в тарелки, мы в своём углу, наёмники – в своём. Нам всем выдано по маленькой пиале с очередным травяным чаем, правда, на сей раз не из могильника. То ли побоялись, что мы все заснём, то ли хармалу они пьют исключительно в минуты волнения. Дети от зеленоватого настоя, естественно, воротят носы. Муданжцы хмурятся.

К счастью, тут входит тот парень, который мне представился... Тирбиш. С огромным чаном пирожков. Смутно

вспоминаю, что у них какое-то очень шуршащее название. То ли шурх, то ли фырк... Хшур, во! Насколько я помню, их прожаривают как следует, то есть глистов быть не должно... Ладно, выпендриваться всё равно не время, на Земле всех вылечат.

Надо сказать, пирожки удались. То ли мы все оголодали с перепугу, но треск за ушами стоит такой, что разговоров за ним уже не слышно. Спросить, что ли, рецепт... А тут ещё и бульончик подают, ну прямо вообще жизнь прекрасна. Правда, несолёный он совсем, ну да это на столе. Муданжцы с интересом наблюдают, как мы передаём друг другу солонку. Я между пирожками обхожу столы и убеждаю мелких не вытаскивать из бульона зелень двумя пальцами, демонстративно, с отвращением на лице – ещё не хватало обидеть повара.

Вкусная еда, как это обычно бывает, способствует общению. Краем уха слышу, как мои детки, сидящие близко к наёмникам, начинают приставать с вопросами.

– А какое это мясо?

– Кто готовил?

– А это вся команда?

– А зачем такой большой корабль?

Последний вопрос меня и саму интересует, честно говоря. На него, правда, никто не спешит отвечать. Треплется, кстати, в основном всё тот же Тирбиш. Видимо, самый общительный в команде.

– Да я готовил, я. Мы только вдвоём и готовим – либо я, либо вот он, – тыкает пальцем в сидящего чуть наискосок от него молодого парня. Это типа юнги у них, что ли?

– А как вас зовут? – спрашивает ангелоподобная девочка с жутким акцентом. То ли немка, то ли из братьев-славян.

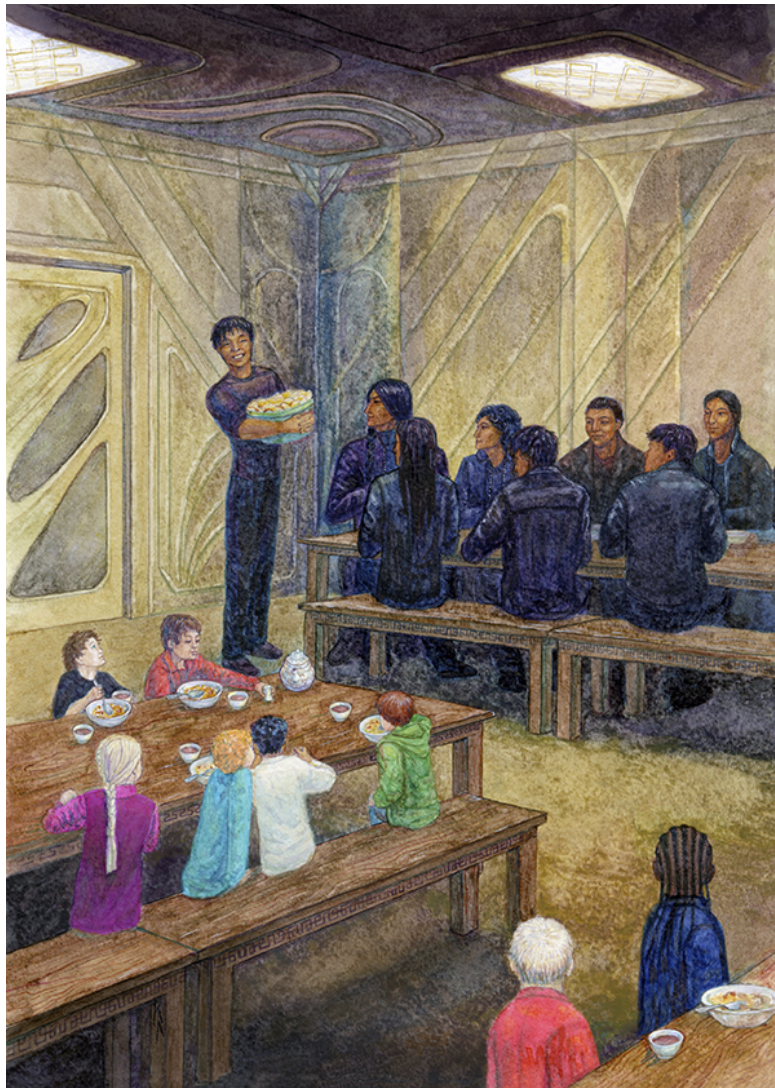
– Так вам всё и скажи, – смеётся Тирбиш. Дети в лёгком замешательстве. Тяну за рукав девицу на другом конце стола, шепчу:

– У них не принято представляться кому попало.

К счастью, она соображает передать эту мысль по цепочке, так что младшие дети перестают пытаться вытянуть из муданжцев их имена.

Замечаю Алтонгирела по правую руку от Азамата. Сидит, нахохлившись, губы выпятил ещё сильнее, похож на статую с острова Пасхи. Вообще я ожидала, что за столом будут сидеть по старшинству, а не так. Вон, например, Ахамба – сидит третьим с краю, а ведь он старше Алтонгирела, это сразу видно. А с самого краю сидит молодой мужик с огромной родинкой на щеке. По левую руку от Азамата совсем мальчишка с длинным лицом и раскосыми глазами. Длинные крупные кудри по плечам. Странно, я думала, муданжцы кудрявыми не бывают. Впрочем, до моего мелкого беса ему всё равно далеко. Однако, похоже, и тут внешность правит бал. Я бы, правда, кое-кого местами поменяла, особенно Алтонгирела, но я же не знаю их эстетических критериев. Азамату во главе стола довольно неудобно. И как он пробился в капитаны?

Может, конечно, сначала пробился, а потом уже по роже получил... Ох и не люблю же я эти первобытные общества!

– *Шву* – это птица такая, – тараторит Тирбиш. – Живёт в воде, шея дли-и-инная.

– Лебедь! – радостно гадают мелкие.

– А я ж не знаю, правильно или нет, – хохочет наш повар. – Азамат-ахмад, как скажете?

– Правильно, – Азамат одобрительно кивает.

– Вы лебедей едите? – удивлённо переспрашивает мальчуган лет десяти.

– А чего ж нет? Они большие, жирные.

– Они красивые! – возмущаются девочки.

– Да уж, куда красивей, – мрачно говорит Ахамба. – Как куснёт, враз любоваться забудешь.

Смеются. Не такой он ворчун, как изображает.

Я замечаю, что мой народ постепенно подтягивается поближе к наёмникам, за соседними столами становится тесно. Несколько старших подростков перетаскивают лавку так, чтобы сесть сбоку от капитана. Наёмники начинают озираться.

– Азамат-ахмад, а зачем вам такой большой корабль? – спрашивает один парнишка, тоже, как я, подхвативший обращение. Алтонгирел смотрит на него испепеляющим взглядом, но капитан решает не сопротивляться.

– Я его построил дюжину лет назад. Мы тогда большими командами летали. А потом оказалось, что много народу не нужно, но не выбрасывать же хороший корабль! – усмехает-

ся. Интересно, это правда?

– Сами построили? – вытаращиваются дети.

– А что такого? – удивляется Азамат. Или он просто гениальный актёр, или действительно способен на коленке свинтить звездолёт.

– Но ведь это очень сложно! – продолжает напирать парень.

– Да ну прям сложно, – отвечает вместо Азамата плечистый мужчина, сидящий справа от Алтонгирела ко мне спиной. – Это любой мужик может. Наш капитан, конечно, лучше многих в космическом оборудовании разбирается, но и только.

Теперь вы хотите мне сказать, что любой взрослый муданжец может на коленке свинтить звездолёт? Что-то это пурга какая-то. Небось договорились навешать нам лапши, чтобы запугать потенциального противника. Дальше не слушаю, поглощаю ещё пирожок. Одна из старших девиц уже записывает за Тирбишем рецепт, да не один. Правда, с названиями ингредиентов у них большие проблемы. Кажется, в данный момент они путают кизил и барбарис. Похоже, Азамат в знании всеобщего лидирует с большим отрывом.

С того конца стола, который я перестала слушать, раздаётся взрыв детского хохота.

– Я сказал что-то смешное? – ядовито осведомляется Алтонгирел.

– Тебе ещё подтверждение нужно? – благодушно спраши-

вает кудрявый юнец напротив него.

Ой бли-и-ин, ой сейчас начнётся...

Подкрадываюсь к своим старшеньким, выискиваю взглядом соотечественницу.

– Над чем ржёте? – спрашиваю на родном.

– Фабиан спросил, какими качествами надо обладать, чтобы стать священником.

– И?

– А он сказал, что надо быть красивым и любить мужчин! – ржёт, покатывается.

– Я уверена, что он имел в виду людей, – возмущённо шепчу в ответ. – Они на всеобщем плохо говорят.

– Ну да, но ещё ведь и красивым быть обязательно! – выдавливает девчонка сквозь приступы хохота.

– Да, у них это очень важно, так что не вздумайте это обсуждать!

Дети понемногу утихают, но Алтонгирел продолжает злобно зыркать.

– Извините, – говорит тот парень, что выяснял про звездолёт. – Мы вас не совсем правильно поняли. Ничего смешного, простите, пожалуйста.

Кажется, пронесло. Ещё не хватало обвинить Алтонгирела в нетрадиционной ориентации. Они же дикие, у них вон к инвалидам терпимости никакой, куда уж к геям... А если учесть, что наш дорогой духовник ведёт себя, как ревнивая барышня, то можно ненароком не в бровь, а в глаз... О гос-

поди. Я только надеюсь, что Азамат с ним не спит. Я бы этого не пережила.

С обеда все, кроме меня и Алтонгирела, уходят в приподнятом настроении. Алтоша дуется, ворчит под нос и косится на Азамата. Я раз сорок повторяю детям, чтобы собирали вещи, помогаю мелким. При всём моём нежелании находиться даже в относительной близости от духовника я постоянно обнаруживаю себя в зоне слышимости его тенора.

– *А я думаю, что они тебя дразнили,* – бухтит он, исподлобья глядя на капитана.

– *А я предпочитаю выглядеть идиотом, чем провоцировать ссору.*

– *Конечно, тебе не привыкать ... обиду. А я-то, дурак, пытаюсь тебя защитить!*

– *Это у тебя всё равно не получится.*

– *Потому что ты не даёшь!*

– *И не дам. На меня работают лучшие ребята, и они меня выбрали не за то, что я нуждаюсь в защите.*

– *Они тебя выбрали за долю.*

– *Которая тоже не из воздуха берётся.*

Как ни стараюсь не слушать, а всё равно долетает. Боже мой, Алтонгирел! Лучшей защитой для Азамата было бы, если бы ты перестал ему напоминать, что она ему нужна.

Когда дети укомплектованы и мои собственные две блузки и закладка чистого белья припихнуты всё в тот же мешок с лекарствами, решаюсь напоследок навестить капитана, по-

проситься почту посмотреть. Мало ли, как там, на земном корабле с этим будет.

Где его каюта, я уже знаю, вчера я там с Алтонгирелом первый раз поссорилась. Всё-таки загадочный человек. Столько проблем создаёт себе и окружающим... Но, наверное, он и правда не хотел меня бить. Такие, как он, не бьют. Они тихо каверзничают. Что, конечно, он ещё может успеть, гадюка подколотная.

Капитан мне улыбается, хотя Алтоша явно подпортил ему настроение после обеда.

– Извините за беспокойство, – говорю, стараясь излучать приязнь, – можно я ещё разок в почту гляну?

– Да, пожалуйста, – разворачивает ко мне бук, который у него, кажется, никогда не закрывается. Пока шарю по Сети да всякие пароли ввожу, исподтишка осматриваю каюту. Она небольшая, свет слегка приглушённый. Планировка такая же, как у меня, только кровать ещё больше и полками вообще все стены увешаны. Там в основном расставлены и навалены разномастные носители информации: диски разного объёма, флэшки всех форм и расцветок, винты, карточки, даже баночка с чипами из тех, что под кожу вшиваются, стоит. А на другой стене – батюшки, книги! Настоящие, бумажные... ну или хотя бы пластиковые, но реальные книги. Правда, вон те три, кажется, всё-таки электронные. Но всё равно богато!

Мама пишет:

В новостях ничего не видели, а у тебя телефон не отвечает. Смотри там, со всякими мудо-гошами не связывайся, у них небось гаремы по сорок человек, подцепишь ещё чего. Сашка с детьми свалил на дачу, они там наконец-то доделали отопление. Кот линяет, как будто щас июнь.

Звони из порта, как прилетишь, чего-нибудь сготовлю. А то знаю я, как в этом космосе кормят.

С минуту просто сижу и люблюсь на письмо. Как же там хорошо, дома. Зима, дача, кот... А у меня тут сплошная нерво-трёпка. Надо ей написать, что сегодня... Хотя кто его знает, когда мы на Землю-то прилетим. И ещё неизвестно, в какую страну. Да и вообще не сглазить бы. Мало ли что...

Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно. Мудо-гоши обходят меня стороной :)))

Но тут весело :)

Так и отправляю. Хорошо, что муданжцы наши буквы читать не умеют, можно всё на виртуальной клавиатуре набрать, и никого не обидишь.

– Скучаете по дому? – спрашивает капитан, про которого я чуть не забыла.

– Ну да-а, в общем, вроде того...

– Я тоже, – кивает. Он сидит на краю кровати, прямо под иллюминатором, который, впрочем, завешен электронной картинкой – горы, у подножия какое-то жильё, на переднем плане травень по пояс. Это, видимо, и есть дом. Потому что эстетическая ценность весьма сомнительная.

Некоторое время молчим, но я побаиваюсь, что сейчас на меня польётся поток воспоминаний ветерана, так что решаю прервать воцарившееся понимание.

– У вас есть книги...

Он прослеживает мой взгляд.

– Да, есть. А у вас нету?

– Дома есть.

– У меня дома тоже были, но я там давно не живу, так что приходится тут хранить.

– Это... фикшн? – осторожно спрашиваю.

– Хм? Нет, это наши, муданжские книги. Предания, песни. Земные мне в электронном формате удобнее, быстрее искать незнакомые слова, – улыбается, видимо, вспоминая обед.

– Вы очень хорошо говорите на всеобщем, – ну надо же человеку напоследок комплимент сделать.

– Спасибо. Я люблю узнавать новое. Кстати, мне было очень интересно поговорить с вами о земной культуре.

– Мне тоже. Х-хотите... Мой адрес у вас в буке случайно сохранился... Пишите, установим культурный контакт.

Смотрит на меня так, как будто я – словарная статья, ко-

тору ему надо выучить. Догадывается, что адрес сохранился неслучайно?

– С удовольствием.

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Земной Союз был очень не рад произошедшему. Мрачный покрытый шрамами наёмник говорил убедительно, тем более что кое-кто из ветеранов Второй джсингошской кампании его опознал. Даже из Торговой палаты поступил отзыв, что, дескать, любой предприниматель, торгующий с Гарнетом, слыхал про Байч-Хараха, потому что на его выбор поставщика ориентируются все серьёзные наёмники. Кто-то что-то слышал и про его участие в Первой джсингошской кампании на стороне Земли, хотя в это уж совсем трудно было поверить. Сам великий ветеран Второй ДК маршал Ваткин авторитетно заявил, что пытаться окружить, поймать или как-либо перехитрить Байч-Хараха – себе дороже.

Доподлинно неизвестно, что заставляло разных людей, имеющих дело с Азаматом, так легко ему доверять – была ли это его грозная внешность и спокойная манера, его безупречная репутация, его боевая слава, наградившая его гордым прозвищем Байч-Харах (то есть в переводе «Ванька-Встанька»). Вот мударанжские Старейшины твёрдо знали, что такова была его судьба и воля богов.

В итоге на стыковку с мударанжским кораблём был выслан

пассажирский шаттл с военным экипажем и инструкцией: не стрелять, забрать детей, отдать сертификат на вознаграждение, никаких глупостей.

* * *

Вслед за детьми выхожу в стыковочный коридор – исключительно неприятное место. Стенки мягкие, шатает. Дверь за мной закрывается, кому охота тепло терять. Даже рукой помахать не успела. Ладно, нетбуки никто не отменял.

В дверях земного корабля стоит армеец в облегчённом скафандре – на случай разгерметизации. Ведёт учёт нас, щёлкает стилусом по экранчику. Я замыкаю очередь, мешок через плечо, в голове пустота. Ну вот и моя очередь.

– Лиза Гринберг, – протягиваю ID.

Вбивает имя.

– Вас нет в списках.

– Я не пассажир, я персонал.

Щёлкает ещё. Рожа непроницаемая.

– Нет в списках.

Ты чё, тупой?

– Я бортовой медик.

– Бортовой медик Альнурахмед Гулиев.

– Кто?!

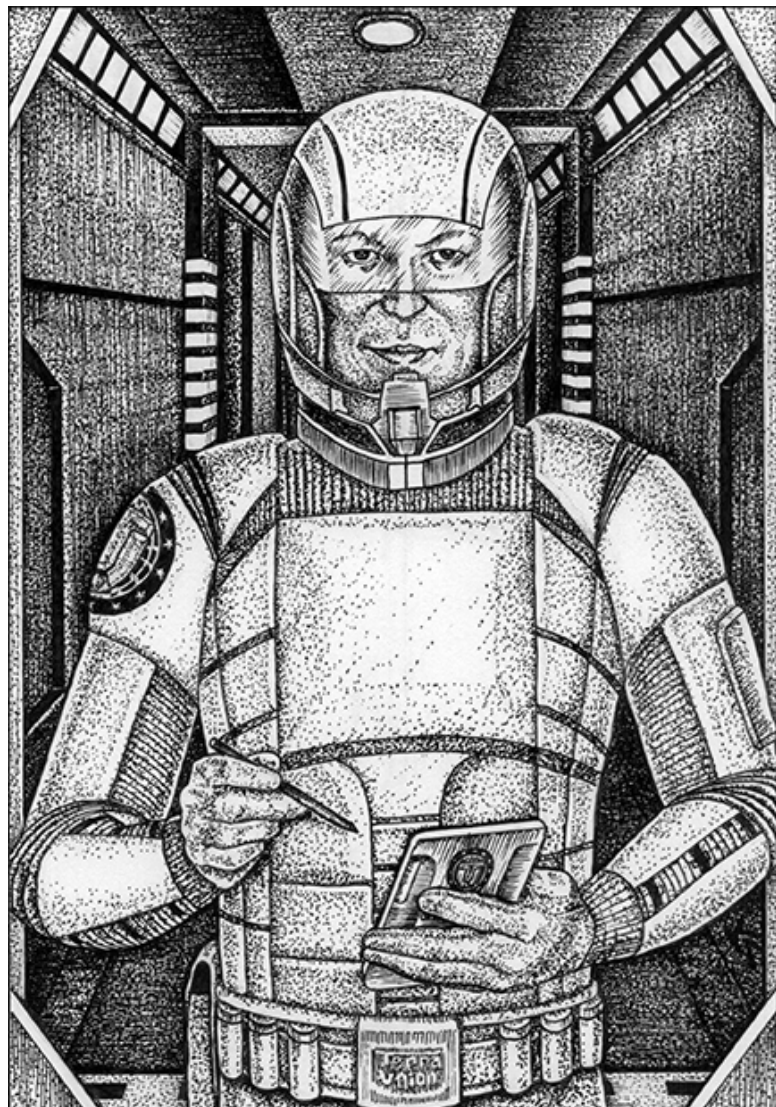
Такого не было на борту! Ой, стойте, это же какое-то квебекское светило, вива глобализация. Я что-то про него читала... Они что, его по документам провели, а меня взяли, чтобы платить меньше? Мамочки, что же делать?!

– Гу-лий-эв, – отдельно повторяет армеец. – Никаких Гринбергов. Мы не можем взять вас на борт.

– У вас информация по документам. Я не знала, что они меня не оформили. Но я была там на борту! Посмотрите портовые логи на посадку.

– Ага, щас я побегу вам логи смотреть. Летите обратно на свой Муданг. У нас чёткая инструкция никого лишнего не брать.

У меня начинается тихая истерика.

– Ну свяжитесь с начальством, пускай меня проверят! У меня брат инженер, Александр Гринберг, корабли ваши строит, мама Ирма, ландшафтный дизайн делала вокруг штаб-квартиры Земного Союза! Да в конце концов, откуда на Муданге блондинка с голубыми глазами, вы чего вообще?!

Всё лицо уже мокрое, даже блузку спереди закапало – слёзы, холодный пот...

– Это уж вам, девушка, виднее, на что там муданжцы похожи, а у меня инструкция, и время стыковки ограничено...

– Ну спросите детей, они вам скажут, что я была на борту!!

– Ка-анешно, я ещё кошечку вашу спросить забыл. И маму. Давайте идите обратно, шас уже будем отстыковываться.

И задвигает перед носом дверь.

Невероятное ощущение, когда висишь в открытом космосе в тонкостенной силиконовой трубе между двумя закрытыми дверями звездолётов, которые вот-вот разлетятся.

Кидаюсь обратно к муданжскому кораблю и – совершенно бессмысленно – принимаюсь лупить в дверь кулаками и каблуками. Если уж на этих штуках переборки звуконепропускаемые, то чего ждать от наружной двери.

Невероятно, но факт – она открывается. Я даже не понимаю, кто стоит на пороге, просто вваливаюсь внутрь и вцепляюсь в этого человека мёртвой хваткой, изо всех сил пытаюсь хоть как-то дышать сквозь рыдания. От человека хорошо

пахнет живым телом, стиральным гелем и гармаррой. Ещё одна дверь с шипением задвигается у меня за спиной.

– Почему вы вернулись?

– Меня не взяли, – выдавливаю между спазмами в горле. – Не взяли! Чёртовы бюрократы! Меня не было в их грёбаных списках!

Меня гладит по голове нежная рука.

– Ничего, ничего, мы что-нибудь придумаем. Успокойтесь, всё будет хорошо.

Пытаюсь кивнуть, дескать, я понимаю, что не помру прямо на этом месте, но и успокоиться так просто не выйдет.

Он аккуратно оттягивает меня за плечо, у моих губ край посуды, горячий пар гармарры. Пью, обжигаюсь, всё равно пью, потому что надо успокоиться.

Поднимаю взгляд, вижу в двух шагах слева бледного Тирбиша с кувшином, а сверху совсем близко на меня с участием смотрит Алтонгирел. Вот тут-то я и падаю в обморок.

Глава 5

В которой меряют, режут и ломают дрова

Просыпаюсь в *своей каюте*. Просто дом родной, ага. Освещение ночное, тёплое, вроде как уютно должно быть. Осторожно поворачиваю голову – оба моих красавца сидят у шкафа на полу по-турецки. Алтонгирел дремлет, Азамат читает что-то с экрана бука. Он с ним не расстанется, похоже.

Издаю какой-то невнятный шелест, и капитан сразу же оборачивается. Увидев, что я проснулась, он резво вскакивает, отставляет бук в сторону, подходит ко мне и приземляется на корточки рядом. И почему мне всегда казалось, что люди такого роста обязательно должны быть неповоротливыми?

– Лиза! Как вы себя чувствуете?

– Как Маугли, – ворчу, но он не понимает, конечно. Ладно, не стоит ему объяснять, что я чувствую себя так, будто меня бросили в лесу на растерзание волкам, а волки возьми да и пригрей меня. – Жить буду.

Подтягиваюсь, чтобы сесть, поправляю подушку. От шороха просыпается Алтонгирел, ещё мрачнее, чем обычно. Зыркает на Азамата злобно, потом на меня как на врага народа. Ох, чувствую, дальше мне будет ещё веселее.

– Вы не переживайте, – говорит тем временем Азамат. – Мы сейчас держим курс на Гарнет. Правда, несколько окольным путём, но будем там через неделю. Оттуда ходят рейсовые корабли на Землю. Да вы знаете, наверное. Я понимаю, что место не самое приятное, но мы вас проводим и посадим, раз уж так получилось. К счастью, у нас в стыковочном коридоре видеонаблюдение включено было на всякий случай, если вдруг вам помощь понадобится...

Мне делается страшно неловко. Им же, наверное, некомфортно со мной на борту. Мне с высоким начальством-то некомфортно, вечно боишься что-нибудь не то сказать или надеть, а тут, понимаешь, богиня... Только вздохнули с облегчением, что я исчезну наконец, но оттуда вернули обратно. Не спали вон, сидели меня высиживали. Ужас. Теперь ещё на Гарнет попрутся ради меня. Очень хочется провалиться на месте.

– Только не думай, что мы из-за одной тебя на Гарнет летим, – приносит мне ворчливое облегчение Алтонгирел, выкарабкиваясь из угла и разминая ноги. – Нам там подзакупиться надо.

Азамат косится на него осуждающе, но я даже нахожу в себе силы улыбнуться.

– Это хорошо, – говорю, – а то мне на самом деле страшно неудобно вас так напрягать.

Алтонгирел фыркает в том смысле, что всё мне удобно и вообще я это сама подстроила. Пусть думает, что хочет –

пока Азамат рядом, я его не боюсь. Ничего, поживу с ними ещё недельку. Авось готовить что-нибудь прикольное научусь. И за культуру с капитаном перетрём. Жаль, они в космосе не пьют. Я бы много дала, чтобы посмотреть, как Азамат на хмельную голову рассказывает муданжские предания.

Это, конечно, всё забалтывание пустоты. Очень не хочется думать о том, что меня бросили свои, да ещё так картинно. И что чужие всё это увидели и сжалились. Я и так-то тут на птичьих правах, а теперь выглядит, как будто я и дома никому не нужна. Ну ничего, вот вернусь, я этим воякам устрою... А того, который меня не пустил, просто выгоню спать под забором. Уж что-что, а административные каверзы я подстраивать умею. Ради такого дела даже схожу на свидание с братовым начальником. Что это вообще за дела такие? Я им что, какая-то девчонка с улицы, что меня можно просто вот так взять и кинуть? Или они думают, что на людей, владеющих секретной информацией, можно просто наплевать? Вот доберусь до капитанского бука, сразу брату напишу во всех подробностях. Маме-то не стоит... И хорошо, что я ей не сказала, когда прилечу. Ладно, недельку моя гордость полегит в грязи, не проблема. Зато потом... Ух я их всех!

– Вам чего-нибудь принести? – спрашивает Азамат доброжелательно. Мгновенно краснею, забывая нафиг обо всех своих ратных планах.

– Ой-да-нет-спасибо! Я, наверное, посплю...

Алтонгирел, возвышающийся над плечом капитана, испе-

пелает меня взглядом. Я тебя не заставляла у меня в ногах на коврик спать. И не думаю, что Азамат заставил, вот честно. Обиделся, что ли, что я при виде него в обморок грохнулась? А если б меня крокодил из зоопарка по голове погладил, то и вообще бы в уме повредилась, ничего удивительного.

Азамат смотрит на меня с весёлым умилением, как на принесённого с помойки котёнка. Видно, кому-то в детстве не разрешали зверька завести, вот он теперь и оттягивается. Зато он хотя бы не злится, что я осталась. Может, даже рад. Надо будет подумать, как бы ему ещё пару-тройку комплиментов скормить, якобы ненарочно. А пока что спать.

Принимаюсь закукливаться в плед, и мои варвары просекают, что пора уходить. Капитан задерживается у двери, чтобы укрутить освещение.

Следующий раз просыпаюсь среди бела дня. В иллюминаторе бескрайняя заснеженная степь. Мне требуется некоторое умственное усилие, чтобы осознать, что это просто фотография. Наверное, если очень подолгу жить в космосе, то звёзды за окном начинают напрягать. Но я ещё не дошла до кондиции, так что решительно отключаю слайд-шоу и некоторое время созерцаю Вселенную. Мы на самом краю галактики Млечного пути со стороны Магеллановых облаков. Надеюсь, сквозь них не полетим? А то швырять будет, сквозь облако по прямой-то не летаешь.

Отлипаю от окна и возвращаюсь в грустную действитель-

ность. У меня по-прежнему одна юбка, две блузки, не считая той, что на мне, и три комплекта белья. И туфли. Хоть из каюты не выходи. Интересно, если я завернусь в простыню а-ля сари, они поверят, что на Земле так принято? В любом случае придётся начать день с постирушки.

Помню, как в детстве, когда я впервые куда-то летела, мама очень переживала, как в космосе обстоит дело с мытьём. Она-то сама с Земли в жизни ни на метр не поднималась, даже на самолёте не летала, зато обожает всегда предполагать худшее. Вернувшись из первого межпланетного путешествия, я с большой гордостью за отечественного производителя разъяснила ей, что в космосе есть и ванна, и душ. Кое-где даже бани есть, не говоря уже о саунах с джакузиями. Не одни мы комфорт любим.

Единственное, что меня в космосе не устраивает в плане удобства – это кухни. Их почему-то всегда делают единым блоком во всю стену, всё ужасно электронное, и поди разбери, кто тут плита, кто микроволновка, а кто посудомоечная машина. Так что я предпочитаю к ним не приближаться, а тарелки за собой мою тупо в раковине, благо всю сточную воду потом всё равно дистиллируют и запускают обратно. Потому, кстати, и под душем можно стоять хоть часами, тем более что дистиллят очень неохотно смывает мыло.

Развешиваю стиранные трусы на сушилке для полотенец. Как же прекрасно, когда есть своя ванная!

Выхожу в столовую с мокрой головой. Ещё одно достоин-

ство жизни в космосе – никаких сквозняков. Однако придала я ничего так – завтрак уже кончился, людей никого, еды тоже не наблюдается. Они тут, похоже, из принципа обязательно съедают всё приготовленное подчистую. Видно, придётся всё-таки общаться с кухней. Есть, конечно, тот уголок столовой, где водогрейка и всякие чаи в шкафчике, но там еду не приготовить, разве что растворимый супчик отыщется.

Ну что ж, если Азамат и впрямь сам этот корабль строил или хотя бы проектировал, то огромный ему респект. Кухня почти человеческая, ничего похожего на обычную глухую стену из затемнённого стекла с сенсорными кнопками. Вот плита с огромной духовкой, отдельно от неё микроволновка. Две раковины, разделочный стол под быка примерно. Ещё бы еда была...

Соображаю, что холодильный отсек обычно не прямо в кухне, где тепло, а где-нибудь в сторонке. Осматриваюсь – вон какая-то дверь. Сую нос: и правда, внутри рядок холодильных шкафов. Но это же для долгого хранения которые, а где расходный?

Из раздумий, а заодно и из холодильного отсека меня вырывает удивлённый голос Тирбиша:

– Ой, здрасьте!

Оборачиваюсь смущённо. Вроде как с поличным поймали.

– Привет. Я просто искала что-нибудь на завтрак...

– А, вы же не завтракали, – вспоминает он. – Но там вы ничего не найдёте готового, всё, что есть, тут.

Открывает один из шкафчиков под разделочным столом, там и правда небольшой холодильник. Хорошо спрятали, и не догадаешься.

– Там, правда, мало, – извиняется Тирбиш. – Мы давно закупались, вот на Гарнет прилетим...

Там и правда негусто. Молоко, масло, какие-то йогурты, какие-то ягоды. Извлекаю два последних наименования, вопросительно смотрю на Тирбиша, мол, это можно?

– Тоже любите нирш? – спрашивает, улыбаясь. Мучительно вспоминаю, что нирш – это муданжская разновидность черники. Вот эти самые красные ягоды размером с черешню – это черника?! Ого-го.

– Наверно, – говорю. – Только у нас она по-другому выглядит. А йогурты можно съесть?

– А это я не знаю что, – смеётся. – Прошлый раз на Гарнете прихватил попробовать, никому не понравилось.

Осматриваю добычу: блок из шести небольших стаканчиков – ваниль, дыня, маракуйя, – срок годности не истёк ещё, цветковые маркеры синенькие без намёка на фиолетовость, а есть нельзя, только когда покраснеют... Чего им не так? Открываю один, нюхаю. Ну йогурт.

– Да вроде всё нормально, – говорю.

– Ну если вам нравится, то ешьте. Я просто не понимаю, как можно из молока что-то сладкое делать, – поводит пле-

чами с лёгким омерзением. Записать в книжечку о национальной кухне: молочные продукты все несладкие.

– А, – отмахиваюсь, – на Земле из всего сладкое делают, даже из рыбы.

Забавляюсь, наблюдая, как паренёк зеленеет лицом.

– Не надо мне таких ужасов рассказывать, – говорит. – Мне щас ещё обед готовить.

Хихикаю, намешиваю в йогурт ягод и углубляюсь в завтрак. Ничего черника, самое оно.

– А ты как, специально поваром нанимался? – спрашиваю потихоньку. Раз уж мне тут неделю жить, надо хоть разобраться в иерархии.

– Не совсем. Я такой же член команды, как и другие, а за готовку просто получаю дополнительно. Так же, как пилоты. В принципе и готовить, и рулить все умеют, но удобнее, чтобы это было чьей-то обязанностью, и надбавка идёт.

– А-а, – говорю глубокомысленно. – Так, наверное, ещё механики есть? Или там снайперы?

– Куда при нашем капитане ещё механика, – смеётся. – Он к своему кораблю никого не подпустит.

– Он что, правда его сам построил целиком?

– Ну всякие тонкие механизмы ему, конечно, делали на заказ. Но собирал сам. Он хотел одно время свой завод создать, но не нашёл подходящего места. Хочется, конечно, на Муданге, но ведь нельзя...

– Почему нельзя?

Тирбиш смотрит на меня с сомнением.

– Знаете, я лучше у капитана за спиной вам рассказывать не буду.

Пожимаю плечами, дескать, я не шпион, мне ваших секретов не надо.

– Да пожалста, – говорю. Но заканчивать разговор на этом неловко будет. – То есть все остальные одинаково получают, что ли?

– Ну ещё Алтонгирел. Он же духовник, и его в этом никто заменить не может, так что он, конечно, тоже надбавку получает.

Ну а куда же без него, родимого! Не удивлюсь, если он получает больше, чем сам Азамат.

Тирбиш начинает что-то мурлыкать под нос, разминая тесто. Соображаю, что это, пожалуй, первый раз, когда я вижу парня моложе себя за готовкой. И он сказал, это все умеют? Видимо, на Муданге с полуфабрикатами плохо. Ни один землянин в здравом уме в космосе с тестом возиться не будет, купит готовые пирожки и погрееет. Я и на Земле-то, кроме мамы, мало кого знаю, кто готовит, даже по праздникам. Умиротворяющее занятие, но уж очень долгое. А этому вон нравится, похоже.

Он тоже высокий, как все муданжцы, примерно с Алтонгирела, капитану по подбородок. Волосы стрижёт чуть ниже ушей. Кстати, вчера за обедом, когда вся команда собралась, я поняла, что длинные волосы носит хорошо если полови-

на наёмников, и то старшая. Молодняк щеголяет всякими навороченными хохлами и чёлками, у некоторых даже перекрашенные пряди есть. Тирбиш, впрочем, не из тех, кто выпендривается. Лицо у него круглое, с крупными чертами и совсем слегка монголоидное. Если не знать, что муданжец, так и не догадаешься.

Он подходит к плите и зажигает огонь. Я аж подскакиваю.

– Ой, газ! – говорю удивлённо. В космосе?!

Оборачивается, глаза по семь копеек:

– Что? Где?

– Я говорю, плита газовая! Я думала, электрическая...

– Газовая? Не-ет, – смеётся облегчённо. – Это не газ.

Это... э-э-э... горячий камень. Вот, смотрите.

Достаёт откуда-то из тумбочки диск, больше всего похожий на конфорку электрической плиты. Тёмный такой, тяжёлый. Вы хотите сказать, что это он горит?

– Он не горит, – объясняет Тирбиш. – Только светится синим слегка, когда греется.

Присматриваюсь к плите: и правда никаких языков пламени, просто ровное свечение, хотя цвет точно как у газа. С ума сойти. Интересно, что это за хрень.

– Его у нас на Муданге добывают, – продолжает Тирбиш, – и все плиты из него делают. Одна такая пластинка примерно год работает, потом менять надо.

– А что будете делать, когда весь пережжёте? – спрашиваю с национальным земным пафосом устойчивого приро-

допользователя.

– Отвозим обратно, где добыли. Пару лет полежит, и опять жечь можно, – пожимает плечами Тирбиш. Дескать, это же очевидно.

Хорошо устроились. Я тоже так хочу, чтобы только за перевозки платить. Небось они там уже столько этих дисков настрогали, что и заново выпиливать не надо, просто свои же старые забираешь, когда понадобятся.

По-хорошему, хватит мне мешать повару, надо уже идти отсюда. Но дел-то у меня никаких нет и даже безделья нет, а от вязания я за неделю и так охренеть успею. На моё счастье, тут в кухню заходит давешний кудрявый юнец.

– Тирб... А, здравствуйте, Лиза, – кивает мне. – Я Эцаган.

– Очень приятно, – говорю. Надо же, представился. – Мне надо вам ещё раз назваться? Я никак не разберусь в этих правилах с именами.

Оба смеются.

– Не надо, – говорит Тирбиш. – Вы ведь, наверное, не знаете, как правильно, так что это всё равно.

Ну ладно...

– Тирбиш, – Эцаган возвращается к тому, за чем пришёл. – *Там твои тряпки весь склад завалили. Они тебе нужны?*

– *Не знаю,* – пожимает плечами. – *Хорошие тряпки. Я их вроде свернул аккуратно.*

Это внезапно наводит меня на мысль. Надеюсь, они ничего не заподозрят.

– Слушайте, ребят, – говорю, – а у вас какой-нибудь форменной одежды для заложников не предусмотрено? А то у меня совсем ничего нет, а ещё неделю тут жить...

– *Вот правильно,* – хихикает Тирбиш. – *Чем мои тряпки выкидывать, обеспечь лучше земную госпожу.*

Эцаган окидывает меня взором своих прекрасных глаз.

– На ваш размер вряд ли. Разве что халат какой-нибудь. Пойдёмте посмотрим.

Идём смотреть. Склад оказывается небольшим чуланом, заставленным стеллажами с коробками, прямо у входа красуются несколько рулонов ткани – видимо, те самые тряпки. Эцаган утыкается в нижнюю полку и принимается там шуровать, бормоча на муданжском.

– Вот, футболка есть, – говорит с сомнением. Футболка, да, чёрная, новая, бирочка не отрезана ещё. Спереди во всю грудь лист каннабиса. В эту футболку меня можно дважды завернуть. Ничо, в качестве ночнушки пойдёт. Беру.

Он роется дальше, достаёт строительные штаны на лямках, которые, по-моему, и Азамату велики, да ещё и прорезиненные. Смотрит на мою физиономию, ржёт.

– Боюсь, что больше ничего нет.

– А может, – кошусь на рулоны, – есть какая-нибудь простыня ненужная... Я бы сшила что-нибудь...

– А, так вы шьёте! – резко воодушевляется Эцаган, вскакивая на ноги.

Это большая редкость?

– Ну так... Не то чтобы много, но умею, – говорю осторожно. Ещё припадет всему экипажу носки зашивать.

– Тогда не проблема, вон, берите Тирбишевы тряпки, я вам машинку дам, нитки и всё на свете.

Ух ты, у них даже машинка есть?

– А Тирбиша спросить не надо?

– А он всё равно не знает, что с ними делать. Ему подсунули в нагрузку к постельному белью, а на этом корабле, кроме меня, никто иголку держать не умеет. Я и от вас не ожидал.

– Ну почему же...

Вроде шитьё во всех культурах женское дело, нет?

– Красивые женщины часто пренебрегают, – пожимает плечами. Зато красивые мужчины, видимо, нет.

Один из рулонов оказывается вовсе ковром, остальные – более или менее плотным хлопком. Все они довольно светлые в жизнеутверждающий цветочек. Ничего, маменька на даче ещё и не такое носит. Да и не только на даче...

Эцаган великодушно пускает меня к себе в каюту, где обнаруживается немаленькое трюмо, на котором ненавязчиво красуется пакетик с термобигудями. Они тут все голубые, что ли? Ладно, мне с ним не целоваться. Зато про кудри теперь понятно.

Рядом с трюмо большой комод, из которого Эцаган начи-

нает проворно извлекать нитки, иголки, булавки, ножницы и, наконец, портативную швейную машинку весьма приличной фирмы. Меня в своё время на такую жаба задушила.

– Вам лучше всего расположиться в холле, – говорит он мне, и я некоторое время соображаю, что он имеет в виду. – Там можно сдвинуть столики. А то в кухне Тирбиш ворчит, если столы не так стоят.

А, так это он про гостиную. Но она же проходная...

– А я там мешать никому не буду?

– А кого туда понесёт посреди дня?

Как выяснилось, понесло всех. По крайней мере, раз в каждые десять-пятнадцать минут обязательно кто-нибудь пройдёт попятиться, как земная женщина кроит. Хорошо хоть я догадалась обмериться у себя в каюте. Зато теперь весь экипаж в лицо знаю. И кто застенчивее – только мимо проскакал, а кто наглее – остановился поговорить. Ох и достали...

Положение, как обычно, спасает капитан.

– Не возражаете, если я тут в уголке почитаю? – спрашивает он меня ещё из коридора. Бук под мышкой, как приклеенный.

– Я всегда рада вашему обществу, – улыбаюсь. Приятно хорошего человека порадовать! Когда он проходит мимо, мне кажется, что в комнате становится ярче, хотя он и одет в тёмное.

В отличие от прочих моих посетителей, он действительно просто садится в кресло и углубляется в чтение. Через несколько минут уже я не выдерживаю.

– А можно спросить, что вы всё время читаете?

Поднимает голову, смотрит на меня укоризненно. Ну ладно, молчу.

– Лиза, оставьте вы эту вежливость. Конечно можно спросить!

О боже мой.

– Тогда уж и вы оставьте, – хмыкаю. – Как будто я вас могу не пустить в ваш собственный холл.

– Можете, – уверенно говорит он.

Вылупляюсь на него в ужасе.

– Нет, поверьте, не могу.

Смотрит на меня задумчиво.

– Это так странно, насколько у нас не совпадают представления о социальных ролях друг друга.

Почти роняю машинку. Ка-ак ты сказал?! Нет, ну давайте теперь окажется, что ты на самом деле всемирно известный антрополог, а это всё большой эксперимент по адаптации землянина к инопланетной среде!

– Я что-то неправильно сказал? – спрашивает встревожено.

– Да нет... Просто я немножко не ожидала... – да, не ожидала я от дикаря, жрущего с кости сырое мясо, что он знает, что такое социальные роли. Это можно сказать вежливо?

– Ну, я решил, раз уж нам ещё неделю предстоит тесно общаться, мне стоит почитать про земной этикет, – немного смущается он. – Не хочется вас ненароком обидеть.

– Ы... э... это очень мило с вашей стороны, – выдавливаю. Госпади, вот это я понимаю – человек! Не просто вежливый, а книжки специально читает, чтобы знать, как именно быть вежливым! Внезапно совершенно непрошено вспоминается Кирилл, хохочущий над выражением «одноййцевые близнецы». М-да, мы много чего принимаем как данность.

Азамат наблюдает за мной горящими глазами экспериментатора.

– Удивительно, – говорит он наконец. – Удивительно...

Результатом моих трудов явились штаны на завязочках, две довольно бесформенные толстовки и ковровые тапочки. Дошив, я немедленно удалилась в ближайшую пустую каюту (которую капитан мне услужливо открыл) и наконец-то переоделась. О, это счастье удобных шмоток и плоской подошвы!!!

Выхожу, улыбка шире ушей.

– Ну что, на пижаму хотя бы похоже? – спрашиваю Азамата, крутясь на месте и стараясь рассмотреть, не пузырится ли где-нибудь что-нибудь.

– Немножко похоже из-за расцветки, – смеётся капитан. – Сделайте пояс, и будет в самый раз.

Да, пожалуй, пояс не помешает. Ну да это быстро, с ма-

шинкой-то. Вот уже и прострочила.

– Лучше? – верчусь на одной ноге посреди холла.

– Очаровательно, – говорит капитан. Не понимаю, иронично или нет.

– Пир для глаз, – цедит другой голос со стороны коридора. Алтонгирел! Блин! Ну вот надо же было, чтобы его принесло именно сейчас, когда я тут перед капитаном выделяюсь. Теперь он меня точно со свету сживёт. – Я пришёл спросить, – продолжает он, обращаясь прицельно к Азамату, – собираешься ли ты снизойти до нашего общества в кухне?

– А, уже пора, – Азамат быстро закрывает бук и встаёт. – С удовольствием.

– Никогда бы не подумал, что вид женщины в брюках улучшает твой аппетит, – надменно произносит Алтонгирел и уносится прочь. Азамат смотрит на меня извиняющимся взглядом и пожимает плечами. Ну да, конечно, ты не знаешь, почему его так колбасит.

– Что-то не так с брюками? – притворяюсь, что поведение Алтонгирела меня нисколько не смущает.

– На Муданге женщины их обычно не носят, разве что зимой или на всяких грязных работах...

А что ж ты раньше-то молчал?!

– Но вы не волнуйтесь, – продолжает. У меня на лице бегущая строка с мыслями, что ли? – Здесь-то все привычные, космос ведь.

Ну да. Алтонгирел один никак привыкнуть не может. Интересно, у геев есть какой-то мужской вариант ПМС или Алтоша всегда такой?

Впрочем, за обедом на меня не пялятся, даже при том, что штаны у меня голубые в лиловый цветочек, а рубашка розовая в жёлтый. Наверное, в мударжском национальном костюме приветствуются яркие краски и растительные мотивы.

После еды потихоньку увязываюсь за капитаном на предмет воспользоваться его буком (с которым он всё-таки расстался на время обеда).

– Ах да, конечно, вам нужно предупредить родных, что вы позже вернётесь, – кивает он, как мне кажется, с иронией. – Я должен был сам сообразить, простите. Давно не общался с незамужними девушками.

Моргаю. Какая связь? .

– Я... э-э... не совсем незамужняя, – говорю. – Я как бы вдова.

Ну, допустим, мы с Кириллом не расписывались, но сути это не меняет. А у этих дикарей небось какие-нибудь предрассудки против внебрачного секса.

– Простите ради всего святого, – принимается тараторить капитан. Ну да, ну да, сейчас будет два вагона сожалений.

– Ничего-ничего, я понимаю, что на мне не написано, – похлопываю его по руке, запоздало соображая, что на него этот жест должен действовать гораздо сильнее, чем на сред-

него землянина. Ну хотя бы он замолкает. – Я просто не поняла, какая связь между тем, чтобы предупредить родных, и матримониальным статусом?

Получи, фашист, гранату. В смысле, умное слово.

– У нас обычно женщины после замужества перестают поддерживать связь с родителями, – ничего, сглотнул и переварил, умница мой!

– Ну, у нас не так, – пожимаю плечами. – То есть обычно это зависит от того, насколько твои родители приятные люди. Тем более я сейчас с мамой живу, так что она имеет право знать о моих планах.

– Ну да, наверное, – неловко улыбается. Ну вот, будет теперь меня стесняться ещё вдвое больше. Ну что мне, стать женщиной без прошлого в худших традициях мыльных опер? Иногда даже злюсь на Кирилла, что из-за него все вокруг меня вытанцовывают, как будто я раковая больная.

Подходим к каюте, я останавливаюсь в ожидании, что капитан достанет пульт и отопрёт.

– Толкайте, у меня замок размагнитился, до Гарнета не починить, – поясняет Азамат.

– А я-то думала, вы гений механики, – хмыкаю, открывая дверь.

– Вы что, с кем-то поспорили, сколько комплиментов в сутки вы можете мне сделать? – смеётся. – Можно замок и починить, конечно. Можно и с другой двери снять. Но в итоге всё равно менять придётся, так зачем из-за одной недели

тратить день на бессмысленную работу?

– Да ладно, вам виднее, – пожимаю плечами. – И ни с кем я не спорила. Можно подумать, мне нужен специальный стимул, чтобы делать вам комплименты.

Качает головой, прикручивает свет – совсем чуть-чуть. Похоже, не любит яркое освещение. Подозреваю, что и зеркала в ванной не держит. Ох уж эти варвары.

Берёт с полки бук, протягивает мне, а сам поворачивается спиной и утыкается в иллюминатор с очередным зимним пейзажем. Видимо, у него на родине сейчас зима. Замечаю, что с постоянным чувством неловкости можно свыкнуться – вот, сижу у капитана за столом, за его же букком, ничего ему делать не даю, но жить мне это уже не мешает.

Мама пишет:

>>Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно.

Вижу в этом логическое противоречие. Ну да тебе виднее, с чего ты там позвонишь.

>> Мудо-гоши обходят меня стороной

Так они там всё-таки есть? И как, правда на чёрных китайцев похожи? Попроси сфотографироваться на память!

Да, чувство реальности у моей родительницы всегда зашкаливало. Впрочем, лучше уж так, чем если бы она волновалась. Отвечаю:

>> Ну да тебе виднее, с чего ты там позвонишь.

С того же, с чего сфотографирую. Придётся подождать, пока новое куплю.

>> И как, правда на чёрных китайцев похожи?

Джингоши – на чёрных, муданжцы – на краснокожих.

Пусть учится различать. Вдруг я как-нибудь Азамата в гости приглашу? Ему, наверное, не понравится, если его с джингошами перепутают.

Так, теперь брат. Ох, сколько же сейчас писать придётся...

Строчу и строчу. Вообще не люблю сенсорные клавиатуры, но тут она очень к месту пришлась. Потому что раскладку я наизусть не помню, искала бы сейчас каждую букву по полчаса, а так клавиатура – тот же экран, какие надо клавиши, такие и отрисует. А потом так же тихо поменяется обратно на латиницу. Интересно, наверное, можно и муданжскую раскладку вызвать.

– Решили наконец описать ситуацию в подробностях? – спрашивает капитан. Ой, я же его динамлю...

– Я брату пишу, чтобы он этого уroda нашёл, который меня не пустил. Сейчас уже закончу, извините.

– Ничего, пишите-пишите. А то меня Алтонгирел ругает, что я круглые сутки за букром сижу, – хмыкает капитан. Он, кажется, нашёл себе занятие: включил ночник и ковыряется в каком-то маленьком предмете. Видимо, решил оправдать

мои комплименты и что-то починить.

Отправляю письмо, дожидаясь подтверждения о доставке, закрываю почту.

– Я всё, – говорю.

– Ага. Можете ещё посидеть, я тут увлёкся.

Ещё посидеть... Ну не буду же я с его бука обновления на вязальном сообществе смотреть, правда? Разве что расписание рейсов с Гарнета...

Бук внезапно издаёт громкий булькающий звук, я аж отшатываюсь.

– Это видеовызов, – через плечо сообщает капитан.

Ах да, теперь узнала. Просто окно вызова появилось с поддержкой. Собираюсь встать, чтобы пустить капитана поговорить, как внезапно осознаю, что вызывающий – мой брат. Это же его ник и аватарка...

– Кажется, это мой брат, – говорю в лёгком ужасе. Я что, спалила Азамата? .

– Да? – он оглядывается довольно равнодушно. – Ну так отвечайте, я выйду из кадра.

Чемпионат по неадекватному поведению дубль два. Ладно, ответить-то надо, а то Сашка будет волноваться... Жму «Принять».

– **Лизка! Что там у тебя за чума? Я только твоё письмо открыл, сразу кинулся искать канал,** – Сашка, конечно, говорит на родном. Он дома, валяется на кровати. Футболка на нём линиялая. На заднем плане дети пишат.

– Э-э, да у меня всё ништяк, только эти уроды, которые меня наняли, по документам провели другого чувака, и в итоге меня не было в списках. И меня, конечно, не взяли на борт!

– И где ты сейчас?

– На корабле мударжских наёмников, – говорю с нехорошим предчувствием. Ой, сейчас что-то будет.

– Мударжских, – бессмысленно повторяет Сашка.

– Ты, – говорю, – не тверди это слово. Тут один присутствует. Они по-нашему не понимают, конечно...

– А ты с ними... на ихнем, что ли?

– Нет, на всеобщем. Они не знают, что я ихний...

Что-то заставляет меня говорить по возможности неразборчиво. Мало ли, какие у Азамата ещё неожиданные познания обнаружатся.

– И... как они с тобой обращаются?

– Бережно. Вот, сiju сейчас за капитанским буком.

– Они вообще на людей-то похожи?

– Более чем.

– Дай посмотреть!

Так, ну, волноваться он не будет, похоже. Это хорошо. Зато будет прикалываться. Это плохо...

– Мне... как бы... не очень удобно. И так человека от дел отрываю, бук отобрала, ещё и достопримечательность из него устраивать...

– Ну дай я с ним парой слов перекинусь! Пусть зна-

ет, что у тебя есть грозный брат.

– Боюсь, что на его фоне ты грозным не покажешься, – хихикаю.

– Ну, Лизка, в самом деле! – он начинает сердиться. – Тебя похитили какие-то уроды, а ты даже не даёшь мне запомнить в лицо их главаря? А если они тебя не отпустят? Вообще, может, ты там под дулом сидишь!

О господи. Ладно, похоже, придётся успокоить этого параноика, пока психовозка не приехала. Нет, я, конечно, понимаю, что с его стороны моя ситуация выглядит жутковато. Она и с моей стороны ещё совсем недавно казалась сущим кошмаром. Но теперь-то я понимаю, что всё хорошо! Всегда ненавидела, когда родные за меня волнуются.

Оглядываюсь. Азамат сидит в ногах кровати, как бы в глубокой задумчивости.

– Азамат-ахмад, – зову негромко. Оборачивается. Даже насчёт обращения не сепетит. – Вы не можете немножко поговорить с моим братом? А то он волнуется.

– Боюсь, что не понимаю языка, на котором вы говорите, – отвечает Азамат своим низким раскатистым голосом. Сашка на экране выглядит так, как будто готовится ко встрече с Кинг-Конгом.

– Он понимает на всеобщем, – хихикаю.

Азамат смотрит на меня с сомнением.

– Может, лучше я кого-нибудь другого позову? А то мой вид скорее заставит его волноваться больше, а не меньше.

Поскольку этим кем-нибудь, скорее всего, будет Алтонгирел, я спешу возразить.

– Нет-нет, ему будет намного спокойнее поговорить с капитаном!

Азамат ещё секунду раздумывает, потом неохотно встаёт и подходит к экрану. Ох и достала же я его, наверное. Надо будет потом его как-нибудь задобрить, а то совсем стыдно.

Сашка, видимо, уже представил себе киборга со щупальцами, потому что при появлении Азамата на экране вообще никак не переменяется в лице.

– Здравствуйте, – говорит. – Меня зовут Александр, я Лизин брат.

Ох, надо же было его предупредить насчёт имён!!! Бедный Азамат.

– Здравствуйте, – кивает капитан с непроницаемым выражением. – Я Азамат. Чем могу быть полезен?

Сашка несколько теряется. Ну да, а что тут скажешь? Не смей лапать мою сестру, инопланетная собака?

– Я только хотел убедиться, что у Лизы всё хорошо, – неловко произносит он.

– Не знаю уж, как вы собрались в этом убеждаться, – хмыкает Азамат, – могу только пообещать доставить её на Гарнет в целости.

Сашка неуверенно кивает.

– Спасибо.

Азамату, видимо, становится его жалко.

– Мне было чрезвычайно приятно познакомиться с вашей сестрой, – говорит он с улыбкой. – Она очень интересный человек, тем более что я до сих пор довольно мало общался с землянами.

Решил отплатить мне за комплименты? Фиг я покраснею, сама знаю, что я интересный человек. Сашка, впрочем, явно воспрядает духом.

– Да, Лизка – она такая, – лыбится как идиот. – Я думаю, ей тоже с вами очень интересно, господин капитан. Ну, не буду вас больше задерживать. Лиз, счастливо тебе добратся!

– Пока! – говорю, и он отключается. Я осторожно смотрю на Азамата.

– Извините... – начинаю, но он вдруг зажимает уши.

– Хватит! – отрезает. – Хватит с меня ваших земных реверансов! Господин капитан, тоже мне... Он бы ещё поклонился.

– Он не издевался, он же не знает... – пытаюсь робко защитить Сашку.

– Чего он не знает?! – Азамат закатывает глаза. Знаю, от кого нахватался.

– Что он красивее вас, – развожу руками.

Смотрит на меня как на законченную идиотку. Наверное, и правда звучит глупо.

– Не надо мне говорить, что это не очевидно, – отдельно произносит Азамат.

– Не очевидно, что из-за этого он может меньше вас уважать, – формулирую наконец. Капитан некоторое время это переваривает.

– Глупо уважать того, на кого противно смотреть.

Теперь уже я перевариваю чужую философию.

– Противно смотреть на сволочь, – говорю в итоге. – Или на алкоголика. А вам просто хороший врач вовремя не попался, это с каждым может случиться.

Как я люблю душеспасительные беседы с калеками! В той больнице, где я проходила ординатуру, а потом работала, меня к инвалидам близко не подпускали, чтобы потом им на антидепрессанты не разориться. Ну и конечно, теперь мне приходится успокаивать пострадавшего с историей унижений, да ещё и в экстренной ситуации. Типичное моё везение. А если бы тут была слюнявая собака, то ей было бы обязательно спать именно у меня в ногах.

Впрочем, любви к человечеству у меня, может, и мало, но Азамату хочется помочь вполне искренне. Конечно, лучшей помощью ему была бы пластическая операция, но, боюсь, такие повреждения всё-таки необратимы, так что лучше даже не заикаться.

Он всё сидит и смотрит на меня скептически, как будто я только что выдумала то, что сказала, и ни грамма правды в этом нет. И у меня сносит тормоза. На заднем плане в голове звучат какие-то соображения про личное пространство, непредсказуемый исход и прочее не-лезь-не-в-своё-де-

ло, но я ощущаю себя как будто в скафандре, как будто всякие внешние процессы не имеют надо мной силы. Как будто для моего «я» неважно, какова будет реакция на мои действия.

Поднимаю руку и по возможности ласково глажу его по изуродованной щеке. Не знаю, правда, чувствует ли он хоть что-нибудь сквозь все эти рубцы. Он смотрит на меня, как под гипнозом, и я провожу ладонью ещё раз, теперь снизу вверх. Кожа шершавая, цепляется. Надо же мазать восстанавливающим кремом, а то так и будет шелушиться. Но он, конечно, не станет. Ох уж эти мужики.

Он отстраняется.

– Пожалуй, это доказательно.

Моргаю.

– Что? . .

– Я верю, что ваш брат не издевался. Извините. Мне надо зайти к пилотам. Если вам ещё нужен компьютер, пользуйтесь.

И выходит.

Господи, руки мне оторвать! Как я теперь с ним ещё неделю под одной крышей? . .

Глава 6

В которой не всё происходит на самом деле

Сижу у себя в каюте, вяжу как заведённая. Как будто, если руки останутся, дышать перестану. Стук в дверь. Нет, настоящий стук в дверь я бы не услышала, конечно, но тут звонок так настроен. Потрогаешь дверь снаружи – внутри стучит. Вот когда мы с Алтонгирелом ругались у Азамата под дверью, кто-то из нас её коснулся... Славные были времена.

Открываю не глядя, пусть там хоть сама смерть за мной пришла... и быстро понимаю свою ошибку: за дверью Алтонгирел. Стоит, молчит. Каюту мою осматривает.

– Добрый вечер, – говорю хриловато. Ну, чего хотел-то, выкладывай уже!

– Ты не знаешь, где Азамат? – спрашивает без выражения.

– Собирался о чём-то поговорить с пилотами, – отвечаю, мучительно вспомнив, что он там сказал, когда от меня драпал. Сильно сомневаюсь, что ему действительно нужно было к пилотам.

– Тебе он, значит, отчитывается, – замечает Алтонгирел.

Пожимаю плечами. Лучше сейчас духовника не злить, ещё не факт, что Азамат прибежит на мои вопли после нашего душещипательного расставания. Впрочем, Алтонгирел

решает, что достаточно налюбовался на меня, и уходит.

Жму на закрывание двери, а сама всё ошутимее дёргаюсь. Он явно ожидал увидеть Азамата у меня. Почему? Думает, мы вообще не расстаёмся, что ли? Или он уже проверил кухню, гостиную, каюту... и прочие места, где капитан может быть, а его там нет? Блин, ну не прячется же он от меня под столом! Вообще, что за бред, здоровенный мужик на собственном корабле... Ну не нравится со мной – не общайся. Я тихо посижу до высадки. Нет, надо нагнести трагедию, а сейчас Алтоша его найдёт, ещё не дай бог выведает, что я его потрогала, а потом примется мне кнопки на стул подкладывать. Или там перец в чай. Супер.

С постепенно ухудшающимся (хотя, казалось бы, куда ещё?) настроением продолжаю вязать до ужина, периодически порываясь куда-нибудь пойти и сознаться в паре преступлений, только непонятно, кому и в каких. Вроде ничего не сделала, а чувство, как будто вот-вот загребут. На ужин, впрочем, я бы не пошла – какая еда, когда внутри всё в узлы завязалось – но постучался Тирбиш и позвал. Если б я ещё ему отказала, то побила бы личный рекорд по количеству оскорблений в сутки.

Ну, во всяком случае, Азамат нашёлся. Может, Алтонгирел просто воспользовался случаем меня попугать. Сажусь подальше от обоих, поглядываю исподтишка. Азамат выглядит нормально, если только немного задумчиво. Зачерпнёт ложку – и зависает. Зато Алтонгирел присутствует в реаль-

ности во всей красе – как глянул на меня разок, я чуть от пилы край не откусила. Надо будет попросить Тирбиша проводить меня до каюты потом, а то не видать мне Гарнета.

Тирбиш, кстати, рассказывает что-то смешное. Наёмники похохатывают. Я мучительно пью какую-то на редкость невкусную зелёную гажу. Просить чаю не решаюсь. Сидящий с краю мужик с родинкой перехватывает инициативу в разговоре:

– Я этой джунгошской морде объясняю-объясняю про электричество, уже нарисовал всё, расписал... Он тыкает пальцем в синусоиду и говорит: «Провод же прямой, как это может там помещаться?!»

Народ грохает, надеюсь, никто не замечает, как меня скрючило. Притворяюсь, что подавилась. Тирбиш поворачивается ко мне, утирает глаза.

– Вы извините, что мы на муданжском разговариваем, вам скучно, наверное...

– Да ничего, – говорю, покашливая. – Я вон не понимаю и давлюсь, а судя по тому, как вы ржёте, я вообще живой бы не ушла.

Гогочут.

– А вы сами расскажите что-нибудь весёлое с Земли, – просит юноша классического индейского вида.

Напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить что-нибудь, что не потребует тонны объяснений.

– Ну вот однажды лежала у нас одна бабулька со сломан-

ной ногой. Медсестра приносит ей обед, а бабулька жалуется, мол, у меня мышь в тумбочке. Ну сестра, понятно, думает, сбрендил старая, вот и мерещится. Сказала врачу. Тот вызвал психиатра на консультацию. Ну это тоже врач такой, который мозги лечит. Он, короче, пришёл, с бабулькой побеседовал, потом выходит, сестре отдаёт карту. Ну это куда записывают, чем болеешь и чем лечить. Сестра открывает, читает: при осмотре больной в тумбочке у кровати выявлена мышь, одна штука, откормленная. Рекомендованное лечение: вызвать дератизаторов...

Потом ещё что-то рассказываю. И другие ребята тоже. Хочем все вместе, я уже не разбираю, кто на каком языке говорит, просто рыдаю, рожей на столе. Хорошо хоть Тирбиш тарелку у меня забрал. К счастью, кажется, остальные тоже слишком увлечены травлей баек, чтобы замечать, что я что-то понимаю, чего не должна. Господи, ну меня и колбасит. Уже вся слезами истекла, третья салфетка идёт. Хохочу как обкуренная. Видимо, стресс выходит. Голова ватная, руки дрожат. Хорошо, что не ела почти, а то ещё сплехело бы...

При помощи Тирбиша и Эцагана доплетаюсь до каюты. Я бы и одним Тирбишем обошлась, но он же стесняется меня трогать! По этому поводу я хохотала ещё минуты три, пока он не решил, что меня уже пора уносить.

– Вы извините, ребят, – говорю заплетающимся языком. – Меня что-то жестоко колбасит сегодня.

– Вы просто вчера перенервничали, – успокаивает меня Эцаган. – Ничего, поспите, и всё будет хорошо.

Уложили меня на кровать, пожелали спокойной ночи и ушли. Я отрубаясь мгновенно.

Просыпаюсь в ночи. Чувствую, что-то не так. Кто-то у меня в комнате. Неуклюжей рукой протираю глаза: ого, Алтонгирел. Что он тут забыл? Стоит, смотрит в иллюминатор, там опять зима. Я же выключала! Может, правда, он включил? Это что, и есть его страшная месть?

Оборачивается ко мне, глаза закрыты, губы поджал... нет, погодите... не поджал, а как будто кожа срослась, и нет никакого рта... и глаза такие же. Ой, мама! Это что ж за симптом?!

Погоди, подруга, это, наверное, просто розыгрыш. Маска или что-то такое. Напугать меня решил. Идиот. Тянет ко мне руки, я отодвигаюсь. Тянет дальше. Ну всё уже, на всю длину вытянул, хватит! Кончики его пальцев лопаются, из них выезжают кости и продолжают приближаться ко мне, закапывая кровью одеяло. Я вскакиваю, отбегаю на другой конец кровати. Бляха-муха, а это он как сделал?!

Стена у меня за спиной внезапно исчезает, еле успеваю отшатнуться. Там открытый космос. Из меня выжимается весь воздух, я не могу дышать. Мимо проплывает искорёженное заиндевевшее тело Кирилла. Я бы закричала, но не могу ведь!

Выскакиваю за дверь, она герметичная. Тут можно подышать. В коридоре тусуется толпа первобытных людей с каменными топорами, при виде меня они начинают облизываться. Самый большой из них поверх криво обрезанной шкуры носит галстук, концом которого он вытирает слюни.

И тут всё взрывается, я падаю, но провалиться сквозь пол не могу, потому что меня нет в списках. Зажимаю глаза и уши. Ничего не происходит.

Осторожно открываю один глаз: надо мной на коленях стоит Алтонгирел с каменным ножом. Замахивается. Я снова замираюсь, но удара не следует.

Постепенно просыпается сознание. Ради эксперимента открываю глаза ещё раз: весь пол усыпан трупами детей, у дальней стены стоит Сашка с пулемётом и безумной улыбкой.

Так. За ужином меня колбасило. Потом я сколько-то спала, а теперь у меня глюки. Похоже на какой-то психодизлептик. Эйфория – отключка – делирий. Галлюцинации визуальные и слуховые. Галлюциноген мог быть в чае, потому и вкус был такой мерзкий. Повезло, что я сейчас действительно нормально соображаю, хоть и не могу полагаться на то, что вижу. Мне нужно промыть желудок и хорошо бы антидот вколоть, но не факт, что он есть в мешке, да и я не рискну в таком состоянии братья за шприц. Сорбент бы нащупать...

Несмотря на зажатые уши, вздрагиваю от чудовищного воя, произвольно оборачиваюсь – зря, зато теперь знаю,

как выглядит бэнши. Плохо только, что она так похожа на маму. Отворачиваюсь.

Так, пока у меня просветление, мне нужно, чтобы мне помогли найти лекарства. Я не знаю, сколько я приняла этой дряни, поэтому не могу предсказать, когда кончатся глюки. Возможно, через несколько часов. А поскольку я была в отвлечённом настроении, когда принимала, то глюки у меня будут исключительно кошмарные. К тому же я могу сама себе навредить случайно. Статистика самоубийств под психодислептиками... Так, не будем о грустном, вот уже и стены порастают ядовитыми грибами, а глюки запросто могут мне дать соматическую симптоматику... Мне нужно срочно кого-то найти.

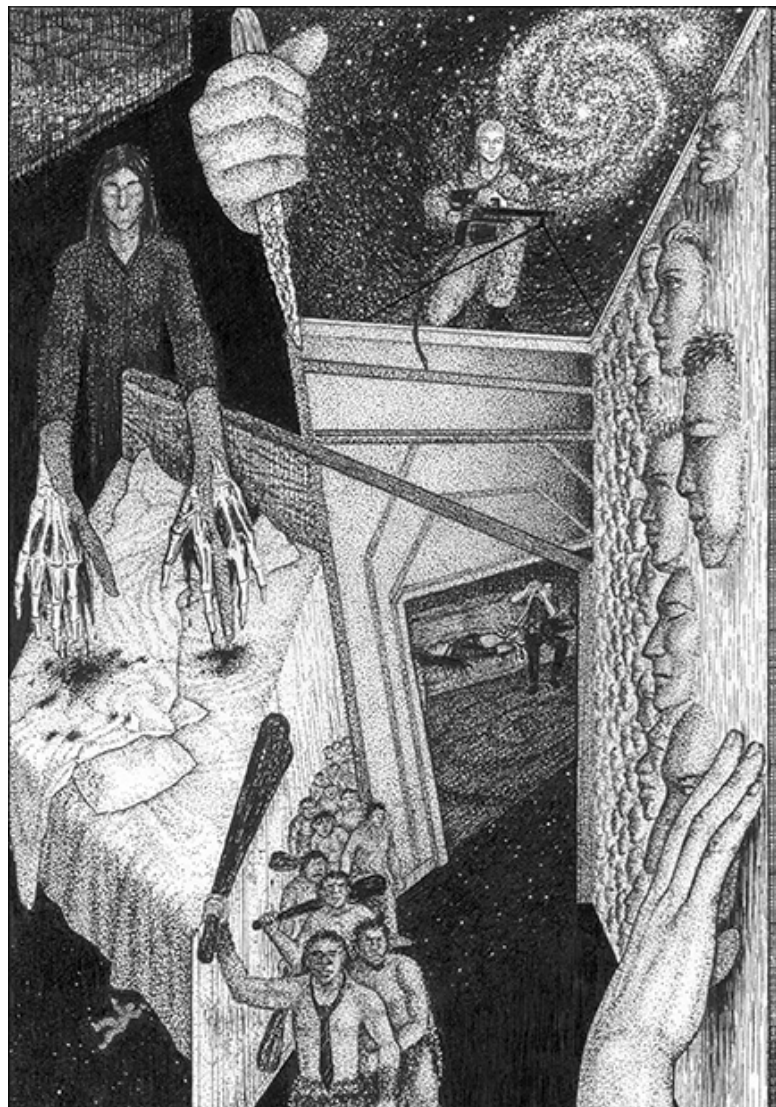
Я лежу на полу перед своей каютой. По идее, за спиной у меня кухня, а спереди гостиная. Из гостиной я знаю, как найти каюту Азамата. Где все остальные, я без понятия. Ладно, объясняться буду после детоксикации, а пока что аккуратно встали и пошли.

Приходится придерживаться за стену и буквально ползти по ней, потому что сейчас я запросто могу развернуться и пойти в другую сторону, не заметив, да и вообще не очень понимаю – вот это уже пол или ещё воздух? На стене растёт всякая склизкая дрянь, но меня этим не проберёшь, я знаю, что это глюки. Ну вот, допросилась, теперь из стены торчат лица. Кусаются, гады! Но глюкам главное не верить, а то как бы на осязание не перекинулись.

Навстречу попадается Тирбиш, из носа у него висит змея. Протягиваю руку, щупаю его: нет, глюк. Идём дальше. Одна из кают открыта, освещена. Там сидят Дюпониша с Квиггли и обсуждают безопасность. Куски обгорелой плоти болтаются при движениях. Чего теперь-то обсуждать, думаю.

Эй, нет. Не хватало только ясность мысли утратить.

Доплетаюсь до гостиной. Во рту пересохло безбожно. На диване лежит Алтонгирел со вспоротым животом, рядом сидит Эцаган и накручивает его кишки на бигуди. Знаю, что глюк, даже проверять не буду.

На ощупь считаю двери – конечно, как только понадобилось отсчитать, я их сразу стала видеть тыщами, ну или совсем ни одной. Ну да ничего, руки вы мне не заморочите. Тем более что у капитана дверь не запирается. А вот и она.

Захожу, зачем-то задвигая дверь за собой. Вижу Азамата, он вроде как спит, одеяло сбилось, подушку только что не надел на голову. Лица не вижу, но это и к лучшему в нынешнем состоянии. Так, теперь надо проверить, что он не глюк. Подхожу, трогаю его за плечо. Вроде и правда человек лежит. Смещаю руку пониже, на рёбра. Ага, дышит. Залезаю на кровать, начинаю его расталкивать.

– Азамат! Помоги! У меня галлюцинации! Мне нужно найти лекарство.

Бормочет что-то невнятно, не просыпается. А может, это я не вижу и не слышу. Внезапно кладёт руку мне под мышку, пригибает к кровати, я падаю. Прижимает к себе, накрывает одеялом.

– *Всё хорошо*, – говорит почему-то по-муданжски. – *Всё хорошо, тебе просто приснилось. Я с тобой. Спи.*

Больше ничего не помню.

Глава 7

В которой лечатся и калечатся

Просыпаюсь оттого, что жарко. Рядом, не иначе, печка. Нет, оно дышит. Вот вдох пошёл, долгий, глубокий. Слышу, как расправляются лёгкие. Господи, кто же это такой огромный? Может, мне снится, что я маленькая у мамы под боком сплю? Ладно, кто бы ни был этот большой зверь, я знаю, что он добрый. Он потерпит, если я ещё поваляюсь. Только уж очень греет. Оказывается, я отвыкла спать не одна.

Укладываюсь поудобнее, утыкаюсь лицом в тёплый бок. Или это не бок... Поди разбери. Нет, это, наверное, грудная клетка, потому что сердце слышно. Ого, как стучит. Частовато для такого большого существа. Может, большой зверь сердится, что я не даю ему встать? Ладно, чувствую, пора просыпаться.

Зеваю, потягиваюсь, продираю глаза. Странно, обычно я помню, где засыпала, даже спяну. А спяну, похоже, и было, судя по сушняку. И голова немного кружится. Атас.

Слева от меня кто-то лежит. Медленно поворачиваю голову вверх, чтобы посмотреть, кто. С того конца на меня квадратными глазами взирает Азамат. А что, собственно... О-о-о-ой, да, вспомина-а-а-аю!

Вовремя соображаю, что подскакивать и шараться не

стоит – голова закружится, а может и стошнить. Он не оценит.

– Привет, – говорю. Язык нифига не слушается. – Я тебе не очень помешала?

Молча мотает головой, волосы на лицо падают. Он с распущенными спит? И не путаются?

– У тебя чего-нибудь попить нету?

Всё так же молча берёт с тумбочки позади себя бутылочку минералки. Господи, Азамат, кто скажет, что ты не прекрасен, – рыло начищу!

Пью, сколько могу за один присест. Потом дышу. Голова кружится.

– Можно узнать, как вы тут оказались? – спрашивает он слегка не своим голосом. Или это у меня всё ещё глюки?

– А ты не помнишь? – говорю. Кажется, он бледнеет.

– Боюсь, что нет.

– Я отравилась галлюциногенами, – говорю. – Пришла попросить тебя помочь мне найти лекарство, потому что сама видела всякий бред, не смогла бы прочитать этикетку.

– И... почему вы меня не разбудили?

– Мне казалось, что разбудила.

– А я что-то сказал?

– Да. Что всё будет хорошо и что мне всё приснилось. А потом я отрубилась. Ты правда не помнишь?

– Нет.

Садится, трёт лицо руками. Пижама на нём тёмно-зелё-

ная в обтяжку, рукава длинные, вырез к шее вплотную. Как в этом спать можно – не знаю. Зато какая талия... Под курткой-то не видно. Буду для мамы фотографировать, надо будет с него куртку ободрать. Так, хватит о чуши думать. Мне всё ещё нужно лечиться, все-таки и рецидив возможен.

– Знаете, это могло случиться, – говорит.

– Что? – не понимаю я.

– Что я говорил во сне. У меня младший брат в детстве страдал кошмарами, приходил ко мне в комнату чуть не каждую ночь. Я привык его успокаивать, не просыпаясь. Видимо, привычка сработала.

Начинаю ржать, хотя мне это сейчас совсем не показано.

– Извини, – хрюкаю. – Мне всё ещё нехорошо, хотя, по крайней мере, глюков не ловлю. Ты не можешь со мной сходить, проследить, чтобы я ничего не перепутала?

Смотрит на часы, там шесть утра.

– Хорошо, – говорит. Встаёт, надвигает тапки. Ступни у него узкие, пальцы длинные. Вообще, жутко красивый мужик был до ожога. Да и сейчас, в общем-то... А какие волосы – это вообще чума! Распушенные-то они ещё вполовину длиннее, жёсткие, блестящие. Хорошо, что мне так плохо.

Плечусь за ним босиком. Интересно, почему меня отпустило, когда он меня обнял? То есть если отместить романтическое объяснение как неорганизованное. Может, конечно, просто доза такая была, что вот ровно настолько хватило.

– А как вы отравились? – спрашивает. Хотела бы я знать.

– Точно не знаю, но у меня с собой психодизлептиков нет, так что я не могла их принять по ошибке. Я вообще вчера никаких таблеток не пила. А действуют они почти сразу. Какая я была вчера за ужином, ты, наверное, заметил. Запомни на будущее, это симптом, называется эйфория.

– Вы думаете, за ужином вас кто-то отравил?

– Не хочу никого обвинять...

– Ну да, – поджимает губы. Кажется, подозреваемый у нас один и тот же.

Доходим до моей каюты, дверь настежь, постель вся наизнанку, тапки кверху брюхом валяются, как дохлая рыба. Нетвёрдыми руками роюсь в мешке. Так, вот что-то похожее. И вроде бы написано всё правильно. Сую Азамату прочитать – да, он родимый. Ага, глядите-ка, в мешке есть мой антидот. Прекрасно! Ещё бы шприцом в баночку попасть... Показываю шприц Азамату.

– Посмотри, сверху пузырьки не плавают?

Смотрит на шприц, хмурится неуверенно. Не видел, что ли, никогда?

– Нет, не плавают... Лиза, что вы собираетесь с этим делать?

– Колоться, что ж ещё. Не волнуйся, это обычная процедура, несложная и неопасная.

Так, ну в плечо самой себе неудобно, тем более с моей нынешней координацией. Значит, в бедро. Хорошо, что штаны широкие, можно закатать по самое некуда.

– Дай йодовые салфетки, пожалуйста. Вон та пачка.

Наблюдает с тревогой, как я размазываю яркий стерилизующий раствор.

– Намечаете мишень?

Фыркаю.

– Вообще-то стерилизую, но наметить – тоже полезно. Смотри, если промахнусь, хватай за руки.

Но не промахиваюсь. Больно, блин. Ладно, уже всё. Отдаю ему шприц.

– Выкинь, пожалуйста.

Смотрит недоумённо, но слушается. Я откидываюсь на кровать, где сидела. Ноги остаются стоять рядом с кроватью, даже штанину не раскатала. Наверное, это не очень прилично выглядит, но мне всё глубоко пофигу. Ох, нет, не всё, потому что меня мутит. Едва успеваю закрыться в ванной, когда накрывает. Ну что ж, это как раз хорошо. Напиваюсь воды из-под крана, благо дистиллят, и через минуту меня выворачивает ещё раз. Интересно, дверь ванной звуконепроницаемая? Ладно, кажется, отпустило. Выпадаю обратно в комнату, Азамат стоит с совершенно потерянным видом – куда бежать, кого спасать?

– Вам... что-нибудь ещё нужно?

Я снова падаю на край кровати и начинаю потихоньку отъезжать. Он наклоняется надо мной, грива его шикарная по обеим сторонам висит. Улыбаюсь – наверное, выгляжу совсем безумно.

– Мне нужно ещё поспать. Если нетрудно, принеси воды... Сушняк дикий.

– Сейчас принесу, – кивает. Немного колеблется, потом всё-таки сгребает меня и без видимых усилий перекладывает на кровать целиком, пледиком накрывает. Подоткни, и я заплачу.

– Передай Алтонгирелу, что он мне примерещился без глаз и рта, – бормочу мстительно. И отрубаясь.

Просыпаюсь и первым делом выглахтываю полуторалитровую бутылку минералки, стоящую на тумбочке у кровати. Мысленно произношу тост за здоровье капитана. Снова закрываю глаза и сосредотачиваюсь на ощущениях. Ничего, жить буду. Собственно, помимо некоторой вязкости в голове, никаких ощущений и нет. Так что можно, пожалуй, выползти из койки и пойти взглянуть на мир, потому что спать я уже больше не могу.

Я так со вчерашнего вечера и не разделась, как пришла с ужина в некондиции. Пожалуй, пора, да и сполоснуться не помешает после всей этой химии.

После душа напяливаю снова свои штаны, а сверху – высушенную блузку, одну из двух, что были у меня в багаже. Выгляжу почти парадно, даже кругов под глазами нет. И чувствую в себе силы на свершения – небольшие, правда. Например, дойти до кухни ещё чего-нибудь попить.

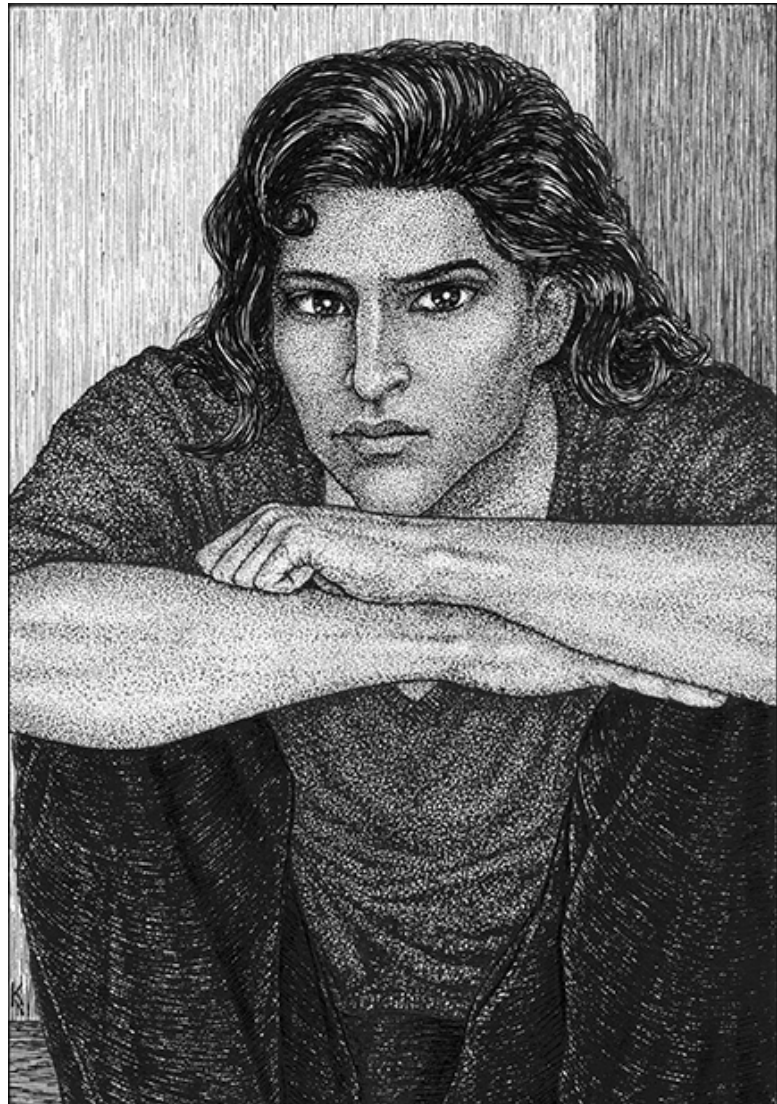
Добредаю, начинаю шуровать на предмет чая. Водогрей-

ка-то горячая, но это ж ещё надо найти, где они прячут тот мешок, и куда мою кружечку убрали, и где опять большие пиалы.

– Вам помочь?

Подпрыгиваю. Кто здесь?!

Оказывается, Эцаган. Сидит в дальнем углу на лавке, слившись с местностью, колени к подбородку, вид мрачный.

– Я чай ищу, – говорю растерянно. Похоже, сорвала человеку сеанс хандры.

– В нижней тумбочке справа от вас, – указывает, потом пристраивает лоб на коленях, прямо-таки буквально замыкаясь в себе. Ладно, не моё дело... Нахожу свой мешок, завариваю, подумываю, не свалить ли, чтобы человеку на нервы не действовать. Конечно, если ему одиночества охота, почему бы не пойти в свою каюту? Туда точно никого постороннего не принесёт. Впрочем, время позднее, ужин уже прошёл, можно ожидать, что и в столовой никого не будет. Наливаю чай.

– Ой, – слышу из угла. Эцаган вскакивает, выбирается из-за стола, идёт ко мне. – Что-то я совсем забылся. Давайте я вам налью и пиалу нормальную дам...

– А эта чем плоха? – размешиваю сахар, уже предвкушая, как я сейчас выдую эти пол-литра счастья.

– Ну нехорошо ведь такую большую... Невежливо получается.

– А маленькую – вежливо?

– Ну да, она ведь быстро кончается, нужно всё время подливать.

Ах да, что-то я такое слышала про чей-то этикет, что гостю надо давать маленькую чашку, чтобы всё время за ним ухаживать, а большая значит «пей и уходи».

– Так вот почему капитан так хохотал, когда я сказала,

что единственное, что меня не устраивает в этой пиале, это отсутствие ручки.

Эцаган фыркает:

– Да уж, я себе представляю. Ну давайте я...

– Не надо. В мелкой посуде остывает мгновенно, а я люблю горячий. А ещё я очень не люблю суету за столом. А поскольку я сегодня болею, то имею право не подстраиваться под ваш этикет. Придётся тебе немножко почувствовать себя плохим хозяином, зато я с удовольствием чаю попою.

Ржёт. Вообще, эти танцы вокруг чая мне уже изрядно поднадоели. Какая, понимаешь, великая межкультурная проблема!

Сажусь за ближайший стол, осторожно отпиваю. Господи, какой кайф.

Эцаган пристраивается напротив, снова приобретая меланхоличный вид. Хорошо, что меня не интересуют юноши на десять лет меня младше, а то ведь такой романтичный герой-любовник...

– Жизнь – стерва? – спрашиваю осторожно. Сама ненавижу, когда пристают, что у меня стряслось.

– Да нет, в общем, так... по мелочи. Алтонгирел с капитаном поругался, а он от этого всегда становится совершенно невыносим.

Можно подумать, всё остальное время он просто пусечка.

– Боюсь, что это из-за меня, – говорю покаянно, хотя на самом деле не боюсь, а надеюсь. Что Азамат уже наконец

вправил этому козлу мозги.

– Да уж знаю, – хмыкает Эцаган. – Уже весь корабль слышан, они так орали... Надо же было додуматься, подсыпать вам этой дряни. Можно было догадаться, что на вас не так подействует, как на нас, если вы от гармарры засыпаете.

– А какого эффекта он ожидал? – поднимаю бровь. Это что было, отворотное зелье?

– Ну, вообще эту штуку пьют, когда нужно понять, что за люди тебя окружают. Потому что от неё видишь главные черты окружающих... как бы... ярче. Причём на нас-то она действует сразу, ненадолго и без последствий.

– То есть это он мне пытался обеспечить интенсивное знакомство с коллективом? – хмыкаю, вспоминая свои глюки в гостинной.

– Нет, он просто хотел, чтобы вам стало неприятно находиться рядом с капитаном.

Слегка впечатываю ладонь себе в физиономию и позволяю ей стечь.

– Слушай, ты можешь мне объяснить, почему его так волнует моё общение с Азаматом? Я уже не знаю, что и думать.

Эцаган невнятно пожимает плечами.

– Они друзья.

– Это теперь так называется? А ведёт он себя так, как будто они как минимум женаты!

Ой, зря я это сказала... Конечно, я больная, мне можно, но что-то мой собеседник нехорошо в лице переменялся.

– То есть... я ничего не хочу сказать... – начинаю мямлить.

– Алтонгирел мне не изменяет, тем более что Азамат натурал! – возмущённо выпаливает Эцаган.

Если вычеркнуть все непечатные выражения, которые я подумала в свой собственный адрес, останется, что я икнула.

– Прости, – говорю, – я не хотела тебя обидеть.

Снова икаю и утыкаюсь в чай. Эцаган вздыхает.

– Ладно, я понимаю, что после того, как он вас отравил, можно о нём что угодно подумать. Но с Азаматом они действительно просто друзья, почти братья даже. Алтонгирел – ровесник младшего брата капитана, они в детстве играли вместе. Тем более что у Алтонгирела родители рано умерли, так Азамат его читать учил!

– Хорошо-хорошо, я верю! – тараторю. – Я вообще тут ни про кого ничего не знаю и понять не могу, чего он ко мне прицепился... Это просто так выглядит...

Эцаган фыркает, мотает головой. Кажется, простил.

– Да уж, могу себе представить. Но он просто боится, что капитану будет... трудно с вами расстаться.

– Да, это, конечно, причина, чтобы меня бить и травить, – делаю длинное лицо.

– Есть вещи, которые очень трудно объяснить, – вздыхает Эцаган. – Алтонгирел, конечно, не всегда разумно поступает. Но он хороший человек.

Некоторое время сидим молча, я вожу пальцем по краю

пиалы, но она не звенит.

– А сколько лет Азамату? – спрашиваю для шума.

– Тридцать девять, а что?

– Ничего, так, просто интересно. По нему трудно сказать.

Собственно, он, пожалуй, выглядит постарше, ну так и жизнь у него была не сахар.

– Да уж, – кивает Эцаган. – Я вообще поражаюсь, как вы его терпите. Меня Алтонгирел три месяца уговаривал вступить в команду, после того как я капитана впервые увидел. Вы чего?

Видимо, у меня на лице что-то изобразилось помимо воли.

– Да так, знаешь, – поджимаю губы. – Он как бы не виноват, что с ним такое случилось.

– Какая разница, виноват или нет? Он просто урод, и смотреть на него противно, вот и всё.

– А-а тебе не кажется, что так говорить несколько невежливо? .

– Но я же не хочу его обидеть! – удивляется Эцаган. – Это просто факт. Вот у вас глаза синие – это ведь вас не обижает?

– То, что у меня глаза синие, это объективная реальность. А то, что ты про Азамата говоришь, это твоё отношение.

– Почему только моё? Спросите кого угодно, все скажут, что он урод. Да и вообще, вы сами не видите, что ли?

Вздыхаю.

– А как ему вообще удалось собрать команду и стать ка-

питаном, если все его считают уродом? Я ведь так понимаю, у вас это очень важный параметр.

Эцаган усмехается, встряхивая головой.

– Да у нас такая команда, нам всё нипочём. Кроме меня, Тирбиша и пилотов, тут все воины высшего разряда. Взять хотя бы Ирнчина – он дюжину кораблей сменил, прежде чем сюда попасть. А что, говорит, делать, если капитан идиот и в безопасности ничего не понимает? Азамат хоть страшный, но с ним спокойно как-то, можешь быть уверен, что он всё предусмотрит. И проблемы решает полюбовно. А то я вот к одному капитану пришёл наниматься, а он мне: постригись. Ну ага, побежал! Азамат-то ничего такого не требует, – Эцаган демонстративно намотал локон на палец. Потом вдруг глаза у него загорелись: – А знаете, как он круто дерётся? И нас учит, чтоб не раскисали тут в четырёх стенах. Некоторые ради этого тут работают. У других свои проблемы, вон, Орвой – тоже пугало, его особенно и не берут никуда, а если подумать, снайпер-то он каких поискать. Тирбишу нравится, что Азамат не нарушает законов принципиально. Тирбиш, он такой положительный парень, а наёмничает, чтобы семью поддерживать, тут платят лучше, чем на планете. Короче, как капитану Азамату просто цены нет, жалко, конечно, что он выглядит так отвратно, но уж что тут сделаешь... Судьба.

– То есть ты в принципе допускаешь, что человек может быть хорошим профессионалом и заслуживать уважения с

любой внешностью? – уточняю я.

– Профессионалом – конечно, – соглашается Эцаган. – Особенно в космосе. На планете-то считается, если урод, значит, у богов не в чести, но тут богов нет, так что это не так важно. А вот насчёт уважения... – он мнётся, подбирая слова. – Одно дело уважать его приказы, когда работаешь. Всё-таки его корабль и он платит, и вообще во время операции послушаться капитана – это тебя потом ни в одну команду не возьмут. Но чтобы я ещё следил, как я там о нём говорю со знакомыми... это уже ни в какие ворота. Как его можно уважать, если на него смотреть противно? Он же такой страшный, что на человека мало похож, с тем же успехом можно уважать... не знаю, компьютер! – он хмурится и смотрит на меня немного высокомерно, как будто предлагает попробовать ему возразить.

Пожалуй, пора это всё прекращать, пока я не озверела окончательно от такой морали. Миссионер из меня никакой. И полемизировать я не умею. Боюсь, что если уж сам Азамат не смог их убедить, что он достоин уважения, я уж точно не справлюсь. Грустно это всё.

– Что-то у нас с тобой сегодня беседа не выходит, – говорю. – Только настроение друг другу портим.

– Спать надо идти потому что, – говорит, вставая. – Поздно уже.

Я-то сейчас точно не засну, но решаю вернуться в каюту. Вроде сушняк отпустил. Сажусь на кровать, провязываю два

ряда – и просыпаюсь утром.

Глава 8

В которой всех укладывают спать

Просыпаюсь, заметьте, голодная на совесть. Придётся немедленно идти встречаться с обществом. Где там Тирбишевы йогурты? .

Едва выхожу из каюты, слышу скандал со стороны гостиной. Кажется, участников больше, чем двое. Не моё дело, конечно... Но всё равно плетусь туда посмотреть, что стряслось. У меня с утра инстинкт самосохранения плохо работает, да.

Глазам моим предстаёт эпическая картина. Вся команда с тоскливым видом жмётся по углам холла, в центре стоят Азамат и Гонд. Первого я вижу только со спины, а вот Гонд сизо-бледный и слегка трясётся. И руку левую держит, как будто сломана.

– ... сказать мне! – гремит Азамат. – *Правила написаны, чтобы их выполнять!*

Гонд что-то невнятное мямлит в ответ. Рядом на диване, сторбившись, сидит Алтонгирел с видом покойника, смотрит в одну точку. Ох, что-то мне стрёмно...

Оглядываюсь, замечаю в сторонке понурого Тирбиша. Тихонько прокрадываюсь к нему.

– Что случилось? – шепчу. Он вздрагивает, но никто не

оборачивается.

– Ночью Гонд был на вахте, засёк джингошский корабль. И они вместе с Эцаганом выдвинулись его штурмовать.

Мямленье Гонда наконец обретает смысл:

– *Я шёл к вам, встретил его в коридоре, он сказал выгнать шаттл... Я не мог не выполнить команду.*

– *Ты был обязан сказать мне!!*

– Ну вот, – продолжает Тирбиш. – Корабль-то они взяли...

И замолкает как-то подозрительно. Судя по тому, что Азамат выволакивает Гонда, а Эцагана в комнате нет... О господи!

– Он что, убит?!

– Ранен, – говорит Тирбиш так, как будто это ещё хуже.

– Где он?

– У себя в каюте.

– Пошли.

Решительно тяну его за рукав. Могли бы меня и разбудить, идиоты! Но Эцаган тоже хорош, что за пубертатные выходки? Мало им было, что они на нашем корабле двоих потеряли. Надо теперь, чтобы я ещё себя виноватой почувствовала, что он в дурном настроении был вчера?! Обойдётся!

Дверь в каюту Эцагана приоткрыта, Тирбиш остаётся снаружи, а я захожу и обомлеваю. Бедолага лежит на кровати, по всей видимости, без сознания, всё лицо залито кровью, поперёк лба широкая борозда.

О боже. Ещё бы Азамат не бушевал. Разворачиваюсь на

пятках и мчусь к себе в каюту за мешком, едва не сшибая ошарашенного Тирбиша.

Возвращаюсь так же бегом, распахиваю дверь. Тирбиш всё ещё стоит рядом.

– Заходи, будешь ассистировать!

– Но... я...

– ВНУТРЬ!

Заходит, я вытряхиваю всё из мешка на стол, выхватываю необходимое.

– На, возьми, намочи, протри ему лицо, чтобы видно было, где повреждено. Ну!

Со второго пинка Тирбиш стартует в ванную. Вот самое время нашёл для своих предрассудков. Я тем временем оглядываю Эцагана в прочих местах и обнаруживаю несколько ранений в живот. Кровать уже вся кровью пропиталась, ещё бы он был в сознании! Пульс, однако, ещё вполне приличный. Обдираю с него лишнюю одежду и сомнительные бинты, кидаюсь осматривать внутренние повреждения.

Ещё в прошлом веке один китайский гений сварганил портативный сканер. Они любят всё комбинировать... Так вот, он может шестью разными способами снимать изображение с человеческого нутра. При большом желании и хорошей настройке им можно даже сквозь стены смотреть. А так – палочка с катушим шариком на конце да экранчик. Как люди без этой штуки раньше жили, не представляю.

Так, задеты в основном кишки и соединительные ткани.

К счастью, большая часть ранений нанесена лазером, а он заваривает рану, так что почти нет опасности заражения. К сожалению, открытые тоже есть, придётся промывать. Тирбиш неуклюже приступает к выполнению команды. Где мои спазмолитики-анальгетики? . .

Как же я рада, что взяла всё это с собой! И мою любимую машинку для заваривания швов. Её изобрели уже на моей памяти. Если на ткань в месте разреза нагрузка небольшая, то можно как бы склеить края обратно вместе, и всего через пару дней будет как раньше. И никаких тебе швов, вообще никаких следов. Кому-то тут сильно повезло, что у меня есть моя машинка.

Тирбиш на мои манипуляции не смотрит, отвернулся.

– Я вам ещё нужен? – блеет.

– С химическими весами обращаться умеешь? – спрашиваю, заклеивая Эцагану физиономию. Машинка – машинкой, а контакт с внешней средой лучше пока минимизировать.

– Да, конечно.

Как удобно жить, когда все вокруг технически подкованные! Правда, если бы у меня была искусственная кровь, было бы ещё удобнее. Или хотя бы готовый физраствор... Хорошо хоть нас в колледже натаскали обходиться бытовыми средствами вместо фирменных смесей и прочих достижений цивилизации. Понимают, что в космосе может и не быть под рукой модных медицинских новинок.

– Вот тебе чистый натрий-хлор, – протягиваю Тирбишу баночку. – Разведи ноль девять в дистилляте и подогрей половину до тридцати семи градусов. Справишься?

– Да, а сколько литров?

– Давай пока парочку... на всякий. И – ты понимаешь, что такое «стерильно»?

Он кивает, хватая соль и весы и счастливо уносится прочь от вида «изуродованного» Эцагана... Тоже мне, блин, наёмники! Девки нервные! Азамат, правда, Гонду что-то там вкручивал про «без шлема». То есть, наверное, обычно они какой-то доспех надевают, когда драка предстоит. В таком случае Эцаган у нас дважды герой. Очнётся – отшлёпаю.

Через пару минут возвращается Тирбиш с двумя флягами физраствора. С интересом наблюдает, как я втыкаю иглу. Похоже, тоже никогда шприца не видел. Хорошо хоть под руки не лезет.

Со внутренними травмами куча возни: сначала всё промыть нежно, тёпленьким растворчиком, кишки все просмотреть детально, а это несколько метров, отсосать всю дрянь, зашить, а где приварено лазером – расклеить... Упариваюсь конкретно, хорошо хоть сканер подсвечивает повреждения. Ну вот, наконец с этим покончено. Ставлю отсос, ввожу антибиотики.

Теперь что у него там с лицом?

С лицом всё не так плохо, ранка-то, собственно, одна, и та легко закрывается после дезинфекции. Нет, мой завари-

ватель швов – великая вещь. Жаль, её не было у того, кто зашивал Азамата...

Ну вот, пациент стабилизирован. Пульс почти нормальный, зрачки на свет реагируют. Скоро должен очнуться. Надеваю ему на запястье пульсометр – запищит, если что.

– Всё? – осторожно спрашивает Тирбиш.

– Ну да, – вздыхаю удовлетворённо. – Теперь ждём, когда очнётся и что расскажет. Пока больше симптомов нет.

Тирбиш кивает, как будто понял. Впрочем, скорее, он реагирует на мой спокойный тон. Мы слегка прибираемся, он выливает отходы производства, я собираю свои причиндалы обратно в мешок от греха. Вид обрезков кишок у Тирбиша отвращения не вызывает, видимо, царапина на лице гораздо противнее.

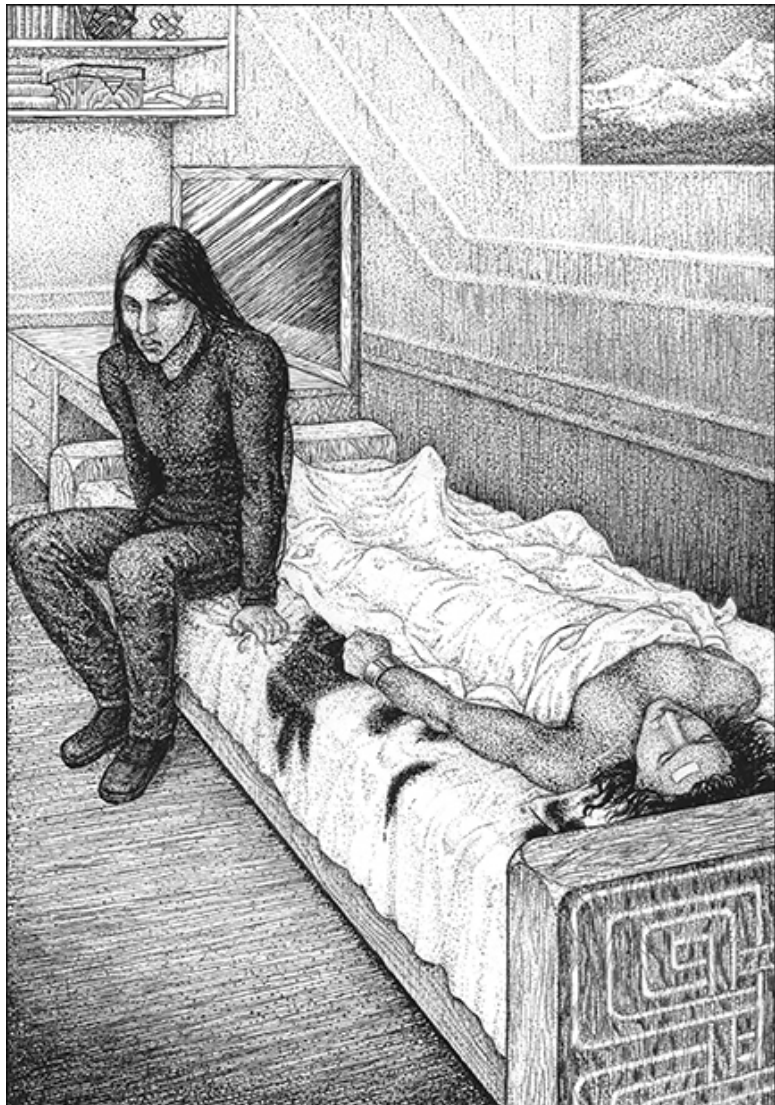
Я уже открываю рот попросить его посидеть тут, присмотреть за больным, когда дверь вдруг распахивается и входят Азамат с Алтонгирелом. Азамат такой мрачный, что аж лицо потемнело, не знаю уж, как это возможно. Алтонгирел, наоборот, серовато-бледный, глаза пустые и как будто даже отощал, хотя всего-то прошло несколько часов.

– Что ты тут делаешь? – спрашивает он меня, хотя и без выраженной вопросительной интонации. Видно, мозги совсем отключились, надо же, как переживает.

– Я, – говорю, – врач. Я тут лечу. Вам надо было меня сразу разбудить, когда он вернулся.

Алтонгирел никак на мои слова не реагирует, бредёт к

кровати, садится на край, почти в лужу крови, и остаётся неподвижно сидеть. Надо будет кого-нибудь запрячь поменять бельё. Алтонгирел сейчас вряд ли способен на конструктивную деятельность. Не знаю, правда, из-за чего он больше страдает: что его парень ранен и в опасности или что у него лицо повреждено. Ладно, по умолчанию выберу первый вариант, не буду сволочью.

Азамат, кажется, осознаёт, что в моих словах есть доля истины.

– Мы привыкли обходиться своими силами, – говорит. – Но я рад, что вы решили помочь. У вас есть... какие-то прогнозы?

– Да, – энергично киваю. – Причин для волнения нет. Он стабилен, скоро должен очнуться. Если кроме тех повреждений, что мне удалось обнаружить, никаких других нет, то он полностью выздоровеет.

Азамат кивает с некоторым облегчением, хотя, по-моему, он мне не верит. Ну, если у них женщины в принципе не могут быть врачами, то неудивительно, что он мне не доверяет. Ладно, погоди, сам увидишь.

Алтонгирел меня, похоже, вообще не слышит. Подхожу к нему, щёлкаю пальцами перед лицом. Конечно, я всё понимаю, у человека горе, но я ему ещё своё подпорченное здоровье не простила. Он слегка фокусирует взгляд.

– Если он очнётся, позови меня. Я буду в кухне. И если вот эта штука у него на руке запищит, тоже позови. Причём очень быстро. Это понятно?

Он открывает рот, потом передумывает и кивает. И снова отключается от внешнего мира. Поворачиваюсь к Азамату:

– Думаешь, он меня услышал?

– Да, – говорит Азамат уверенно. – Он всё сделает. Пойдёмте.

Обнаруживаю, что Тирбиш под шумок уже смылся. Не знаю уж, чем так ужасен кусочек пластыря на лбу, но зато, когда я наконец-то дохожу до кухни, там уже пахнет едой. Правильно, мальчик, мыслишь. Как говорится, если врач сыт, то и больному легче.

– Где Гонд? – спрашиваю у Азамата. Он снова мрачнеет.

– Пока что заперт у себя.

– Мне надо будет его осмотреть.

– Что? – капитан аж сощурился, как будто кислое что-то откусил.

– У него рука сломана, – говорю.

– Он сам виноват.

– Эцаган тоже сам виноват, – говорю. – Ему теперь за это умереть?

Азамат тяжело вздыхает.

– Ваше внимание плохо сочетается с наказанием.

– Наказывать будешь потом, когда я удостоверюсь, что он вне опасности.

– Ладно, – кивает. – Вы правы.

Тут Тирбиш подносит мне какие-то жареные пельмени, и я временно утрачиваю способность говорить. Азамат сидит напротив и смотрит, как я ем. И меня это даже не раздражает, не то что не смущает. Кстати, вот ведь интересно, мне кажется, что я называю его на «ты», а он меня – на «вы», хотя во всеобщем нету разницы. Это после того как я с ним в обнимку поспала. Интересно, что должно случиться, чтобы

и он на неформальный тон перешёл?

Видимо, забыв о моём присутствии, Азамат трёт лицо с той стороны, где ожоги. Ну да, я понимаю, что ты думаешь. Однако обещать тебе, что у Эцагана не будет никаких последствий на лице, я не могу, даже если уверена, что их не будет. Потому что если будут, то получится намного хуже, лучше уж сейчас понервничать.

– Он всегда переживает, если я с Алтонгирелом ссорюсь, – говорит капитан. Прекра-а-асно, давай теперь ты ещё себя во всём обвинишь.

К счастью, он не продолжает развивать мысль, хотя на лице всё написано светящимися буквами. В перерыве между двумя пельменями откладываю ложку и беру Азамата за руку, безвольно лежащую на столе. Обхватить не могу, так, сбоку прихватываю, как прищепка.

– Всё будет хорошо, – говорю. Это, конечно, ответственное заявление, но я тоже не железная.

Азамат пускает меня к Гонду и сам заходит следом. Бедный парень, похоже, решает, что вот сейчас его казнят.

– Не волнуйся, – говорю, – Эцагану тоже достанется. От меня лично.

В ответ слышу только нервное сглатывание.

Перелом у него закрытый, с небольшим смещением. Мелких осколков нет. В принципе, ничего страшного, он даже не вскрикивает, когда вправляю. Может, конечно, решил перед

капитаном продемонстрировать стоицизм, не знаю. Накладываю шину с применением куска какой-то аппаратуры, специально для этой цели найденного на складе. Азамат смотрит как замороженный. И где они были все эти века...

Напоследок капитан окидывает Гонда грозным взором, и мы выходим. Идём куда-то... Точнее, это Азамат идёт, а я за ним следом, не знаю зачем. Привычка уже, наверное. В неизвестном мне отсеке корабля навстречу нам попадается один из старших в команде, тот, что сидит за столом справа от Алтонгирела.

– *Как будем...* – начинает на муданжском, потом, покосившись на меня, переходит на всеобщий. – Как будем хоронить?..

– Кого?! – рывкаю я, не давая Азамату и слова сказать.

– Эцагана... – растерянно отвечает мужик.

– Когда он лет через семьдесят умрёт от рака прямой кишки в своей постели, это будет не ваша проблема, – говорю с некоторым нетерпением. Нет, ну можно не верить, что я хороший врач, но не до такой же степени!

Собеседник переводит озадаченный взгляд на капитана.

– Не суетись, Хранцицик, – произносит капитан, и я фыркаю совершенно неприличным хохотом прежде, чем успеваю скомандовать себе промолчать. Азамат что-то там продолжает говорить про то, что моего пациента рановато хоронить.

– Но я же сам его бинтовал, там нет шансов... – бормочет человек с чудо-именем. Это заставляет меня резко посе-

рвѣзнуть.

– А, так это был ты? А промыть раны или хотя бы кровь остановить тебе в голову не пришло? – напускаюсь на него. Я, может, тут и в гостях, и маленькая, и беззащитная, но когда речь идёт о моём пациенте... голову откушу только так.

– Естественно, я промыл! – возмущается он.

– Ага, с расстояния в два метра! У него всё лицо в крови было, когда я зашла!

– Ну так заново натекло! Что вы думаете, кровь ждать будет?

– Я думаю, что можно было зашить!

– На лице?!

– А что?!

– На лице нельзя зашивать! Тут уж как срастётся, у каждого своя судьба.

Очень хочется побиться головой о стенку. А лучше побить кое-кого. Больно.

– А на животе что? Тоже нельзя?

– Так раны сквозные, я же не могу внутри зашить! Ну и какой смысл...

Держите меня семеро. Иначе точно стукну.

– Значит так, – говорю, – я зашила всё. Это раз. Эцаган выживет, это два. А три – ты, хрен-цуцик, уйди с глаз моих, пока я тебе что-нибудь не пришила!

Шарахается, как от огня, в панике зыркает на капитана и, получив, видимо, разрешение, исчезает куда-то в боковой

коридор.

– Это, что ли, бортовой врач? – рычу. Нет, ну правда, ребёнок из экошколы лучше бы справился!

– Нет, у нас на борту нет целителя, – говорит Азамат, тихо стерпевший мои вопли. – Их и на Муданге-то не хватает.

– Что, мударжцы патологически неспособны врачевать? Почему нельзя обучить столько, сколько нужно? Где рыночная экономика, в конце концов?! – что-то я разбушевалась.

– Это очень долго, – пожимает плечами Азамат. – И трудная работа. Из тех, кто может получить образование, мало кто хочет всю жизнь смотреть на чужие уродства.

Хватаюсь за голову, еле сдерживаясь, чтобы не завывать в голос. Вот уроды!!!

– А что, – спокойно продолжает Азамат, – вы действительно смогли всё зашить?

– Естественно, – вздыхаю. Придётся, видимо, смириться с их варварскими представлениями. – Там проблема не столько зашить, сколько промыть как следует и найти все повреждения.

Мы начинаем куда-то идти, опять не знаю куда.

– Я уже заметил, – говорит Азамат, – что ваши целительские методы сильно отличаются от наших. Видимо, у вас они гораздо лучше развиты...

– Да уж, не без этого, – кривлюсь. – Я вот не понимаю, как вы умудрились пройти мимо всей нашей медицины. Если вы даже обычного шприца не видели... Они ведь на Земле по-

явились раньше звездолётов!

– Так у нас с Землей до самого недавнего времени не было никаких контактов... – разводит он руками.

– Ну вы же всё равно когда-то переселились с Земли на свой Муданг. Это ведь не могло произойти раньше наших первых полётов в космос!

– А вы думаете, мы когда-то жили на Земле? – удивляется капитан. Я встаю как вкопанная.

– До сих пор, – говорю неверным голосом, – наукой не зафиксировано существование разумных рас, не происходящих с Земли.

– Вот как... – говорит он и глубоко задумывается. Мы снова двигаемся в путь и успеваем дойти до угла, прежде чем он продолжает. – Что ж, вам виднее, мы-то помним свою историю всего на несколько столетий назад. Однако до сих пор я был уверен, что мы осели на Муданге примерно в двенадцатом веке по земному летоисчислению. Как я понимаю, ваши корабли появились существенно позже.

– Да уж, – говорю. – У нас в то время ещё и Америку не открыли...

И встаю как вкопанная во второй раз.

– Америку, – повторяю тупо.

– Это... какой-то регион на Земле? – хмурится капитан. – А что с ним такое?

– Просто... э-э-э... самые похожие на вас люди жили как раз там. Но мы, в смысле, европейцы... – много ему это ска-

жет, ага, – в смысле, кто наукой занимался, впервые с ними встретились в пятнадцатом веке, и то в конце.

– А теперь не живут?

– Все перемешались, – пожимаю плечами. Обойдётся без кровавых подробностей, мне пока жизнь дорога.

– Так... вы что, думаете, наши предки научились строить звездолёты задолго до ваших, а вы об этом ничего не знаете?

– Ну про них мало что известно, но ходит много всяких невероятных легенд. То есть я бы сказала, что если кто и мог такое отчудить, то это были они. Вы вон до сих пор в одиночку собрать звездолёт из подручных средств можете.

– Вы преувеличиваете, – улыбается. – У нас просто высоко ценится способность к ручному труду.

– Вот-вот, – говорю. Что-то больно красиво выходит. Только вот язык у них, по мнению всех лингвистов, родственный монгольскому. Конечно, какой там язык был у тех индейцев, я не знаю, но...

– А чем вам так не понравилось имя Хранцицика? – Азамат параллельно мне переключается на лингвистику.

Я снова ржу, просто не могу остановиться.

– Очень, – говорю, – смешно звучит на моём языке.

Азамат качает головой.

– Это значит просто «дождевой цветок», он в дождь родился.

Ну да, я даже понимаю. Можно подумать, от этого легче.

– Я, признаться, до знакомства с вами не знал, – продол-

жает Азамат, рассматривая меня, – что на Земле есть другие языки, кроме всеобщего.

– Ха! – фыркаяю. – Три тыщи не хочешь?

– Сколько?!

О-о, я вывела его из душевного равновесия! Как мне нравится, когда он так тарашится!

– А как вы друг друга понимаете? – продолжает изумляться мой друг с моноэтнической планеты.

– Вот для того и всеобщий, – смеюсь. – Его не для космоса вводили, а для Земли.

– С ума сойти, – качает головой. Ну вот, хотя бы я его развлекла немного, лицом просветлел. Что-то в нём есть неуловимо родное. Во внешности и даже в запахе. Как будто детские воспоминания какие-то просыпаются. Впрочем, в свете моих последних измышлений насчёт индейцев в космосе в двенадцатом веке это уже как-то жутковато.

То, куда мы в итоге приходим, оказывается капитанским мостиком. Он мало чем отличается от прочих, которые мне приходилось видеть: по кругу экраны-иллюминаторы, под ними сенсорные панели управления, по сути, тоже экраны. Компьютер – он и на Муданге компьютер. На мостике двое парней в тапочках и потрёпанных свитерах, они кивают нам с капитаном, не отрываясь от экрана.

– Лиза, боюсь, что нам придётся отложить разговор, – говорит капитан, приземляясь в оставшееся свободное вы-

движное кресло. – Мне надо немного порулить.

– А пилоты на что? – моргаю озадаченно. Разговора-то мне не жалко...

– Они ребята молодые, не очень опытные, а мы сейчас полетим через облако, и я предпочитаю сам повести.

Ребята дружно пропускают всё это мимо ушей.

– Я думала, для лавирования в облаке есть специальный софт, – говорю с опаской. Как-то очень не хочется в таком деле полагаться на человеческие способности, пусть наш капитан хоть трижды гений космоса.

– Ну, софт – это инструмент, – размеренно говорит Азамат. – Им ещё надо уметь пользоваться. Он, конечно, облегчает работу, в смысле, что ни с чем не столкнёмся. Но если полагаться на одни только программы, то уж очень трясёт.

Это да. И швыряет резко. А ты, что ли, лучше можешь?

– Тут нужно плавненько, – продолжает капитан, видимо, оседлав любимого конька. – И с умом, не шарахаться от всего на свете. Тем более мы сейчас с прицепом, пленный корабль тащим. Заодно ребята мои поучатся в таких условиях рулить.

О, да тут намечается мастер-класс старшего павиана. Ну что ж, хоть какое самоутверждение. Правда, по виду господ пилотов не скажешь, что они в курсе, что их сейчас будут чему-то учить.

– Вам, Лиза, наверное, не стоит здесь оставаться, – мягко говорит Азамат. – Это, знаете, напряжённое дело...

Ну да, я понимаю, мужики хотят поиграться. Наверное, в наши РПГ-шки они всё-таки не режутся, им в реале хватает.

– Хорошо, – говорю. – Пойду проведу пациента.

Пациент, конечно, уже очнулся, а Алтонгирел, конечно, меня не позвал. Сидят, разговаривают тихонечко, ячейка общества, блин.

– Как самочувствие? – спрашиваю деловито.

– Как будто живой, – вяло отвечает Эцаган. Проверяю пульсометр, нормально, семьдесят в минуту.

– И правда живой, – говорю. – Мутит?

– Нет, – мотает головой. Видимо, сотрясения нету.

– Ну давай рассказывай ход боевых действий, – говорю, выдвигая из-под стола стул. Вылупились на меня оба, как будто я о подробностях их личной жизни спросила. Придётся объяснять, ох уж эти варвары. – Мне нужно знать, что именно произошло, чтобы выяснить, какие у тебя ещё могут быть повреждения кроме тех, что я нашла.

– Какая теперь разница, – вздыхает, – какие там ещё повреждения...

В кои-то веки Алтонгирел принимает мою сторону. Строго выговаривает Эцагану по-муданжски. Я почти ничего не разбираю, но это действует. Захватывающий рассказ о двух идиотах, перебивших пару десятков джингошей, выглядит достаточно убедительно. Ну а если он всё-таки приврал, то я всё равно никак не могу это проверить. Разве что Гонда

допросить, но он заперт, а капитан занят.

– Учти, – говорю Эцагану угрожающе, – если ты от меня что-то скрыл, то можешь и не выздороветь.

Он улыбается, как приговорённый. Госспади, да когда ж до них дойдёт? . .

– Алтонгирел, следи, чтобы он лицо не трогал, – наставляю. – Если придётся для этого руки привязать, то так и сделай, только не давай ему трогать лицо ни в коем случае, – потрясаю пальцем. Оба серьёзно кивают. Ладно, кажется, моя миссия здесь выполнена.

* * *

Из мемуаров Хотон-хон

Муданжские звездолёты оснащены многочисленными лапками не только для захвата чужих кораблей, хотя это тоже очень удобно: сгрёб джсингошскую черепаху под пузо и дальше полетел. Однако главная функция лапок – улавливать гравитацию далёких небесных тел. Муданжский корабль, плывущий в космосе, похож на паука, растопырившего ножки и ловящего малейшие колебания своей сети. Уловив притяжение звезды или близкой планеты, даже очень слабое, корабль усиливает его и подтягивается в ту сторону, с которой оно исходит, как на ниточке. Это позволяет муданжским кораблям практически мгновенно менять курс даже на большой скорости и исчезать из поля зрения противника в непредсказуемом направлении. При этом внутри самого корабля поддерживается постоянное комфортное

гравитационное поле.

В остальном принципы перемещения муданжцев во Вселенной мало отличаются от земных. Как все мы выучили в детстве, ничто не может двигаться быстрее, чем свет, поэтому, чтобы преодолевать гигантские пространства между галактиками в сроки, сопоставимые не только с продолжительностью человеческой жизни, но и с необходимостью регулярных поставок товаров, например, из Андромеды в Стену Слоуна, используются пространственно-временные туннели. Они могут быть естественного происхождения – если хорошо изучены и признаны стабильными, – или созданные человеком при помощи мощного луча света, которым можно свернуть пространство в воронку, как когда быстро мешаешь ложечкой в чае. Когда пролетаешь такой туннель, пространство вокруг тебя сжимается, а время и вовсе может открутиться назад, так что окажешься в месте назначения за день до вылета.

Конечно, это бывает только в специальных возвращающих туннелях или в случае неполадок; закон Земного Союза запрещает использование туннелей для путешествий во времени (кроме случаев дальних путешествий), так что обычно туннели настроены на протяжённость в два-три дня, чтобы уж с гарантией не выскочить в минус. Если же дорога и правда дальняя и туннелей надо пройти несколько, то полёт растягивается на пару недель, а то и месяцев.

Плюс к тому, от туннеля до туннеля тоже надо доле-

теть, а они густо наставлены только в самых населённых районах Вселенной. На окраинах иногда такая «пересадка» может занять по нескольку десятков лет, поэтому все корабли оборудованы собственным полем времени. Если полёт предстоит в самом деле очень долгий, то внутреннее время корабля замедляют, чтобы на борту казалось, что прошла всего пара дней. Снаружи, конечно, проходит больше, но искусственные туннели способны распознавать корабли со включённым полем времени, и когда такой корабль заходит в туннель, его выбрасывает не только вперёд в пространстве, но и назад во времени, так что и в самом деле получается, что прошло всего два-три дня. Естественные туннели обычно такого делать не могут, да и вообще они менее надёжны, чем рукотворные, зато за пользование ими не надо платить.

Популярные планеты вроде Земли или Гарнета держат около себя по нескольку очень коротких искусственных туннелей специально для гостей издалека, которым надо нагнать время. За это, конечно, дерут дикие деньги, но всё же это лучше, чем внезапно выпасть из жизни на шестьдесят лет. Разработано специальное законодательство по поводу того, кому и при каких обстоятельствах позволено нарочно задерживаться в поле времени и таким образом переходить в будущее. Разработаны и методы расследования, кто остался в будущем и не прошёл возвращающий туннель нарочно, а кто – по рассеянности или внешним обстоятель-

ствам.

* * *

Магеллановы облака практически не населены, хотя и располагаются очень близко к Млечному пути. Увы, для жизни людей оказались пригодны только спиральные галактики, а Магеллановы облака больше похожи на дрожжевое тесто, чем на классический волчок. Так что там только несколько зелёных планет-производителей с устойчивой атмосферой, но малой гравитацией, что позволяет растительности достигать гигантских размеров. Но, насколько я помню, там даже скот не разводят, а только кабачки всякие.

Поэтому сквозь них проходят несколько магистральных пространственно-временных туннелей от края до края, чтобы не задерживаться в мёртвой зоне. Проблема в том, что туннели эти вовсе не свободны от всякого мусора, который, собственно, и делает эту галактику облаком. Зато в туннеле гораздо труднее уворачиваться, потому что летишь не сам, а в поводу у гигантского водоворота. Центральный туннель, правда, по возможности очищен от всякого хлама, не знаю уж как, но мы-то летим по одному из боковых.

Так вот, это-то и удивительно. Заглядываю я в иллюминатор в полной уверенности, что сейчас увижу Сфинктер – то есть вход в туннель, – а оказывается, мы уже внутри! И не трясёт нифига, и не швыряет. Ну ладно, допустим, это мне капитан обещал. Но чтобы я захода в туннель не заметила? У меня же всегда уши закладывает от этого, и мутит, и всё на

свете. Н-да, руки у нашего капитана и правда золотые, хоть и покорёженные. Надеюсь, пилоты не упускают возможности у него поучиться, потому что есть чему!

Сажу у себя в каюте, вяжу, пялюсь в иллюминатор. И так уже часа четыре. Скучно, сил нет. И как люди жили без компьютера... Попросить, что ли, у капитана мударанжские легенды полистать под видом того, что картинки посмотреть хочу. Если, конечно, там есть картинки. В любом случае капитан сейчас занят. За иллюминатором бесконечные свитые в канат звёзды летят на бешеной скорости, уже муторно от них. Кажется, я начинаю понимать, зачем закрывать иллюминатор фотографиями. А ну-ка, где тут слайд-шоу? Хоть посмотрю на этот их Муданг.

Ничего себе такой Муданг, хоть название и ужасное. Ландшафт в основном – горы и степи, но и лес попадается. Снимки все зимние, растительность не рассмотришь. Домов тоже почти не попало в кадр, так, один-два. Они сложной формы, закруглённые такие, гладенькие. Не деревянные, а какие – понять не могу. Пара этажей, коническая крыша. Скоты бродят, вроде козы, но видно плохо, не поручусь. Пастораль, короче. Скучно.

Поскольку вязание голову не занимает, переключаюсь на бессмысленное, но мозгоёмкое занятие: Эцагановой швейной машинкой, которую он у меня так и не отобрал, выстрачиваю на более-менее однотонной полоске ткани какие-то

узорчики. Разноцветными нитками причём. Белые зигзаги, красные петельки, чёрные косички какие-то. Стадию окончательного охренения можно считать достигнутой.

К счастью, тут приходит Тирбиш звать меня к обеду. Интересно, он всех зовёт или только меня, как привилегированную? Иначе почему не объявлять по громкой связи? .

На обед нечто унылое. Вроде как жареное мясо, только оно почти сырое, а где не сырое, там не жуётся. Скотина, из которой его вырезали, при жизни, видимо, возила воду в горы и померла от перенапряжения. Я честно притворяюсь, что пытаюсь это разжевать, потому что не хочу обижать Тирбиша: остальные-то едят и нахваливают, очевидно, так и должно быть. К сырятине даже не притрагиваюсь, там может водиться целый справочник по паразитологии.

Жду, когда Тирбиш уйдёт или займётся чем-нибудь, чтобы я могла потихоньку выкинуть несъеденное, но он увлечён разговором с двумя мужиками по обе стороны от меня. Алтонгирела за столом нет. Интересно, кормят ли Гонда. Мало ли какие у Азамата методы наказания. Кстати, надо будет Эцагану питательной смеси проколоть, если есть, а то он и так тощенький.

Народ уже начинает понемногу разбредаться, когда входит Азамат. Это что, мы вышли из туннеля? И я опять ни сном, ни духом? Ни черта себе.

Капитан выглядит уставшим и, наверное, не только выглядит. Тяжело опускается за стол, прислоняется спиной к сте-

не, принимается вяло жевать. Бедняга, тут и со свежими-то силами не откусишь.

Когда весь народ между мной и капитаном расплзается, я придвигаюсь поближе.

– Здорово ты сквозь туннель прошёл, – говорю с искренним восхищением. – Я даже не заметила, когда входили, когда выходили. До сих пор ни разу ещё так гладко не летала.

Улыбается слегка. Видимо, слишком устал, чтобы спорить. Голову рукой подпёр. Цвет лица какой-то нехороший.

– Может, тебе пойти отдохнуть? – говорю участливо.

– Боюсь, засну. Ночью-то из-за всей этой передрыги с Эцаганом не пришлось. А сейчас если лягу, то встану уже завтра утром, – хмыкает.

– Ну и поспи, – говорю. – У тебя что, срочные дела какие-то?

– Да нет, но что ж я, в три часа дня спать лягу? Да я и не засну всё равно.

– Только что обещал отрубиться немедленно, – хихикаю. – Пойди хоть полежи, глаза вон закрываются!

– А вам компьютер не нужен? – спрашивает внезапно. Решил тему перевести, что ли?

– Ну, я, конечно, с радостью им воспользуюсь, но не в ущерб твоему отдыху.

Смотрит на меня сонно, потом встаёт.

– Ладно, – говорит, – пойдёмте.

Недоеденный обед он так и оставляет на столе, и я следую

его примеру, пока никто не видит.

Глава 9

В которой подслушивать оказывается хорошо

В каюте у Азамата, как всегда, почти темно. Он жестом указывает мне на бук, стоящий на столе, а сам садится к ночнику снова что-то ковырять-чинить, не вижу. Я уже привычным движением выдвигаю себе из-под стола растущее там кресло на складной ножке и упяливаюсь в экран.

Брат пишет, что детей доставили в целости, он сам видел, как их выгружали. Он пожаловался начальнику насчёт меня, и тот устроил разнос где-то в высших кругах Земного Союза. Увы, ни к чему хорошему это не привело: теперь они твёрдо уверены, что меня нет в живых, а если и есть, то, значит, предала какой-то великий земной секрет. У них там начальство сменилось три года назад, и если прежнее ко мне относилось бережно, то новое знать меня не знает и рисковать из-за меня не готово. Короче, судя по всему в ближайшее время мне на Землю лучше не спешить, мороки не оберёшься. Вот и брат советует найти какую-нибудь халтурку на Гарнете на полгода, пока там всё уляжется. А то ещё заклеят меня как мударжскую шпионку. Бред какой-то, честное слово. Зла не хватает!

Слышу, как Азамат зевает в другом углу, и злобность моя

устремляется в другое русло: ну что вот он сидит, мучается, когда можно лечь и заснуть?! Можно подумать, вся команда следит, бодрствует ли он весь день! То есть от Алтонгирела, конечно, можно и не такого ожидать, но у него сейчас другие проблемы.

– Может, тебе всё-таки прилечь? – возобновляю уговоры. – Я уже закончила, не буду мешать.

– Да нет, Лиза, не уходите. Вам ведь скучно, наверное, в каюте сидеть. Мне компьютер сейчас не нужен, так что пользуйтесь, сколько хотите.

– Если он тебе не нужен, то, может, одолжишь на вечер? А ты бы пока поспал.

Оборачивается, смотрит на меня с сомнением. Что, думаешь, я в твои личные папки полезу? Так я и здесь могу, ты же не смотришь.

– Ну, конечно, можно и так... – тянет, явно отпустить свой бук со мной не хочет. – Но мне могут звонить...

Да понятно уже всё, не отдашь ты мне любимую игрушку. И я не вправе даже просить, и так уже на шею села по полной программе.

– Ах да, – говорю, – извини, – улыбаюсь, – я об этом забыла. Но мне там действительно нечего делать больше, так что я пойду, наверное, повяжу...

Закрываю бук, поднимаюсь.

– А что вы вяжете? – внезапно спрашивает с большим интересом. Опять культурный мем, что ли?

– Свитер... маме на день рождения... – зависаю, стоя у кровати по другую сторону от капитана.

– Так странно, – говорит он несколько вымученно, – я думал, земляне не делают одежду вручную.

Я фыркаю.

– Да это больше ради процесса, чем действительно одежду сделать. Если мне нужен свитер, я его, конечно, в магазине куплю. А вязать можно в подарок, чтобы человек видел, что ты о нём помнишь.

Азамат усердно кивает:

– Да, у нас тоже так. Самодельное только дарят, никогда не продают. Так и о человеке судят, сколько у него дарёной одежды, настолько его и любят.

– Ого, – говорю. – Удобно. А легко ручную работу от покупной отличить? Я вот не всегда справляюсь.

– Ну, ручная обычно со всякими узорами, знаете... – неопределённо машет рукой в области воротника. – Вроде как со смыслом. На покупной такого не бывает.

– А, так там всякие вышивки-тесёмочки ещё? – спрашиваю с энтузиазмом, воображая пёстрые народные костюмы из старых краеведческих фильмов. Всегда хотела себе сшить что-нибудь этническое, но это же столько труда, да ещё разобраться, что в какие века вышивали да в каком племени... В общем, не люблю я в истории копаться.

– Да, там много всего, они пёстрые такие, – поддакивает Азамат с энтузиазмом.

– А у тебя есть что-нибудь для примера посмотреть? – спрашиваю.

Взгляд его мгновенно потухает.

– Что вы, откуда у меня...

На секунду лишаюсь дара речи – то ли от возмущения, что такого замечательного капитана никто не любит, то ли от ощущения собственного идиотизма: можно было догадаться, что у него нету. Ладно, теперь надо опять как-то выкручиваться.

– Ну не знаю, – протягиваю, пока думаю, что сказать, – ты ведь уважаемый человек.

Хотя бы в профессиональном отношении, ага.

– Любовь и уважение – разные вещи, – пожимает плечами. Я резко нахожу способ сменить тему, и никакие инстинкты не успевают меня сдержать:

– А как по-муданжски любовь? – спрашиваю с горящими глазами. Ну вот, сейчас мне откроется великая истина!

– Зачем вам? – усмехается удивлённо.

– Просто интересно, – пожимаю плечами, сама наивность. – Все обычно именно это слово на чужих языках хотят выучить.

– Странно, что в нём такого особенного? – поднимает бровь. – По-муданжски любовь будет *хойх*.

– О-о, – говорю, – здорово. Хойх. Я запомню.

А сама только что не ругаюсь. Как нам преподавали, хойх – это в лучшем случае дружба. То ли наш препод – идиот

и сказочку про отсутствующее слово сам придумал, то ли Азамат неправильно понимает, что такое «любовь» на всеобщем. А задавать каверзные вопросы я боюсь, ещё пропалит, что я муданжский знаю.

– Ну что ж, – говорю, – я пойду, пожалуй...

А то уже устала стоять тут.

– А вы больше никакие муданжские слова не хотите выучить? – спрашивает как-то чересчур быстро.

Напрягаюсь: неужели засветилась?..

– Да нет, – говорю, – а что?..

– Нет, ничего, – пожимает плечами. И вид у него потерянный.

Он пытается меня задержать, что ли?

– Там что, за дверью Алтонгирел с дубиной дежурит? – хихикаю. Смотрит на меня, как будто впервые видит, а потом как грохнет хохотать! Боже, как человеку мало надо для счастья. И ведь прямо покатывается, хотя я вроде ничего особенного не сказала. Чувствую, ему тут сильно не хватает поводов для радости.

Стою, улыбаюсь, вроде как мне тоже смешно. Наконец он отдышивается, вытирает левый глаз. Правый, похоже, не слезится вообще. Как же страшно жить в мире, где все травмы остаются с тобой навсегда.

– Простите, – лепечет сквозь остатки смеха. – Я просто не хотел, чтобы вы уходили.

Уй ты мой лапочка! И не постеснялся признаться! Хотя,

может, очередное культурное различие... В общем, вместо того чтобы зардеться, я решаю гнусно воспользоваться его слабостью.

– Давай так, – говорю. – Я останусь, но ты ляжешь спать.

Качает головой:

– Это что же, я при вас спать буду?

– А что такого? – пожимаю плечами. – Я же врач. При мне сотни людей спят. Некоторых я даже нарочно усыпляю.

– Но я так не могу, это невежливо, – начинает бормотать. Ну правильно, а дополнять свою и без того шокирующую внешность кругами под глазами – это вежливо. Да и не юноша уже, надо бы и о здоровье подумать.

– У нас с тобой представления о вежливости отличаются, – говорю наставительно. – Да и вообще, мы с тобой уже ночку в обнимку проспали, чего теперь-то стесняться?

– Простите, – хмурится. Кажется, я его совсем растревожила.

– Это мне надо извиняться. А ты давай ложись и спи, а то уйду. И приду с большим шприцом снотворного, так что тебя двое суток никто не добудится.

– Ну хорошо, – ухмыляется, глядя в пол. – Угрозы у вас страшные, я, пожалуй, сдаюсь. Боюсь даже вообразить, как можно проспать больше пяти часов кряду.

Пяти? И это всё, что ему надо? Хорошая тренировка, если это, конечно, не расстройство. Но я предпочитаю пока не копать, потому что Азамат наконец-то начинает укладывать-

ся, а я демонстративно усаживаюсь за стол и открываю бук: дескать, вот она я, сижу, как пришитая.

Судя по дыханию, он отрубается, едва перейдя в горизонталь. И вряд ли проснётся, если я уйду. Но мне спешить некуда, можно и по-честному поиграть. Где тут мой вязальное сообщество? . .

Ух ты, как я выпала из жизни – тут столько обновлений! И новых моделей кучу выложили, и процессы у всех продвинулись. Эх, мне бы моё сфоткать, да нечем, а то бы тоже похвасталась. Ладно, хоть соберу новенькое к себе – хорошо, что я догадалась перед вылетом с Земли сделать себе виртуальный диск в Сети, чтобы всё файло было в доступности с любого компьютера. А оттуда уже можно и открыть, и полюбоваться, и прикинуть, насколько сложно это исполнить... Под горячую руку попадают и несколько мужских моделей, которые я обычно игнорирую, потому что брат ручную работу не ценит, а больше у меня сейчас мужиков в поле зрения нету. Во всяком случае, таких, чтобы им что-то вязать. Но тут уж больно красивые, грех мимо пройти. Ссылки-то устареют, поди потом найди эти выкройки, если понадобятся.

Кстати, может, мне каких-нибудь швейных руководств почитать, раз уж я тут с машинкой... Я ведь шью-то так себе, это мама у меня всё время, что не в огороде, проводит за машинкой. А я больше вяжу и вышиваю. Ну-ка, ну-ка, что тут насчёт замера вытачек...

Тут меня наконец-то посещает идея, которая по-хорошему должна была посетить полчаса назад, а именно – сшить что-нибудь Азамату. Правда, ткани у меня уж больно вырви-глаз, но он же сам говорил, что муданжские шмотки пёстрые... Конечно, пестрота тоже разная бывает. Но связать-то точно не успею. Ладно, в крайнем случае, сошью потом, дома, и пришлю. Или если я на Гарнете застряну, чего, конечно, не хочется, но может не быть выхода, то могу и сама потом подарить. На Гарнете-то Азамат уж не реже чем раз в полгода бывает. Главное сейчас – не упустить момент и обмерить его, пока спит! А то ведь не дастся. Шить без примерки, конечно, хреново, но лучше, чем никак.

Прокрадываюсь к двери и пулей кидаюсь к себе. Я ведь брала у Эцагана мерную ленту! Ага, вот она, а вот чем и на чём записать, а то в чужой каюте рыться не хочется. Теперь быстро обратно, пока не проснулся. Захожу на цыпочках, дверь закрываю. Спит. У-ра.

Для надёжности сначала трогаю его за плечо. Не просыпается. Впрочем, вспомнить, как я его позавчера трясла и звала, а он не проснулся – можно его ворочать, сколько душе угодно. Если ему обычно хватает пяти часов сна, то и дрыхнет он крепко.

Ворочать его тяжело, конечно. Всё-таки он очень большой, а главное, мускулистый, зар-раза. И почему-то у меня такое чувство, что я подстраиваю розыгрыш. Еле сдерживаюсь, чтобы не захихикать. Зато на разбойном энтузиазме го-

ры свернуть можно – а я занимаюсь чем-то очень схожим.

Ну вот, всего обмерила на всякий случай. Ох и упарилась. Пойти умыться, что ли, а то совсем неприлично, волосы ко лбу прилипли вон. Надеюсь, у них нет никаких предрассудков по поводу посещения чужой ванной? А, всё равно он спит.

Зеркала, как я и думала, нет. В остальном в ванной порядок, полотенца на вешалочках, никакой грязной одежды не валяется. Интересно, кстати, где у них стиральные машинки стоят? Если не в личных ваннах, то, значит, где-то централизованно. Надо будет у Тирбиша спросить.

На краю ванны два флакона – шампунь и бальзам. Причём шампунь какой-то жуткий, я таким шапки стираю. А вот бальзам прямо золотой – мне этой фирмы один раз крем подарили, и я его сэкономила так, что на два года хватило. Зато теперь понятно, как Азамат свою гриву расчёсывает. С этим-то бальзамчиком корабельный канат гребешком расчесать можно.

Ладно, что-то я увлеклась сованием носа в чужую жизнь. Азамат, конечно, сам виноват – зачем ему было надо, чтобы я тут сидела? Какой ему кайф, что я просто сижу рядом и тыкаю в комп? Даже не разговариваю с ним... Может, конечно, количество часов, что я с ним провожу, отражается на его престиже... Но тогда бы Алтонгирел так не зверствовал, наверное. Если он и правда такой хороший друг, как Азамат полагает.

Ну хорошо, может, там какие-нибудь эзотерические изображения, недоступные простым смертным. Потому что трудно мне как-то поверить, что ему так нравится смотреть на мой затылок. А, ладно. Пойду обратно за комп, накопаю ещё выкрасок. Где-то я там видела страничку, где можно ввести обмеры, а оно само всё посчитает...

В следующий раз я отлипаю от компа, когда просыпается Азамат. И обнаруживаю, между прочим, что у меня затекла шея. Ого, а время-то восемь вечера! Однако давно я до Сети не дорывалась, так ведь и заночевать могла.

Азамат ворочается и потягивается с очень довольным видом, и тут замечает меня. Видимо, он успел забыть о нашем договоре.

– Я думал, вы уйдёте, – говорит он сиплым спросонок голосом.

– Почему же? Я ведь сказала, что останусь.

– Ну... не так долго, сейчас ведь уже вечер.

– А я тут зачиталась, – машу рукой в сторону бука, – не заметила, сколько времени прошло.

В полутьме мне кажется, что он улыбнулся шире, чем обычно.

– А говорили, вам там нечего делать.

– Делать-то нечего, бездельничать есть чего, – ухмыляюсь. – Мы можем ещё успеть на ужин.

– Ах да, действительно, ужин! – он приподнимается на

локте, чтобы взглянуть на часы, стоящие под таким углом, что ниоткуда толком не видно. Мне, после того как я ворочала эту тушу, просто удивительно, как он легко двигается. – Ну пойдёмте, пойдёмте.

Когда мы являемся на ужин, все как-то нехорошо обращиваются. То ли мы слишком близко друг к другу, то ли слишком довольные... Не знаю. Но хорошо, что Алтонгирела в кухне нет.

Кстати, надо проведать пациентов. Прямо после ужина отправляюсь сначала к Гонду – благо ему как раз понесли еду. Всё-таки Азамат его голодом не морит. У него всё по-прежнему, ничего не болит, и с наказанием своим он свыкся. После него иду к Эцагану. Уже у самой двери едва не сталкиваюсь с Алтонгирелом, который как раз выскочил в коридор и понёсся в сторону кухни так быстро, что волосы развеваются.

Стучусь и захожу. Эцаган сидит на кровати с бодрым видом и подозрительно красными губами. Это, кстати, очень хорошо. Это значит, что они не поругались из-за Эцагановой выходки. А то ещё не хватало, чтобы у Алтонгирела начались проблемы в личной жизни, он же мне тогда покоя не даст вообще.

– Хорошо выглядишь, – говорю. – Как жизнь?

– Терпимо, – ухмыляется.

– Алтонгирела есть отправил? – спрашиваю одобрительно, пока проверяю пульс. Пожалуй, кровообращение восстано-

новлено, новую капельницу ставить не буду, только антибиотиков ещё вколю.

– Вообще-то мне принести, хотя я надеюсь, что он тоже что-нибудь съест.

Я делаю страшные глаза.

– Ты чего, тебе рано есть! У тебя ещё кишки не срослись.

– Но ведь хочется, – жалобно скулит Эцаган. Какой он всё-таки ещё маленький!

– Я тебе сейчас сахара в кровь загоню, от голода не погрёшь. А есть тебе нельзя.

– Ну хоть чуть-чуть...

Странно, после таких травм обычно аппетит долго не появляется. Уж никак не раньше, чем кишечник заживёт. Посмотреть, что ли, на него.

– Давай-ка я гляну, – говорю, берясь за сканер. Эцаган с интересом рассматривает свой заклеенный живот. Пластыря тоже не видел?

А вот тут уже кое-что, чего я не видела... Чтобы ткани *на-столько* восстановились за какие-то двенадцать часов?! Не может быть! Если только предположить, что у мударжцев регенерация идёт быстрее, чем у нас... Вон Азамат и спит мало. Хм.

– Если палец порежешь, насколько быстро заживает? – спрашиваю для проверки.

– Ну, за пару часов, наверное, а что?

– Так, чтобы совсем следа не осталось?

– Без следа за день. А что?

Задумываюсь, барабаню пальцами по одеялу. Ну ладно, видимо, и правда быстрее восстанавливаются. Теперь я об этом аккуратно помолчу, а потом мы с одной надёжной другой из центра генетических исследований получим нобелевку.

– Разрешаю попить бульона. И не надейся, я тут буду стоять и прослежу, чтобы ты больше ничего не съел.

– Ура! – Эцаган делает какой-то жест рукой, видимо, означающий победу. Внезапно он хмурится. – Ой, а можно вас попросить, пока Алтонгирела нету, посмотреть, что у меня там на лбу?

– Ты хочешь сам посмотреть или чтобы я посмотрела? – криво ухмыляюсь.

– Ну... я просто хочу знать, как буду выглядеть, до того, как он увидит...

Взгляд его становится весьма тоскливым. Ох уж мне эти эстеты.

– Эцаган, я думаю, уж раз он до сих пор сидит у твоей постели, как пришитый...

– Да я знаю, что он меня не бросит! – выпаливает Эцаган раздражённо. Видимо, я сегодня не первая с умными мыслями. Или Алтонгирел его сам задолбал уверениями. – Я просто хочу знать, что там.

Ладно, в конце концов, можно и показать. С такой-то регенерацией там уже должно быть не страшно. Поливаю пла-

стырь перекисью – этот, хирургический, от неё сразу теряет липкость. Собственно, всё совсем здорово: на месте лазерного ранения еле заметная блестящая полоска и больше ничего. Моя машинка да их регенерация – вот он, рецепт чуда.

Эцаган замечает моё обалделое выражение и кидается к зеркалу, которое, к счастью, просто по другую сторону кровати.

– Руками не трогай, – говорю. Всё-таки кожа нежная ещё, не стоит. Вижу в зеркале счастливую физиономию пациента: вот она, вечная награда за труды. Впрочем, от денег я тоже не откажусь. Да ладно, едой и транспортировкой откупились.

И тут, конечно, для пушшего драматического эффекта, входит Алтонгирел с сервировочным столиком. Пока длится немая сцена, я успеваю откатить столик в сторону, чтобы не свалили, и выскочить из каюты в коридор. Общение пациента с семьёй я наблюдать не нанималась.

Стою, жду, пока наобщаются, чтобы проследить за кормлением. В конце коридора нарисовываются Азамат с Тирбишем. Заметив меня, ускоряют шаг.

– Что-то случилось? – спрашивает Азамат озабоченно.

– Да нет, просто жду, когда эти двое там внутри смогут воспринимать информацию.

Тирбиш осторожно заглядывает в щёлку.

– Ух ты... у-у-ух ты...

– Что, уже секс? – спрашиваю настороженно. С этим пока всё же лучше погодить.

– Не-ет, – хихикает, – но прикольно.

Азамат складывает руки на груди и вперяет в меня якобы укоряющий взгляд. Я усмехаюсь, но молчу, как партизан.

– О, – говорит Тирбиш. – Можем входить.

Они входят, и я следом. Наши голубки слегка раскраснелись, но оба совершенно счастливы, удивительно, что нас заметили.

– Ого, – говорит Тирбиш. – Вообще ни следочка! Вот это я понимаю, земляне крутые!

Азамат некоторое время просто стоит у двери, качая головой, потом слегка улыбается и говорит:

– Тебе невероятно повезло.

– Знаю! – радостно отвечает Эцаган. – Госпожа Лиза, я ваш вечный должник!

Закатываю глаза в лучших традициях Алтонгирела. Хорошо хоть сказал он это весело, а то меня бы замутило.

– Ты, – говорю, – давай пей свой бульон, пока не остыл, а то шас ещё одну капельницу получишь.

Алтонгирел быстро подвигает ему столик и даже полотенчику подкладывает в качестве нагрудника. Полюбовавшись, как Эцаган лопает бульон, духовник оборачивается ко мне.

– Лиза, я...

– Ты сейчас же пойдёшь спать, – говорю веско, для убедительности хлопая его по плечу. – Разрешаю перед этим тоже принять бульончику. Но потом в койку немедленно.

Ага, попытка построить резко возвращает ему привычные

манеры.

– Ничего подобного, я останусь здесь и...

– Ой, Лиза, уложите хоть вы его! – подаёт голос Эцаган. – Мне уже на него смотреть страшно, но он не слушается!

– Я лучше знаю, где мне надо быть и когда спать! – огрызается Алтонгирел. О да, как мне его не хватало! Азамат у него за спиной демонстративно хватается за голову. Ну ладно, сейчас обеспечим. Азамат хоть посмотрит, чем я ему угрожала. А Алтонгирелу как раз будет по заслугам.

Сделав вид, что отступилась, отыскиваю в своём медицинском мешке пузырёк с сильным снотворным в растворе и новый шприц. Нахально пользуюсь тем, что Алтонгирел понятия не имеет, что всё это такое и как оно работает. Потом прохожу мимо него как бы в сторону Эцагана, но по дороге всаживаю ему шприц в плечо.

Духовник только и успевает, что вскрикнуть «Э!», а потом глазки затуманиваются.

– Азамат! – говорю. – Лови!

И Алтонгирел картинно падает, проваливаясь в сон.

Ошарашенный Азамат подхватывает заснувшего на лету духовника под мышки, и они с не менее ошарашенным Тирбишем выносят его прочь. Эцаган провожает их взглядом, застыв с пиалой у рта.

– *С ума сойти*, – бормочет он по-муданжски. Потом залпом поглощает остатки бульона и поворачивается ко мне. –

А вы опаснее, чем кажется.

Я кокетливо пожимаю плечами. А что тут ответишь? Забираю у него пиалу, ставлю на столик. Интересно, Азамат теперь его тоже запрет, как Гонда?

– Какого чёрта тебя понесло на абордаж? Да ещё и без экипировки? Что за детский сад, «назло всем наемся соли и голодным спать лягу»?

– Да ладно вам, Лиза, – жалобно блеет Эцаган, подтягивая одеяло к подбородку. Бельё ему так никто и не сменил, идиоты. – Мне ещё капитан всыплет...

– И правильно сделает. Я бы на его месте тебя вообще отшлёпала!

Мальчишка в ужасе вжимает голову в плечи:

– Ой, не надо, пожалуйста! У него такие руки...

Я издаю вздох, переходящий в стон. Ну что за люди!

– А себя ты, видимо, считаешь чересчур красивым, раз полез в пекло без нужды.

– Нет! Просто... всё то время, что вы здесь, Алтонгирел только и думает про вас с Азаматом, а меня как будто вообще нету.

– И ты решил привлечь его внимание каким-нибудь геройством.

– Ну, я не то чтобы решил... Просто тут подвернулись эти джингоши...

– Ясно, – вздыхаю, сажусь на стул. – Я надеюсь, ты получил хороший урок и больше так по-идиотски себя вести не

будешь.

– Да теперь у меня уже не будет возможности, – уныло хмыкает Эцаган.

– В смысле? – моргаю. Он что, всё ещё думает, что не оправится?

– Азамат нас выставит.

– Куда выставит?

– Ну мы с Гондом серьёзно нарушили правила, да ещё и пострадали от этого. Азамат не держит в команде ненадёжных людей, он нас выгонит.

Ого. Сурово у них тут. Хотя так и должно быть, наверное, всё-таки не в офисе сидят, а в космосе воюют.

– И что ты будешь делать? – спрашиваю, чтобы не создавать тягостного молчания.

– Не знаю, посмотрим, – пожимает плечами. – Я много чего умею.

Ну да, шить, например. Кстати, я так загребла всё его швейное барахло...

– Тебе, – говорю, – машинку сейчас вернуть или можно ещё попользоваться?

– Да пользуйтесь. Я так шить-то толком не умею, только чинить, если порвётся.

– Спасибо, а то я хотела... – обрываю себя на полуслове. Эцаган, конечно, изрядная девчонка, но делиться творческими планами с ним – это уже как-то слишком. Дальше только нижнее бельё обсуждать. Хотя если подумать... Может,

провентилировать с ним мою задумку? А то мало ли какой у них по этому поводу этикет, ещё нарвусь на что-нибудь.

– Чего вы хотели? – переспрашивает он тем временем. В глазах живой интерес.

– Да я вот думала сделать что-нибудь капитану в подарок... на память... – мямлю неловко. Ох, что-то сейчас будет.

Но нет, бури не следует, Эцаган только таращится на меня блюдцеобразными глазами.

– Ого, – говорит он после паузы. – Что-то я начинаю думать, может, Алтонгирел зря беспокоится...

– О чём?

Эцаган, видимо, возвращается к реальности и отмахивается:

– Да так, всё насчёт вас. А из чего вы шить собрались?

– Это хороший вопрос, – говорю. Добиваться от него, что там Алтонгирел про меня думает,дохлый номер – не станет же он своего любимого мне закладывать, в самом деле. – Я думала подождать до Гарнета, там прикупить тряпку, а потом прислать... – развожу руками, дескать, советы принимаются.

– Погодите, – говорит он задумчиво. – У меня кое-что есть...

И начинает вставать с кровати. Приходится его быстренько усадить обратно.

– Ты куда собрался? – спрашиваю. – Тебе ещё лежать и

лежать.

– Да я только хотел достать...

– Даже не думай. Мои швейные эксперименты не стоят твоего здоровья, лежи уж.

Он слегка розовеет, можно подумать, комплимент услышал. Но это хорошо, значит, кровь восстановилась. Вот и цвет лица нормальный.

– Ладно, сами достаньте, – разрешает великодушно. – В нижнем ящике комода.

Присев на корточки, суюсь в нижний ящик. Там, под пластиковой коробкой, как мне показалось, с бисером, обнаруживается пакет с аккуратно сложенной тёмно-зелёной тканью. Сначала подумала, что шёлк, но при ближайшем рассмотрении она оказалась батистом, просто таким гладким, что блестит.

– Ого, – говорю, несколько благоговейно поглаживая мягкую поверхность. – И мне можно это взять?

– Ага, – кивает он с кровати. – Берите. Я когда-то прихватил на Брошке по дешёвке, думал поучиться шить. Но так руки и не дошли, а теперь ещё меньше свободного времени будет.

– На где? – протормаживаю я.

– Брога, это станция небольшая такая, ближайшая к Мудангу. Мы её Брошкой называем.

– А-а, ясно. Я... тебе что-нибудь должна за ткань?

Дешёвка – дешёвкой, но настоящий лён на Земле – доро-

гое удовольствие. Деньги-то у меня есть, весь аванс от Дюпоники на карточке, которую я, к счастью, держала в кармане юбки.

– Да нет, вы что! Вы же мне лицо вернули!

Ах да. У него ведь нет медстраховки. Ну что ж, прекрасно!

– Ну ладно, тогда спасибо за помощь. Только не говори пока никому, – подмигиваю.

– Не скажу, – ухмыляется он. – А вы уж давайте шейте. Может, Алтонгирел успокоится...

От Эцагана я уйду просветлённая, прижимая к сердцу материал. Ощущение розыгрыша возвращается с удвоенной силой. Припрятав своё сокровище в каюте, отыскиваю Тирбиша и вношу ему, что надо сменить окровавленные простыни. Он резво бежит выполнять, хотя уже довольно поздно. Видимо, я на волне вдохновения очень убедительно выгляжу, а может, он боится тоже получить снотворного.

Алтонгирела уложили в его собственной каюте, и дверь автоматически закрылась. Пришлось обойти полкорабля в поисках Азамата, который единственный может открывать чужие двери. Вместе с ним и захожу к духовнику.

Не то чтобы я озабочена состоянием спящего, а просто очень интересно посмотреть на его каюту. Она до некоторой степени оправдывает ожидания: довольно неопрятная и с явным эзотерическим уклоном. На полу поверх стандартного ковролина плетёные коврики с письменами и какими-то ми-

фическими тварями; у стены большой стеллаж, заставленный коробками. Большая их часть – обычные пластиковые контейнеры, но есть и старые, разрисованные и облупившиеся жестянки, а есть резные сундучки. Всё набито под завязку, крышки не прилегают плотно, тут и там высовываются хвостики от тесьмы или цепочки, резные звериные морды или ветхие листочки бумаги.

Бумага меня особенно потрясла. У нас-то уже два века как все письменные принадлежности из пластика. Его хорошо подделывают под бумагу, но он по краю не обтрёпывается и не желтеет со временем.

Кровать у Алтонгирела пошире, чем прочие, которые я видела тут, на корабле. Вероятно, чтобы Эцаган помещался, хотя он только в плечах и имеет хоть какую-то ширину.

Азамат стоит у меня за спиной, пока я проверяю пульс у спящего. Потом я достаю стетоскоп и принимаюсь вдумчиво выслушивать дыхание. Всё это нужно только и исключительно, чтобы Азамат убедился, что я тут делом занимаюсь, и оставил меня одну. Через минуту он так и делает.

Я нашариваю на тумбочке у кровати пульт от двери и тихонечко её запираю. Теперь без большой нужды меня никто не побеспокоит, а духовник дрыхнет без задних ног.

Итак, я открываю шкаф. О да, жизнь прожита не зря, тут столько этнической одежды, что еле помещается. Могу себя поздравить, я знала, у кого поискать.

Произведя первичные раскопки, прихожу к выводу, что

большая часть висящих тут изделий представляет собой подобие утеплённого халата с прилегающим в комплекте длиннющим шарфом, хотя это, наверное, пояс. Простота покроя, конечно, радует глаз, но у меня не тот материал, чтобы из него такой халат шить. Надо поискать что-нибудь поизящнее.

Далее обнаруживаются несколько пар мягких длинных кожаных сапог, висящих, как штаны, на плечиках. Или, может, это чулки, не знаю.

Есть и штаны, они широкие и короткие, по моим прикидкам, должны заканчиваться под коленом. На концах штанины резко сужаются. Видимо, чтобы в сапог вставлять удобнее было. Особенно меня веселит расцветочка – тут вообще довольно пёстро, но штаны просто выдающейся яркости: красные, синие, зелёные, – так и горят чистым, незамутнённым цветом. Халаты тоже бодренькие, но на них много узоров, всякой тесьмы и вышивки, и в целом они не кажутся такими яркими. Кстати, с некоторым сожалением замечаю, что мои, точнее Тирбишевы, тряпки в цветочек тут бы не пошли: растительные мотивы в узорах есть, но они совсем другие и все вышиты, а не прямо на ткани нарисованы.

Наконец-то я нахожу нечто наподобие рубашек. Их этот гад в соседнее отделение шкафа засунул. Считаются бельём, что ли? . Они тоже очень яркие, однотонные и напоминают мне костюмы к спектаклю по «Вечерам на хуторе близ Диканьки», который ставили у брата в школе. Мы с мамой тогда

ему шили некий условный казачий костюм, так вот там была похожая рубашка. Высокий стоячий ворот на пуговицах, узкие манжеты, а в остальном покрой довольно просторный, только на поясе узко, полы чуть длинноватые – как раз зад прикрыть. По вороту и манжетам идут простенькие геометрические узоры. Но главное, материал как раз такой, как мне надо. Тут, правда, скорее атлас какой-то, но я не думаю, что это существенно.

Ладно, на этом и остановимся. Надеюсь, Алтоша не заметит, если я позаимствую у него одну рубашечку в качестве образца. А чтобы не обсчитаться в выкройке, сейчас мы повторим подвиг с обмериванием. Извлекаю из кармана своих прекрасных штанов припасённую рулетку, ручку и блокнотик – и приступаю. Алтонгирела, к счастью, легче ворочать. Он и пониже, и не такой накачанный, хотя тоже ничего себе. К тому же я не боюсь его разбудить. Даже если учесть, что на муданжцев наше снотворное должно действовать слабее, с той дозы, что я ему дала, часов семь ему обеспечено.

Эврика. Теперь у меня есть образец одежды, мерка, по которой он сшит, мерка, по которой надо шить, и ткань. Что ещё может быть нужно для счастья?

Весь следующий день я занимаюсь расчётами и кройкой. В холл я с этим, конечно, не пошла, а то там многовато любопытных. Сижую у себя в каюте.

Эцагана теперь тоже заперли – как выяснилось, это дела-

ется, чтобы провинившийся ещё чего-нибудь не натворил, пока не высадят. Я навещаю его перед обедом, чтобы вколоть ещё антибиотиков и убедиться, что ему можно есть – завтрак-то он благополучно продрых. Лоб у него совсем затянулся, теперь вообще ни следа. Кишки, впрочем, тоже.

– Как самочувствие? – спрашиваю привычно, пока сматываю сканер и отклеиваю оставшийся пластырь с живота.

– Хорошо, скучно только. Алтонгирел-то всё ещё спит... Может, мне уже можно встать?

– А толку? Выйти из каюты ты всё равно не можешь. Бук тебе вон поставили поближе. Сиди, бездельничай.

– Ну это да-а... Просто лежать надоело. С утра Азамат заходил, целый час мне мозги компостировал, а я даже не мог прикинуться, что занят.

– Правильно компостировал, – хихикаю. – Уж он-то знает, как тяжело жить со шрамами.

– Да уж... – Эцаган мрачнеет. – Я в детстве один раз зачем-то побрился налысо, так мне от отца тогда не так досталось, как сейчас от Азамата. Он меня так отчитывал, что сам чуть не заплакал. Мне даже неловко, я-то думал, он завидовать будет, что у меня всё прошло...

– А чего тут завидовать, держал бы врача на борту постоянно.

– Так с ним это ещё на Муданге случилось. Без целителя он бы вообще не выжил.

Ага, то есть это всё-таки чьи-то кривые руки. Ох, попа-

дись ты мне...

За обедом Азамат и правда несколько не в своей тарелке, рассеянный, опять зависает над каждым куском. Сегодня у нас бараньи рёбрышки (во всяком случае, на вкус похоже на баранину), которые едят руками, а в качестве гарнира нечто... Сушёные желтовато-белые шарики, которые предлагается размачивать в воде и так есть. Солёные они как сволочи, но поскольку мясо несолёное вообще, то как раз достигается баланс. Слово, которым Тирбиш эти шарики обозвал, мне неизвестно, но он объяснил, что их делают из молока. Страшно подумать, как.

Хранцицик зыркает на меня исподлобья, как незаслуженно побитая собака. Остальные – которые ещё не успели ни разу под горячую руку попасть – с некоторым благоговением. Видимо, весть о чудесном исцелении Эцагана вознесла мой и без того немаленький авторитет в этом племени и во все на невообразимые высоты. Не могу сказать, что мне это как-то особенно приятно. Только-только хоть какой-то контакт налачился, а если они меня теперь ещё сильнее зауважают, то начинай сначала. Хотя прикольно, конечно, ничего не скажешь.

После обеда подкатываю к Азамату поинтересоваться, чем он так обеспокоен, но он явно не склонен к общению. В глаза не смотрит, к буку не приглашает.

– Слушай, ну ты же не думаешь, что я на тебя со шприцом

охотиться буду, – не выдерживаю я. – Вообще, мог бы догадаться, что среди моих средств есть и опасные.

– Да нет, что вы, Лиза, я прекрасно понимаю, что вы как целитель имеете в своём распоряжении разные яды и умеете ими пользоваться.

– Ну а что тогда, за Алтонгирела переживаешь? Он скоро проснётся здоровый и бодрый.

– Ничуть не сомневаюсь.

– А чего ты тогда весь день как в воду опущенный?

– Мне жаль, что придётся расстаться с хорошими работниками.

А-а, ну это да. И всё, конечно, из-за меня. Я их поссорила, и у Эцагана появились идеи. Хотя на самом деле всё из-за Алтонгирела, который почему-то на меня взъелся до такой степени, что перестал уделять внимание своему парню. Вот придурок.

Пока я судила да рядила, Азамат от меня улизнул, зато я услышала, как кто-то кому-то сказал, что Алтонгирел проснулся. Всё-всё, ухожу. У меня в каюте ещё куча работы.

Ну что сказать, рубашка получилась. Не то чтобы прям атас, но правдоподобно. Во всяком случае, симметрично. И на вид всё на своих местах, а то с меня станется длину с шириной перепутать. По идее, пора идти дарить.

Но что-то как-то стрёмно. А вдруг он решит, что я издеваюсь? Или, может, ему не понравится, но из уважения ко

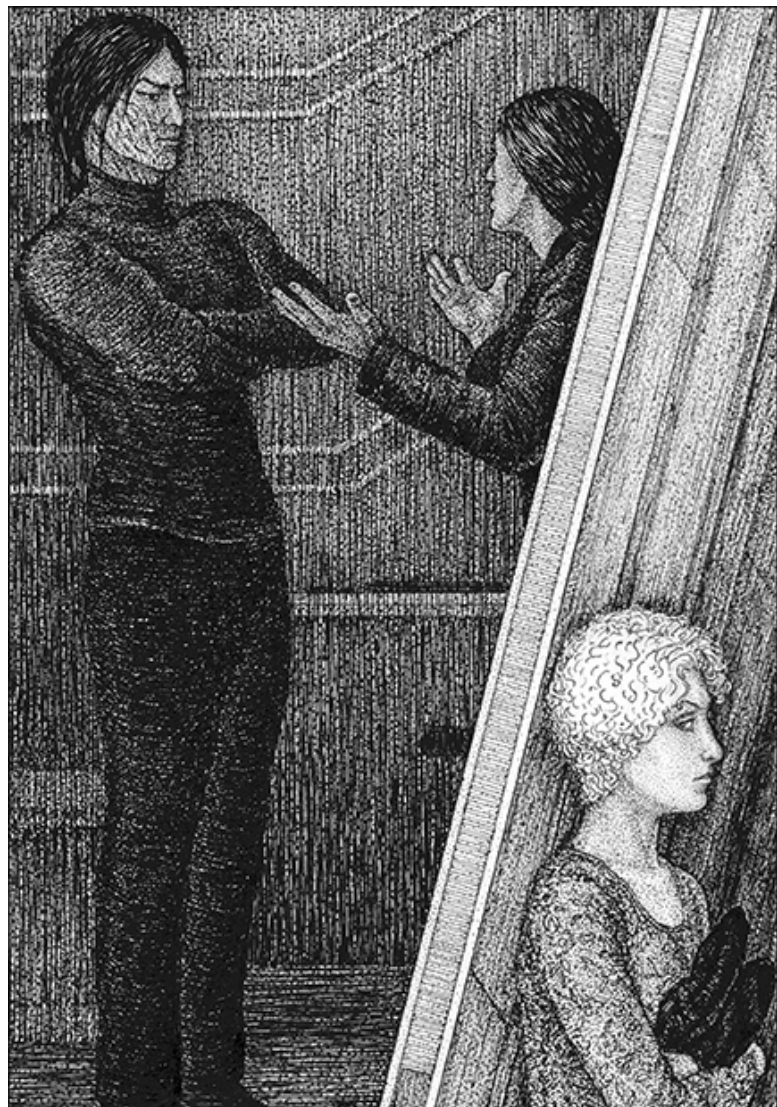
мне он всё равно будет носить и тихо меня ненавидеть? Да ладно, мне уж тут осталось три дня прожить. Потерпит, в крайнем случае, а потом я исчезну, и можно будет расслабиться. Алтонгирел вон не больно-то носит свою коллекцию подарков.

На нервной почве тяну время, раскладываю и складываю своё произведение то так, то эдак. В итоге решаю всё-таки вышить воротник и манжеты, благо совсем недавно тренировалась это делать машинкой.

Как ни странно, это тоже выходит вполне прилично: чёрным по тёмно-зелёному – почти не видно, а так в отражённом свете отблёскивает. Изящненько так. Ну ладно, хватит теревить шов, прими уже валерьянки, сложи изделие аккуратно – и вперёд.

На подходе к каюте слышу раздражённые голоса. Ну конечно, вот именно сейчас у него кто-то есть! Надолго, интересно?

Подхожу поближе. Раз замок сломан, то и звукоизоляции никакой, вот и слышно так хорошо. Но кто же мог оказаться у Азамата в самый неподходящий момент, как не Алтонгирел?! Спать ему, видите ли, необязательно, а вот с капитаном скандалить – просто как воздух необходимо! Я так злюсь, что забываю обо всяких приличиях: встаю у двери, прижимая рубашку к груди угрожающе сложенными руками, и жду, пока Азамат освободится. Очередь – так в очередь!

Орут они по-муданжски, конечно, и я поначалу даже не прислушиваюсь, и так знаю, что ничего не пойму толком, только расстроюсь. Но потом кое-что привлекает моё внимание.

– *Ты хочешь знать, чего я боюсь?!* – кипятится Алтонгирел, и я прямо вижу, как он плюётся, когда это говорит. – *Тебе прямым текстом сказать? Намёков уже не понимаешь?*

Азамат что-то невнятно бурчит в ответ, и духовник прямо-таки взрывается:

– *Я боюсь, что она украдёт у тебя душу! И мы оба знаем, что на этом тебе придёт конец! Она улетит на свою Землю через три дня и забудет твоё имя, а ты уже никогда – никогда! – не будешь счастлив!*

Я слегка прирастаю к стене, изо всех сил вслушиваясь в ответ Азамата.

– *А тебе не приходит в голову, что это могло уже случиться?* – говорит он довольно тихо. Дальше я слышу только сбивчивое дыхание, видимо, Алтонгирела.

– *Я надеялся,* – произносит он медленно, – *это предотвратить. Если бы ты был благоразумнее...*

– *Куда уж благоразумнее!* – громыхает Азамат, у которого, похоже, кончилось всякое терпение. – *Я был благоразумен всю жизнь, и за это теперь ты хочешь испоганить последние три дня, что у меня есть с ней? Я был несчастлив пятнадцать лет! Когда она уйдёт, больше ничего не будет,*

но я имею право быть несчастным на своих собственных условиях!

Наступает та самая звенящая тишина, когда внезапное отсутствие звука вызывает болезненное ощущение нехватки. Больше всего я боюсь, что сейчас Алтонгирел выскочит оттуда, хлопнув дверью, как это за ним водится, а я тут стою, и на лице у меня крупными муданжскими буквами написано, что я всё слышала. Надо взять себя в руки и что-то сделать. Но если я убегу и запрусь у себя, они тоже всё поймут. И Азамат расстроится... Да господи, что я ни сделай теперь, он всё равно расстроится! Разве только... надо подарить ему рубашку.

Внезапно я просто чувствую, как что-то вроде судьбы берёт меня за плечи стальными пальцами и приказывает: подари ему рубашку. Лучше прямо сейчас. Ещё лучше – на глазах у Алтонгирела, если не всей команды. Иди.

Дальше, видимо, кто-то думает за меня, потому что я бы ни за что не догадалась отойти до угла, а потом подойти обратно, громко топая, чтобы они там меня слышали. И вот я стучу в дверь. Не знаю, что отражается у меня на лице, но надеюсь, что это ни к чему не обязывающая улыбка. Рубашку я пока прячу за спиной.

Азамат открывает дверь, его собственное лицо ничего особенного не выражает. Не примерещился ли мне их разговор?

– Лиза... – произносит он несколько растерянно. – Вы же

знаете, что дверь не заперта.

– Ну, неудобно как-то без стука входить, – говорю я слегка сдавленным голосом, который стараюсь обратить в этакую детскую кокетливость. Тут я как бы впервые замечаю Алтонгирела, который стоит у иллюминатора спиной ко мне и делает вид, что меня нет. – Ой, привет, – говорю я его спине, а потом снова поворачиваюсь к Азамату: – Я не помешала?

– Нет-нет, заходите, – он отстраняется, и я вхожу. Впрочем, далеко от двери я не отхожу, потому что боюсь, что Алтонгирел выскочит, а руководящей мной сверхъестественной силе он зачем-то нужен здесь.

– Азамат, – начинаю я, чувствуя, как улыбка на моём лице становится шире не совсем согласно моим желаниям, – у меня для тебя небольшой подарок.

– Подарок? – озадаченно повторяет он, кидая быстрый взгляд в сторону Алтонгирела.

– Да, – киваю я для пущей убедительности. – Это, конечно, пустяк, но мне хотелось как-то тебя поблагодарить за то, что ты всё время ко мне так добр.

Не знаю, как я всё это выговорила, не запнувшись. Но дальше тянуть нечего, я вынимаю из-за спины заветную вещь и вручаю по назначению.

Вот теперь мне очень хочется убежать. Потому что он ведь будет восхищаться и благодарить, а мне будет стыдно – не знаю точно почему, но обязательно будет. Теперь я тоже кошусь на Алтонгирела, который оторвался от созерцания за-

снеженных муданжских просторов и с выражением лёгкого ужаса на лице смотрит, как Азамат разворачивает мой подарок. Вместо того чтобы убежать, я протягиваю руку к выключателю и прибавляю свет посильнее – то ли чтобы Азамату было лучше видно продукт моих усилий, то ли чтобы мне самой было лучше видно Азамата.

Мне кажется, руки его плохо слушаются – или он просто никак не может поверить, что это такое я ему дала. Некстати вспоминаются английские сказки про домовых. Вот сейчас поймёт, что это одежда, и исчезнет, отпущенный на свободу. И останусь я тут с Алтонгирелом у разбитого корыта.

Наконец он убеждается, что это рубашка, и въззрется на неё так, как, наверное, Моисей смотрел на скрижали. А потом переводит этот кошмарный, исполненный священного трепета взгляд на меня, и мне кажется, что от этого взгляда расстояние между нами внезапно растягивается на несколько миллионов световых лет, как будто мы смотрим друг на друга через пространственный туннель.

– Н-нравится? – выдавливаю я с таким чувством, будто этот писк выдернет меня из-под стремительно мчащегося товарняка.

– Да, – говорит он, почти не выдыхая. – Да, конечно, Лиза, спасибо...

Плотину прорвало, и экзистенциальный момент утонул. Я вздыхаю с облегчением. Азамат всё продолжает меня благодарить, я почти не слушаю, но дружелюбно улыбаюсь.

Украдкой кошуся на духовника: он напоминает не особенно наделённую интеллектом крупную рыбу. Покажи крючок – проглотит.

– Я рада, что тебе нравится, – говорю я Азамату медовым голосом. Подхожу поближе и обнимаю его чуть повыше пояса – а выше не достаю. Я бы его поцеловала, но не прыгать же... Он в ответ ко мне не прикасается, только смотрит ошарашенно. М-да, у них, наверное, не принято по любому поводу обниматься, как у нас. Ну да ладно, чёрт с ними, с приличиями, лишь бы ему было приятно.

Но моё некорректное поведение воскрешает Алтонгирела.

– И что вы теперь собираетесь делать? – спрашивает он негромко.

Я оборачиваюсь, неохотно отпуская тёплого Азамата. Не то чтобы мне было холодно, хотя взгляд Алтонгирела может заставлять скоропортящиеся продукты храниться неделями.

– В смысле? – переспрашиваю, хлопая глазками.

– Останетесь друзьями и будете переписываться по Сети? – ядовито спрашивает он.

Если бы я не слышала их разговор под дверью, я бы просто сказала «А почему нет?» и растерялась. Но теперь... если всё, что я разобрала, было не романтическим бредом, вызванным повышенной концентрацией тестостерона в атмосфере корабля, то я должна дать совсем другой ответ. Я не слишком альтруистичный человек и не могу сказать, что

Азамат вызывает во мне какие-нибудь подкожные нежные чувства. Но если для него «больше ничего не будет», когда я сойду с корабля... Я слишком падка на эмоциональный шантаж. Пусть потом выяснится, что всё это было подстроено и на самом деле он тонкий махинатор и торгует людьми. Может, я и пропаду, пойдя на поводу у человеколюбия. Но я предпочитаю чувствовать себя душой, а не сволочью.

Поэтому я пожимаю плечами и оборачиваюсь к капитану:

– Собственно, я как раз хотела об этом поговорить. Я ведь специально получала образование, чтобы работать в космосе. Если я сейчас вернусь на Землю, то только затем, чтобы найти там другой звездолёт, наняться в штат и снова улететь. Ну вот я и подумала, а чего столько времени тратить? Тебе ведь явно нужен врач на борту. Может, ты просто меня наймёшь?

Глава 10

В которой оправдывается название

Самое неожиданное – это реакция Алтонгирела. Он подсакивает к Азамату – ей богу, я думала, схватит за грудки и потрясёт – и, обильно жестикулируя, шипит сквозь зубы по-муданжски:

– Ты не можешь решать! Ты не можешь оценить её качества как работника! Она украла у тебя душу и так и будет тобой манипулировать! Неужели ты не понимаешь, что это всё продумано?..

У меня слегка глаза на лоб лезут. Он считает, что я нарочно соблазнила Азамата? С какой целью, простите? Мне что-то не кажется, что он у них тут почитается завидным женихом.

Азамат некоторое время терпит излияния своего духовника, потом тихо отвечает:

– Ты, Алтонгирел, из всех нас последним можешь сомневаться в её способностях как целителя.

После этого он прокашливается и оборачивается ко мне, включая деловой тон. Видимо, несколько оправился от подарка, хотя рубашечку мою прижимает к себе обеими руками.

– Лиза... Такие вопросы не решаются мгновенно. Я ду-

маю, нам стоит присесть и всё обсудить.

Пожимаю плечами, дескать, легко, давайте. Алтонгирел мучительно вздыхает и наконец-то избавляет нас от своего общества.

– Первую трудность я уже вижу, – хихикаю я. – Твой духовник меня ненавидит.

Лицо Азамата на мгновение вновь приобретает такое же отстранённо-растерянное выражение, как за обедом, но он быстро справляется с собой:

– Я не думаю, что это будет проблемой надолго. Меня больше волнуют другие вопросы, – он садится на край кровати, раскладывает моё творение рядом и поводит рукой в сторону компьютерного стула, приглашая меня его занять. Но сам его мне не выдвигает. Чует моё сердце, и тут какая-то культурная собака зарыта. Я сажусь, а Азамат меж тем продолжает:

– Во-первых, вам стоит понимать, что у нас целительство считается исключительно мужской профессией.

Хмыкаю. Ну у нас, положим, так тоже довольно долго было.

– Что, и роды мужики принимают? – осведомляюсь насмешливо.

– Н-нет, – хмурится он. – А зачем для этого целитель?

Всё с вами ясно. Отмахиваюсь.

– Неважно. Ты хочешь сказать, что команда будет не в восторге от моего назначения?

– Не то чтобы не в восторге, но это может быть воспринято неадекватно. Ребята вас несколько стесняются и вряд ли захотят именно вам сознаваться, что их подвела ловкость и они заработали травмы. Или наоборот, некоторые могут нарочно придумывать заболевания, чтобы получить возможность пообщаться с вами поближе.

– Ну скажем прямо, ни то ни другое не будет новинкой в моей практике, – чешу в затылке, припоминая некоторых особо выдающихся пациентов с описанными симптомами. – Это, конечно, не очень приятно и мешает процессу, но терпимо. Тем более что они, я думаю, быстро привыкнут.

Азамат кивает, как бы подводя черту под обсуждённой проблемой.

– Второй вопрос – финансовый. Я не знаю, как на Земле оцениваются целительские услуги, но на Муданге они довольно дороги. Я не уверен, что смогу предоставить вам жалование такого размера, как вы привыкли получать.

Я слегка кривлюсь. Что-то мне подсказывает, что на мою зарплату в районной больнице никто из Азаматовых ребят не прожил бы. Ну да ладно, не стоит сбивать себе цену. В конце концов, у Дюпонихи я получала почти прилично, хоть и не совсем за медицинские услуги, да будет ей... э-э, вакуум пухом.

– Ну, насчёт этого... – говорю осторожно. – У вас ведь тут такая система, что все получают одинаково как члены команды, а те, кто делает какую-то дополнительную работу,

соответственно, получают ещё надбавку?

Капитан кивает.

– Ну и ты же понимаешь, что я не могу в самом деле считаться членом команды, – улыбаюсь, представляя себя в форменной псевдокоже с муданжским значком и лазерным ружьём наперевес.

– Безусловно, – заверяет меня Азамат, – ни к каким опасным заданиям вас не допустят.

– Ну вот, поэтому по вашей системе я должна получать только надбавку. Но это всё-таки маловато, так что, я думаю, будет вполне логично, если я буду получать столько же, сколько обычный член команды.

Я думаю, это не так уж мало. Вот Эцаган вроде бы ничем дополнительно не занимается, но у него были деньги на ту швейную машинку. Да и комодик у него в каюте не дешёвенький. В общем, мне должно хватить. И потом, Азамат недавно потерял двух работников, а теперь ещё вынужден двоих уволить, так что, я думаю, одна стандартная зарплата его не напряжёт.

Ему, однако, моё предложение не нравится.

– Ну что вы, Лиза, стандартное жалованье – это ведь очень мало! Тем более для женщины.

– А какая разница? – вскидываюсь я.

– Женщины больше тратят, – убеждённо отвечает он и продолжает, как ни в чём не бывало: – Я бы предложил хотя бы вдвое от стандарта.

Может, Алтонгирел прав, и капитан действительно не в силах принимать трезвые решения на мой счёт? Нет, ну ладно...

– Что ж, – говорю, – отказываться не буду. А сколько, собственно, составляет стандартное жалованье?

Он называет сумму, и у меня все кудряшки распрямляются от шока: это в три раза больше, чем моя ставка у Дюпониhi. Так он мне хочет платить в шесть раз больше?! Ребят, да я золотой корочкой порасту.

– Это даже несколько больше, чем я привыкла получать, – говорю осторожно.

– Да? – Азамат светлеет лицом. – Так вы согласны на двойную ставку?

Я вообще-то говорила про одинарную, но не упускать же такой случай! Не-ет, Алтонгирел, ты можешь меня ненавидеть, сколько влезет, хоть всю каюту увешать куклами вуду под меня и поджечь. Я отсюда никуда не уйду.

– Да, – говорю, – вполне. Давай это, может, сразу оформим?..

Дальше очень довольная я бегу к себе за ID-карточкой, а очень довольный Азамат вбивает в электронную договорную форму данные по контракту. Меня почему-то совершенно не удивляет, что он использует всемирную систему «Честный наниматель», хотя для этого вообще-то надо платить подходящий налог Земному Союзу. Ну что ж, вот и прекрасно, значит, с налоговой у меня проблем не будет, когда вернусь.

– Азамат, а скажи, пожалуйста, – произношу я, прежде чем расписаться стилусом прямо по сенсорной клавиатуре, которая для этой цели отобразилась как листочек в линейку, – всё, чем ты занимаешься, законно?

– Естественно, – он, кажется, слегка обиделся. – Ещё после первой джингошской кампании было подписано соглашение между Землёй и «планетами расселения», устанавливающее чёткие юридические рамки работы космических наёмников.

– А захват заложников – это разве не терроризм? – интересуюсь наивно.

– Терроризм, конечно, – ухмыляется Азамат. – Но нас много, а Земля одна. Поэтому Земной совет предпочёл считать правонарушителем только заказчика, а исполнители – честные люди. Если, конечно, мы действуем в соответствии с соглашением.

Мне остаётся только поднимать брови и поджимать губы. Впрочем, я не удивлена. Эти самые «планеты расселения» – и правда могучая сила, а пиратство у них – основной промысел. Если мы хотим, чтобы они хоть какие-то наши правила соблюдали, не стоит лишать их основного источника дохода.

Азамат замечает мой скептицизм насчёт его честности и несколько напрягается.

– Лиза, я понимаю, что для вас это важно, но могу вас уверить, что я и моя команда действительно не делаем ничего безнравственного. Вы можете почитать мой профиль в

базе, там есть отзывы ваших же земных чинов...

Мне, конечно, безумно интересно почитать про Азамата, но я не хочу демонстрировать недоверие. Потом как-нибудь почитаю.

– Всё нормально, – говорю с ободряющей улыбкой и подписываю контракт. – Это я по поводу наших рож строю, не обращай внимания.

Он всё ещё выглядит встревоженным, и мне это не даёт покоя. *Украла душу*, надо же. Это вам не наши писаки, провозглашающие, что «любить есть высшее наслаждение». Как страшно, что мой неосторожный жест может причинить ему столько тревоги.

Ладно, будем делать исключительно осторожные, позитивные жесты. Беру его за руку, сжимаю легонько и говорю с проникновенной улыбкой и придыханием:

– Я тебе верю.

Эта зараза ржёт. Блин, а я тут пафос развожу...

– Извините, со мной это бывает, – кается он с широченной улыбкой. – Просто я очень хочу, чтобы вы остались у нас.

Эх, капитан, говорил бы уж начистоту, «у меня». Интересно, скоро ли дозреешь признаться?

Правда, тут мне приходит неприглядная мысль: с его-то самооценкой и отношением ко мне, может, и никогда. Вот чёрт. Впрочем, ну признался бы он сейчас, и что бы я стала делать? Предложила повстречаться полгода, пока определюсь со своими чувствами? Нет, он, конечно, чудовищно

милый и предупредительный, но всё-таки мужик, который стесняется меня лишний раз потрогать, довольно неудобен в эксплуатации. Да и на вид он действительно страшен. Нет, лишать социальных привилегий за внешность – нонсенс и просто отвратительно. Но то, что я так думаю, вовсе не значит, что мне приятно на него смотреть. Я, знаете ли, не слишком принципиальная и фанатею по тем же актёрам, что и все. Хотя, конечно, если я вдруг захочу почувствовать себя хрустальной вазой...

А как он на меня смотрит! Боже, чтоб на меня Кирилл хоть раз так посмотрел... И вот ведь странно – обычно, когда ненужный ухажёр настолько открыто проявляет заинтересованность, хочется держаться от него подальше, да и вообще как-то не по себе становится. А я только смущаюсь. Может, мне просто мужика надо... Два года уже вдовею, однако. Подумать только, какая верная оказалась.

Однако я и правда смущаюсь и опускаю глаза в поисках какого-нибудь отвлекающего манёвра.

– Надеюсь, я не нарушила каких-нибудь норм поведения этим подарком?

Азамат тоже кидает взгляд на моё произведение.

– Нет. Хотя последний раз мне что-то самошитое дарила мать, и то ещё до травмы, – произносит он задумчиво и вдруг одёргивает себя: – Надеюсь, это не звучит, как жалоба.

– Да нет, – пожимаю плечами. – У меня у самой тоже только от мамы самодельные вещи, – говорю задумчиво, и тут

до меня начинает потихоньку доходить, какая это степень близости. Ох ты ж ёлы-палы. Надеюсь, он не очень быстро привыкает к хорошему обращению, а то как бы не возомнил чего-нибудь. Впрочем, один взгляд на то, как он осторожно тыльной стороной пальцев разглаживает складочку на моём подарке, быстро меня успокаивает: не возомнит. Я ему пару вагонов барахла успею сшить, прежде чем он начнёт видеть за этим нечто большее.

Я с ним всё время как на канате: в одну сторону шагну – обижу его, в другую – слишком обнадёжу. А может, это просто моя мнительность и на самом деле он гораздо легче переносит мои шатания? Он ведь понимает, когда я слишком нарочито его подбадриваю.

Моё само- и Азаматокопание прерывает Тирбиш, зовущий к ужину.

Солнечное утро на фотографии в иллюминаторе настраивает меня на невероятно позитивный лад и совершенно не предвещает никаких ужасов. Можно было бы и догадаться, что как раз сегодня случится нечто из ряда нафиг выходящее. Оно, конечно, каждый день, что я здесь, случается: то придушили, то домой не пустили, то отравили, то работать пришлось неурочно, а вчера так вообще поступила на работу на пиратский корабль, да ещё и выяснилось, что капитан в меня влюблён. Что-то у меня весёлая жизнь становится. Прямо хоть утром не вставай.

Однако расположение духа у меня прекрасное, хотя я и вскочила в невероятную по своим меркам рань – восемь утра! Дома я раньше десяти своей смертью ни за что не встаю. Зато я уже оделась и почистила зубы, когда в дверь застучали. Высовываю нос – там один из младших членов экипажа, тот, что с крашеными красными перьями в волосах.

– Общий сбор в холле, – говорит он мне и двигает дальше по коридору.

Ага, видимо, обо мне объявляют. Можно было бы и до после завтрака подождать, а то в животе урчит, ну да ладно, потерплю. Я теперь тоже в команде, надо соблюдать правила. Топаю в холл.

Первое, что я там обнаруживаю – это тихо переругивающиеся Азамат и Алтонгирел. Лейтмотив моей жизни, блин! На всякий случай напрягаю уши – вдруг ещё что-нибудь новое про себя узнаю.

Азамат сидит за буком и что-то ожесточённо печатает, огрызаясь через плечо:

– *Я не собираюсь в этом участвовать!*

– *А тебя никто и не спрашивает,* – самодовольно парирует духовник.

– *Это противоестественно,* – капитан даже отрывается от экрана, чтобы выговорить своё возражение, которое на мунданжском ещё более непроизносимо. – *У меня на корабле эта идиотская традиция никогда не поддерживалась!*

– *Можно подумать, ты из-за этого злишься,* – усмехает-

ся Алтонгирел.

– Я злюсь, потому что ты опять портишь мне жизнь, и не скрываю этого.

– Я просто хочу тебе доказать, что она...

– Доказывай! – Азамат хлопает крышкой бука и порывается встать. Кроме них двоих в холле ещё только два человека, и они мне не очень знакомы, так что я кидаюсь капитану наперерез.

– Доброе утро! – говорю солнечно. – Надеюсь, ты меня не бросишь ему на съедение? – киваю на Алтонгирела, который мрачнеет с каждым моим словом.

Азамат усмехается и садится обратно:

– Доброе утро, Лиза. Если *вы* просите, то я останусь, – он кидает многозначительный взгляд на духовника. Тот демонстративно отходит в сторону.

– А... по какому поводу сбор? – спрашиваю осторожно. Что-то меня уже одолевают сомнения, что это насчёт меня.

– Сейчас Алтонгирел объяснит, – мрачно говорит Азамат. – Я только хотел бы, чтобы вы понимали, что я категорически против его затеи, но ничего не могу сделать: это дела духовные, и тут он главный.

Мне становится немного нехорошо. Надеюсь, Алтонгирел не собирается меня пытаться, чтобы выведать мои истинные намерения... или что-нибудь в таком духе. Может, он обойдётся каким-нибудь гаданием...

Народ довольно быстро стекается, и вот уже все в сборе,

кроме Эцагана и Гонда, которые по-прежнему заперты. Рассаживаются все по диванам и креслам. Азамат снова открывает свой бук и возобновляет ожесточённую дробь по клавишам, всем своим видом показывая, что его тут нет. Я присаживаюсь на краешек кресла рядом и жду экзекуции.

Алтонгирел выходит на середину комнаты и откашливается.

– Вчера вечером, – начинает он по-муданжски, – вот эта девушка вступила на должность целителя на нашем корабле. Как все мы знаем, незамужняя женщина на борту – это дурная примета и к тому же источник постоянных неприятностей.

Я изо всех сил сохраняю бессмысленное выражение лица.

– Поэтому, – продолжает этот приятный человек, – я считаю, что нам совершенно необходимо вспомнить одну забытую традицию, возникшую ещё в те времена, когда наши корабли умели только плавать, а не летать.

Вокруг начинают шептаться, я слышу смешки, а один юноша напротив демонстративно потирает руки. Кошусь на Азамата, но он с каменным лицом смотрит в экран. Что-то мне уже совсем нехорошо.

– Итак, Ли-иза, – с нажимом произносит Алтонгирел, обращаясь ко мне на всеобщем. – У нас существует такая традиция, что в команде не должно быть незамужних женщин. Обычно их просто не берут в штат, но поскольку дорогой капитан, – тут он выразительно смотрит на Азамата, который

только злобно сопит в ответ, – не смог устоять перед вашими чарами, то мы вынуждены решить эту проблему по-другому. А именно, немедленно выдать вас замуж.

Меня хватает на то, чтобы открыть рот, но я так и не придумываю, какой звук из себя извлечь. Действительно, а что тут скажешь-то?

– Я, – невозмутимо продолжает Алтонгирел, – олицетворяю на этом корабле духовную власть и, таким образом, имею право засвидетельствовать брачный союз. Итак, сегодня, через несколько минут один из членов команды получит вас в жёны!

С этими словами он обводит окружающих торжествующим взглядом. Пожалуй, я ещё не видела его таким довольным. Удивительно, как это совпадает с тем, что мне ещё никогда не было так страшно на этом корабле. То есть он сейчас ткнёт пальцем в кого-то, и я этому кому-то стану подстилкой? Пожалуй, есть вещи поважнее денег, ты уж извини, Азамат...

– А если я не хочу замуж? . . – робко BLEЮ я срывающимся голосом.

– Поздно, драгоценная, – со змеиной улыбкой сообщает Алтонгирел. – Вчера надо было думать, прежде чем контракт подписывать!

Я отчаянно гляжу на Азамата, который грохает кулаком по столу, кажется, оставив промятину.

– Если б я знал, что ты устроишь этот фарс, то никогда

бы даже не подумал её взять! – рывкает он на Алтонгирела и снова утыкается в экран невидящим взглядом. Духовник невозмутимо продолжает улыбаться.

– Ну что же, приступим... Во-первых, скажите, вас действительно зовут Лиза? – осведомляется он.

Интересно, что вызвало подозрения? На международном ID я записана как Лиза, да.

– Елизавета Гринберг, – бормочу. Лучше уж сейчас с этим разобраться, чем потом мне «муж» вломит за враньё.

– Как-как? – недослышивает Алтонгирел.

– Элизабет! – огрызаюсь. Может, на всеобщем лучше усвоится. – Элисавифа! Как хочешь, много вариантов!

Повисает какое-то странное молчание, народ переглядывается.

– Вот оно как, – Алтонгирел задумчиво поглаживает подбородок. – На «э», значит...

Снова кошусь на Азамата, тот смотрит на меня, как будто узнал обо мне что-то неожиданное.

– Ну ладно, – вздыхает Алтонгирел. – Тогда небольшие коррективы. Вы можете выбрать себе мужа сами.

Хотите сказать, что люди с именем на букву «э» привилегированные?.. Ладно, я не внакладе!

– Из всех?.. – уточняю на всякий случай. А то вдруг капитана нельзя. Потому что Азамат – это, конечно, самый очевидный мой выбор, кого ж ещё? Но если его нельзя, то придётся Тирбиша... Бедный парень, он меня настолько млад-

ше... Но остальных я просто боюсь.

– Из всех, присутствующих в этой комнате. Кроме меня, естественно, – раздельно произносит Алтонгирел.

– Это мне и в страшном сне не приснится, – бормочу, вызывая пару смешков среди парней поблизости.

– Подойдите ко мне, – велит Алтонгирел.

Я встаю и на нетвёрдых ногах пробираюсь в центр холла, едва не спотыкаясь о чужие коленки. Хоть бы одна сволочь убрала ноги из прохода. Наконец я стою перед ненавистным духовником.

– Протяните правую руку ладонью вверх, – командует он. Я послушно протягиваю. Он берёт со столика рядом один из своих ларцов, открывает его и извлекает нечто наподобие круглой печати. Я не успеваю даже задуматься о возможном назначении этого предмета, когда он стремительно хватает мою руку и прижимает его к моей ладони. Когда он наконец меня отпускает, я вижу у себя на руке отчётливый круг с каким-то знаком внутри, и либо я снова ловлю глюки, либо он и правда *светится*. Я лихорадочно тру пальцем по краю круга, но он не размазывается. Почему-то именно это окончательно выносит мне мозг.

– Ты не предупредил, что будут татуировки! – ору я не своим голосом.

– Это не татуировка, идиотка, это Круг верности, – шипит он. И никакие заморочки про полубогов не смущают ведь!

– Это ты идиот! – продолжаю надрываться я. – Мог бы

объяснить заранее!

– Да как ты смеешь...

– Что мне с этим делать теперь?! – я потрясаю заклеимённой конечностью.

– Хлопнуть по ладони того мужчины, которого ты выберешь!

– А потом?

– Ничего, дура!

– Заткнись, урод! – я, кажется, перешла на ультразвук.

– Как ты меня назвала?!

– Урод ты! Потому что понятия не имеешь, как обращаться с девушками!

На этом бессмысленном заявлении я разворачиваюсь к нему спиной и топаю обратно к Азамату, бережно прикрывая светящуюся руку другой. Вместо того чтобы расступаться, муданжцы, наоборот, заслоняют мне дорогу, подставляют руки, просто-таки тянут свои грабли мне навстречу. Я их почти не вижу, но старательно огибаю и очень боюсь, что кто-нибудь женится на мне силком. Вот я уже почти у цели – Азамат мрачно гипнотизирует экран, всё ещё непонятно зачем притворяясь, что его это не касается. Коршуны окружили меня со всех сторон и ловят мой взгляд. Тут я понимаю, что у меня ещё есть шанс всё запороть дурацкой ошибкой. Приходится окликнуть Алтонгирела.

– Левую или правую? – спрашиваю.

– Кого? – вытаращивается он.

– Руку! Левую или правую руку хлопать?!

– Правую! – орёт он, как будто это самоочевидно.

– Уверен? – дразнюсь.

– Ах ты тварь! – как-то даже удивлённо восклицает он.

Именно о такой свадьбе я всегда и мечтала, ага. Но делать нечего – подхожу ещё ближе к Азамату, хватаю его правую руку – он, кажется, вздрагивает – и припечатываю изо всех сил, уж чтоб наверняка. Ещё подержала подольше, чтобы ни у кого сомнений не возникло. Он смотрит на меня, как смотрела мама, когда я в седьмом классе пришла домой с зелёными волосами.

– Ты что там делаешь? – слышу озадаченный голос Алтонгирела сзади. Он, наверное, за моей спиной не видит. Я разворачиваюсь, не отпуская Азаматовой руки. На, любуйся. Духовник оказывается гораздо ближе, чем я ожидала, – видимо, подошёл посмотреть.

– Ты... – икает он с таким видом, будто наступил на гусеницу. – Ты... ты не можешь выбрать его.

Ну вот, так я и знала!

– Ты сказал, что я могу выбрать кого угодно в этой комнате, кроме тебя.

– Да! – охотно соглашается Алтонгирел. – Но не его же!

– Почему? – цежу я, трясаясь от гнева. Хорошо, что Азамат такой мощный, кому похилее я бы уже пару костей в кисти сломала.

– Ну ведь он урод! – доходчиво объясняет духовник, нагибаясь к самому моему лицу.

Поскольку правая рука у меня занята, я даю ему пощёчину левой. Он, видимо, совсем не ожидал такой реакции – хотя чего удивляться! – и даже не повернул голову по ходу удара, так что руку я отшибла на совесть, но зато от неожиданности он потерял равновесие и шлёпнулся, приложившись головой об угол одного из столиков.

Азамат молча вскакивает и хватается меня за вторую руку – видимо, чтобы не пошла бить лежачего. Несколько ближайших ребят шарахаются в стороны, никто даже не помо-

гает Алтонгирелу подняться. Он медленно встаёт, потирая за ухом. Хорошо, хоть не по виску пришлось. Мне даже немножко стыдно, что я его так дискредитировала, хотя он качественно нарвался.

– Ты совсем звезданулась, что ли? – устало спрашивает он.

– Оскорбляя моего мужа, ты оскорбляешь меня, – раздельно произношу я и нервно облизываю губы.

Он качает ушибленной головой и ковыляет обратно к своему ларцу, из которого извлекает какие-то металлические предметы. Подзывает нас жестом.

Поскольку Азамат так меня и не отпустил, наше движение по рядам затруднено ещё больше, да и в голове у меня в лучшем случае холодец из мозгов. Я спотыкаюсь, но благодаря новоявленному мужу удерживаюсь на ногах. Когда мы приближаемся, Алтонгирел молча навьючивает нам на шеи некие украшения. Они страшно тяжёлые и состоят из цепи в палец толщиной и подвески в ладонь размером, изображающей двух птиц с острыми клювами и сплетёнными шеями. Немного напоминают заставку из передачи о животных, которую мы с братом смотрели в детстве. Я еле держусь, чтобы не согнуться под тяжестью, а вот на Азамате эта хреновина смотрится неплохо. В правильном масштабе, так сказать.

– Обряд закончен, – уныло говорит Алтонгирел. – Вы связаны браком. Все могут идти.

Но никто не двигается: все сидят и следят заворожённо, как Азамат выводит меня, как старушку-инвалида, под руки

из холла.

О господи, неужели мне сейчас придётся с ним спать?! Может, удастся его уговорить повременить с брачной ночью... Нет, я не помру, конечно, но мне почему-то кажется, что это угробит любые надежды на нормальные отношения.

Он подводит меня к двери моей каюты, галантно её открывает – и тут я понимаю, что он вовсе не собирается заходить. Он хочет предоставить мне возможность побыть одной и разобраться в себе. Это, конечно, прекрасно, но, во-первых, теперь, когда всё кончилось и почти благополучно, я опять хочу есть, а во-вторых, могу себе представить, как мучительно трудно мне будет потом с ним заговорить! Ну уж нет, дорогой супруг, никуда ты от меня не убежишь сейчас.

Решительно тяну его за рукав в каюту и захлопываю дверь изнутри.

– Нам надо поговорить, – рывкаю я хриплым и оттого более грозным голосом, чем собиралась.

Он кивает с таким видом, будто мы на похоронах его лучшего друга. Я плюхаюсь на кровать и хлопаю рядом с собой:

– Сядь.

Он послушно садится, матрас подо мной слегка поднимается. А дальше надо собственно говорить, но я не знаю что. Знаю только, что отпускать его так – смерти подобно.

– Насколько я знаю, – вдруг говорит он, тоже довольно сипло, – браки, заключённые на муданжских кораблях, не

признаются на Земле. Вы можете просто вернуться домой и...

Забыть всё это как страшный сон, ага. А ты тем временем повесишься, судя по землистому цвету лица и пустоте в глазах.

– Ну уж нет, – заявляю я с не очень искренней бравадой. – Я столько вытерпела, чтобы получить эту работу! Чёрта с два я в ближайшее время вернусь на Землю.

Он выдыхает так долго, что мне кажется, что он этого уже давно не делал. Я рассматриваю свою правую ладонь – от клейма и след простыл. Блямба на длинной цепи теперь лежит у меня на коленях, так что не так тяжело. Надо, надо сказать что-то дипломатичное.

– Я понимаю, что ты был против.

Он рассеянно кивает.

– Я понимаю, что ты не мог его остановить, – продолжаю я. На самом деле, я этого совсем не понимаю, но надо, чёрт возьми, спасти свой брак! Я ведь понятия не имею, какие права и обязанности у мударжской жены. Вот только не хватало сейчас с мужем поссориться.

Он трёт переносицу с болезненным видом.

– Зачем вы меня выбрали... Элизабет?

– А кого я ещё могла выбрать?! – вскидываюсь я. – И зови меня Лиза!

– Кого угодно, в том-то и дело!

Меня посещает нехорошая мысль. А что, если мне тогда

под дверью послышалось? Или я всё неправильно поняла? Что, если он совсем не хотел меня... в таком качестве?

Панике только дай волю – вот, уже по всему телу мурашки и слёзы к глазам подступают.

– А ты... – выдавливаю еле-еле, – не хотел на мне жениться?

– Если бы моего мнения кто-нибудь спросил, я бы ни за что не обрёл вас на такую участь, – произносит он, и меня отпускает. Теперь я плавлюсь в разливающемся по телу тепле. И тоже, наверное, очень долго выдыхаю.

Однако ему, пожалуй, надо пояснить мою логику. Боже мой, сколько теперь придётся очевидных вещей проговаривать...

– Это лучше, чем выходить за незнакомого человека, от которого я не знаю, чего ждать.

– А что вам нужно знать о человеке, кроме красоты и достатка?

– Ну как... Что он хороший человек, – беспомощно говорю я.

Азамат впервые за весь разговор смотрит на меня.

– А как вы это оцениваете?

Хороший вопрос, блин. А можно минуту на размышление и звонок другу?

– Ну который не делает ничего плохого, – бормочу я, прекрасно понимая, что определение через отрицание не подходит.

– Например?

– Например... Например, я почти уверена, что ты не будешь меня бить! – выпаливаю я ту конкретику, которая больше всего не даёт мне покоя.

– *Почти* уверены? – переспрашивает Азамат каким-то странным тоном. – Можно узнать, что я сделал, чтобы заставить вас сомневаться?

Пожимаю плечами.

– Ничего, но тебя я тоже не совсем хорошо знаю. Лучше, чем всех остальных, но не прекрасно.

– И вы что же, по умолчанию ожидаете, что вас будут бить?

Как-то это звучит, как будто я из неблагополучной семьи.

– Нет, но... То есть, знаешь, в обществе, в котором могут насильно выдать замуж, могут и побить.

Он снова трёт переносицу.

– Простите. Это было ужасно и недопустимо. Алтонгирел... Я просто не знаю, что я с ним сделаю, когда приземлимся.

– Зачем ему это было нужно?

– Он думал, что вы выберете кого-то другого и мне станет ясно, что я вам совершенно неинтересен.

– А-а-а... э-э-э...

Как бы это такое сформулировать вопрос? Хоть один?

– Он всё надеется открыть мне глаза на суровую реальность, – Азамат усмехается.

– Я не очень понимаю... А почему его так волнует, интересен ты мне или нет?

– Боюсь, что это я виноват. Это меня волнует, хотя, клянусь, я не просил его вмешиваться.

Он замолкает, и я терпеливо жду, когда он продолжит.

– Я... Со мной случилась неприятная вещь... Я, право, не знаю, как это сказать на всеобщем. Но... понимаете, Элизабет, вы мне нравитесь несколько больше, чем позволяют приличия.

Вот это класс формулировка. Надо запомнить.

– Ну так, значит, ты доволен, что он нас поженит? – говорю и спохватываюсь, что это звучит как обвинение. И он, конечно, понимает именно так.

– Я бы никогда, никогда этого не пожелал! Как вы говорите, мне бы и в страшном сне не приснилось!

М-да, и он думает, что мне приятно это слушать? Ладно, я понимаю, что он хочет сказать, и не буду скандалить.

– Всё хорошо, – говорю, – всё хорошо, я не в обиде. Было бы гораздо хуже, если бы ты отказался и мне пришлось бы выбирать кого-то другого.

Он смотрит на меня неуверенно, и, как всегда, меня это провоцирует на громкие заявления.

– Вообще, я бы сказала, что всё сложилось прекрасно. Ты капитан корабля, уважаемый и честный человек. Для меня это важные, престижные качества. Так что я удачно вышла замуж. Я тебе нравлюсь, так что ты тоже получил, что хотел.

И вдобавок мы обломали Алтонгирела, что уж вовсе повод для праздника! – я даже улыбаюсь. Он тоже, слегка.

– Спасибо. Я очень надеюсь, что этот брак не сильно испортит вам жизнь, Элизабет.

– Да называй же ты меня Лиза! – мгновенно взрываюсь я. Ну что за формальности? Давай ещё обратно на «юную леди» переключись.

– Но почему? – он делает несчастное лицо. – То есть, конечно, если вы так хотите...

– Потому что это дико звучит, – теряюсь я. Он что, обиделся? Господи, как страшно жить! – Как будто мы друг друга не знаем или поссорились.

– О, – он задумывается. – У вас настоящее имя не используется в быту?

– Лиза – это тоже настоящее имя. Это одно и то же имя!

– Ну как же одно и то же, то на «э» начинается, а это...

– Ой, да, кстати, а что такого особенного в том, что имя начинается на «э»?

Пожалуй, о такой заморочке я впервые слышу.

– Ну как же... Имена на... как это называется... на гласную – элитные. Как бы сказать, – он смотрит в потолок, шевеля губами. Интересно, он очень разозлится, когда узнает, что я понимаю по-муданжски? Если узнает, конечно. – Люди с именами на гласную вроде как аристократы, что ли... Я даже не знаю, как объяснить. У вас не так?

– Ничего подобного, – мотаю головой. – У нас последние

века вообще никаких аристократов нет, все равны и имена у кого угодно какие угодно. Их можно укорачивать или удлинять по собственному желанию. От этого они не становятся ложными.

– Вот как, – он поднимает брови, впитывая информацию. – Вот это да. Ну что ж, если вам приятнее называться коротким именем, то всё в порядке.

Действительно, всё в порядке. Разговор про имена вернул нас в русло наших обычных бесед, и всё вдруг стало как раньше, до кутерьмы с женитьбой. Правда, кое-что в пережитом кошмаре всё ещё остаётся для меня загадкой. Алтонгирелова душа – потёмки, чего уж там...

– Слушай, я только не поняла... Алтонгирел ведь не соби-рался предоставлять мне выбора. А если бы он указал мне, кто станет моим мужем, то какой бы в этом был смысл?

Азамат вздыхает и поджигает губы. Ему, похоже, Алто-шины художества уже в печёнках.

– Он просто хотел выдать вас за кого-нибудь, чтобы я о вас и думать забыл. А возможно, он с самого начала знал про ваше имя, он вообще очень хорошо умеет находить информацию, мог добраться до каких-нибудь ваших файлов. Или ожидал, что, когда вас припрут к стенке, я не выдержу и вступлюсь, и тогда он сделает этакую поблажку, чтобы со мной не ссориться... Я могу у него спросить, конечно, но когда он увлекается интригами, от него толком ничего не до-бьёшься. Тем более сегодня всё сложилось совсем не так, как

он планировал.

– Ну если он всё это устроил, только чтобы тебе помочь, то, можно сказать, у него получилось. Не забудь поздравить на досуге.

Азамат усмехается и смотрит на меня счастливыми влюблёнными глазами. Это сразу воскрешает в моей памяти предположения насчёт брачной ночи. Надо уж сразу всё до конца разъяснить, чтобы и тут не осталось межкультурных недомолвок...

– Азамат. Что мы собираемся делать дальше?

– М-м... В каком масштабе? – улыбается он.

– Ну, покрупнее, чем состаримся и умрём, но помельче, чем пойдём завтракать.

– Хм. У меня ближайшие планы – это долететь до Гарнета и провести ревизию экипажа.

– Нет, а... на личном фронте? – вижу полное непонимание. – Я хочу сказать, ведь есть вещи, которые положено или не положено делать женатым людям. И я сильно подозреваю, что они у нас разные...

– Лиза, делайте, что хотите, я не вправе вас ограничивать, – отмахивается от меня в священном ужасе. М-да, я чувствую, тут предстоит большая педагогическая работа...

– Ладно, тогда я пока предлагаю отвести одну из кают мне под кабинет, чтобы я могла там нормально разложить свои причиндалы и поддерживать стерильность. И лучше, чтобы это была одна из соседних кают с моей, чтобы недалеко бе-

жать, если что.

Он вдумчиво кивает, делая заметки в уме. Потом вдруг смотрит на меня с сомнением:

– Лиза, а вы уверены, что по-прежнему хотите работать? То есть у вас ведь нет такой необходимости, я способен вас содержать...

– Ещё чего! – возмущаюсь я. Содержать он меня собрался! – Я замуж вышла, чтобы эту работу получить, а не наоборот! Даже не думай. Будешь платить, как в контракте стоит, и точка.

Он несколько секунд переваривает мою реакцию с неуверенной улыбкой.

– Ну хорошо, – наконец медленно произносит он. – Но вы позволите хотя бы иногда дарить вам подарки?

Теперь уже я поднимаю брови и пожимаю плечами:

– Ну конечно, если тебе хочется.

Он вздыхает с облегчением. Ой, чувствует моё сердце, что-то тут не так.

Глава 11

В которой замужество обнаруживает плюсы и минусы

Мы с Азаматом ещё некоторое время говорим ни о чём – у нас это вообще хорошо получается, – а потом у меня начинает совершенно неприлично урчать в голодном животе.

– Вы можете снять *хом*, – говорит Азамат, вставая.

Очевидно, он имеет в виду эту тяжеленную блямбу на цепочке. Да уж, я очень надеюсь, что её не придётся таскать на себе всё время. Я, сдерживая неучтивую поспешность, снимаю с себя железяку и вешаю на спинку кровати. Она поблёскивает серебристенько. Азамат, впрочем, в своей остаётся, так что я чувствую себя немного неловко.

– Она очень тяжёлая, – говорю, извиняясь. – Зачем они такие огромные?

– Чтобы издалека было видно. Но их редко надевают. Вам, наверное, вообще не придётся. Это только для больших официальных собраний.

– Да? Это хорошо, а то как-то глупо получилось бы, если бы их нужно было носить всё время, а мне так тяжело...

Азамат смеётся и, стащив свой *хом*, наматывает его на руку. Мы двигаемся на выход.

– Ну что вы, зачем всё время? Они ведь платиновые, дей-

ствительно тяжело.

Я вытаращиваюсь: это вот эта вот огромная хреновина – вся из платины?!

– Да они же должны стоять целое состояние!

– Везде, кроме Муданга, – довольно говорит Азамат, придерживая мне дверь. – У нас очень много платины в недрах планеты, – потом его гордость за родину несколько убывает: – Потому джингоши нас и завоевали. Всё изрыли...

Дальше следует, видимо, эпитет к джингошам по-муданжски, но, увы, я не разбираю. А хорошо бы выучить пару ласковых словечек от боевого командира. Мы некоторое время молча движемся в сторону столовой, потом Азамат снова заговаривает:

– Только, Лиза, я вас умоляю, не бейте больше никого по лицу. Среди своих это совершенно недопустимо.

Ох, как же это я не сообразила... Хорошенькое начало на новой работе! Надо будет хоть Алтонгирела обмазать, чтобы следов не осталось от моих хороших манер.

– Сейчас, погоди! – бросаю через плечо Азамату и бегом возвращаюсь в каюту за кремом от ушибов. Азамат честно дожидается меня, один в кухню не идёт. Я присоединяюсь к нему, триумфально помахивая тюбиком.

– Постараюсь исправить дело рук своих, – говорю. – Он, конечно, сволочь, но я понимаю, что была неправа.

– Я бы ещё понял, – задумчиво говорит Азамат, – если бы вы ему раньше, за ругательство вlepили. А тут даже и

повода-то не было.

– Ну да, конечно! – я вскипаю так быстро, что, видимо, мне только казалось, что я остыла. – Тебя поносить ему можно!

– Он не сказал про меня ничего ужасного, – пожимает плечами капитан. – То, что я урод, это факт. И обижаться на него бессмысленно.

Драматично закрываю глаза ладонью.

– Я по-другому воспитана, – говорю высокомерно. – Я считаю, что это оскорбление. И Алтонгирелу придётся в дальнейшем учитывать моё мнение.

Последнюю фразу я никакими угрозами не сдабриваю, но Азамат косится на меня с опаской. Видно, память о снотворном ещё очень жива.

В кухне Алтонгирел сидит ко входу спиной и только поэтому не удирает при моём появлении. Мрачно ссутулившись, прижимает к голове кусок льда. Сурово треснулся, видать. Или хочет подчеркнуть, какая я зараза, тоже вариант. Подкрадываюсь тихонечко с уже выдавленным на пальцы кремом и принимаюсь втирать, придерживая за темечко, чтобы не удрал. Он напряжённо замирает, но тут мне помогает Азамат:

– *Не дёргайся, всё под контролем,* – весело говорит он помуданжски. Алтонгирел рычит что-то сквозь зубы в ответ, капитан смеётся и занимает своё место во главе стола.

У Алтонгирела за ухом только небольшая шишка. Ничего, сейчас быстро рассосётся. Заглядываю ему в лицо справа – ну конечно, щека вся красная. Ну так и у меня рука до сих пор гудит. Держу пари, этот румянец злит его гораздо больше, чем все болевые ощущения вместе взятые.

– Да не отворачивайся ты, – бормочу, стараясь не попасть ему кремом в глаз. – Сейчас всё пройдёт.

– Лучше бы извинилась, – ворчит пациент.

– Извиняюсь, – охотно соглашаюсь. – Я должна была сообразить не бить по лицу. В следующий раз получишь под дых.

На этом он окончательно от меня отшатывается, но я уже всё сделала и могу с чистой совестью идти мыть руки. Алтонгирел смотрит на меня оскорблённо, как будто это я от него отмываться иду. Кстати, может, так и подумал.

После гигиенической процедуры решительно усаживаюсь на место Эцагана. Его теперь всё равно из каюты не выпускают, а я имею право сидеть рядом с мужем, а не ютиться где-то у середины стола. Вообще, если уж они меня считают такой красавицей, то могли бы и предложить пересесть поближе к капитану. Хотя я уже не первый раз замечаю, что с предложением сидячего места у них какой-то суровый напруг.

Правда, так я оказываюсь ровнёхонько напротив Алтоши, ну да ладно, ему не удастся аппетит мне испортить. Я три года напротив нашего заведомо обедала. А уж сегодня

я такая голодная, что вообще никого вокруг себя не замечаю.

Завтрак, как всегда, плотный – на сей раз что-то вроде ромштексов, то есть куски мяса, обжаренные в сухарях. Ну или в крупе какой-то, не разберу. Чьё мясо, не знаю, но жирное от души. Вообще, неплохо было бы витаминчиков попить к такой-то диете. Они ведь почти не едят овощей, да и зелени еле-еле. Они, конечно, вместо этого сырое мясо едят иногда, там витамины есть. Но мне об этом даже подумать страшно.

Ну а пока я со свистом уписываю мясо, прямо руками – потому что у них всё, что не ложкой, то руками. Надо будет на Гарнете купить себе пару вилок на всякий случай, вдруг мне припадёт блажь макарончиков сварить. Ох и натрескаюсь я сейчас всего этого жира... Надо что-нибудь в подмогу печёнке тяпнуть, вроде в мешке что-то было. А то ещё поплохее. Но уж очень вкусные ромштексики.

Я трескаю их с таким аппетитом, что после завтрака Тирбиш даже подходит за похвалой.

– Я смотрю, вам понравились хунь-бимбик?

Лучше бы ты названия не говорил, солнце. Старательно киваю.

– Да, – говорю, – они прекрасны. Ты вообще замечательно готовишь, молодец.

Парень расцветает, и я ухожу довольная. Как прекрасно приносить счастье окружающим, когда от тебя для этого почти ничего не требуется!

В общем, утреннее хорошее настроение снова устанавливается, несмотря на все усилия духовника, и я очень довольная топаю к себе в каюту пить ферменты и составлять список лекарств и устройств, которые необходимо будет купить на Гарнете.

С готовым списком стучусь к Азамату – надо же с начальством согласовать. Кстати, неплохо бы ещё и за начальственным букком посидеть. Интересно, как моя родительница отреагирует на новости... Она-то в последние два года почему-то решила, что я, как она сама, всех мужиков ненавижу и замуж никогда не выйду. Мы-то с братом из пробирки, точнее, из двух разных пробирок.

Главное, мне почему-то очень не хочется признаваться, что меня выдали замуж насильно. Казалось бы, и гордости у меня особой нету, и ситуация была патовая... Но, пожалуй, я пока об этом помолчу, если не прижмут.

Стучусь, получаю разрешение, захожу – и мне открывается фантастический вид. Капитан сидит на стуле ко мне спиной, а на спинке стула развешана расплетённая коса. Приглядевшись в полутьме, понимаю, что волосы мокрые. Видимо, повесил сушиться. Господи, ну до чего ж красиво! Вот это я понимаю, волосы *струятся*, как вода и с таким же блеском. Куда там рекламе. Если бы капитан не окликнул, я так бы там и стояла, истекая слюной.

Азамат прослеживает направление моего взгляда и вне-

запно смущается.

– Ой, простите, я и забыл совсем... Сейчас заплету...

– Не надо, не надо! – быстро останавливаю его я. – Зачем, не высохнут же!

– Ну как... неприлично ведь, – Азамат всё-таки принимается разбирать пряди.

– Как это неприлично? – удивляюсь я. – Алтонгирел вон ходит, мочалкой своей трясёт, это никого не смущает!

Азамат тяжело вздыхает, как преподаватель, которому досталась на редкость необучаемая группа.

– Алтонгирел – красивый человек. Ему многое можно, что мне не подobaет.

Нет, кто-то из этой истории живым не выйдет. Есть у меня одна знакомая психологиня, занимается с детьми, которых в школе дразнят. Написать ей, что ли...

– Расслабься, – говорю. Чем бы его убедить? – У нас не принято жены стесняться. Тем более что волосы у тебя гораздо красивее, чем у Алтонгирела.

Смеётся, как обычно, когда не очень верит моим комплиментам, но покорно возвращает предмет спора обратно на спинку стула.

– Я, собственно, пришла, э-э-э, по делу. Вот, написала список того, что мне нужно для работы... На Гарнете надо будет купить, – без приглашения присаживаюсь на кровать и раскладываю пластиковые листочки из блокнота. – Вот это первой необходимости, вот это хорошо бы, если будет, а вот

это, если будут лишние деньги...

Азамат сосредоточенно вникает в мой почерк.

– Ну, вы, надеюсь, сами проконтролируете покупки?

– Естественно! Сама и пойду, только мне понадобится помощь в транспортировке. А то там довольно много получается по весу, да и тут вот аппаратура громоздкая...

– Лиза, ну что вы, конечно, мы всё доставим, я на Гарнете специально для этого транспорт держу. Да и вообще, никто вас одну там гулять не отпустит, ещё не хватало.

– А что, это такое опасное место?

Всё, что я знаю о Гарнете – это что там огромный торгово-развлекательный комплекс, во всю планету размером. Они там ничего не производят, всю провизию привозят с ближайших окультуренных «зелёных» планет, а на самом Гарнете только пляжи, рестораны и магазины. Ещё там, конечно, гигантский космопорт, в котором легко потеряться. Но капитана, очевидно, ещё что-то заботит.

– Да вы что, – смеётся он. – Там же сплошная мафия. От простых карманников до работорговцев. Нет, конечно, если вас привозит турагентство в престижный чистенький район, вы там ничего такого не увидите. Но мы-то приземлимся в обычном порту для закупщиков, среди складов, и там вам без оружия и сопровождения делать нечего.

– Ого, – строю озадаченную рожу. – А я и не знала. Хорошо шифруются. А сколько мы там пробудем?

– Несколько дней. Пока всё закупим да высадим... про-

винившихся.

– Что, на Гарнете? И на Муданг их не отвезём?

– До Муданга от Гарнета ещё неделя, и нам там вроде бы ничего не нужно. Сами доберутся, не маленькие.

Мне становится как-то грустно. Я уже привыкла к Эцагану, да и чувствую себя косвенно виноватой в его глупостях. Но устав есть устав, что уж тут поделаешь.

– Ладно, – перевожу тему, – Азамат, ты обещал мне каюту под смотровую выделить...

– Ах да, конечно, – он лезет в ящик тумбочки и извлекает пульт. – Вот, держите, это каюта прямо рядом с вашей в сторону кухни. Там прибрано, но если вас что-то не устроит, скажите мне.

Я откланиваюсь и удаляюсь, по пути – воспользовавшись тем, что Азамат отвернулся, – провожу рукой по его гриве на спинке стула. Ну какая прелесть!

Каюта оказывается точной копией моей, только во всю стену стеллаж с задвижными дверцами. Очень хорошо, можно всё красиво разложить. Решаю заранее подготовить хранилище для покупок – прикидываю, чего сколько будет, да что поближе, что подальше положить, да куда я аппараты поставлю. Везде раскладываю записки, чтобы не забыть, до чего додумалась. А потом наконец разбираю мешок и распикирую по полочкам свои припасы. На всё это уходит гораздо больше времени, чем мне кажется, – я вообще люблю на-

водить порядок и часов при этом не наблюдаю. То есть вешать в шкаф стираную одежду сразу, как высохнет, – выше моих сил, но зато я хотя бы раз в месяц выделяю один день и навожу полный порядок везде, где дотянусь. И каждый раз чувствую себя после этого героем труда. Очень позитивно.

Кстати о стираной одежде. Я же хотела выяснить у Тирбиша, где у них машинки стоят. Тирбиш, как всегда, отыскивается на кухне и с удовольствием провожает меня в прачечный отсек. Оказывается, что машинки у всех именные. Тирбиш объясняет, что это для того, чтобы ни в коем случае не перепутать одежду и не потрогать чужое. Поскольку команда по внешности очень разношёрстная, красивой половине неприятно прикасаться к личным вещам некрасивой половины, так что эти самые вещи не должны попадать в одни и те же места.

Я только чешу в затылке, как же Азамат при этом должен воспринимать мою манеру за него хвататься чуть что.

Тирбиш выделяет мне одну из запасных машинок, старательно выведя прямо на передней панели моё имя маркером. Это простое действие неожиданно заставляет меня чувствовать гораздо большую уверенность в завтрашнем дне, чем подписание контрактов. Мысль о контрактах напоминает мне, что надо написать домой, так что после того, как Тирбиш показывает мне сушильню с горячим поддувом, я снова отправляюсь к капитану.

Он всё так же сидит за буком – и как глаза не посадил ещё

в этом вечном полумраке, – но при виде меня снова начинает теревить волосы. Вот ведь не даёт полюбоваться!

– Оста-авь, – прошу.

– Да высохли уже, – пожимает плечами. – Не буду же я так ходить.

И берётся за расчёску. О-о-о, у меня есть идея.

– Дай я, – тянусь, разве что не подпрыгивая на месте.

– Что? – не понимает он.

– Дай я тебя расчешу.

Судя по округлившимся очам супруга, я опять сделала что-то невероятное. Надеюсь, хотя бы не оскорбительное.

– Это что, какая-то традиция? – предполагает он, немного оправившись.

Врать не хочется, но очень хочется запустить пальцы в эту роскошь. Пожимаю плечами и, пользуясь его растерянностью, отбираю у него расчёску. Она тяжёлая, большая, с крупными зубьями. Из какого-то натурального пластика, вроде кукурузного. Поднимаю обеими руками тяжёлые жёсткие пряди и усаживаюсь с ними на кровать. При такой длине рядом стоять не обязательно. Азамат заворожённо смотрит, как я аккуратно разбираю кончики. Бальзам бальзамом, но мне спешить некуда. Постепенно забираю всё выше – или, в данном случае, всё ближе к хозяину. Наконец дохожу до головы и тут стараюсь быть как можно осторожнее, не дай бог, ему какое обидное движение померещится. Тем более что теперь на всю длину прочёсывать приходится. Волосы

такие густящие, что кожи на проборе почти не видно. Это ж как тяжело такую косу носить, подумать страшно. У меня у самой в своё время коса была ничего себе, это сейчас я всё отстригаю, так я помню, как мне было тяжело. Но мои-то кудряшки с его гривой ни в какое сравнение не идут.

Ну вот, всё хорошее когда-нибудь кончается. На расчёске ни волоска не осталось. С ума сойти можно от счастья. Была бы я парикмахером, отдалась бы ему на этом самом месте. Теперь надо всё это заплести, и чтобы концы не запутались. И как он один справляется?..

Азамат меж тем сидит, как будто с него портрет рисуют. Даже не моргает, по-моему. Приближаясь к концу косы, задумываюсь о завязке.

– Давай, чем закрепляешь, – говорю.

Он слегка вздрагивает от звука моего голоса и протягивает убитую жизнью чёрную резиночку. Господи, да тут шёлковую ленту нужно... Но ведь сейчас опять начнёт, что ему не подобает. Ладно, я ему вышью ленточку, и пусть только попробует не носить. Кстати, рубашку мою не надевает. Неужели что-то не подошло?

– Ну вот, – говорю, – готово.

Предъявляю ему аккуратную косу. Хвостик я нарочно оставила подлиннее, чтобы хоть чуть-чуть видно было, какая там красота.

– Спасибо, – говорит неуверенно. – Мне было очень приятно. Так и не понял, правда, зачем вам это понадобилось.

Взвешиваю, насколько уместно сказать «пощупать захотелось», и решаю пока подождать с откровенностями.

– У тебя очень-очень красивые волосы, – говорю серьёзно. – Они заслуживают самого лучшего обращения.

Левая сторона его лица слегка розовеет. Нет, я не могу, какая прелесть! Неужели это – мой – муж?! Не удерживаюсь и целую его в макушку, благо, когда он сидит, я всё-таки достаю. Ну всё, выносите тело. Под этим взглядом чай можно пить без сахара.

– Пустишь в бук? – говорю, чтобы разбавить сиропчик.

Кивает, встаёт, отходит в сторону. Пошёл дар речи искать, бедолага. Господи, Азамат, да прилети ты на Землю – тебя бы *любая* с руками оторвала! Это я тут выпендриваюсь. Вроде как солидная женщина, двадцать восемь лет, высшее образование, к первому встречному в кровать прыгать не пристало. А попадись тебе кто попроще – и был бы ты уже со всех сторон счастлив. Но вот угораздило же в меня втрескаться! Ладно, ничего, я скоро и сама до кондиции дойду. Вот только сейчас домой отпишусь...

* * *

Мам, я вышла замуж. За капитана муданжского корабля. И остаюсь тут работать.

Мы скоро будем на Гарнете, ты говорила, там какие-то лилии особенные растут. Тебе прислать луко-

вицы?

*** * ***

Сашка, ты сидишь? Прочно сидишь? Не пьёшь ничего, не ешь? Смотри, а то подавишься. Я тут вроде того что выскочила замуж неожиданно для себя. За того самого капитана, с которым ты говорил. Он абсолютно прекрасный. Так что я намереваюсь остаться тут на корабле, тем более что им всё равно нужен бортовой медик. Нет, я вполне уверена, что мне никто ничего не подмешал. Он просто реально бесконечно клёвый мужик. У меня всё будет хорошо.

*** * ***

Отдуваюсь, утирая пот со лба. Чует моё сердце, Сашку я не убедила. Ладно, разбер...

Звонок по Сети. Ну кто бы это мог быть, а?! У него там как раз середина рабочего дня, он оповещения о письмах мгновенно получает.

– Азамат, – зову тихонько. Чувствую, как слева у меня за спиной материализуется кто-то большой. – Это мой брат звонит.

– Да, я так и подумал. Вы ему сказали?. .

– Да, но я не хочу ему говорить, что это было... против моего желания.

– Но почему? Неужели вы хотите, чтобы он думал...

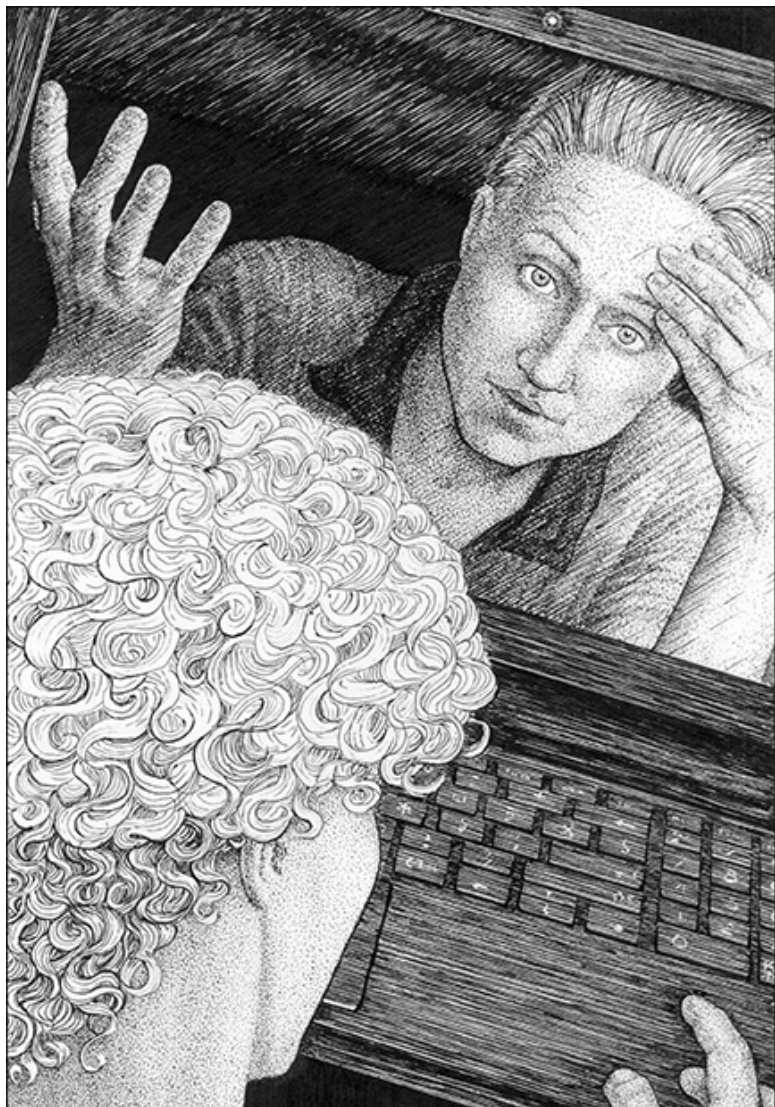
– Да, я хочу, чтобы он думал, что я вышла за тебя замуж, потому что хотела выйти за тебя замуж. Иначе он будет волноваться.

– О...

– Ты с ним поговоришь?

– Конечно...

Я принимаю звонок.

– ЛИЗКА!!! Это что, розыгрыш?! За тобой до сих пор таких шуток не водилось!

– Санечка, это чистая правда, и прекрати орать, а то мой муж обидится.

Сашка картинно закрывает лицо руками.

– Нет, ты всё-таки рехнулась. Знаешь, я думал, ты оправилась после смерти Кирилла. Я думал, у тебя какие-то новые начинания с этим космосом. Но теперь я понимаю, что это всё была сложная махинация, чтобы поставить на себе крест, а я не мог тебе помешать!

– ЧТО?! Это что вообще за разговорчики?! – взвизгиваю я, аж слёзы к глазам подступили. И это мой брат говорит! – Какого чёрта?! Я вышла замуж за мужчину, который мне нравится, а ты тут...

– Лиза, он ПИРАТ! Преступник!!! Ты совсем белены объелась, что ли?

– Он не делает ничего противозаконного!

– Это *он* тебе так сказал!

– Да блин, у него есть профиль в базе Земного Союза!

– Да как ты вообще хоть слову его веришь?!

Мне очень хочется просто захлопнуть бук и на время забыть, что у меня есть брат. Но уж очень жаль Азамата – я ведь ему никогда не докажу, что Сашку волновала не его внешность. Так что я решаю просто столкнуть обоих мужиков, и пусть сами разбираются по понятиям. Азамат хорошо

убеждает, авось и Сашку убедит.

Тяну мужа за руку.

– Слушай, он не верит, что у тебя есть профиль в базе, и даже не хочет проверять. Поговори с ним, пожалуйста, он меня слушать не будет.

Азамат выглядит расстроенным – ещё бы, после Сашкиной истерики. Хороший приём у родственников жены. Уродственники.

Я уступаю место у бука, бросая Сашке:

– На, поговори с ним сам. Скажешь что-нибудь про его внешность, убью.

Сашка незамедлительно обрушивается на Азамата с обвинениями. Как он посмел, да что он себе вообразил, да неужто он думает, что меня тут не найдут, да вообще сейчас армейский взвод в люк постучится. Обычные тупые мужские угрозы, мог бы и поновее что-нибудь придумать. Особенно после того, как этот самый армейский взвод меня тут бросил.

Азамат отвечает спокойно и обстоятельно, без угрозы, но и без трепета. Нет, никакого насилия и в помине не было. Ничего не вообразил, сам удивляется неожиданно привалившему счастью. Найти нас трудновато, но если уважаемый Александр согласится приехать на Гарнет, можем встретиться и всё обсудить вживую. Армейский взвод вызвать не удастся, есть специальный указ от такого-то такого-то номер такой-то, запрещающий земным войскам применять насильственные меры против Азамата Байч-Хараха.

– Байч-Харах? – Сашка застывает с приоткрытым ртом. – Это вы – Байч-Харах?

– Конечно, я, – пожимает плечами Азамат. – А что, много претендентов?

Сашка перестаёт смотреть в экран, видимо, решает всё-таки слазить в базу. Потом вертит головой – похоже, сличает фотографию с собеседником. Ну, тут уж трудно ошибиться. Откашливается.

– Э-э... кхм... я, э-э... Простите, я вас не узнал... То есть я вас никогда не видел... Извините за недоверие, больше не повторится.

Ну ни фиги себе! Ты ещё навтыяжку встань и честь отдай! Что ты там такое увидел в базе? Интересно даже.

Азамат посмеивается несколько умилённо.

– Ничего страшного, я понимаю, вы заботитесь о сестре. У меня у самого младший брат есть, так что я вас хорошо понимаю. И знаю, что вид мой доверия не вызывает. Так что вы всё правильно сделали. Я совершенно не в обиде.

Сашка на всё это только мямлит что-то прощу-прощечное, а я так и вовсе ртом мух ловлю. Это я умудрилась выско-чить за кого-то настолько крутого и не заметить? Ну я даю!

Азамат снова уступает мне место за буком.

– Какого чёрта ты мне не сказала, что это Байч-Харах?! – шипит Сашка. – Если начальство узнает, что я с ним поссорился, мне таких люлей навешают!

– Я не знала! Я впервые слышу это имя. Чем он так зна-

менит?

– Ты рехнулась, что ли? Ты ещё спроси, кто такой Кутузов!

Кутузов. Кажется, в школе как-то раз мальчик, который мне нравился, делал по нему доклад. Но я больше смотрела, чем слушала.

Сашка, видя мой бессмысленный взгляд, роняет голову на клавиатуру.

– Он герой обеих джингошских кампаний! Это же каждый мальчишка знает! То есть это, конечно, государственная тайна, потому что наши ни за что не признаются, что использовали наёмные войска, так что высокое начальство будет делать вид, что ничего не знает... Но ты бы хоть поинтересовалась, за кого замуж выходишь, блин!

– Ну-у, меня как-то больше заботило, что он добрый и предупредительный, но если он ещё и герой, то я не внакладе.

Сашка обречённо мотает головой.

– Женщины. Ладно, мы за вас выпьем вечером, когда будем отмечать, что я породнился с Байч-Харахом. Ты матери написала?

– Да. Но я не думаю, что она будет волноваться.

– Нет, но она захочет связать ему свитер. Она Маську уже всю обвязала, дальше некуда, а тут свежий кандидат. Так что ты поосторожнее...

Я уже ржу, еле сдерживаюсь, чтобы не завывать. И как же

я забыла, как мама прямо с первых дней Сашкиной женатой жизни взялась одевать его супругу! Маська, правда, удачный экземпляр – она тощенькая, мелкая и всё время мёрзнет.

– Пусть вяжет, – выдавливаю. Сашка делает страшные глаза. – У них самодельная одежда в большом почёте. Он будет очень рад.

Сашка качает головой и решает, что с него хватит.

– Ладно, удачи тебе. Извини за скандал.

И отключается.

– Так ты, оказывается, знаменитость, – говорю, проржавшись. – Ишь как Сашку построил!

– Ну, я так понимаю, что ваш брат занят при Земном Союзе, так что ничего удивительного, что он обо мне слышал. Это вовсе не значит, что я знаменит, – усмехается он. Потом качает головой. – Меня всё-таки удивляет, что вы предпочитаете называть друг друга простонародным вариантом имени.

А ведь и правда: и я, и Сашка, и мама – все на гласные начинаемся. Аристократическое семейство, кто бы мог подумать!

– Можешь считать, что у нас принято среди своих не хвататься титулами, – хихикаю. – А что такое это «Байч-Харах»? Я думала, у вас нет фамилий.

– Байч-Харах – это прозвище, означает... Знаете, игрушка такая есть, неваляшка?

– Господи, за что ж тебя так прозвали? – хлопаю глазами.

– Ну вроде как... живучий очень, – пожимает плечами.

– А-а...

Мне в голову начинают лезть всякие смешные неприличные интерпретации, так что я стараюсь уткнуться в бук. Там неожиданно приходит ответ от мамы.

* * *

Ну, а где свадебные фотографии и видео? И вообще, почему родительского благословения не спросила? Непорядок! Надо же мне полюбоваться на того монстра, который на тебя упряжь вздел.

Лилии! Да, да, ДА! У них там есть синие и ещё махровые фиолетовые с крапинками! Я сейчас у Натальи спрошу латынь, а то ты же всё неправильно купишь.

* * *

Отписываю маме, что всему своё время, и вдруг замечаю Азамата, нависшего над моим плечом.

– У вас и буквы другие... Простите, что я подсматриваю, меня просто немного беспокоит... реакция вашей матери. Я так понял, что вы с ней близки...

– Да какая у неё реакция! – фыркаю я. – Это Сашка у нас

нервный, а мама спокойная, как слон.

Азамат моргает, не совсем меня поняв, и я перевожу ему мамино письмо. Приходится долго объяснять про лошадей и возы. Кажется, он решает, что мы общаемся шифровкойми.

Гарнет уже виден в иллюминаторах – душно-алый, светящийся, окружённый роем светлых звездолётов, звездолётищ и звездолётиков. На нём водится какой-то красный минерал, от которого вся вода приобретает характерный багряный оттенок, да и суша, где нет озеленения, являет все оттенки – от бордового до оранжевого. За то он, собственно, и Гарнет, то бишь, гранат. Завтра уже там будем.

Я отлипаю от иллюминатора и иду в прачечный отсек простирнуть своё немногочисленное барахлишко и заодно подсунуть позаимствованную у Алтонгирела рубашку к его высушим шмоткам. Он, наверное, удивится, но это мой единственный способ её вернуть.

Ночь не задалась с самого начала. То мне жарко, то мне холодно, то непомерная футболка вся у шеи сбилась, то пить хочется, то наоборот. Вроде и нервничать повода нет. Ну, кроме того, что я сегодня замуж вышла. Во втором часу ночи всё-таки удаётся заснуть, но снится какая-то чудовищная хреномуть. Смотреть её мне не нравится, так что я опять просыпаюсь, и всё начинается заново – опять ворочаюсь, опять засыпаю, опять вижу нечто, что однозначно классифи-

цируется как кошмары. Просыпаюсь. Неужели этот гад мне опять чего-то подсыпал? Но ведь сама же чай себе заваривала сегодня! И даже не очень крепкий. И еда на вкус нормальная была.

Можно, конечно, тяпнуть снотворного. Но сны от этого никуда не денутся, а вот проснуться и отплеваться уже не получится до утра. М-да. А ведь мне надо завтра соображать! Ну и что мне делать?

Хм. Воспользоваться проверенным методом. У меня ведь муж есть, не так ли? Вот пусть он со мной и нянчится, ему не впервой.

Тихонько выбираюсь из каюты и, озираясь, чтобы ни на кого не налететь, прокрадываюсь к Азамату. Не очень хочется узнавать, насколько именно неприлично выгляжу в футболке до колен.

У Азамата всё, как в тот раз, – дверь открыта, он лежит на кровати, практически засунув голову в подушку. И не душно ему там? Внезапно он что-то говорит, и я подскакиваю. Но нет, похоже, это во сне. Эге, да я не единственная, кому тут грезится всякая дурь. Ну ладно, может, и ему от моего присутствия полегчает.

Забираюсь под одеяло и ныряю ему под руку. Ну вот, тепло и уютно, просто семейная идиллия. Он что-то бормочет по-муданжски, кажется, там мелькает слово «отец», но я ни в чём не уверена. Глажу его по голове, запускаю пальцы ему в волосы, да так и отрубаясь.

Глава 12

В которой все ходят по магазинам

Утро у меня случается раннее. Чёртов автопилот врача – я ещё с Кириллом мучалась. Как только у рядом лежащего тела меняется ритм дыхания, я просыпаюсь и ничего не могу с этим поделать.

– Доброе утро, – приветствую супруга, потягиваясь. Рука, которую я так беспечно перекинула поверх него, затекла – уж очень он надо мной возвышается, когда на боку лежит. В плечах-то сажень косая...

– Что?! – выдыхает Азамат. – Опять?!

– На сей раз обошлось без Алтонгирела, – смеюсь. – Просто что-то никак уснуть не могла, а потом ещё снилось всякое... В общем, я решила немножко тебя поэксплуатировать. Ты же не против? – хлопаю ресничками.

– Да... я... рад, если могу чем-то помочь... – бубнит он. Видно, ещё не совсем проснулся. – А почему вы гармарры не выпили?

Действительно, почему? Она бы как раз сняла все симптомы.

– Забыла про неё нафиг, – честно признаюсь с обезоруживающей улыбкой.

Он покатывается со смеху, меня почти что сносит звуко-

вой волной.

– Про гармарру забыли, зато про меня вспомнили. Вот это комплимент! Да вы и правда рекорды ставите.

Я милостиво не напоминаю ему, что гармарру я до сих пор пару раз в ботсаду видала, а он у меня всё время под носом. Хотя скорее уж над носом.

– Сколько сейчас? – зеваю. По ощущениям – спать и спать ещё.

Он снова, как тогда, приподнимается на локте, – мне кажется, что он при этом весь оказывается в воздухе – заглядывает на дальнюю полку, а потом так же плавно возвращается в лежачее положение.

– Полшестого. Мне пора бы и встать, через полчаса прилетим.

Это я всего-то и дрыхла? Фи-и...

– Ой, а можно я ещё поваляюсь? – принимаюсь клянчить. Я понимаю, что надо дела делать и всякое такое, но ведь так рано...

– Конечно, спите! Я вообще не понимаю, чем я вас разбудил, – он начинает выбираться из кровати. Пижамы у него всё-таки напоминают водолазный костюм.

– Тем, что проснулся, – хмыкаю. – Это неизбежно, ты не виноват.

Он качает головой и топает в ванную.

– В таком случае тем более не стоило здесь пытаться выспаться, – слышится его ответ сквозь шум воды. Смотрю –

дверь он не закрыл, стоит, умывается. Батюшки, зубную щётку достаёт! Я даже забываю, о чём мы говорим.

– А из каких соображений ты чистишь зубы? – выдаю я прежде, чем соображаю, что это не очень вежливо.

Он аккуратно сплёвывает пасту и отвечает:

– На Гарнете основное население – *йинир*, они чувствуют как кошки. Малейший неприятный запах – и с тобой не будут разговаривать. Ну а пообщаешься с ними – быстро к чистоте привыкаешь.

Ого. Так вот кто у нас двигатель цивилизации.

– А я и не знала, что на Гарнете какое-то население есть...

– Ну, а кто там работает-то? Не земляне же. У йинир своя планета есть, но и здесь их много осело. Климат подходит, говорят.

Я перестаю его отвлекать, пока он полощется. Лежу, растянувшись, в мягкой постели, незаметно для себя сползая на нагретое Азаматом место. Но вот он выходит и берётся за расчёску – на ночь-то мою работу распустил. Я перехожу в вертикаль, как чёртик из коробочки, и тяну руки:

– Давай сюда.

Он улыбается застенчиво:

– Да мне побыстрее надо...

– Могу и побыстрее, иди сюда.

Он покорно садится и позволяет себя расчесать, хотя и бурчит что-то под нос. Неприятно ему, что ли?

– Чего говоришь?

– Говорю, вы вроде бы спать собирались.

– Ничего, наплююсь ещё. Тебе разве не нравится?

– Да мне-то нравится... А вот вам в чужих космах ковыряться какое удовольствие?

– Огромное! – говорю честно. – Ну вот, готово, давай свою мерзкую резиночку.

– Светлые силы, Лиза! Странные вы, земляне. Чужие волосы трогать не противно, а резинка мерзкая...

– Это вы странные, – парирую заносчиво. – В такие волосы надо жемчуга вплетать, а ты ленишься новую резинку купить. Да и вообще, привыкай к моим причудам, раз уж твой дорогой друг нас свёл.

Что-то я наглею с утра пораньше. Но Азамат, кажется, не возражает. Ухмыляется довольно – и тут же делается таким родным, как будто я с ним уже лет десять прожила в счастливом браке. Даже шрамы как будто растворяются, и кожа такая гладкая... Я не заснула часом?

Видимо, я и правда на пару секунд отрубилась, потому что внезапно Азамат уже в другом конце комнаты достаёт одежду из шкафа. Мне кажется или он пропустил какую-то обязательную утреннюю процедуру?

– Ты не бреешься, что ли? – с утра я являю собой образец тактичности, да.

– Нет, – как-то неохотно отвечает он. – По шрамам всё равно не растёт, а с левой стороны всё вывел раз и навсегда, чтобы больше об этом не думать. Как-то не ожидал, что ко-

гда-нибудь женюсь.

– А какая связь?.. – уточняю сонно. В принципе, можно и догадаться.

– Ну, холостякам борода не полагается. Вот женишься – тогда можно отпустить.

– А женщины что после свадьбы делают? – вот и мой шанс что-то выведать о брачных правилах, да только я засыпаю-не-могу...

– Некоторые перестают волосы стричь, но это только если...

Не знаю, что он там дальше говорил, я задрыхла.

Продираю глаза и обнаруживаю, что за иллюминатором Гарнет. То есть не фотографии Муданга, а самый настоящий космопорт. Ура, стоянка! Соскакиваю с кровати, чтобы посмотреть на часы, которые повернуты почти к стенке. Уже без малого одиннадцать! Надо быстро приводить себя в человеческий вид.

К счастью, в коридорах мне никто не встречается, должно быть, все вышли. Так что я благополучно облачаюсь в приличную юбку (в отличие от неприличных штанов), чищу зубы и обдумываю, где ловить супруга, чтобы получить сопровождение и деньги на закупку. Супруг, впрочем, стучится в дверь сам, когда я уже готова. С ним Тирбиш и ещё два человека из команды. Один – ровесник Тирбиша, шкафообразный парень, стриженный «шапочкой». Зовут его каким-то

непроизносимым словом, насколько я успела уловить. Что-то типа «Дорчжи». Муданжский язык вообще исключительно неблагозвучен, прямо начиная с собственного названия. Второй товарищ постарше, с отпечатком интеллекта на лице и аккуратным хвостиком.

– Ирнчин, – кратко представляется он.

– Лиза, – говорю на всякий случай.

Азамат не сводит с меня виноватого взгляда и наконец набирает воздуха, чтобы его объяснить:

– У меня, к сожалению, есть ещё дела сейчас, и я не могу пойти с вами...

– Я уверена, что мы справимся, – старательно изображаю на лице ободрительную улыбку. Он кивает, вручает мне кредитку с кодом и уходит.

Дорчжи ничего не говорит, и мы выдвигаемся.

Мы выходим по трапу, спускающемуся из центра брюшка. Вокруг космопорта местность и правда не соответствует моим представлениям о Гарнете – сплошные лабазы, гаражи, слева и справа от выхода с посадочных площадок стоят неаппетитного вида харчевни с сильным запахом палёного мяса. Это *йинир* терпят. Такое чувство, как будто планета повернулась к нам спиной.

Наш звездолёт ужасно гламурный, как я теперь понимаю. Он очень гладкий, весь такой закруглённый, как самые новороченные земные корабли. И ярко-красный. Я его вообще-то

уже видела из иллюминаторов земного корабля, когда выход искала, но тогда вообще всё вокруг было красным подсвечено, да и мне было не до разглядывания. По форме он напоминает бронзовку: толстое брюшко, а с другого конца маленькая голова, где капитанский мостик. Над этой головой торчат две лопасти неясного назначения, как усики. Корабль не сидит на земле, а стоит на четырёх мощных золотистых лапах, а ещё несколькими лапками потоньше придерживает джингошский корабль – очередную черепаху, правда, намного меньше той, от которой мы удирали. Грубо слеplенное потрёпанное джингошское судно на фоне нашего выглядит простодохлым. Интересно, чего это Азамата потянуло на такой гламур? Правда, это известная вещь, что примитивные народы любят всё яркое, но всё равно забавно. Кому сказать, что летаю на красном с золотом звездолёте, засмеют ведь.

У самой задней правой ножки стоит довольно эклектичная машина: спереди как скорая помощь, а сзади ещё открытый кузов с откидным верхом из какого-то модного тонкого материала. Мы грузимся в кабину, и Ирнчин везёт нас к цели – складам фармацевтической компании. Оказывается, Азамат уже даже связался с ними заранее и всё обговорил, нам остаётся только огласить список и забрать товар.

В офисе компании со мной общается расторопный клерк, похожий на частично отмытого индуса. Тирбиш сообщает мне шёпотом, что это и есть *йинир*. На всеобщем они, прав-

да, называются тамлингами, по своей планете – Тамль. Ну вот, новая статья в мой словарь мударжского. Правда, про обоняние тамлингов я раньше ничего не знала.

– Вы с Арея? – спрашивает он меня между делом.

– С Земли, – отвечаю я и прикусываю язык под суровым взглядом Ирнчина. Ну, ребят, предупреждать надо было, что мне положено шифроваться.

– Ого! – он даже отвлекается от каталога. – И что же вы забыли среди мударжцев?

Я кошусь на Ирнчина, но он на сей раз отвечает за меня:

– Она жена Байч-Хараха.

Ага, это, значит, можно сказать. Не понимаю я ничего в ваших тонкостях.

– Да нууу! – шёпотом восхищается тамлинг и окидывает меня совсем другим взглядом, чем сперва, – с оттенком подострастия. Впрочем, он быстро смущается и снова утыкается в каталог, бормоча: – То-то я думаю, странно, чтобы мударжцы и ареяне лекарства покупали...

На складе нам отряжают двух грузчиков. Объём вышел гораздо больше, чем я ожидала, но это для меня нормально. Тем более что Азамат велел брать всё, невзирая на цену, и практически всё у этих ребят и нашлось. Тирбиш и Дорджи контролируют, чтобы тамлинги не кантовали хрупкие приборы, а Ирнчин молчаливым стражем стоит у меня над душой. Серьёзно мужик подходит к вопросу телхранения, ни на шаг не отходит и глазами вертит, как будто у него нистагм.

На все формальности уходит довольно много времени, и я сильно устаю, тем более что спячки у меня нынче были с препятствиями. Немедленно раскладывать покупки в «смотровой» мне неохота, а охота вовсе даже взглянуть на Гарнет и прикупить себе шмоток. К счастью, мои провожатые не возражают против ещё одной вылазки.

На сей раз Ирнчин везёт нас в совсем другую сторону, и вскоре местность разительно меняется. Появляются высокие блестящие сплошным стеклом офисные здания, за ними не менее сверкающие гостиницы-небоскрёбы, а потом и всякие навороченные магазины и рестораны. Ну вот, это я уже готова считать Гарнетом.

– «Грегориз» подойдёт? – угрюмо спрашивает Ирнчин. Я понимаю, конечно, что у него манера такая, но не могу избавиться от ощущения, что ему претит мысль о покупке одежды. Вот и магазин выбрал дорогой и бестолковый.

– А «Трёх тюльпанов» тут нету? – спрашиваю с надеждой. – Знаете, такие с красной вывеской...

Все трое смотрят на меня так, как будто я собралась попить из лужи.

– Есть, в принципе, – медленно произносит Ирнчин. – А вы уверены, что вам это подходит?

Нет, ну, «Три тюльпана», конечно, довольно дешёвая сеть, но что уж так-то презрительно? Там неплохие шмотки, между прочим. Уж получше, чем в этом понтовом «Грегориз».

– До сих пор подходил, – говорю. – Или жёнам капитанов

положено одеваться исключительно дорого и безвкусно?

Ирнчин издаёт короткий смешок, Тирбиш тоже расплывается в улыбке, а вот Дорчжи хмурится и внезапно, впервые за всё время, подаёт голос:

– А чё сразу безвкусно?

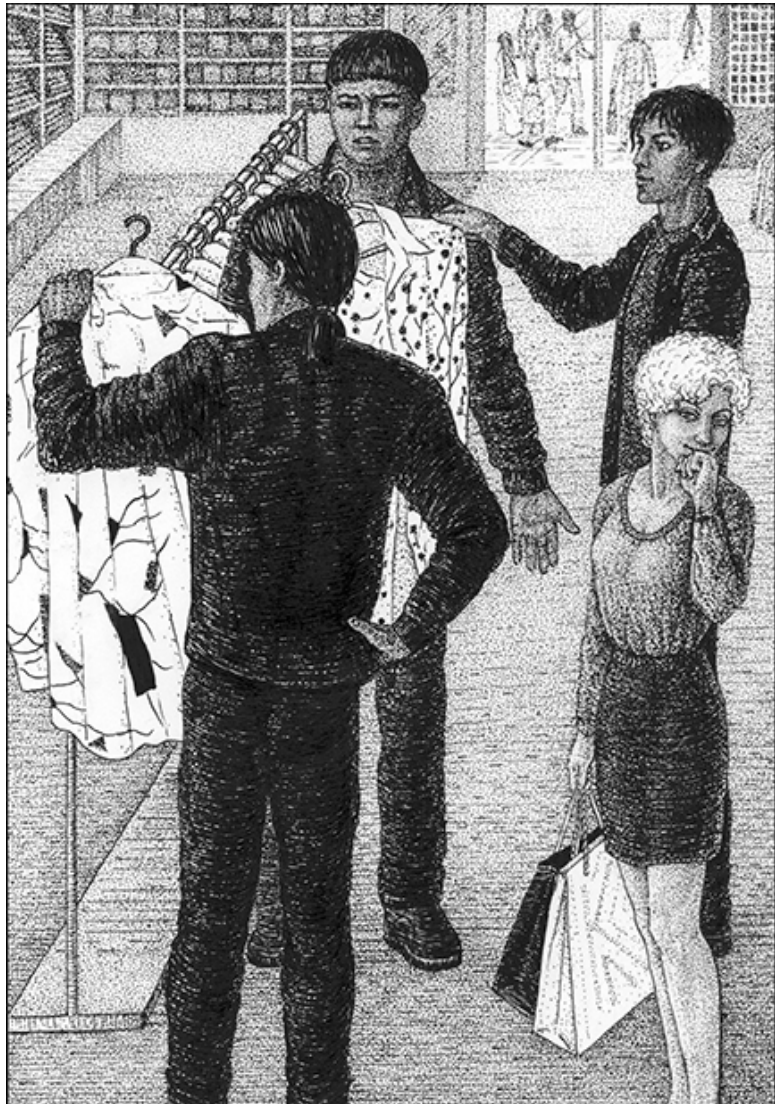
Так и не сообразишь, что ответить.

– Ну, каждому своё, – говорю. – Я вот не люблю платить большие деньги за то, чтобы выглядеть хуже.

Тирбиш покатывается со смеху, а Ирнчин с торжествующей интонацией бросает через плечо:

– *А я тебе говорил!*

После этого атмосфера в нашем маленьком отряде становится намного дружелюбнее. Дорчжи принимается меня расспрашивать, что нынче в моде на Земле (я, конечно, тот ещё информатор по вопросам моды, но хотя бы от совсем уж безумных уродств могу его предостеречь). Выясняется, что молчал он, потому что неважно владеет всеобщим. Тирбиш этим злорадно пользуется, неразборчиво нашёптывая мне, что у Дорчжи на Броге невеста, и ему очень хочется ей что-нибудь подарить по рекомендации с самой Земли.

Под эти разговоры я затариваюсь вагоном и маленькой тележкой барахла, а заодно помогаю Дорчжи выбрать кой-чего для его барышни. А после того как я расплачиваюсь, мы плавно перекочёвываем в мужской зал, где эти трое таких разных мужчин дружно закапываются в шмотки, меряют всё подряд и спрашивают моего мнения. Ирнчин, правда, следит, чтобы я не оставалась снаружи от кабинок одна, но его тоже захватывает одёжная лихорадка. Видимо, это такая суровая национальная черта – прибарахлиться они любят все. Через час мне еле-еле удаётся их вытащить в стоящий неподалёку магазин тканей, и теперь уже я устраиваю допросы насчёт того, что пристало носить капитану. Правда, сначала приходится несколько раз повторить, что да, я хочу ему что-нибудь сшить, да, я умею, да, он в достаточной мере мне нравится, чтобы тратить усилия. Зато потом всё идёт как по маслу и проясняется один скользкий момент.

– Я ему уже сшила одну рубашку, – говорю. – А он не надевает. Я уж не знаю, что там не так...

– А куда бы он её надел? – удивляется Тирбиш. – Кто же дарёную одежду в обычные дни носит? Это для праздников, перед людьми хвастаться, что тебя любят, – он мечтательно вздыхает. – Вот я помню, мне в восемь лет соседская девочка жилетку сшила, да какую... Эх, жаль, имя у меня не то, чтобы к ней подсаживаться.

Я стараюсь не подавать виду, как меня вышибает из колеи

это случайное замечание. Ладно, хотя бы про рубашку мне теперь понятно.

– А как думаете, если я ему ленту для волос подарю, он будет носить? – спрашиваю.

– Ле-енту... – протягивает Ирнчин, пока Тирбиш переводит Дорчжи, что я сказала. – А как её сделаешь-то? .

Внезапно Дорчжи начинает махать руками.

– Вы это... не ленту... *гизик, гизик* сделайте!

Двое других явно оживляются:

– Да, точно! *Гизик!*

Через несколько минут при помощи показывания на пальцах и рисования в мобильнике мне объясняют, что гизик – это такой плетёный шнурок на все случаи жизни, который можно сделать очень красивым, а Дорчжи умеет их плести и готов меня научить. Надеюсь, для обучения слов ему не потребуется.

В общем, день оказывается прожит не зря, особенно после ударного обеда в каком-то невероятно пафосном ресторане. Едальню выбирал Тирбиш, который везде, где бывает, планомерно исследует меню и обязательно пробует всё незнакомое в целях самообразования.

Но самое интересное ожидает меня по возвращении на корабль. Моя каюта завалена коробками, коробочками и коробуськами так, что я еле могу войти. Сначала я решаю, что это моё медицинское добро, хотя я чётко указывала сложить

его в пустующих каютах рядом, чтобы я могла спокойно всё рассортировать и распихать. Но открыв ближайšie две коробки, я понимаю, что эти предметы не имеют к медицине никакого отношения: в одной какая-то одежда, в другой банные принадлежности... И это точно не моё. У меня могли бы возникнуть кое-какие догадки о происхождении даже такого количества неизвестных вещей, если бы я не прочла по бирке, что гигантская коробка вдоль стены содержит в себе комод. Кажется, кто-то попал не туда. В лёгком замешательстве отправляюсь на поиски капитана.

Он обнаруживается в кухне за поглощением неизвестного мне овоща, похожего на корень петрушки.

– А, Лиза... – говорит он как-то неуверенно. – Ну как, вам всё удалось купить, что хотели?

– Да, и даже больше. Слушай, а что это такое у меня в каюте?

Он совсем теряется.

– Э-э... в смысле?

– Там куча каких-то коробок с чьими-то вещами.

Он моргает пару раз со странным выражением.

– А вы... в них заглядывали?

– Ну, я открыла две ближайšie с уголка, поняла, что это не моё, и закрыла.

Господи, неужели трудно объяснить? Вряд ли такому явлению может быть много разных причин!

– И там ещё мебель какая-то, – добавляю для убедитель-

ности. Ну должен же он знать, откуда это! Кроме него ведь никто мою каюту открыть не мог.

Азамат нервно сглатывает.

В этот момент из кухни выходит Алтонгирел, в одной руке держа пиалу с чем-то жидким, а другой набивая что-то в мобильник.

– Ну чего, подарил подарки? – спрашивает он на всеобщем, не поднимая головы, видимо, переключиться не успел на нужный язык.

Азамат закрывает глаза и прерывисто вздыхает. И тут до меня начинает доходить.

Ой-йопт-что-ж-я-такая-дууууууууууууууура!!!

Так, только не давать сатисфакции Алтонгирелу. Пусть думает, что у нас всё прекрасно и полное понимание.

Пользуясь тем, что духовник всё ещё смотрит в телефон, молча хватаю Азамата за руку и тяну в сторону двери, обильно жестикулируя. Он послушно выбирается из-за стола и вслед за мной выскакивает из столовой. Алтонгирел так нас и не замечает, занятый топтанием по клавишам. Теперь, в коридоре, меня начинает разбирать хохот, когда я понимаю, как всё это должно было выглядеть со стороны. Я так смеюсь, что еле могу стоять, и в то же время понимаю, что Азамату моя пантомима должна сильно действовать на нервы, особенно в свете только что произошедшего конфуза. В итоге я просто вешаюсь ему на шею и продолжаю хохотать до слёз, икоты и боли в животе.

Когда я наконец обретаю способность стоять сама, Азамат уже готов вызывать психовозку, хоть и не знает, что это такое. Да уж, какой бы реакции он ни ожидал на свои дары, я отколола нечто совершенно иное.

– Так это что, всё подарки мне? – говорю между иканиями, вытирая глаза.

– Ну да, – отвечает он жалобно.

– А почему так много? – еле выговариваю я. Хочется ещё спросить, а почему там мебель, но у меня в данный момент ограниченная способность к членораздельной речи.

– Вы считаете, что это много? – поднимает брови Азамат.

– А ты – что мало?! – выдавливаю я сквозь новый приступ хохота. Приходится упереться руками в колени, чтобы устоять.

– Да там всего около пятидесяти предметов, – смущённо говорит мой супруг.

– Всего?! – взываю я и захожусь кашлем. Господи, я пару лет так не ржала. Вот вечно так, когда нельзя...

После небольшого приступа кашля ко мне возвращается человеческий облик, но глаза приходится вытирать снова. Несчастный Азамат стоит и смотрит на меня с совершенно убитым видом. Бедняга, какая же у него жизнь жестокая.

– Ну пошли, – говорю, – буду распаковывать.

– А я-то зачем? – моргает он. Решил, наверное, что я вознамерилась поставить личный рекорд по заведению его в тупик.

– Ну как, а кому я буду спасибо говорить? У нас принято в присутствии дарителя открывать.

Он только пожимает плечами и послушно идёт за мной.

Глава 13

В которой накаляются межкультурные страсти

Оставляю Азамата переминаясь в дверях, а сама, с трудом найдя между коробками место для ног, принимаюсь распаковывать. Начинаю с той, где видела одежду – можно сразу будет убрать в шкаф и освободить пространство.

Там не просто одежда. Там платья. Длинные, тонкие, из яркого тамлингского шёлка всех цветов радуги – к счастью, не больше двух цветов на платье. Их там штук двадцать, наверное. У меня аж в глазах рябит. Вытаскиваю все подряд, прикидываю на себя – как раз должно быть. Боже мой, я не носила таких с двадцати лет! Хочется немедленно влезть во все сразу, но я тогда до ночи не управлюсь со всеми подарками.

– Какая невероятная красота! – решаюсь наконец разбавить словами нечленораздельные восторженные звуки, которые издаю с момента извлечения первого платья.

Азамат вздыхает с облегчением. Неужто думал, что мне может не понравиться?

– Сейчас померить? – спрашиваю напрямую.

– Да вы устанете столько мерить, – поднимает брови.

– Ладно, будем постепенно, – охотно соглашаюсь я и акку-

ратно сгружаю всё содержимое коробки в шкаф. Собственные покупки я ещё не разбираю, так что там пока есть место.

В соседней упаковке – примерно полкубометра размером – как я уже знаю, всякие шампуни и прочие гели. Я распаковываю её больше для вида, и так понятно, что мне теперь на пару лет хватит. Сверху несколько флаконов разных средств той же фирмы, что у Азамата бальзам, под ними невероятно дорогие кремы, потом... Да тут всё на вес золота. Мне даже как-то неудобно становится, я явно стою дешевле, чем всё, что тут напихано.

– Тут целое состояние, – говорю благоговейным шёпотом. – Мне страшно представить, сколько всё это стоило...

– Что-то не так? – переспрашивает Азамат.

– Нет-нет, – говорю быстро. – Всё прекрасно. Просто так много... и всё такое дорогое...

Его явно напрягает моя растерянность, а я не могу найти в себе сил с ней справиться. Я не знаю, как правильно радоваться, чтобы ему было приятно. Ладно, будем действовать на физиологию.

– Иди сюда, – маню его рукой, чтоб нагнулся. Он наклоняется ко мне, всем своим видом выражая усилие хоть что-то понять в моём поведении. А я прихватываю его под скулы и целую в обе щеки.

– Спасибо тебе, солнце, – говорю растроганно. И ещё обнимаю для пущего эффекта. Когда отпускаю, в глазах у него звёздное небо – никакого космоса не надо. И руки дрожат

слегка. Ого, да он так не доживёт, пока я закончу все подарки смотреть.

– Я рад, что вам нравится, – говорит неверным голосом. Надо его как-то отвлечь, пока ещё на ногах стоит.

– Давай это сразу в ванную, – говорю. Одна я эту коробку не то что не подниму, а даже и не сдвину. Он, конечно, кивает и переносит её, куда указано, лавируя между прочими подарками, и на вид ему это стоит не больше усилий, чем перенести пляжный надувной мяч – размер большой, веса никакого.

Я тем временем берусь за тару поменьше в надежде, что там будет что-нибудь не вызывающее у меня спазмов в кошельке. Ага, понадеялась одна такая. Там бук! Ну что ж, это сильно облегчает жизнь, хотя от Азамата я не ожидала. Его, по-моему, устраивало, что я к нему хожу за каждым письмишком.

Бук большой, диагональ побольше, чем у капитанского, но это и хорошо. Таскать мне его вряд ли придётся, а большой экран удобнее, да и по клавишам попадать... Сенсорные ведь небось. Открываю на всякий случай – ба, да там альтернатива! Встроенная сенсорная клавиатура и подключаемая человеческая! Вот это я понимаю: всё продумано. Азамат уже опять пробрался к двери, и я поднимаю на него затуманенный счастьем взгляд:

– Спасибо! Это прямо как специально для меня модель! – улыбаюсь на все тридцать два зуба. Он тоже слегка улыба-

ется. Кажется, шок от моих бурных благодарностей немного прошёл. Погоди у меня, ещё сегодня привыкнешь.

Бук я торжественно водружаю на стол, где ему и место. В соседних с ним коробках обнаруживаются телефон, камера, отдельный нетбук, нечто звуковоспроизводящее марсианского вида, тоненький карманный бучек для чтива и заметок, ещё какая-то фигня, объединяющая в себе функции всего вышеперечисленного, и ещё целая коробка с техникой, о назначении которой я могу только догадываться. Я складываю коробки в аккуратные штабеля на столе, не прекращая расписывать, как мне жизненно необходимы все эти устройства и как он удачно выбрал как раз нужные модели.

Лучше всего он попал с телефоном, он тоже с альтернативой – кнопки или сенсор. Впрочем, у Алтонгирела, кажется, похожий, так что это, видимо, просто модная на Муданге модель. Но меня ужасно радует, что можно задвинуть клавишу и не бояться случайно прикоснуться к сенсорной поверхности, а можно отодвинуть – и в два движения добыть нужный контакт. И вся опознаваемая мной техника совместима между собой!

– А это что? – спрашиваю, тыча пальцем в коробку. Теперь я прокопалась к стулу, и его можно выдвинуть. Азамат подходит поближе посмотреть, про что я спрашиваю, и я, пользуясь моментом, залезаю на стул и повторяю номер с поцелуями. Он смотрит, как будто постиг Дао, и мне становится смешно. Ах да, ему, наверное, странно, что я к его обо-

жжённой щеке не брезгаю прикасаться. А я уже и забыла, что должно быть неприятно... Алтонгирел бы удавился, если б узнал, что все его напоминания напрасны.

– Вам... действительно интересно, что там, или это был отвлекающий манёвр? – хрипловато спрашивает Азамат.

– Одно другому не мешает, – говорю, ослабившись. Он тоже ухмыляется. Кажется, начинает осваиваться с моими причудами.

– Это ларец с расширенным внутренним пространством. Восемь кубометров...

– Их уже пустили в продажу? – удивляюсь я. Сашка принимал какое-то косвенное участие в разработке этих штук-вин, правда, давно, но он следит за процессом. Он бы мне сказал...

– Ну не совсем, – довольно улыбается Азамат. – Это пока ещё тестовая партия... Но я вас уверяю, они прошли уже достаточно проверок, чтобы можно было спокойно пользоваться.

Это он где-то свистнул... или купил дивайс, которого и на рынке-то ещё нет?! Вот это да...

– Ничего себе, – говорю. – Мне ещё никогда таких крутых подарков не дарили, да ещё так много!

– Да где много... – отмахивается он. – При нашей с вами разнице в положении, да ещё если учесть, что я до женитьбы ничего не дарил, должно было быть несколько сотен предметов, но я многое не решился взять, потому что плохо знаю

ваши вкусы. Тем более что далеко не все традиционные подарки уместны в космосе.

Несколько сотен!

– Слушай, Азамат, – говорю, – не надо несколько сотен. Побереги кошелёк для чего-нибудь более полезного.

– А что может быть важнее для меня, чем ваш комфорт? – говорит он с лукавой искоркой в глазах. У меня опять возникает это безумное чувство, что я знаю его уже сотню лет. Но от его слов я слегка смущаюсь и отвожу взгляд, который падает на фотокамеру. О! К счастью, все причиндалы уже внутри, так что я успеваю сделать снимок прежде, чем Азамат отшатывается.

– Ну зачем, Лиза? – он закрывается на случай, если я попытаюсь ещё пощёлкать. – Я этого так не люблю...

– Прости, – делаю щенячьи глазки, – я понимаю, но мама очень просила прислать фотографию. Ну не обижайся.

Приходится снова намотаться ему на шею – это гораздо удобнее, когда стоишь на стуле. Я чувствую, как он начинает расслабляться и – о чудо – даже обнимает меня сам. Не иначе неподалёку взорвался Красный Гигант.

Мы зависаем во взаимообёрнутом положении, но я слишком наклонилась вперёд, и стул подо мной решает, что ему пора на место. Я соскальзываю, и Азамат воспринимает это как сигнал поставить меня на пол. Ладно хоть не дал упасть, а то знаю я его, ещё постесняется ловить...

Следующая партия подарков несколько менее приятна –

это духи. Не то чтобы я имела что-то против духов в принципе, просто мне запахи нравятся – один на миллион. И я очень, очень сильно сомневаюсь, что у нас с дорогим моим инопланетным дикарём может быть одинаковое представление о приятных ароматах. И ещё отдельно я не хочу распылять все эти пахучие жидкости у себя в каюте. Не знаю, с какой скоростью тут вентилируется... Вот только как всё это объяснить Азамату?

– Честно говоря, я просто взял всё, что на слуху, – винится мой благоверный. – Подумал, может быть, вы на досуге выберете что-нибудь.

О-о, мне кинули спасательный круг.

– Ты моё солнышко, – целую его в плечо. – А не проще было со мной в магазин сходить?

– Ну это уже тогда как бы не подарок, – протягивает он. Боже, как всё сложно.

– Ладно, – говорю, – я обязательно всё перенюхаю.

Следующим номером нашей программы оказываются драгоценности, и вот тут мне уже становится нехорошо. Я не понимаю, как можно в здравом уме потратить *столько* денег. Оно, конечно, всё красивое и блестит, но я-то хорошо если раз в месяц надену деревянные бусики, а серёжки и вовсе одни и те же годами ношу, не снимая. И что я буду делать с сотнями каких-то коле с изумрудами? Не говоря уже о кольцах, которые вообще не ношу. Лучше б деньгами выдал, честное слово.

Изо всех сил стараюсь изобразить восторг и проваливаюсь с треском.

– Вам не нравится, – с печальной улыбкой констатирует Азамат.

– Ну что ты, конечно нравится! – делаю я последнюю жалкую попытку. – Всё такое красивое...

– Зачем вы врёте? – удивлённо и насторожённо спрашивает он.

Вот так вот! Я аж зубами клацнула от неожиданности. Вот вам и весь такт. Пялюсь на него, как солдат на вошь, глазами хлопаю.

– Ну-у, как бы не хочу тебя расстраивать, – говорю наконец. Ладно, если так хочешь, чтобы я призналась, что мне не нравится...

– А чего мне расстраиваться? Вам и так понравилось гораздо больше вещей, чем я ожидал. Хотя теперь я уже не уверен, что это правда...

Приехали. Я тут изо всех сил стараюсь, как лучше, а он меня подозревает в подлоге. Замечательно!

– Ну хорошо, хорошо! – внезапно начинает тараторить он. Видно, я что-то такое выразила на лице угрожающее. – Если вам удобнее, чтобы я считал, что вам всё нравится, то, пожалуйста, я верю!

Господи, я даже рассердиться на него не могу! Это же надо, какая предупредительность. Так, подруга, давай-ка без ссор. Тебе и так достался мужик высшего сорта, нечего тут

по мелочам возбуждать. Надо спокойно постараться принять чужие правила. В конце концов, это я у него на корабле, а не он у меня.

Разгребаю часть кровати от золота и бриллиантов и сажусь в образовавшуюся проталину, жестом приглашая Азамата присоединиться. Он садится без вопросов. По крайней мере, в эту сторону никаких заморочек с предложением сесть не возникает.

– Хорошо, – говорю. – Если хочешь честно, то будем честно. Я редко ношу украшения, и почти никогда драгоценные. И это вряд ли изменится. Мне безумно приятно, что ты готов тратить на меня такие бешеные деньги, но я... как бы... не совсем привыкла к такому... стилю жизни, что ли.

– Вы... из небогатой семьи? – спрашивает он осторожно.

– Я из обычной семьи, – пожимаю плечами. – У мамы всегда был неплохой доход, но не такой, чтобы скупать все ювелирки вокруг.

– А как же отец? Почему ваша мать должна была работать? – не понимает Азамат.

– Нету никакого отца, – развожу руками.

– О, простите.

– Да ничего.

Кажется, он решил, что я сирота.

– Ну а брат? Он ведь старший...

– Младший.

– О.

Похоже, больше ему сказать нечего. Никогда бы не подумала, что моя семейная история может кого-то так опечалить.

– Ты не переживай, – говорю. – У меня нормальная семья, мы не какие-нибудь лишенцы.

Азамат кивает, одновременно пожимая плечами. Дескать, как скажете, но у него своё мнение по этому вопросу. Ох, ведь сейчас решит восполнить нехватку роскоши в моём детстве.

– Только не надо меня заваливать всякой дорогой фигнёй в надежде, что я привыкну, – предупреждаю на всякий случай.

Он кисло улыбается:

– Да, я уже понял, что у вас устоявшиеся жизненные принципы.

Смеёмся. Кажется, у нас опять всё хорошо.

На этой оптимистической ноте я обращаюсь к самой гигантской коробке.

– Там правда комод? – спрашиваю.

– Да. Я подумал, что вам ведь придётся куда-то складывать всё, что решите оставить.

– А что ты сделаешь с остальным?

– Что-то верну, что-то раздам ребятам. Боитесь, что выкину?

– Нет-нет, я твёрдо уверена, что ты разумный человек.

– Лиза, пожалуйста, не надо считать мои деньги. Вы и так

зачем-то хотите продолжать работать, хотя я прекрасно мог бы вас содержать. Если вы ещё и не дадите дарить вам подарки, то я вообще не понимаю, зачем было жениться.

Я и хочу, и не хочу напомнить ему, что я не собиралась за него выходить. Однако я ведь скоро устану от его представлений о супружеских отношениях. То есть это всё, конечно, прекрасно, но мне попытки меня содержать представляются посягательством на мою свободу. Потому что после таких даров мне будет очень трудно ему в чём-то отказать. Он, конечно, мягкий и застенчивый, но вдруг я его избалую? Тем более он теперь считает, что чуть ли не детдомовку подобрал – а вдруг это резко сокращает между нами социальную дистанцию?

– Помоги открыть, пожалуйста, – мне надоедает бессмысленно ковырять уголок коробки.

Азамат легко обдирает пластикартон, как будто это папиросная бумага. А у нас гонят, что этот материал выдерживает сколько-то там десятков килограмм... Комод чудесный, светленький с мозаикой из разных видов дерева. Кстати, он и правда деревянный. С ума сойти, я последний раз деревянную мебель в музее видела. Хотя... надо будет повнимательнее присмотреться к мебели на корабле. Я как-то по привычке решила, что пластик...

Ладно, так вот, комод. Он не очень глубокий, много места не занимает. Задняя стенка сверху чуть-чуть торчит, и на ней вырезаны всякие завитушки. Изящненько так. Дёргаю

ящички.

– Ух ты, как легко катаются! И не скрипят! – люблю добротные вещи, ну очень, очень люблю!

Азамат прикрывает глаза ладонью, бормоча что-то про гордую нищету и дерьмо с водой в качестве строительного материала. Ладно, он и так во многом показал себя интеллигентом, где-то же должен быть предел.

Среди прочих подарков обнаруживаются меха, которые в космосе, конечно, просто жизненно необходимы, но для меня натуральный мех – изрядная диковинка, так что я вполне искренне радуюсь. Носить, конечно, не буду, но потрогать приятно. Далее следует набор самых невероятных сумочек – под платья, и под меха, и под (о ужас!) мои самошитые штаны. Такая голубенькая в цветочек... Отсмеявшись, снова лезу к Азамату с осязаемыми благодарностями, на сей раз для разнообразия целую в нос. А он-то думал, он уже ко всему привык, ха!

Мне кажется, что меня смыло волной бесконечных приобретений и я никак не выгребу сама. Надеюсь, дорогой супруг сократит размах ухаживаний, а то мне и правда как-то неудобно.

Азамат тоже не в восторге от нашего культурного обмена, но делает вид, что всё хорошо. Помогает мне настроить бук, и я немедленно обнаруживаю в почте письмо от мамы.

* * *

Ладно, жду. Скажи лучше, какие ему цвета нравятся, а то я тут недавно в старом журнале нашла такую модель мужского блейзера – закачаешься! Уже даже спицы нужного размера купила, разорилась на деревянные!

Так ты теперь когда вернёшься-то?

* * *

Далее следует длинный список латинских названий сортовых лилий.

– У тебя какой любимый цвет? – спрашиваю Азамата.

– Красный, – отвечает, не задумываясь. – А что?

– А-а, так, – пожимаю плечами. Пусть будет сюрприз. Кстати, теперь понятно, почему у нас корабль такой гламурный. И тут меня осеняет. – Кстати, ты не против что-нибудь из украшений послать в подарок моей маме? Она-то их носит с удовольствием.

– Конечно, конечно, – легко соглашается Азамат.

Я тем временем скидываю его фотку с камеры. Хорошо получился, кстати. Ровно такая улыбка, которая его больше всего красит. Прикладываю в обратном письме маме и при-

нимаюсь вбивать давешние обмеры. Азамат некоторое время смотрит, как я перепечатаваю с листочка цифры и, похоже, окончательно решает, что мы общаемся шифровками. Потом я сажусь отбирать для мамы золотишко, а он внимательно следит. Запоминает на будущее небось. Охх.

– Кстати, Лиза, не знаю, сказали вам или нет, – говорит он после того, как мы вместе распихали его подарки и мои покупки по каюте, – через пару часов будет вечеринка по поводу прощания с ребятами, которые уходят. Не здесь, а в каком-нибудь ресторане. Вы пойдёте?

– А ты пойдёшь? – спрашиваю в ответ. Одной не очень хочется, хоть и все относительно свои.

– Да, естественно.

– А как это будет выглядеть?

– Ну как... застолье... Может, в карты поиграем, не знаю.

Вот как. То есть ты их уволил, а теперь все вместе пьём на прощание. Удобно.

– Ты с ними обоими остаёшься в хороших отношениях?

– Да, конечно. А чего ссориться с хорошими людьми из-за ошибки? Только их не двое, а трое. Алтонгирел тоже уходит.

Я выпучиваю глаза и вытягиваю шею.

– А он-то почему?!

– Он не хочет оставлять Эцагана одного. И правильно, в общем. У мальчишки опыта никакого, а голова горячая. Я бы тоже не оставил.

Я слегка перевозожу дух. Думала уж, из-за свадьбы. Ну то есть в любом случае всё из-за меня. Но неужели Алтонгирела тут больше не будет?! Господи, вот самый лучший подарок!

– Ну вот, – говорю с плохо скрываемым торжеством, – из-за меня твой друг уходит...

Азамата не проведёшь, конечно. Ухмыляется.

– Не думаю, что вы очень страдаете из-за этого. А мне не привыкать, так что всё в порядке.

Как-то это не очень убедительно звучит. Ну да ладно, я и так сегодня своим нытьём ему крови попортила.

– Так вы пойдёте? – переспрашивает.

– Да, конечно.

Я решаю тут же надеть одно из свежеподаренных платьев. В конце концов, они действительно невероятно красивые, да и Азамату будет приятно. Кстати, можно сделать вид, что про его любимый цвет я спрашивала для этого. Надеваю красное.

На сей раз ребята заказывают такси из расчёта, что все выпьют. Ресторан у них тут уже примеченный – это даже, скорее, паб. Огромный бар, а меню небогатое. Моё платье производит должное впечатление: Азамат медово улыбается, кое-кто из ребят краснеет. Слышу краем уха бормотание Алтонгирела, что, дескать, *если её по-женски одеть, то как будто не такая уж и стерва*. В его устах – просто комплимент.

Мы употребляем довольно вкусные мясные пироги из сло-

ёного теста (секрет которого мечтает раскрыть Тирбиш), а потом бармен выкатывает на середину зала большой полированный стол с какими-то фишками.

– А вы будете играть в бараньи? – спрашивает Азамат.

– Во что? .

Оказывается, что это такой первобытный вариант бильярда. На стол высыпаются раскрашенные в разные цвета косточки из бараньего коленного сустава. Косточка почти кубическая, чуть продолговатая, и у неё есть четыре стороны, которые по-разному выглядят. Задача – щёлкнуть пальцами по одной косточке так, чтобы она проехала по столу и вышибла другую, лежащую той же стороной вверх. Если заденешь прочие – проштрафишься.

Игра оказывается азартной до невозможности. Народ болеет за игроков с хохотом и гиканьем, игроки шепчут разговоры и по-особому плюют на пальцы, официанты между собой делают ставки, кто сегодня больше всех выиграет. Муданжцы пьют пиво или *хримгу* – зеленоватое пойло из кислого молока. Я пробую его у Азамата из пиалы (что вызывает странное оживление среди команды) и понимаю, что смогу сделать ещё глоток разве что под страхом смерти. Впрочем, Азамат так доволен, что я попросила отпить у него, что даже не замечает моей перекошенной физиономии.

В итоге я пью какое-то тамлингское фруктовое вино и хорошо себя чувствую. Ирнчин, правда, с неодобрением отмечает, что в нём девять градусов – их-то напитки все ещё сла-

бее. Я на это возмущённо отвечаю, что четыре или девять – разницы нет, и оставьте меня в покое. А потом я подключаюсь к игре, и у меня даже прилично получается. В общем, вечер удаётся на славу.

Почти. Непостижимым образом я остаюсь единственной трезвой во всей компании. То есть Азамат тоже почти трезвый, но он, кажется, ограничился двумя пиалами хримги, а она, как я поняла, совсем слабенькая, и то у него так усилился акцент, что я еле понимаю, что он говорит. Ирнчин вообще перешёл на бессвязное бормотание, хотя ещё способен пройти по прямой. А вот остальных развезло совсем.

Мужик с родинкой во всю щёку – Орвой – затягивает пронзительно-тоскливую песню, и её быстро подхватывают все, особенно провожаемые. На Азамата она действует угнетающе, не знаю уж, что в ней поётся – поди разбери. Он извиняется и выходит подышать на улицу. Мне всё-таки интересно послушать, вдруг что пойму, но там такие переливы... Поют они, в общем, неплохо, хоть и пьяные в дым. Вообще, так странно, неужели они реально столько выпили этих слабеньких напитков? Такие большие мощные мужики...

Через стол от меня кто-то уходит избавиться от лишней жидкости, кто-то возвращается, происходит ротация, и я оказываюсь напротив Алтонгирела. Он ещё сохраняет человеческий облик, хотя на ногах стоит плохо. Салютует мне пивной кружкой. Я ему в ответ своим бокальчиком. Ладно

уж, напоследок можно и поласковее. Он не поёт, хотя когда запевала забыл слова, подсказывал. Духовникам не положено, что ли?

– Да ты не пьянеешь, барышня, – говорит он мне. На его дикции алкоголь почти не сказался.

– Да я почти не пью, – отмахиваюсь. Ещё не хватало сейчас перед ним выпендриваться.

– Кане-ечно, – протягивает он язвительно. – Тебе надо, чтоб голова была ясная. Спьяну-то труднее притворяться, что он тебе нравится. А не будешь ласковой, не будет тебе брюликов, – он делает шутливо угрожающий жест по типу «идёт коза рогатая».

– «Брюлики» меня интересуют в последнюю очередь, – отвечаю сухо. Что возьмёшь с пьяного обиженного педераста в худшем смысле слова?

– Да, да, ты ж святая, – кивает он, расплёскивая пиво. – Все женщины замуж выходят ради денег, а ты, конечно, из жалости.

Вот идиот. Уйти, что ли, к Азамату? А то опять заеду Алтоше куда не надо.

– Пра-ально, беги ему пожалуйста на меня, – усмехается этот гад. – Один друг у него был, так тебе вот надо было нас поссорить!

– Да уж ты друг, – говорю. – При каждом удобном случае опускаешь его прилюдно, чтоб не забыл ни в коем случае, какое с ним несчастье случилось. В кои-то веки он кому-то

понравился, так тебе надо обязательно всё испортить. Хорошенькая дружба!

Он с грохотом ставит кружку на стол.

– Я, между прочим, единственный, кто с ним остался!

– То есть все прочие – совсем помёт?

– Я ещё посмотрел бы, осталась бы ты или нет, – кривится он.

И что это должно значить?

– Я уже осталась, если ты забыл.

– Ха! – он окидывается на спинку стула. – Если б дело было в одной только роже, много кто бы остался. Но ты же самого интересного не знаешь.

Ага, расскажи мне, что у него и на груди шрамы есть. Я умру.

– Чего же?

– Не-ет, я тебе не скажу, – он явно забавляется, что знает что-то, чего я не знаю. Может, мне всё-таки слинять и не тешить его самолюбие? Жаль, Эцаган задрых. А то мог бы отвлечь.

Алтонгирел осушает кружку и требует ещё. Потом пронизывает меня расчётливым взглядом, насколько ему удаётся его сфокусировать.

– Или сказать, – размышляет он вслух. Ну нет, просить не буду, и не надейся. – Вот заодно и посмотрим, насколько ты в нём заинтересована.

Пожимаю плечами. Смотри, что хочешь. Мне бояться

нечего.

– Его изгнали с Муданга, – внезапно очень чётко говорит Алтонгирел. – Он вне закона. И никогда не сможет туда вернуться.

Я, наверное, всё-таки слегка под мухой, потому что после этих слов начинаю ждать, что вот сейчас меня окатит, как холодной водой, осознанием, а оно всё не окатывает. Я так увлекаюсь собственными ощущениями, что напрочь забываю как-то осмыслить сказанное. Ну изгнали. Небось тоже за лицо. Ну не может вернуться. Не очень-то и хотелось. Хотя ему, наверное, хочется. Завод там хотел построить, помню. Фотографии в иллюминаторе помню. Ностальгия, наверное. Бедный. У пафосных мужиков всегда ностальгия. А мне вот непонятно, что такого – было одно место, стало другое... Ничего, я ему сплету гизик, он порадуетя, и всё будет хорошо.

Сквозь сонное сознание слышу голос Алтонгирела:

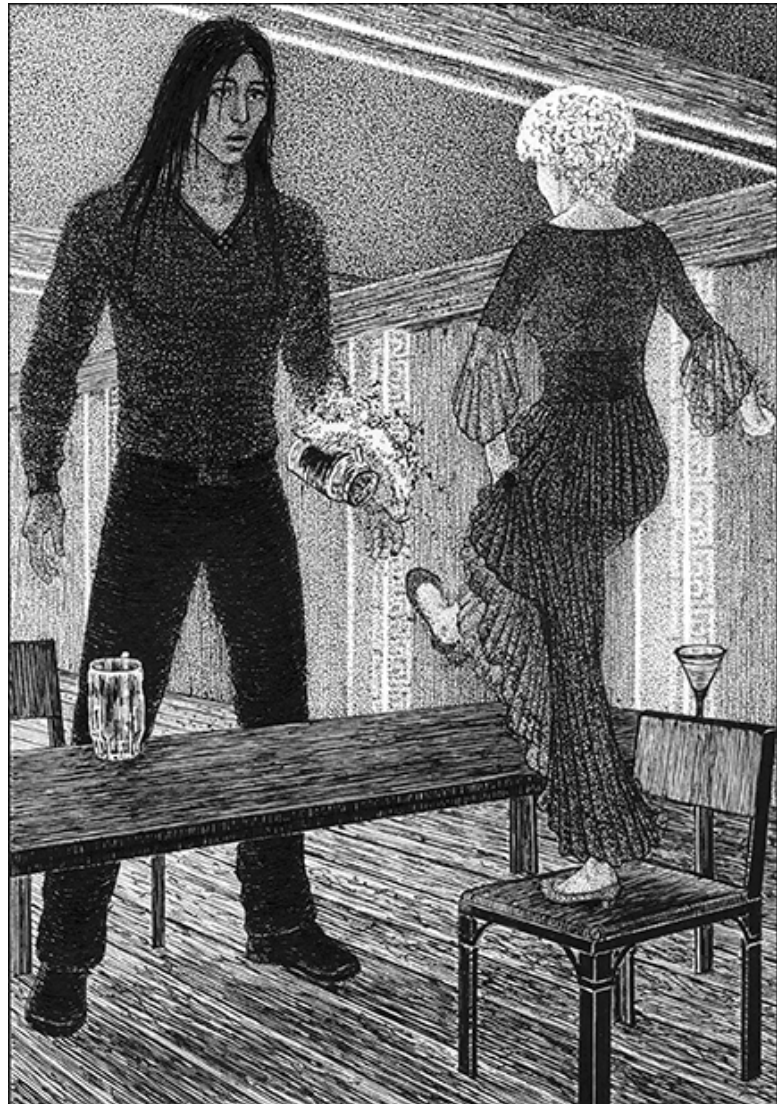
– Что, охотница за капиталом, поняла, во что вляпалась? Нужны тебе деньги, добытые грязными руками? Уродство ты терпишь, а как насчёт того, что Совет Старейшин не допускает его на родную планету? Или ты за деньги с любым уголовником трахаться готова?!

Я даже не заметила, как он встал и навис надо мной через стол. Глаза горят, на губах пена. Думаешь, напугал? Думаешь, я тебе спущу такие слова о моём муже?

Встаю, забираюсь на стул, если уж у нас тут конкурс, кто выше.

– Ты кусок дерьма! – объявляю звонко. – Всё никак не переживёшь, что он тебе не дал пятнадцать лет назад, а потом тебе самому противно стало! А теперь появляюсь я и оказывается, что шрамы – не помеха для любви. Вот ты и убедил себя, что это у меня не любовь, а корысть. Тогда ты вроде как не виноват, что прикоснуться к нему брезгуешь, ведь все брезгуют, значит, ты не хуже всех! Ты его хочешь, а не можешь, а я могу, вот и всё тут!

В этот момент на стол между нами ставят новую кружку пива, и с моей лёгкой ноги её содержимое немедленно окатывает Алтонгирела целиком.

Домой на корабль народ возвращается довольно понуро. Моё сольное выступление не прошло незамеченным, и многие, похоже, разделяют моё мнение насчёт мотивов духовника. Однако на меня никто не смотрит.

Азамат, как выяснилось, не просто пошёл воздухом дышать, а прогулялся до самого корабля, да так там и остался. Видно, не очень-то ему на самом деле было весело провожать уволенных. Или Алтонгирела. Или этот гад и капитану что-нибудь приятное сказал. Небось про меня напоследок проникновенную речь толкнул.

На корабле я вижу Азамата только мельком – его кто-то окликает по делу. Я топаю к себе. Вторая половина дня сегодня явно не удалась. Эх, а всё так хорошо начиналось... Теперь ведь Азамат починит замок, и больше я к нему под бок не прокрадусь посреди ночи. И Эцагана жалко. Мало того что уволили, так ещё я Алтонгирела разозлила, он теперь совсем невыносимым станет. Интересно, подозревает ли Эцаган, что у Алтоши чувства к капитану? Наверняка, уж он-то должен понимать. Бедный мальчишка, и чего он с этим гадом связался?

Что-то всё плохо. Иду в душ и заваливаюсь спать.

Стоит мне отключиться, как кто-то громко стучит в дверь. Ну кого принесла нелёгкая? Стук настойчиво повторяется. Кому-то сильно надо. Ой, а что если кому-то врач нужен?

Мгновенно просыпаюсь и открываю дверь. В каюту чуть ли не впадает Азамат.

– Что такое?! – спрашиваю, в спешке одёргивая футболку (не доползла ещё новую пижаму достать).

Он закрывает дверь у себя за спиной и выпаливает:

– Лиза, всё не так, как вы подумали!

Мой мозг принимает вид кубика Рубика в положении, наиболее удалённом от «собрано».

– А как я подумала?

– Про то, что... Алтонгирел...

А. Господи, нашёл из-за чего меня будить. Расслабляюсь, втягиваю ноги под одеяло.

– Успокойся, я понимаю, что ты с ним не спишь.

– Ч-что? – переспрашивает Азамат в полном замешательстве.

– Неважно, – смеюсь. Кажется, кто-то тут совсем неиспорченный. – Его фантазии – его проблемы.

– Это не фантазии, – мрачно вздыхает Азамат.

Что-то я уже ничего не понимаю. Двигаюсь поближе к стенке и хлопаю по краю кровати:

– Садись и объясни толком, что я, по-твоему, не так поняла.

Он садится, глядя на меня насторожённо. Ждёшь, что завизжу и шарахнусь? Щаззз, я слишком спать хочу. Обхватываю его руку вокруг локтя, пристраиваю голову на плечо. Вот она я, никуда не денусь.

– Мне передали, что он вам сказал про... про изгнание.

– А-а, – говорю глубокомысленно. – Да, чё-то такое брехал.

– Вы ему не поверили?

– Не помню. Я решила, что он опять пытается испортить тебе жизнь.

Азамат обречённо вздыхает. Что так?

– Ладно, раз уж я к вам вломился ради этого, придётся всё равно рассказать. Я думал, вы ему поверили, и...

– Ну-у, так что там? Расскажи мне страшную сказку на ночь.

Он внезапно гладит меня по голове, бережно так, медленно, как будто хочет запомнить ощущение.

– Меня действительно изгнали с Муданга, – говорит он. – Уже пятнадцать лет как.

Я некоторое время жду продолжения, но оно не следует. Неправильная сказка.

– И что?

– Я должен был вам сказать, но...

– Да ладно, ты ещё много чего о себе не рассказал.

Он озадаченно прокашливается.

– Лиза... Вы понимаете, что по муданжским законам я преступник?

Я слегка поднимаю голову, чтобы заглянуть ему в лицо.

– Да они там все рехнулись, на твоём Муданге, – говорю. – Ничего удивительного, что их джингоши завоевали, если вы-

гонять таких, как ты.

Азамат пару секунд осмысливает мою позицию.

– Вы считаете, что это было несправедливо?

– Конечно! – заявляю я со всей сонной пьяной уверенностью. – Ты у меня лапочка и ничего плохого не сделал.

Он начинает хохотать.

– Господи, Лиза, какая вы доверчивая, я не могу...

– Да ну тебя, ложился бы спать, вот охота рефлексировать!

И вообще, знаю я вас, муданжцев. Небось из-за лица и выгнали.

Он снова вздыхает.

– Ну, косвенным образом. От меня отрёкся отец. Из-за лица. Я не был женат и по закону не имел права оставаться на планете после этого.

Вот тут я просыпаюсь.

– ЧТО он сделал?!

– Ну он никогда меня особенно не любил, а тут... Он уважаемый человек. Я бы портил ему репутацию. А у него есть ещё младший сын, образцовый семьянин... В общем, он предпочёл от меня избавиться.

Кажется, я разучилась дышать.

– И... и никто не вправил ему мозги?

– А кому нужен человек, который не нужен собственному отцу? – горько усмехается Азамат. – Тем более отец – мудрый, влиятельный человек. Глупо с ним спорить.

– Нет-нет, погоди, ты что, считаешь, что он мог быть

прав?!

– Ну... – он как-то неуместно смущается. – А вы тоже считаете, что нет?

Мне кажется, у меня глаза на стебельках вытянулись.

– Он. Не. Может. Быть. Прав. Он старый засранец, который не понимает, каким сыном его незаслуженно наградила жизнь!!!

Азамат выглядит так, как будто сейчас заплачет.

– Вот и... Алтонгирел был единственным из моих друзей, кто так считал.

– И почему он за тебя не вступился?

– А что он мог? Ему было восемнадцать!

– А твой брат?

– Ему тоже. И не пойдёт же он против отца. Тот человек решительный, мог и нас обоих выкинуть.

– А его самого выкинуть нельзя?! – взрываюсь я. – Что этот ваш Совет Старейшин? Неужели ничего нельзя было сделать?!

Азамат некоторое время смотрит в пол, потом качает головой:

– Вы не представляете, в каком я был состоянии, когда очнулся и понял, что произошло. У меня несколько недель просто выпали из памяти, я был как в тумане. Помню, как отец зашёл, увидел меня и сказал, что, пожалуй, я для него умер. А потом меня депортировали.

Я вцепляюсь в него мёртвой хваткой, чувствуя, как слё-

зы текут по носу. Господи, а мы-то на Земле боремся с пережитками патриархального мировоззрения... Думаем, это у нас проблемы... А тут отцу не нужен – и без суда и следствия... Жены опять же нет...

– Слушай, но теперь-то ты женат, значит, можешь вернуться, – соображаю я.

– Всё не так просто, – угрюмо говорит Азамат. Ну да, а я наивная.

– Ну рассказывай, как именно непросто.

– Видите ли... Алтонгирел ведь не Старейшина, он только выполнял функции посредника на корабле. Он нас, конечно, поженил, но это действительно только здесь, в космосе. А если я вернусь на Муданг, то придётся получать одобрение Старейшин.

– Ну.

– Ну... вы же не полетите со мной ради...

– Конечно полечу! Да я бы слетала только ради того, чтобы отгаскать за бороду твоего чумного папашу, хоть он и не заслуживает такого высокого титула!

Азамат обнимает меня и держит долго, как будто привыкая к близости, но я чувствую в его жесте какую-то горечь.

– Ты чудо, – говорит он, – но Старейшины кого попало не женят. Они одобряют наш брак, только если сочтут, что мы подходим друг другу. Но ты посмотри, кто ты и кто я, – это совершенно невозможно.

– Ну я бы не была столь категорична. И вообще, ты что,

не хочешь даже попробовать?

– Я... Понимаешь, если они не одобряют, то мы не сможем быть вместе.

– То есть как?

– Брак будет аннулирован, и всё. И мне нельзя будет быть с тобой.

– Что значит нельзя? Улетим на Землю и поженимся там, у нас только ID спрашивают, и никаких подходов – не подходим.

Он качает головой.

– Нет. Ты, наверное, не поймёшь. Нельзя – это нельзя. Всё. Табу.

Прекрасно. То есть или он так и болтается до конца жизни в космосе из-за бешеного старпёра, или нас разъединяют железным племенным законом. Чёртовы дикари! Но не могу же я всё так оставить... В конце концов, Старейшины – старые люди, у них болячек тыщи должны быть, может, мне удастся их уговорить на сделку? Да и вообще, а по-моему, мы хорошо друг другу подходим. К тому же у Азамата много денег, а Старейшины – тоже люди. Господи, вот чёрт, я ведь могу ему сильно исправить жизнь – но рискую его потерять.

С другой стороны... он тоже не железный. Закон законом, но легко ли ему будет со мной расстаться по приказу? Может, я его ещё уведу с пути истинного? Ну не могу я поверить, что нас разлучат. Ну вот же как я точно ему под мышку вписываюсь!

– Азамат, – говорю решительно. – Надо обязательно попытаться. Я нутром чувую, что это дело выгорит.

– Это невозможно, – усмехается он, но в глазах у него я вижу проблеск надежды. – Но... если ты хочешь, то мы полетим на Муданг.

– Значит, полетим.

– Только... Это, конечно, невероятно, но если они всё-таки одобряют, то учти, что наш брак будет признаваться и на Земле. И ты не сможешь взять другого мужа, пока я не умру.

– Не вздумай, – говорю. – А то я приобрела устойчивую привычку следовать за тобой.

Глава 14

В которой наконец- то доходит до главного

Мы ещё некоторое время сидим в обнимку, думая о вечном и бесчеловечном, а потом Азамат начинает шевеление на предмет сбежать. Отпускать его одного мне не слишком-то хочется, ещё напридумывает себе всяких глупостей без меня. А мне всю ночь будет сниться какое-нибудь том-и-джерри с его папашей. Брр.

В раздумьях наматываю на руку его косу – а что, то и поводок... Кончик влажный. Всё-таки заплёл мокрые?

– Ты сейчас голову мыл, что ли? – спрашиваю. Вопрос, видимо, звучит несколько неурно, потому что Азамат секунду раздумывает.

– Нет... Только сполоснулся слегка, как пришёл... А что? Кажется, я вломила на частную территорию.

– Ничего, у тебя просто коса внизу мокрая.

Он немедленно отбирает у меня «поводок» и перевешивает на другую сторону. Вдох-выдох, детка, он просто очень предупредительный.

Если мылся, значит, переоделся. Хм. Провожу рукой по его спине – если на нём и не верх от пижамы, то я отличить не могу. Эти свитера у него всё равно все одинаковые, тём-

ные, тонкие, в обтяжку, только некоторые с высоким горлом. Штаны на нём не пижамные, но и не уличные, так, треники какие-то. Ну вот и прекрасно.

– Может, останешься тут? – предлагаю ненавязчиво.

– Думаешь, тебе будет трудно заснуть? – усмехается. Хорошо хоть не спросил, зачем.

– И это тоже, – говорю аккуратно.

– Тебе будет тесно...

– Да ладно, когда это мне с тобой было тесно.

Он ещё отнекивается, но я вижу, что он хочет остаться.

Вот и прекрасно, никуда он от меня не денется. Мы укладываемся, я укутываюсь в тепло его большого тела и быстро засыпаю.

Наутро – о чудо – я просыпаюсь первой. Укатали сивку крутые горки, однако! Некоторое время лежу, люблюсь, как он посапывает. Мне кажется, сон не доставляет ему большого удовольствия. Обычно люди во сне выглядят как-то благодушнее, моложе... А он как будто только бледнеет. Уж не болеет ли.

Кстати, это интересная мысль. У них ведь ни прививок, ни регулярных медосмотров. И что-то я подозреваю, что мой дорогой последние пятнадцать лет удовлетворял свои потребности, пользуясь услугами тамлингских ш... э-э-э, как это теперь называется? . работниц сферы интимных развлечений. У них в уставе прописано лицо не запоминать. Так

что пока мы не перешли к чему-то более захватывающему, чем здоровый ночной сон, мне стоит провести парочку тестов.

Осторожно выскальзываю из кольца его рук – он хмурится, но не просыпается. Потерпи, родной, это для твоего же блага. На цыпочках прокрадываюсь в соседнее помещение за сканерами. Кровь взять можно будет и позже, когда проснётся, а вот на осмотр уж очень долго уговаривать придётся, боюсь.

Инфекционный сканер считывает химический состав с поверхности на регулируемой в пределах полусантиметра глубине. Причём можно по элементам, а можно и по молекулам. Последнее чрезвычайно удобно для выявления инфекций: чуть у клетки мембрана или ДНК не такая, клетка подсвечивается на дисплее. Увеличить изображение, конечно, можно немало.

Ясен перец, сквозь одежду сканер не работает, а кое-кто у нас не по годам стеснительный. Так что осмотр будем проводить под естественным наркозом.

Аккуратненько откидываю одеяло и тяну штаны вниз. Вау, мы носим бельё! Приспускаю траурного цвета плавки вслед за штанами.

Ну да, в принципе, я подозревала, что сексом придётся заниматься *очень осторожно*, а теперь вот убедилась окончательно. Хотела бы я знать, какие у них заморочки по поводу постели, кстати. Пока что дорогой супруг даже не заикнулся

на эту тему. Жаль, Эцаган ушёл. Мы пока ещё на Гарнете, конечно, но он ведь с Алтошей... Вот уж с кем я ни в коем случае не буду обсуждать Азамата!

Ладно, займёмся делом, а то на этих просторах инородные клетки можно весь день ловить.

Инфекционное сканирование ничего не даёт. Просвечивание обычным сканером показывает здоровые яички. Похоже, тамлингским инфекциям муданжцы не по зубам. Ну что ж, это не может не радовать. Конечно, кровь на антигены всё равно взять надо, но это уже не такая вероятность, как я думала.

С чувством выполненного долга напяливаю на мужа обратно все штаны. Надеюсь, всё-таки не придётся самой его в постель за волосы тащить... Я, конечно, понимаю, что у всех свои недостатки, но это было бы уже как-то неромантично.

Убираю своё оборудование и понимаю, что мне неромантично хочется жрать. Но уж очень не хочется бросать Азамата – проснётся один, ещё обидится... По некотором раздумьи решаю принести завтрак с собой.

Оказывается, я подскочила так рано, что никакого завтрака ещё и нет. Так что я спокойно варю себе кофе (он обнаруживается рядом с чаем), извлекаю последние йогурты и размачиваю некоторое количество белых шариков, оказавшихся овечьим сыром, до состояния брынзы. Сгружаю всё это плюс молоко и сахар на сервировочный столик и прикаты-

ваю в каюту. Азамат спит.

Я располагаюсь за столом, наливаю себе в пиалу кофе из красивой самогреющейся джезвы с рельефными рисунками на боках – вот лисы, мангусты, ещё какие-то явно мифические хищники. Открываю бук для информационного сопровождения и сижу, радуюсь жизни.

В буке письмо от мамы.

* * *

Он что, косоглазый, что ли? Прямо китаец? Ну ты даёшь. Подумала хоть, чем ты его кормить будешь? И не промахнулась ли ты с размерами, дитя моё? У тебя получается просто йети какой-то.

Смотри там, осторожнее на Гарнете, у них, говорят, атмосфера плохая из-за того, что звездолёты всё время туда-сюда шныряют. Не загорай. И не забудь про лилии.

* * *

Кто ж про них забудет... Ну вот и повод воспользоваться внешней клавиатурой. Она резиновая и печатает беззвучно, и пальцы так пружинят забавно. Отвечаю, что про лилии помню, по мерке этой уже шила, и всё правильно, он и прав-

да такой огромный, нет, не китаец, но да, раскосый, а что это ещё за расизм такой в нашу прогрессивную эру?! И вообще, кормит нас бортовой повар.

Потом ещё просматриваю какой-то спам, письмо от Сашки про то, как мне все передают пламенные приветы и сколько они выпили за наше с Азаматом здоровье, письмо от подруги, которая собирается тоже поработать на звездолёте и интересуется, какие там могут быть непредвиденные накладки... Любые, дорогая, вот, например, неземная любовь.

Я, наверное, хмыкаю, когда это думаю, потому что любовь просыпается и поворачивается на звук.

– Доброе утро, – говорю и наклоняюсь, чтобы его чмокнуть.

– И правда доброе, – улыбается он. – Что-то мне кажется, что уже очень поздно.

– Бук показывает восемь.

– Ох, что ж ты меня не разбудила?

– А зачем?

– Ну-у... как...

Поскольку ничего более содержательного он ответить не может, я перевожу тему.

– Кофе будешь?

– Кофе – это хорошо, – говорит он, протирая глаза. Я залпом допиваю свой и наливаю ему вторую порцию в свою освободившуюся пиалу. Джемва довольно большая, на две чашки хватает, даже если отцедить гущу.

– Сахар, молоко?

– Нет, нич... Ты что, мне кофе варила?

Вытаращился, как будто я ему этот кофе через минное поле принесла. Интересно, мы когда-нибудь вообще придём к равенству?

– А почему нет? – спрашиваю с лёгким вызовом.

– Ну... как бы... у вас так принято? – находится он.

– Не то чтобы принято, – говорю веско, ещё не хватало, чтобы он от меня каждое утро кофе в постель ждал, – но и ничего особенного в этом нет. Так, хочется иногда приятное сделать. А у вас что, не так?

– У нас замужние женщины не готовят.

Я закашливаюсь.

– А что ж они тогда делают? Не работают, не готовят...

– У всех свои развлечения, – говорит он, садясь в кровати и принимая у меня пиалу. – Есть всякие клубы, есть рукоделие. Ну ещё какое-то время на детей уходит.

– Прекрасно. А мужчины, значит, и работают, и по дому хозяйничают?

– Ну почему... – медленно говорит Азамат, потом прерывается на глоток. – Повара можно нанять, а потом старшие дети подрастают... В бедных семьях, которые не могут себе этого позволить, конечно, и женщинам приходится, но большинство мужиков скорее надорвутся и сами все сделают, чем жену к плите подпустят, – смеётся.

М-да, чувство хрустальной вазы усиливается втрое.

– Здорово, – говорю. – У нас-то вообще люди редко готовят. Покупают готовое или заказывают из ближайшей едальни. Но если кто и стоит у плиты, то скорее женщины. Так уж традиция сложилась. Так что ты не обижайся, если мне вдруг припрёт что-нибудь испечь, например.

Качает головой.

– Ну хорошо, даже интересно, что вы едите на Земле.

– Хлеб, – говорю я с тяжёлым вздохом, отщипывая ещё сыра. Хлебопечку купить, что ли... – А какие у тебя планы на сегодня?

Азамат, который уткнулся было в кофе, резко отрывается от этого занятия и как-то странно на меня смотрит. Ну что ещё не так?

– А... зачем тебе?

– Да я думала проверить твоё здоровье, а потом ещё по магазинам пройтись.

– В смысле – проверить моё здоровье? – не понимает он. Приходится долго объяснять. В итоге он соглашается на анализ крови. Конечно, кофе уже принял, но мне биохим-то не нужен, только на антитела и ДНК. Так что, допив и доев, мы перекочёвываем в мою «смотровую».

Усаживаю Азамата на койку. Предложение закатать рукав вызывает у него лицевой спазм, но он всё-таки подчиняется. Руки по внутренней стороне все обожжены, я даже начинаю думать, что это следствие взрыва, а не просто ожоги. Уж очень рельефные шрамы. Ну да ничего, недаром я закупи-

ла пару тонн цикаತ್ರавина. Совсем, конечно, не сведу, но по крайней мере не так жутко будет выглядеть.

Хорошо хоть вена обнаруживается не прямо под рубцами, а то фиг бы я проковырялась. Азамат с интересом смотрит, как я из него тяну кровушку. Видимо, не больно. Закончив, для проверки щиплю его за другую руку:

– Так больно?

– Нет, – улыбается он недоумённо. Ясно, пишем, болевой порог завышенный. Кстати, теперь, когда у меня есть бук, можно вести истории болезни по-нормальному.

Кровь тут же отправляю в стильный новенький анализатор с блестящей зеркальной крышечкой. Очень меня веселит эта мода закашивать дизайн оборудования под автомобили. Ну а пока оно там крутится, возьмёмся за цикаತ್ರавин.

– Вот скажи мне, – говорю Азамату, который смотрит на меня выжидательно, как примерный ученик на интересном уроке. – Ты шрамы свои чем-нибудь мажешь?

Весь энтузиазм в его взгляде сразу издыхает.

– Нет... Зачем?

– Ну, видишь ли, есть средства, которые могут смягчить рубцовую ткань. Я не могу обещать, что шрамы совсем исчезнут, но, по крайней мере, они станут менее заметными.

– Ты... ты предлагаешь меня лечить? – недоверчиво спрашивает он, не сводя глаз с тубика в моих руках.

– Ну да, я для того и здесь, чтобы лечить. Методик лечения шрамов вообще много, но для тебя, пожалуй, подходят

две: мази и лазер.

– Какой ещё лазер?

Объясняю технологию лазерной коррекции. Он мотает головой так категорично, как будто уже пробовал и не помогло. Интересно.

– Почему нет?

– Будет только хуже. У меня есть один знакомый, у него на руке был небольшой шрам, и он пытался его на Гарнете свести в каком-то «лазерном центре». Так у него потом так чесалось это место, что он расчесал, и остался шрам втрое больше.

– Ну у него могла быть аллергия на сопровождающие медикаменты... Или это был келоидный шрам... Да и вообще, это же другой человек, а лечение всегда индивидуально.

По лицу дорогого супруга понимаю, что, может быть, смогу его убедить в своей правоте через пару лет, если он освоит хотя бы школьный курс анатомии. Чёртовы дикари.

– Ладно, – говорю. – Против крема никаких предрассудков нет?

Пожимает плечами.

– Не знаю уж, что им можно сделать, но если ты хочешь, то я попробую.

– Азамат, из нас двоих тебя больше волнует твоя внешность, – сообщаю я, выдавливая мазь на пальцы. Встаю на колени на кровати рядом с ним и принимаюсь втирать – начинаю с лица. Он отстраняется.

– Лиза, да ладно, я сам, чего ты...

– Того, что просто намазать мало, надо втирать, а я что-то не чувствую в тебе энтузиазма для этого. Потерпи уж, голову не откручу.

– Но тебе же неприятно...

– Мне что-то кажется, что тебе самому гораздо неприятнее, – хмыкаю. – А я привычная, у меня работа такая. Ладно, на вот, пока я тут занята, втирай в ладони.

Азамат смиряется и покорно позволяет мне разобраться с его физиономией и шеей, а сам тем временем честно трёт руки.

– Дай хоть посмотреть, может, там впиталось, – говорит через некоторое время.

– А ты что, не чувствуешь?

– Ты думаешь, этими шкварками что-то можно почувствовать? – кривится он. Ох ну нифига себе...

Беру одну его руку, провожу по ладони.

– Чувствуешь меня?

– Ну, если специально об этом думаю, то да.

Н-да, с их регенерацией можно считать, что этим шрамам все тридцать лет, заживает-то всё в два-три раза быстрее, уже даже болевых ощущений не осталось, как окаменели.

– Тем более надо мазать, – говорю. – Тебе же так неудобно!

Он смеётся, дескать, неудобство – последняя из его проблем. Ну-ну. Руки вообще выглядят страшновато: вся ладонь

искорёжена, пальцы неровные.

– Можно спросить, что с тобой случилось? – говорю осторожно и быстро добавляю: – Если не хочешь, можешь не отвечать.

Пожимает плечами, дескать, почему нет.

– Граната в руках рванула. Малого радиуса, а то бы не выжил, но...

Да уж, удивительно, как выжил-то. Сжимаю его ладонь крепко в знак сочувствия.

– Я сделаю всё, что могу, – говорю убедительно. – А теперь давай снимай свитер.

Как я и ожидала, это не так просто. Тут вам и ужас в глазах, и кровь к лицу приливает, и всякое бормотание про то, что он обойдётся, да это не важно, он сам, и вообще под одеждой не видно...

– Азамат, – говорю серьёзно. – Давай-ка по-хорошему, а то я тебя усыплю и всё равно сделаю по-своему.

Идея разделить судьбу Алтонгирела ему не шибко нравится, так что он всё-таки неохотно, медленно стаскивает свитер.

Боже, что там творится. Вся грудь разворочена – ну этого я ожидала. Но оно всё воспалённое, шелушится... Мать моя женщина.

– Тебе, – говорю, – точно не больно?

Азамат, отвернувшись как можно дальше в сторону, цедит сквозь зубы:

– Нет.

– И давно покраснение?

Не могло же у него пятнадцать лет воспаление не прекращаться!

– Полмесяца... Это периодически случается.

В этот момент пищит анализатор, и мы оба подскакиваем. Тест отрицателен на все венерические, зато кровь радостно рассказывает мне всё про воспаление на груди. Наконец-то нашёлся благодарный слушатель!

Ладно, цикатравин бактерицидный, хотя антибиотиков кто-то сейчас получит прямо внутривенно.

Азамат настолько удивляется тому, что я его снова колю, что даже поворачивается.

– Зачем?..

– Маленькие гады жрут тебя изнутри, – говорю доходчиво. – Их надо отравить.

Он так бледнеет, что мне становится смешно. Слегка обнимаю его за плечо, целую в нос и в висок.

– Не бойся, – говорю, – я с ними справлюсь. Только, пожалуйста, *пожалуйста* всегда говори мне, если с тобой что-то не так.

Он кивает, и я перехожу к лечению. Похоже, сюда-то и пришёлся основной удар от взрыва, а то, что на лице, – это уже периферия. Мой аппаратик для просвечивания нутра показывает, что все рёбра срослись, хотя и криво. Вообще, похоже, регенерация у этих ребят идёт быстро, но как по-

пало. Может быть, при более медленном зарастании шрамы были бы меньше. Но тогда бы он не выжил, наверное.

Измазав его всего в креме, заматываю эластичным бинтом, чтобы одежду не испачкать.

– Ну вот, – говорю. – Если ты больше ничего не скрываешь, на сегодня всё.

– На сегодня? – моргает он, одеваясь.

– Ну да. Хотя я тебя вечером ещё раз уколою. А мазаться будем каждый день.

– Но это же столько труда... и твоего времени...

– Так ты мне за это платишь, забыл?

– Я тебе плачу, чтобы ты лечила ребят, если что слу...

– Ты мне платишь, чтобы все на борту были здоровы, – отрезаю я. – Включая тебя самого. Это написано в моём контракте, можешь пойти и посмотреть. Не говоря уже о том, что я гораздо охотнее потрачу своё время и силы на твоё здоровье, чем на что угодно ещё.

Азамат некоторое время впитывает мои слова, потом качает головой.

– У нас получается очень странная семья.

Я фыркаю.

– Да уж! Но ведь нам хорошо вместе, правда? – присаживаюсь к нему на коленку. Он поднимает брови, как будто не задумывался над этим под таким углом.

– За себя я уверен.

– За меня можешь быть тоже уверенным.

Сочувствие и умиротворение у меня, как всегда, синтезируются в либидо, а уж под взглядом Азаматовых узких чёрных глаз мне и вовсе не устоять. Ладно, может, у них полагается женщинам проявлять инициативу? Я этого не люблю, конечно, потому что не пококотничаешь, но что делать...

На поцелуй эта сволочь не отвечает. Я отстраняюсь, пытаюсь понять, что ещё может быть не так. Он смотрит на меня всё с тем же трогательным обожанием, только мне это уже как-то не в кайф. Только я открываю рот высказаться в том смысле, что вышла замуж не за резиновую куклу, как он говорит:

– Вот интересно, на всякой рекламе земляне почему-то всегда целуются рот-в-рот. А что это значит?

Я роняю голову ему на плечо. Чёртовы. Дикари.

– Ну-у... это... определённая степень близости, что ли... Это как бы должно быть ясно из контекста, – хихикаю нервно. Ох и будут же у нас проблемы...

– Что ж, я постараюсь понять, – улыбается он. – Ты хотела по магазинам пройтись, так?

– Да-а, надо маме украшения отправить и лилии... – растерянно говорю я. А я-то думала, он прямо сейчас понимать будет...

– Ну тогда одевайся и пойдём.

– А ты завтракать не будешь?

– А во время стоянок все едят на планете. Так что мы перекусим где-нибудь там.

Азамат в магазине с интересом рассматривает хлебопечку.

– Нет, я, конечно, пробовал хлеб. Приятная штука. Но у нас никогда не пекут мучное, только жарят.

– А что ж тогда пекут? – хлопаю глазами я.

– Мясо, птицу, особенно дичь. Эх, какие на Муданге рябчики, ты таких больше нигде не попробуешь...

Оставляю его предаваться ностальгии. Я-то вообще не понимаю, как можно есть этих жёстких резиновых диких птиц. Он помогает мне поставить агрегат на каталку, и мы двигаем в посудный отдел. Мне нужны вилки и кружка. Большая, с ручкой. Азамат только посмеивается, пока я выбираю себе поллитровую тару. К счастью, тут их есть.

– Я тебя специально именно в этот магазин привёз, – говорит. – Я сюда заходил пару раз, смотрел на эти чашки и думал: «Великие Небеса, кому же это может понадобиться?»

Я нагибаю ещё кучу всякого хлама от бактерицидных моющих средств до рамок для фотографий, благо мы на машине. Муданжцы пока что оказываются исключительно осторожными водителями, впрочем, если уж Азамат способен корабль в туннель ввести без скачка, то чему я удивляюсь.

На кассе достаю было свою карточку, но Азамат прямо-таки хватается меня за руку.

– Лиза, да ты что, я заплачу!

– Ну ладно... – пожимаю плечами. Чего так нервни-

чать-то?

– Зачем ты вообще носишь с собой эту карту? Я же тебе дал другую.

– Так та была на покупки для всех, а сейчас я себе беру...

– Та была просто одной из моих карт.

– А, ну так держи, – достаю её из другого кармана. Он только что не шарахается.

– Лиза, ну... что тебя не устраивает?

Тут подходит наша очередь.

– Так, – говорю. – Давай плати, выйдем и поговорим!

Пока он, насупившись, грузит покупки в багажник, я начинаю выяснения.

– Ты ведь мне зарплату переводишь на мою исходную карту, так?

– Да.

– Так почему мне ею не пользоваться?

– Ну это же твои деньги. Что ты будешь их тратить на всякую чушь, тем более если мы вместе? Я выгляжу идиотом.

– Помнится, ты просил меня не считать твои деньги, а теперь ты считаешь мои? И вообще, тебе стыдно, что кто-то увидит, что я сама за себя плачу в твоём присутствии?

– Конечно, стыдно! – он аж покраснелся слегка.

– Ясно. Тогда тем более забери у меня свою карту. В твоём присутствии, так и быть, предоставляю тебе рассчитывать-ся, – снова протягиваю ему карту. Он краснеет ещё больше и отводит взгляд.

– Лиза, ну... тебе жалко? Ну пусть она у тебя побудет.

– Это что, какая-то сложная финансовая махинация?

– Что?! Нет, конечно! Я просто хотел, чтобы ты могла всё себе позволить и...

А-а, так он всё-таки решил меня содержать? Какое у нас прекрасное взаимопонимание!

– Азамат, мне не нужны твои деньги! – отчётливо произношу я несколько повышенным тоном. Он нервно оглядывается. Боится, что меня кто-то услышит?

Сажусь в машину, Азамат следует моему примеру.

– Я не хочу тебя компрометировать, – говорю, – но мне

кажется, мы договаривались, что я живу на свои.

Он вздыхает с похоронным видом.

– Лиза, я не понимаю. Ты спишь со мной в одной постели, варишь мне кофе, трогаешь меня безо всякого повода, шьёшь мне одежду, но денег не берёшь. Так чего же ты хочешь?!

Я временно утрачиваю дар речи, пока до меня доходит, что это, видимо, Алтоша постарался напоследок.

– Слушай, – говорю. – Я понимаю, что Алтонгирел так считает, но ты же не веришь, что я вышла за тебя из-за денег.

Муж горько усмехается.

– Если учесть, что ты изо всех сил от них отказываешься, то поверить довольно трудно, да.

– Тогда почему ты мне их так старательно пихаешь?

Он устало трёт лицо руками, и я еле разбираю, что он говорит:

– Да всё надеюсь, что ты мне что-нибудь позволишь.

– То есть?!

Он отворачивается.

– Нет, ничего.

– Нет уж, давай-ка с этого места поподробнее. Чего я тебе не позволяю?

Мотает головой.

– Неважно, это всё глупости, извини. Просто иногда... ты так на меня смотришь... Я понимаю, что мне нечего даже думать об этом, но иногда кажется, что тебя совсем не оттал-

кивает моя внешность и...

Он замолкает, так что я решаю его подбодрить.

– Правильно кажется.

Он резко поднимает голову и прожигает меня взглядом.

Но потом снова опускает глаза.

– Но карту ты хочешь вернуть.

Меня настолько выбивает из колеи эта чехарда тем, что я даже не сразу нахожу слова.

– А к-какая...

– Алтонгирел считает, что ты нарочно издеваешься. Я в это не верю, конечно, но... Ты всё время даёшь мне надежду, как будто это само собой разумеется, а потом точно также с полной уверенностью отказываешь. Я не знаю, сколько я ещё так выдержу.

Я так вытянула шею в его сторону, что сейчас носом в него ткнусь.

– Ты хочешь сказать, что у вас принято платить собственной жене, чтобы позаниматься сексом? – перевожу я с мунданжского на человеческий. Он морщится.

– Ну зачем так грубо...

– Но по смыслу?

– Ну... – он осторожно поднимает взгляд, полный осознания. – А у вас это как-то по-другому устроено?

Теперь мой черёд устало тереть лицо руками.

– «По-другому» – это мягко сказано. У нас это никак не связанные вещи. Платят за это только девушкам по вызову,

но уж никак не собственной жене. Вообще, предполагать, что я буду спать с тобой за деньги – просто оскорбительно! – я потрясаю руками. Впрочем, у него сразу делается такое жалобное выражение, что приходится немедленно пояснить: – Я понимаю, что ты не знал, это на будущее.

Он всё-таки несколько раз извиняется, а потом мы некоторое время молча перевариваем плоды культурного обмена.

– Ты можешь мне объяснить, чем именно тебя оскорбляет предложение жить на мои средства? – просит он.

– Я чувствую себя рабыней, – развожу руками. – Ничего не могу с этим поделать.

– Интересно, – хмыкает он. – А когда работаешь, то не чувствуешь.

– Когда работаю, я сама себе хозяйка. Никому ничего не должна. А если ты будешь за меня всё время платить, то я как бы не буду иметь права тебе ни в чём отказать. Это будет действовать мне на нервы, и ты перестанешь мне нравиться.

– Это хороший довод, – вдумчиво кивает Азамат. – Убедительный.

Я смеюсь, он тоже вроде повеселел.

– Но тогда, – продолжает он, – я не знаю, что я должен делать... Как необходимо намекнуть, как узнать, что ты не против?

– Хороший вопрос, – говорю. – Всю историю человечества его решаем.

Азамат приподнимает брови с выражением лёгкого недо-

умения и недовольства. Дескать, наши правила вам не годятся, а своих не изобрели.

– Ну ладно, – говорит он. – Знаешь, я тут пару дней назад пытался что-нибудь почитать по этой и смежным проблемам... Конечно, теперь я понимаю, что неправильно формулировал запрос. Но кое-что мне попало. Разрешешь попробовать?

Я озадаченно пожимаю плечами.

– Ну давай...

Он берёт мою руку и, нагнувшись, осторожно целует костяшки пальцев.

Меня неожиданно так ошеломляет этот простой жест, довершающий рыцарский образ моего супруга, – даже не сам жест, а то усердие, с которым Азамат всё время старается мне угодить – что я просто кидаюсь ему на шею, кажется, с визгом или хотя бы писком, едва не снеся руль. Впрочем, Азамат тут же что-то нажимает у меня за спиной, и сиденье отъезжает назад, трансформируясь в кушетку. Другой рукой он в тот же момент подгребает меня поближе, и я оказываюсь на нём верхом, хорошо, что потолок высокий. Муданжская машина, да...

Я целую его пониже мочки уха и в шею, потому что выше из этого положения не дотягиваюсь, он тяжело дышит и, мне кажется, вздрагивает, когда я касаюсь окрестностей кадыка. С той стороны, где шрамы, кожа менее чувствительная, так что я с нажимом провожу там пальцами – и слышу хриплое

пление райских птиц. Он наклоняется, я чувствую его горячее дыхание сквозь волосы, потом на ухе. Задираю его свитер, проскребаю своими короткими ногтями вверх по животу, Азамат прижимает меня к себе так крепко, что я почти не могу двинуться, но мне кажется, что он изо всех сил терпит, чтобы не сжать ещё крепче. Приходится срочно освобождаться от препятствий в виде молний и пуговиц – и открывать в себе новые просторы. Азамат снова откачивается назад, запрокидывает голову, и я могу сколько угодно издеваться над его чувствительной шеей, извлекая то дробный рык, то звонкий стон.

Однако кто бы мог подумать, что во мне столько места. То есть, конечно, ощущение заполненности под завязку есть, но это такая приятная, уместная заполненность. Я начинаю двигаться, и тут Азамат как будто просыпается и поддерживает меня, как невесомую, руками, и я точно знаю, что никогда и никуда отсюда не денусь, что мы так и будем вечно единым телом, каждый стараться для другого как для себя, неотрывно вбирать в себя образы друг друга, и так никогда и не исчерпаем их. Моё время остановилось, сделало сальто и соединилось с его временем, я стала событием в его эпохе, каплей в водовороте, и всё же он смотрит на меня и думает обо мне, и вся мощь его стихии нянчится со мной, как будто от меня зависит, жить миру или сгинуть в небытие.

Я вцепляюсь ему в волосы просто потому, что могу это сделать, вбираю в себя всю любовь его взгляда – отдаю об-

ратно со взрывом, мне кажется, от меня расходятся круги по воздуху и земле, а он снова прижимает меня, близко, горячо, он повсюду, со всех сторон, я внутри него, но и он во мне, как два зеркала, и когда одно разлетается на сверкающие брызги, то же случается и со вторым.

Я с трудом встаю на ноги – они дрожат и норовят подогнуться.

– Слушай, Азамат, – говорю. – Нам надо почаще выяснять отношения, смотри, к каким потрясающим результатам это приводит.

Он медленно садится, одёргивая свитер.

– Лиза... Мне кажется, боги дали мне тебя за все беды, что случались со мной до сих пор. Тебе ведь... тебе понравилось?

Идиотский вопрос, но ладно уж, если ему так нужно подтверждение...

– Понравилось – это мягко сказано! Мне так здорово никогда не было...

Он ошеломлённо качает головой.

– А что в этом такого удивительного? – спрашиваю.

Он усмехается.

– Не знаю, как у вас, а у нас, может, одна на миллион женщина получает удовольствие от секса.

Я падаю на соседнее сиденье в приступе истерического хохота. Чёртовы обезьяны!!!

Глава 15

В которой танцы, музыка и свет в окне

Из мемуаров Хотон-хон

Муданг находится в галактике Водоворот, которая в традиционной земной астрономии относится к созвездию Гончих. Это небольшая планета, площадь поверхности только слегка превышает площадь Евразии, но за счёт тяжёлого платинового ядра сила тяжести там ненамного меньше земной. На планете всего один континент, у которого поэтому нет никакого названия. На обоих полюсах ледяные шапки, хотя на северном подо льдом предполагается суша. Планета довольно далеко от местного солнца, поэтому климат там несколько холоднее, чем на Земле, а год тянется чуть ли не два земных года.

Континент и небольшие группы близких к нему островов равномерно скудно заселены. На Муданге всего шесть крупных городов, и только один из них, столица Ахмадхот, переваливает за пять миллионов жителей. В основном же люди живут в крохотных деревнях по три-четыре двора; изредка попадаются более крупные селения по несколько сот человек.

Столица соединена со всеми крупными городами скорост-

ной монорельсовой дорогой. В экваториальной черноземной зоне также проложены автомобильные трассы, мощёные разновидностью асфальта из местной смолы. На севере и юге, где начинаются леса, дороги почти исключительно грунтовые.

В черноземной зоне хорошо развито овощеводство, практически единственные деревья здесь – культурные фруктовые. В обе стороны прочь от экватора начинает возрастать значение скотоводства, а в самых приполярных зонах – охота. Побережья усеяны рыбацкими посёлками. Судостроительство законсервировалось на очень раннем этапе: практически все суда гребные и очень небольшого размера, хотя отлично приспособлены для рыбалки и переправы с континента на острова.

Социальная мобильность на планете чрезвычайно низкая – как вертикальная, так и горизонтальная. Общественное положение человека определяется его внешней красотой, а также именем, которое ему дают при рождении Старейшины. Мальчики с именами на гласную (дийнир, 'певчее имя') по достижении двенадцати лет имеют право на образование, которое можно получить в одном из крупных городов по трём специальностям: целительство, книжное дело, инженерное дело. Девочки с певчими именами теоретически тоже могут получить образование, но прецедентов пока не зарегистрировано.

Остальные, с обычными, «глухими» именами (пуднир) за-

нимаются сельским хозяйством, ремеслом или – кто победнее – идут в слуги к более обеспеченным. Практически за каждым человеком любого пола закреплено стадо того или иного мелкого рогатого скота, который и является основным источником пищи муданжцев. Количество голов в стаде зависит не только от обеспеченности владельца, но и от места проживания и основного занятия. У жителей чернозёмных территорий стада, как правило, меньше. Сами хозяева их, конечно, не пасут, а сдают в общее гигантское стадо, управляемое несколькими пастухами, которым за это платят вскладчину. У Старейшин есть отдельные очень большие стада, за счёт которых существует забавное подобие банковской системы: например, северянин, приехавший по делам на юг, может употребить овцу из местного старейшинского стада, так же как южанин на севере. По возвращении оба должны будут отдать по овце из своего стада в старейшинское.

Совет Старейшин состоит из двух категорий людей один к одному: духовники, завершившие обучение, и просто любые уважаемые мужчины старше сорока, чем-либо заслужившие хорошее отношение соседей и Старейшин. Духовникам запрещается жениться, поэтому подавляющее большинство их – гомосексуалисты. «Светские» Старейшины, наоборот, обязаны быть женаты и иметь хотя бы одного ребёнка.

Традиционно Муданг представлял собой некое подобие

парламентской монархии с императором во главе и столичным Советом Старейшин в роли парламента. Императорская власть передавалась по наследству по мужской линии, но в случае отсутствия наследника или если он не подходил на эту роль с точки зрения Старейшин и жителей, в столице созывалось народное собрание и выбирало нового императора. Однако два столетия назад джингоши, захватившие Муданг, убили последнего императора, и с тех пор эта традиция не возобновлялась.

Собственно, муданжские наёмники появились почти сразу после завоевания и состояли из людей, в наибольшей степени обременённых гражданской совестью. Наёмники первой волны категорически не имели никаких дел с джингоши, а наоборот, всячески старались расстроить их планы, но следующее поколение, выросшее уже под властью джингоши, оказалось куда более толерантно. Теперь часто можно было наблюдать объединения из джингошских и муданжских наёмничьих банд, и в земном сознании эти две нации слились в некое единое представление об опасности в космосе. Тут следует упомянуть, что Старейшины категорически не одобряли кровопролитных восстаний против джингоши и призывали муданжцев к терпению. Муданжские наёмники вовсе не порывают с корнями. Даже в открытом космосе они продолжают соблюдать свои обряды и традиции, в составе команды обычно есть ученик Старейшины-духовника, и заветы Старейшин всё ещё играют для космических наём-

ников большую роль.

Даже формально признавая некоторое своё единство с джингоши, муданжцы всё-таки крепко держатся вместе. Одним из проявлений такого единства стали собрания наёмников, организуемые раз или два в год на нейтральной территории. На такие слёты собираются по несколько десятков команд для обмена информацией, опытом, а иногда и вполне материальными приобретениями. Среди капитанов команд нет никакой узаконенной иерархии, поэтому получается круглый стол вообще без ведущего, однако вдумчивая размеренность – неотъемлемая составляющая муданжского менталитета – позволяет всем присутствующим высказаться и услышать друг друга. Собрания организуются втайне, хотя и без видимой причины – посторонним не имеет никакого смысла на них появляться. Однако те посторонние, которым довелось по какой-либо причине поприсутствовать на таком слёте, остаются под глубоким впечатлением от невероятной единой силы и величия этой угнетённой нации, подобно тому как чувствует себя работник ядерного реактора, регулярно находясь под боком у чудовища, способного, казалось бы, при малейшей неполадке уничтожить жизнь на целой планете и однако работающего на человечество.

* * *

После развлечений в машине мы всё-таки идём завтракать. Не знаю уж, смутили мы кого-то своим взрывом стра-

сти в машине с незатемнёнными окнами или нет. Я лично считаю, что если людям на автостоянке около супермаркета делать больше нечего, чем в чужие машины заглядывать, то это их проблемы, а не мои.

Азамат ест так, как будто неделю маковой росинки во рту не было. На моё хихиканье по этому поводу он только ухмыляется:

– Я всегда много ем, когда доволен жизнью. А когда грустно, ведь вкуса не чувствуется, правда же?

Я никогда об этом не задумывалась, теперь пытаюсь прикинуть.

– У меня, скорее, наоборот, когда грустно – хоть вкусной еде можно порадоваться.

– Молодец, правильно, сам всегда ищу хорошие стороны у всякой дряни, потому и жив до сих пор, – тараторит он, наворачивая фаршированных мидий. – Кстати, раз уж мы летим на Муданг, то имеет смысл подвезти наших бывших коллег. В качестве пассажиров, конечно.

А, так Гонд и Эцаган вернутся на борт? ... И Алтонгирел.

Азамат следит за тем, как у меня меняются выражения лица в соответствии с мыслями, и начинает хохотать.

– Лиза, ну не переживай ты так. Алтонгирел с тобой примирился, он больше не будет строить козни.

– Ещё бы я с ним примирилась, совсем было бы хорошо.

Азамат некоторое время сосредоточенно жуёт и только мотает головой.

– Понимаешь, он сам себя подставил, – говорит он наконец. – Когда мы прилетим на Муданг, он должен будет представить нас Старейшинам и рассказать, из каких соображений он решил, что мы хорошая пара. И если он расскажет неубедительно, его учитель будет *очень недоволен*. Так что Алтонгирелу теперь жизненно необходимо, чтобы у нас всё было хорошо. Он больше не будет пытаться нас поссорить.

Я закатываю глаза.

– Если он будет устраивать нашу личную жизнь с тем же рвением, с каким до сих пор расстраивал, то, боюсь, наш брак будет весьма недолговечным.

Азамат собирался как раз перейти к следующей мидии, но вместо этого теперь угрюмо смотрит в тарелку. Я легонько пинаю его под столом:

– Не грузись, это я так шучу. Ты же не будешь спорить, что до сих пор у него с нами всё время получается наоборот?

– Это да, – соглашается Азамат и снова углубляется в еду. Я считаю это хорошим признаком и, успокоенная, вгрызаюсь в тост. Как я, оказывается, соскучилась по хлебу! А думала, я его совсем не ем...

– У нас сегодня вечером ещё одно мероприятие, – внезапно тихо говорит Азамат. – Встреча с другими... нашими...

– Тайная? – шёпотом спрашиваю я.

– Не совсем, но... чужих нам там не нужно. Я бы очень хотел, чтобы ты пошла со мной.

Мне нравится это не сильно завуалированное принятие в

«СВОИ».

– Пойду, конечно, – охотно киваю. – А что там будет?

– Ну, сначала мне с другими капитанами надо будет поговорить, заодно, я думаю, удастся продать захваченный корабль. Нам-то он не нужен, но вот некоторые там копают под джингошей...

Подобные разговоры всегда заставляют меня осматриваться. Мы сидим в уютной забегаловке с закосом под средневековую таверну, столики отделены друг от друга довольно высокими деревянными перегородками. Когда заходили, тут почти никого не было, но...

– Не волнуйся, сюда посторонних не пускают, – подмигивает мне Азамат. – Хозяйкина бабка была из первых сбежавших с планеты после завоевания.

Киваю.

– А если продадим, из этих денег Эцаган с Гондом что-нибудь увидят?

– Конечно, – Азамат сдвигает брови. – Собственно, всё, за вычетом того, что они съедят на обратном пути. А что?

– Так, просто интересно... – пожимаю плечами. Чувствую, кто-то не любит, когда женщина лезет в его дела. Ну, милый, если б я вела себя, как у вас принято, чёрта с два бы я за тебя вышла, не так ли? – Так что там дальше будет на этой вашей посиделке?

– Ну так... Музыка, игры... Там можно много приятного народа встретить. В общем, праздник, по сути.

– Хм, – о чём-то мне напоминает слово «праздник»... А! – Слушай, а туда надо эту хреновину платиновую надевать?

Азамат широко открывает глаза.

– Ты ещё про неё помнишь?

– Конечно, она у меня так и висит на спинке кровати. Так как, надо?

– Можешь не надевать, – говорит он после мгновенной паузы. Кажется, кто-то идёт на уступки.

– То есть, по-хорошему, надо? – уточняю я. Он мнётся. – Ну ты наденешь?

– Да, но тебя никто заставлять не будет. Я понимаю, что тебе тяжело. Ты такая тоненькая, лёгкая, естественно...

Ну, положим, не такая уж я эфемерная, а на Тирбишевых харчах ещё и поднабрала. Страшно подумать, на что похожи эти их бабы. Но проблемы это не отменяет.

– Может, я надену ненадолго, а потом потихоньку сниму? – предлагаю. – Если за столом будем сидеть, то всё равно не видно, она же длинная.

– Хорошо, – охотно кивает Азамат. – Если тебе нетрудно, то это прекрасная идея.

Так, этот вопрос решили. Дальше.

– А что мне надеть из одежды?

– Ну, это уж тебе виднее, – теряется Азамат.

– Да я вот думаю, что лучше – подчеркнуть, что я с Земли, или надеть одно из тех шикарных платьев, что ты подарил? Тебе что будет приятнее?

Он смотрит на меня с почти нездоровой признательностью, и я глажу его по руке, испачканной в масляном соусе. Руки-то и помыть можно, а мне надо сейчас же, сию секунду всеми возможными средствами показать, как мне хочется сделать ему приятное.

– Надень синее платье, – говорит он. – Тогда все сразу заметят твои земные глаза.

Удивительно, как он умудряется произнести слово «земные», как будто оно значит «небесные».

Потом мы идём на почту отправить маменьке цветочки и камушки. Почта тут прогрессивная, пространственно-временная. То есть, по сути, тот же туннель, как те, через которые корабли летают, только тут сквозь него проходит просто контейнер на рельсах. Азамат говорит, что и на Муданге есть такие туннели, но естественного происхождения и очень неустойчивые. Не очень ценные вещи отправлять можно, а вот людям лучше не соваться, порубит в капусту.

Азамат отвозит меня домой, то есть на корабль (причём, залезая в машину, мы оба хихикаем, как подростки), выгружает мою посуду и бытовую технику, а потом извиняется, что вынужден укатить «по делам». Ладно, я поняла, что меня это не касается.

Я чапаю к себе в каюту, но по пути налетаю на лазурную парочку.

– Рада вас видеть снова на борту, – я легко улыбаюсь Эца-

гану, а потом старательно растягиваю улыбку и на Алтонгирела тоже.

Эцаган ощеривает ровные белые зубы:

– Спасибо, Лиза! Я так рад, что можно на родном корабле домой долететь!

У духовника, естественно, энтузиазма поменьше.

– Конечно, – говорит он иронично, – это чисто её заслуга. Наша леди так хочет избавиться от мужа, что готова для этого лететь хоть на край Вселенной.

У меня руки сами сжимаются в кулаки, вот честно. Я думала, это просто фигура речи.

– Никак не придумаешь, как перед учителем будешь оправдываться? – спрашиваю сладенько. – Бе-е-едный.

Дразню его, а сама думаю, вот ведь наговорит всей этой чуши Азамату... Хотя тот и сам себе страшилок напридумать горазд.

Алтонгирел полностью разделяет мою неприязнь.

– Вам нечего ловить на Муданге, – говорит он глухо.

– Лучше бы подсказал что-нибудь дельное, как Старейшин убедить, – кривлюсь я. Он закатывает глаза.

– Если бы я видел хоть малейший шанс женить Азамата по-настоящему, я бы сделал для этого всё! Но это не-ре-ально!

– Спасибо за поддержку. Ну ладно, хотя бы суперпапаше нос укорочу.

Алтонгирела передёргивает.

– Он не из тех, кто легко ломается под пыткой.

Эцаган откашливается.

– Это ничего, что я тут стою?

– Ничего, солнце, – я пользуюсь поводом прекратить бессмысленное препирательство. – Привыкай, у нас тут всё время такая дружеская атмосфера.

Делаю им ручкой и смываюсь.

Мне, между прочим, есть чем заняться. Мне надо перенюхать все духи и выбрать что-то на вечер. Потому что, я так подозреваю, мне лучше выставить напоказ как можно больше дорогого хлама, если я не хочу подводить Азамата перед его согражданами. Может быть, стоило оставить хоть пару украшений – не для себя, а для понта.

В качестве помещения для нюхательного сеанса выбираю сушильню. Там, по крайней мере, вентиляция хорошая, да и сейчас почти никто не стирает, все шляются по планете целый день. Я пригоняю коробку с духами на сервировочном столике и усаживаюсь на какой-то пуфик в углу под вентилятором. Ну, с богом.

К тому моменту, как мои нюхательные рецепторы окончательно атрофировались, я пришла к выводу, что нынешняя духовная... э-э... духовая... э-э-э-э-э... парфюмерная индустрия никуда не годится. Из всей коробки мне действительно понравились три запаха, и ещё около десятка я способна терпеть в небольших концентрациях. Надеюсь, Азамат не

будет уж очень страдать из-за моей придирчивости. Он ведь знает, что со мной можно и без этих тонкостей.

От воспоминания про то, как мы сегодня обошлись без тонкостей, внутри что-то сладко вздрагивает и по всему телу проходит волна тепла. Спасибо, я уже просекла, что встрескалась по самые надпочечники.

Тут, конечно, нелёгкая приносит Алтонгирела. А я-то надеялась, что дневную норму общения с ним уже выдержала.

– Чем ты тут занимаешься? – спрашивает он, морща нос. Завидую, он ещё хоть что-то чувствует...

– Выбираю аромат, – отвечаю нарочито жеманно.

– Хм, – он смотрит на меня, как будто пытается разобраться, что на мне написано. – Хочешь сказать, ты не выкинула всю коробку ещё вчера?

– Зачем? Азамат попросил выбрать – я выбрала.

Духовник на секунду задумывается.

– Я буду приятно удивлён, если ты постарайся притвориться перед другими наёмниками, что уважаешь Азамата.

– Да мне даже притворяться не придётся. Другое дело, что у нас разное представление об уважении.

Алтонгирел задумчиво кивает, потом подходит и садится рядом со мной. Батюшки, снизошёл! Страшно подумать, что его заставило...

– Меня кое-что смутило в твоей истории покупок.

Кажется, не зря смутило.

– А где ты её взял? Ты что, за мной следишь?

– Нет, просто почитал логи с твоей карты.

– У меня земная карта из земного банка, как ты мог...

– А я наёмник в лучшей команде наёмников, ещё вопросы будут?

М-да, и не скажешь ничего... Ладно, любопытство сильнее гордости.

– Так что тебя там смутило?

– Ты не покупала противозачаточных пилюль.

– Пилюль?! Тут ещё продаётся это ископаемое?!

Он моргает.

– Что, прости?

– На Земле уже сто лет никто не пользуется таблетками, это вредно! – объясняю я.

– Хм. Ну ладно, но ты ведь вообще ничего от этого не покупала.

– А какое, собственно, тебе дело? – наконец спрашиваю я. Врач во мне всё-таки иногда пересиливает гордую женщину.

– А такое, – размеренно начинает он, – что раз ты не брала никаких средств, то, значит, не предусматриваешь секса. А женатому человеку нельзя обращаться за этим к профессионалкам. Получается, что ты его посадила под замок. И мне это не нравится. Уж выбрала его в мужа, так выполняй свои функции. Какого рожна ты его за нос водишь? Такой подарок возьму, сякой не возьму... Думаешь, у него без тебя проблем мало?

Мне становится смешно от его излияний, тем более что

они уже совершенно беспочвенные. Но в то же время, я даже слегка проникаюсь уважением. Ради дружбы ли, потому ли что должность обязывает, но ведь нашёл в себе силы перебороть отвращение и недоверие и подкатить ко мне с таким интимным разговором. Неожиданно для себя чувствую даже какое-то духовное родство с этим неприятным человеком: я бы ведь тоже стала его лечить, наплевав на неприязнь.

– Интересно, – говорю, – а мысль, что я хочу детей, тебе в голову не приходила?

Он смотрит на меня, как на особо неудачливую двоичницу.

– Ну конечно. Вот сейчас ты за пару платьев подвергнешь риску прекрасную фигуру. Голову-то не морочь...

Потрясающие люди. Ладно, придётся его успокоить пока что. Закатываю рукав просторной блузки до самого плеча.

– Вот, видишь, штучечка приклеена? Так на Земле теперь выглядят противозачаточные. Действует полгода, практически безвредное. Эта ещё пару месяцев проработает, потом новую поставлю.

Алтонгирел, сдвинув брови, изучает крошечный чип телесного цвета, потом строго смотрит мне в глаза.

– Ну ладно, – говорит наконец. – Будем считать, что я тебе поверил. Если ты идёшь на слёт, то давай уже одевайся. Скоро выдвигаемся.

– Чудесно, – я вскакиваю, сгребая те несколько флакончиков с духами, которые собираюсь оставить. – Ты, кстати,

на досуге поинтересуйся у Азамата, отчего у него с утра хороший аппетит. И разберись с этой коробкой с духами, чтобы его лишний раз не расстраивать.

На этом я благополучно покидаю благоуханное помещение.

Кручусь перед зеркалом, подбираю туфли под платье, пытаюсь придать волосам какую-то форму, отличную от комка спутанного серпантина... Кажется, последний раз я так суетилась перед выпускным. А потом решила, что кому я не нравлюсь о натюрель, тот может идти глухим бескрайним русским лесом. Оказывается, однако, есть ещё цели, ради которых стоит пострадать.

Стук в дверь, это Азамат. Смотрит на меня масляными глазами, что-то бормочет про неотразимость. Вероятно, я выгляжу несколько лучше, чем обычно. Но главное – он в моей рубашке!!! Я улыбаюсь до ушей, чем, скорее всего, svoju на нет всякий эффект от прихорашивания.

– Всё подошло? – спрашиваю, рассматривая творение рук своих на модели. Вроде нигде не перекопилось.

– Да, конечно, – кивает он.

Конечно. Ха!

Но вообще ему идёт. И потому, что фигуру подчёркивает, и ещё потому, что получается некое единство внешности и одежды, устраняется анахронизм.

Нарассматривавшись вдоволь, возвращаюсь к попытке

усмирить волосы при помощи мокрого гребешка. Азамат некоторое время наблюдает за моими действиями, потом подходит поближе.

– А можно я тебя расчешу?

Ага, понравился груминг, значит.

– А говорил, в чужих космах копатья противно, – подкальваю.

– Лиза, ну что ты, в тебе не может быть ничего противного, – уверенно говорит он, осторожно кладя руки мне на плечи. Да-а, мы учимся устанавливать физический контакт, хорошо-о... Даже отклоняюсь чуть назад, чтобы приклониться к нему. Его свадебная платиновая подвеска холодит мне спину сквозь тонкое платье. – Ну можно?

– Не стоит, – говорю и чувствую на ухе его тихий вздох. – Я бы рада, – добавляю быстро. – Но если мои волосы расчесать, они превращаются в пену для ванны.

Он покатывается со смеху, и инцидент исчерпан. Неожиданное веселье, однако, добавляет ему храбрости, чтобы сделать ответственное дело. Он принимается рыться в кармане штанов и извлекает какую-то коробочку. Чувствую, кто-то решил-таки восполнить нехватку бриллиантов.

– Лиза, я понимаю, что тебе это не очень нравится, но я подумал... Может быть, эту вещицу ты всё-таки наденешь хоть разок.

– Пожалуй, надену, – говорю, беря у него коробочку. – Я как-то запоздало сообразила, что тебе хочется перед знако-

мыми похвастаться...

Конец фразы я забываю, потому что в этот момент открываю коробочку. Там цепочка с подвеской – такой же точно подвеской, как те, что на нас Алтонгирел надел, только маленькой.

– Ой, – говорю, – здорово... Это типа на замену?

– Ну да, – кивает Азамат. – Раз уж ты так хочешь надеть хом, я подумал, что можно облегчить тебе задачу.

В таком размере наши востроклювые птички выглядят очень изящно, намного симпатичнее безликих толстеньких драгоценностей из ювелирных магазинов. Они, видимо, по-прежнему из платины, а глазки синенькие, небось тоже не стекляшки. И обо всём-то он подумает!

– Спасибо, – говорю. – Мне это нравится гораздо больше всех тех украшений, вместе взятых!

– Правда? – он приподнимает бровь. Его собственный хом лукаво поблёскивает поверх тёмной рубашки.

– Конечно! Такое тоненькое, изящное... Прелесть! – я быстренько застёгиваю цепочку под волосами. – А эти штуки, хомы, они все одинаковые?

– Нет, конечно, каждая пара уникальна.

– А где ты тогда эту взял?

– Сделал, – он пожимает плечами, как будто мы говорим о пришивании пуговиц.

– Сделал? – повторяю заворожённо.

– Ну да. У меня тут знакомый держит небольшую мастер-

скую... Вот я к нему и зашёл, он меня всегда к станку пустит. Там всего делов-то на полчаса, это же не детали для гравитационных сенсоров, где всё до нанометра вымерять надо.

С ума сойти. Сделал – маленький хом – из платины – для меня. Чтоб мне не тяжело было.

– Азамат, ты просто счастье, – говорю только что не со слезами на глазах. – Ты самый прекрасный человек в мире. Серьёзно!

Тянусь целоваться, хоть он и не умеет... Ой, уже умеет! Ну то есть выходит у него довольно робко и неуклюже, но принцип он явно понял. Ох и забористо...

– Ты утром притворялся, что ли? – спрашиваю, когда мы разлепляемся.

– Нет, – усмехается он. – Я просто порылся в Сети... Вы, земляне, ведь всегда про всё пишете с картинками и обучающее видео снимаете, за что ни возьмись. Просто раньше мне незачем было...

Я на радостях загоняю Азамату ещё шприц антибиотиков на дорожку, и мы наконец-то выдвигаемся.

В машине Алтонгирел косится на меня с недоверием и почтением, как будто внезапно познал мою божественную сущность. Похоже, поговорил-таки с Азаматом. Можно, конечно, поинтересоваться, но в машине да при всех как-то не хочется.

Народ разрядился, кто как мог. Алтонгирел вздел один

из своих бесчисленных халатов и подпоясался так элегантно, что эта прямолинейная конструкция на нём чрезвычайно эффектно смотрится. На Эцагане халата нет, только ярко-синие штаны и малиновая рубаша, расшитая по всей груди чёрными оленями, если, конечно, это олени. Народная вышивка иногда весьма загадочна. Тирбиш в счастливо-оранжевом кафтане с вышитыми вишенками, а на ногах у него такие самые сапоги, как я видела в шкафу у Алтонгирела. Длинные, как чулки, и такие же мягкие. Хранцицик и Ирнчин почти в одинаковых кафтанах и поглядывают друг на друга с неудовольствием. То ли похожесть – дурной тон, то ли им одна женщина их шила. Вообще наблюдается некая тенденция: кто помоложе, те больше в рубашках, только редко что-то ещё сверху надето. А вот старшие, наоборот, в нескольких слоях плотной ткани. Ахамба и Орвой (тот, что с родинкой) также имеют на головах причудливые шапки: у Ахамбы она больше похожа на церковный купол с красной пимпочкой на вершине шпиля, а у Орвоя, скорее, что-то сродни папахе. На общем нарядном фоне несколько выделяются наши пилоты, на которых традиционная одежда выглядит столь же бесформенно, как их обычные свитера.

Мы проезжаем по фешенебельным районам, потом опять начинаются лабазы, а потом и вовсе неосвоенная целина. Едем мы на сей раз в микроавтобусе, который за нами специально прислали. Водитель – явный муданжец, но наши с ним не знакомы и переговариваются негромко и помалу. Мы

с Азаматом тоже молчим, я смотрю в окно, а его взор устремлён куда-то внутрь себя. В окне скучная красно-бурая земля до горизонта, у которого светятся огоньки населённой части планеты. Хоть бы газончиком засеяли... Хотя у них тут, кажется, мало пресной воды, пришлось бы завозить или фильтровать для полива.

И тут впереди из пыльной лиловой дымки проступают горы. Прямо натуральные серые, мрачные горы, высокие такие.

– А я и не знала, что на Гарнете есть горы, – говорю.

– Гарнет не любит хвастаться тем, что далеко от моря и туристических центров. А в этих горах посторонним делать нечего.

– А-а... мы именно к ним едем? – уточняю я. Что-то пейзаж вокруг плохо сочетается с длиннополым платьем.

– Да, – кивает Азамат, потом замечает мою встревоженность. – Не волнуйся, подниматься будем на чистеньком офисном лифте.

У меня отлегает от сердца. Если на лифте и без пыли, то хоть на Джомолунгму.

– А как там с ветром?

– Ну ветер, конечно, сильный, – соглашается Азамат, – но мы не будем подниматься на склоны. Место встречи – внутри, в самом сердце скалы.

Дальше мне расспрашивать боязно. Будем надеяться, что в пещерах не очень мокро и не очень холодно...

Первую свинью подкладывает лифт. Он оказывается прозрачным во все стороны, даже по углам никаких железяк. В итоге чувствуешь себя зависшим в воздухе посреди каменной шахты, и что влечёт тебя вверх – непонятно. Я вцепляюсь в Азамата так крепко, что не чувствую пальцев. Он сначала никак не может понять, чего это я, но потом догадывается меня приобнять. Так и стоим столбом посреди лифта, а остальные прижимаются к стенкам и комментируют, какие породы камня мы проезжаем. Мне на них смотреть тошно. Над головой угрожающая чернота, никакого неба.

Наконец попытка завешается: одна стенка прозрачной конструкции просто растворяется, и мы выходим в пещеру. Ну, не всё так плохо. Во-первых, она хорошо освещена миленькими цветными лампами в форме бараньих рогов по стенам. Во-вторых, все поверхности тут выложены аккуратно отшлифованным камнем, посверкивающим в пёстром свете, как снег. По крайней мере, интерьер цивилизованный. И не холодно вроде бы.

Азамат мягко подталкивает меня вперёд, и мы идём в глубь скалы. Пещера оказывается коридором и по мере продвижения расширяется, потолок уходит всё выше, а потом и вовсе становится неразличим в темноте, когда его перестанет достигать свет низко повешенных ламп. Я всё ещё придерживаюсь за Азамата на всякий случай, хотя уже и не так истерически. Звуки наших шагов постепенно становятся всё

громче, рожают эхо и гремят над головой, как будто там скачет конница. И почему нельзя было встретиться в ресторане, а?

Коридор приводит нас к залу; у гигантских дверей, оформленных как стрельчатая арка, стоит высокий тощий старик с длинной седой бородой, заплетённой в две игривые косички с пёстрыми бусинами. На самом старике длинный халат, расшитый золотом. В руках у него электронная книга со списком приглашённых.

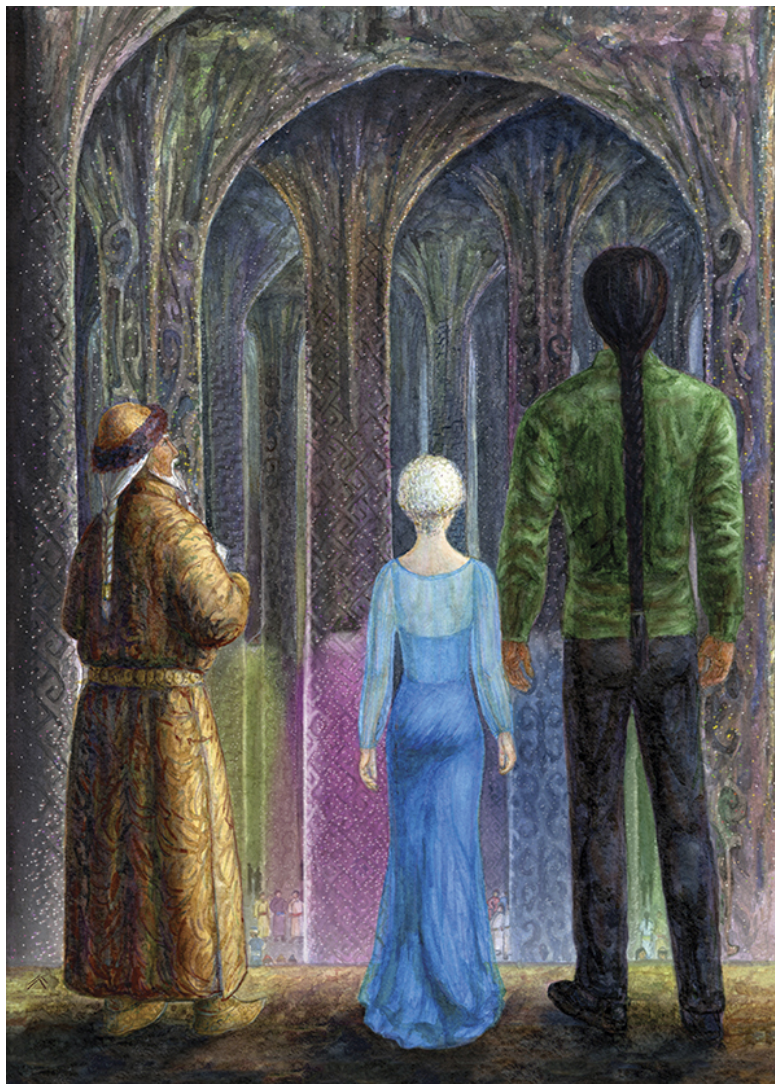
Азамат придерживает меня за локоть и отводит в сторону, позволяя остальным пройти.

– Мы зайдём последними, – говорит он мне шёпотом, но гулкая пещера всё равно разносит его слова. Я только киваю.

Старик имён не спрашивает, он и так всех знает, только вычёркивает в своём списке тех, кто уже пришёл, а потом пронзительным зычным голосом выкрикивает в дверной проём имя пришедшего.

– Мне надо будет представиться? – шепчу я Азамату, стараясь не произвести вообще никакого звука. Эхо всё-таки подхватывает мои слова, но превращает их просто в невнятный шелест. Азамат мотает головой.

Когда все наши втягиваются в зал, мы приближаемся к привратнику. Он деловито помечает Азамата в списке, потом окидывает нас безразличным взглядом, задерживаясь на большом, гордо сверкающем хоме Азамата и моём маленьком хомчике, подмигивающем сапфировыми глазами.

– *Азамат Байч-Харах с женой*, – трубит старик за дверь и отступает. Возможно, мне мерещится, но по залу как будто прокатывается смутный гул.

Я изо всех сил стараюсь придать своей осанке и лицу хоть какое-то достоинство и не выглядеть как забитый кролик. Азамат отпускает мою руку, и это совершенно не облегчает задачу.

Если до сих пор я думала, что нахожусь в очень просторном помещении, то теперь понимаю, что это был крысиный лаз по сравнению с собственно «гостиной». Она невероятных размеров и кажется ещё больше из-за леса естественных колонн, похожих на песочные часы. Стен я вообще не вижу, только колонны и колонны, которые становятся всё чаще, чем дальше вглубь. До уровня двух-трёх человеческих ростов они украшены резными узорами, похожими на те, что вышиты на одежде у мударжцев. А выше эти узоры плавно переходят в естественные наросты и пятна камня, проблески слюды или чем там оно всё блестит.

А блестит действительно всё. Я даже не понимаю, где установлены лампы, но их цветные лучи, как сквозь витраж, обдают всё вокруг радужным мерцанием, как будто сами скалы расщепляют белый свет на спектр.

Я чуть не забываю, что надо идти вперёд, но когда тепло, исходящее от Азамата сквозь тонкую рубашку, исчезает, я понимаю, что слегка отстала, залюбовавшись, и скорее наго-

няю его.

Людей в зале немного, человек тридцать, не считая наших. Видимо, ещё две команды. Как только мы спускаемся по широкой лестнице вниз к другим гостям, снова слышится пронзительный голос старца-привратника, объявляющего вновь прибывших. Не отставая от Азамата, я прохожу мимо всех присутствующих, стараясь выглядеть спокойно и благожелательно. Азамат кивает знакомым, те кивают в ответ. Мы доходим до ненаселённой части зала и останавливаемся у колонны в ожидании свежих гостей. Они следуют нашим маршрутом, кивают Азамату и проходят ещё дальше, застывая у колонн, как шахматные фигуры. Я понимаю, что до сих пор не заметила ни одной женщины, и мне становится не по себе. Ну не одна же я тут, правда? Я ведь понятия не имею, как себя вести, и очень надеялась следовать примеру других дам.

Однако вот мимо нас проходит пара: молодой плечистый парень с внешностью героя трагической повести об индейцах, а с ним женщина несколько старше него, действительно очень красивая, с правильными тонкими чертами смуглого лица, правда, довольно пухленькая. На ней пронзительно-зелёное платье до самых пят с очень широкой юбкой, которая висит, как сложенные крылья бабочки, а сверху ещё неудобного вида кафтан, так густо расшитый золотом и серебром, что должен быть очень тяжёлым. Её завитые волосы аккуратно разложены по плечам. Мне кажется, она изо всех

сил держит голову ровно, чтобы локоны лежали симметрично. В ушах у неё небольшие, но широкие кольца, усыпанные крупными камнями всех цветов, а на шее прямо-таки броня из цепей и цепочек, бус и ожерелий и прочих неопишуемых сияющих украшений, нижним ярусом под которыми красуется причудливой формы хом: кажется, на нём изображены какие-то хищные птицы. Вот интересно, муданжских девушек с детства тренируют на шее ведро с водой носить?

На меня эта краля, конечно, не смотрит, она вообще не шевелит ничем, кроме ног, да и те так задрапированы, что она как будто плывёт. Им для этих дам нужно траволатор тут установить. Мне внезапно становится смешно при мысли о конвейере расфуфыренных тёток. Скорее всего как раз потому, что обстановка меньше всего располагает для смеха.

Мы стоим и ждём прибытия новых гостей долго и мучительно. Кой чёрт нас тянул приехать одними из первых, а? Я замечаю, что кое-кто поблизости потихоньку шушукается, и вроде бы от этого не происходит немедленного обвала, так что я решаюсь заговорить с Азаматом.

– Долго ещё ждать?

Он поворачивает ко мне голову и слегка улыбается.

– Устала? Ещё две команды должны быть, насколько я знаю. После этого сможешь отдохнуть с другими женщинами.

– Я пока только одну видела.

– Есть ещё две.

– А чего так мало-то?

– А кто ж своих жён с собой в космос таскать будет? Тут только те, кто недавно поженились. Ну и госпожа Эрдеген.

Я хотела спросить, кто это такая, но тут мимо нас снова потопали гости, и Азамат отвлёкся на приветствия. Я вижу ещё одну женщину, совсем молоденькую круглолицую пышечку, которая озирается по сторонам с живым детским интересом. Я едва не вздыхаю с облегчением: по крайней мере, не все тут такие мороженые селёдки, как та, первая. Впрочем, на этой золота висит не меньше. Ладно, если что, скажу, что у меня волосы из золота и мне его носить скучно.

Гигантские двери мягко затворяются, оставляя старца снаружи, и тут всё приходит в движение. Внезапно все разом принимаются говорить, кричать приветствия через весь зал друг другу, мужчины здороваются между собой, ударяя кулак о кулак. Азамат незаметно подталкивает меня в глубь зала, где прежде виденные мной дамы уже стоят рядышком и беседуют. Я говорю себе, что всё это – театральная постановка во сне, я – не я, и далее по тексту. И иду.

Когда я подхожу достаточно близко, чтобы быть включённой в разговор, старшая женщина поводит рукой в сторону младшей и говорит мне:

– Динбай.

Младшая тоже делает такое же движение в сторону старшей и говорит:

– Эсарнай.

Тут у меня наконец-то кликает в голове: кажется, последнее слово – это роза, то есть, скорее всего, имя. Это они так представляются. Ну меня назвать некому, так что я киваю и говорю:

– Элизабет.

Реакции у них разные: Эсарнай вроде бы приободряется и повыше поднимает голову; Динбай, наоборот, как-то виновато улыбается. Она ростом только чуть выше меня, да и Эсарнай ненамного выше. Видимо, мударжские женщины в принципе существенно ниже своих мужчин. Что ж, я не внакладе.

Что делать дальше, я не знаю, но тут на волне невообразимого аромата к нам присоединяется ещё одна дама, старая как мир, в белой меховой горжетке и шляпке с пунцовыми перьями.

– *Здравствуйте, госпожа Эрдеген*, – хором говорят две другие, и мне ничего не остаётся, кроме как повторить за ними. Будем считать, что я успела выучить, как по-мударжски «здравствуйте».

Госпожа Эрдеген стягивает губы звёздочкой и говорит:

– *Ну, пойдёмте ужё, я настоялась*.

У неё такая типичная для старой аристократки манера речи, что мне опять становится смешно. Эти чёткие влажные звуки в сочетании с низким хрипловатым голосом, это «настоялась», похожее на растопыренные колья забора барской усадьбы...

Вслед за ней мы поднимаемся по очень пологой и длинной лестнице в небольшую светлую комнату с окном, где в углу на жаровне из того самого светящегося камня пыхтит чайник, а на столике расставлены крошечные чашечки, молочнички, пиалы с творогом и по центру в вазе – полоски сушёного мяса, как букет. Динбай тут же кидается разливать чай, а госпожа Эрдеген усаживается на подушки у столика и повелевает:

– *Чай забелить не забудь!*

Я смотрю на всё это в тихом ужасе, честно говоря. Не знаю уж, кто эта старая мымра, но я ей прислуживать не буду ни за какие коврижки. Впрочем, кажется, я и не должна. Во всяком случае, Эсарнай спокойно садится напротив, а она ведь примерно моего возраста. Да ещё и имена у нас на одну букву начинаются. Наверное, Динбай потому и прислуживает, что она Динбай. Мрак.

Сажусь на подушку, скрестив ноги, как можно дальше от Эрдеген. От её духов дыхание спирает, не иначе, она два флакона на себя вылила. А у меня и так сегодня обонятельная травма. Динбай наполняет чашку старухи, потом мою. Я, естественно, благодарю и тут же получаю несколько изумлённых взглядов. Ну знаете!

– *Вы говорите по-муданжски?* – светским тоном спрашивает Эсарнай.

Я делаю вид, что мучительно пытаюсь её понять, и отвечаю на всеобщем:

– Я знаю только некоторые слова.

– Ах вот как, – она легко переходит на всеобщий, хотя акцент у неё довольно сильный. Затем она подвигает мне молочник: – У нас принято на Цаган-идир есть и пить всё белое.

Я снова благодарю и вслед за старухой наливаю себе в чай молока. Я этого дела не фанат, правда, но раз так принято...

– Почему вы всё время благодарите? – с лёгкой улыбкой спрашивает Эсарнай.

– У нас так принято, – говорю не менее светским тоном с такой же улыбкой. – Хорошо воспитанный человек всегда всех благодарит.

Младшие женщины переглядываются, видимо, запоминают на будущее. Ох и нахватаются они от меня манер, я так чувствую. Старуха, кажется, заснула.

– Вы ведь первый раз на встрече? – спрашивает Эсарнай. Динбай наконец-то уселась напротив меня, сбоку от Эрдеген, и тут же принялась с энтузиазмом уплетать творог с мясом. Ага, творог едят ложкой.

– Да, впервые. Я вообще недавно попала к Азамату на корабль.

Эсарнай кивает, а я пробую творог. Он солёный, похож на брынзу. Ничего, съедобно. Я побаиваюсь расспросов насчёт того, почему я вышла за Азамата, так что переключаю их на культурный контекст:

– А что такое Цаган-идир?

– Белый день, – доходчиво поясняет Эсарнай. Блин, это-

то я поняла!

– Это праздник! – радостно говорит молчавшая доселе Динбай. Эсарнай бросает на неё недовольный взгляд, но той уже всё равно. – Зима-до-свиданья-весна-здравствуй! Солнце-ярко-луна-ярко-день-белый!

Меня слегка сносит этим потоком счастливых восклицаний, а Динбай аж покраснелась. Она вся такая круглая и румяная, как яблочко, и, видимо, очень активная. Но на всеобщем говорит так себе.

– Так сегодня праздник? – спрашиваю я. На Земле-то конец декабря.

– Да, на Муданге сегодня первый день весны, – поясняет Эсарнай. – Новый год. Точнее, это на севере, а на юге наоборот осень начинается, но празднуют всё равно по северу.

– О-о, вот как. У нас сейчас тоже Новый год. Только мы его посреди зимы празднуем.

Мы сидим там ещё часа два, пока свет за окном не угасает совсем, и тогда зажигаются цветные лампы в форме рогов. Из радостного лопотания Динбай и спокойных объяснений Эсарнай я узнаю несколько сказок и поверий, связанных с Белым Днём. У них, оказывается, зимой очень пасмурно, и они считают, что на это время какой-то подземный гад проглатывает солнце, а потом, в Белый День, приходит некая крутая богиня и вспарывает ему живот, и солнце выскакивает. Так что день этот солнечный и длинный, и ночью тоже

очень светло, потому что все три луны светят вместе.

– У вас три луны? – переспрашиваю я. Знаю, конечно, что на других планетах может быть сколько угодно лун, но я ведь мало где высаживалась, да ещё и ночью...

– Да, они летом светят по очереди – так, что всю ночь светло. А в Белый День они светят все вместе, так что очень-очень светло.

Потом мне ещё рассказывают, что дождь идёт, потому что из моря взлетает дракон и разбрызгивает воду по небу, а ещё что весна – хорошее время для свадьбы.

– Но вы ведь не полетите на Муданг, так что это неважно, – заключает она.

– Мы как раз собирались лететь на Муданг, – непринуждённо вставляю я.

– Но ведь Азамат не может... – осторожно говорит она с полувопросительной интонацией.

– Алтонгирел говорит, что его пустят на несколько часов, чтобы поговорить со Старейшинами.

Эсарнай приподнимает брови и опускает глаза, как будто я сказала нечто неуместное.

– И-и... Алтонгирел считает, что Старейшины одобряют ваш брак?

– Алтонгирел сам нас поженил, – пожимаю плечами.

– О.

– *Старый идиот!* – внезапно кричит Эрдеген. Динбай немедленно кидается к ней.

– *Госпожа Эрдеген! Госпожа Эрдеген, проснитесь!*

– *Как будто я сплю!* – возмущается старуха и зевает.

– Кто она? – шёпотом спрашиваю я у Эсарнай.

– Жена одного из капитанов, – шепчет она в ответ. – Он её всю жизнь с собой возит. Сам-то уж плесень старая, и жена под стать. Но, говорят, в молодости она была такая красивая, что про неё песни слагали.

– Госпожа мешать? – тоже шёпотом спрашивает Динбай у меня.

– Да нет... Вот только эти её духи... – я машу рукой перед носом и морщусь. Дамы опять переглядываются.

– Дорогие, – авторитетно заявляет Эсарнай.

Я выражаю на лице оскорблённое достоинство.

– Да хоть какие дорогие... Запах такой сильный, что я еле могу дышать. Дорогой вещью ещё надо уметь пользоваться.

Кажется, мой высокомерный тон производит эффект: обе дамы внезапно одаривают нашу старушеницу взглядами, полными собственного достоинства. Видимо, до сих пор они комплексовали, что не могут себе позволить употребить два флакона духов за один вечер. Мне вообще не очень нравится, что они так прислушиваются ко мне, получается, я прямо-таки законодатель мод какой-то. Хотя, если уж они меня богиней считают, то неудивительно... Но вообще надо быть осторожнее с высказыванием своего мнения по пустякам.

Через какое-то время снизу начинают доноситься звуки,

похожие на музыкальные, и мои сотрапезницы будят Эрдеген. Мы все вместе спускаемся вниз. Я довольно быстро нахожу Азамата, он в приподнятом расположении духа.

– Ну как успехи? – спрашиваю.

– Замечательно, – улыбается он. – Куча выгодных сделок.

Ты как там, не умерла от скуки с драгоценной госпожой?

– Драгоценной?

– Ну Эрдеген. Это значит вроде как «моя дорогая».

– Так это не её имя?

– Нет, конечно. Она в юности была такая красивая, что, говорят, сама своего имени не знала.

Мы прогуливаемся по залу, рассматривая невероятный интерьер. В дальнем углу накрывают на стол, с другой стороны между колоннами я вижу стол для игры в бараньи. Условно-музыкальные звуки доносятся от входа, где на ступенях несколько мужчин настраивают причудливые расписные инструменты.

– А почему имена скрывают? – задаю я давно мучащий меня вопрос.

– Ну, – Азамат прищуривается. – Считается, что если знаешь имя человека, то можешь им повелевать. Или отобрать у него что-нибудь, например удачу или красоту. Конечно, на самом деле это могут только лесные знающие, но люди боятся...

– Знающие что?

– Знающие. Просто знающие. Они тоже могут общаться

с богами, как и духовники, но по-своему, нехорошими способами.

– А духовники за ними охотятся? – хмыкаю я.

– Нет, что ты. Не любят их, конечно, их никто особенно не любит. Но они ведь за бесплатно не вредят, только по заказу. Так что охотиться надо за клиентами.

Мы приближаемся к столу с едой, как раз когда всех приглашают садиться. Я замечаю, что мои дамы умащиваются поближе к своим мужьям, и делаю то же самое. Мужики за столом беззастенчиво на меня пялятся, некоторые даже тычут пальцами, обсуждают вслух.

– *Смотри-ка, настоящая тощая землянка...*

– *И как они детей рожают, не пойму.*

– *Зато лёгонькая, наверное...*

– *Ну изящная, ничего не скажешь. А что хилая – так кто ж такую работать заставит.*

– *Как, она работает?! Целитель?!!*

– *А ты не слышал, что ли?*

– *Вон Эцаган...*

– *И не скажешь, что что-то было!*

– *Нормально Азамат приборакхлился, и красиво, и в хозяйстве полезно!*

Какой-то пожилой мужик начинает хохотать так, что давится и чуть не падает под стол. Я сижусь, изо всех сил стараюсь не обращать внимания, твержу, как мантру: только-бы-не-покраснеть, только-бы-не-покраснеть...

– Они ведь меня обсуждают? – тихо спрашиваю у Азамата.

– Да, ты сегодня просто тема вечера, – усмехается он. –

Все в восторге.

– И тебе приятно, что они так вот вслух меня обсуждают? – спрашиваю с плохо скрываемым гневом. Азамат замечает и склоняется ко мне:

– Потерпи, солнце. Я знаю, что у вас так не принято, но тут никак по-другому быть не может. А уж если на Муданг прилетишь, там просто каждая собака будет на тебя тарашиться, тут ничего не поделаешь. Но ты им всем нравишься, хоть этому порадуйся.

Я хочу что-то ответить, но тут на стол водружают жаркое. Я понимаю только, что это кто-то на вертеле, без головы и очень большой.

– Что это? – спрашиваю.

– Баран, – отвечает Азамат.

– Такой огромный?! – Может, он слово перепутал?..

– Да, это муданжский баран. Они у нас крупные.

М-да, на Муданге всё крупное, это точно. И обильное.

Алтонгирел и два других духовника режут тушу и раздают гостям, сопровождая свою деятельность заковыристыми причитаниями. Куски мяса все берут в руки и не кладут на тарелку, и я стараюсь следовать этому правилу, хотя оно всё ещё горячее. Азамат предупредительно подсовывает мне салфетку, не иначе, с собой взял.

– Спасибо, солнце, – говорю. – Я бы без тебя тут уже со-

всем рехнулась.

Баран пахнет бараном, но не до отвращения. Есть его можно. Азамат тихо комментирует:

– А голову сожгли в качестве угощения богам, хотя здесь, на Гарнете – это бред, какие тут боги. А ведь там такие вкусные...

– А ты тоже веришь в этого, который солнце проглотил? – перебиваю. Я, конечно, аппетит редко утрачиваю в силу профессии, но предпочитаю не смотреть в глаза тому, что ем.

Азамат ухмыляется:

– Я смотрю, тебя просветили, и ты думаешь, что это чушь.

– Ну... – не хочется ссориться из-за религиозных убеждений, но не врать же...

– Не волнуйся, это всё... женская правда. Уж извини, так говорят. Женщины много чего боятся и придумывают себе сказки, чтобы не так страшно было. А уж какая там реальная основа – это только Старейшины знают.

Когда от барана остаётся один скелет, начинает звучать музыка, которая так распространяется в нашем необычном помещении, что как будто льётся вниз по колоннам. Сперва просто какие-то мелодийки, потом подключается вокал. У меня от этого вокала волосы по всему хребту не просто дыбом становятся, а прямо вибрируют, как струны: более неприятного тембра голоса поискать. Вот уж действительно: голос громкий, зато противный.

– Эх, как заливается, – говорит сидящий слева от меня мужик. На всеобщем говорит, то есть мне.

– Ты погоди, – гудит Азамат в ответ. – Сегодня Ахамба спеть обещался.

– Да ну! Вот это будут трели! Но и Охтаг неплох, что скажете, Элизабет?

– Уж очень высокий голос, – говорю. Про прищемленную кошку опустим.

– Ну вот и я говорю, здорово поёт! – радуется мой сосед и вылезает из-за стола, чтобы пойти послушать поближе. Певец затягивает что-то более протяжное. Кое-кто вокруг начинает подпевать такими же противными тенорочками. Азамат, откинувшись на спинку стула, шевелит губами.

– А ты чего не поёшь? – спрашиваю.

– Да что ты, какой из меня певец. У меня же голос, как у быка, – смеётся он.

– Хороший у тебя голос, – говорю. – Гораздо приятнее, чем эта дверь скрипучая.

Азамат хохочет.

Наконец акустическая пытка заканчивается, и снова звучит одна только музыка. Тут уже и мы подходим поближе, послушать. Инструменты у них симпатичные: пёстрые, раскрашенные, с нарисованными солнцами и людьми. Есть похожие на небольшие квадратные контрабасы, их несколько штук разной высоты, и играют на них смычком, сидя. Есть что-то вроде шепелявой свирели, которая издаёт столько же

шума, сколько и звука, но приятно напоминает ветер. Есть барабаны и ещё что-то щипковое, за чужими спинами не разберу.

Потом музыка приобретает отчётливую танцевальность, и внезапно на площадку перед лестницей выкатывается пылающая от смущения и азарта Динбай, волоча за руку, вероятно, своего мужа – статного молодого парня с короткими волосами, натурально стоящими дыбом. Она принимается кружить вокруг него, в такт музыке помавая руками, причём она так быстро перебирает ножками под своей длинной юбкой, что получается невыразимо смешно. Блестящие нити в её одежде сверкают, драгоценная броня на шее позвякивает. Парень поначалу теряется, но потом, когда музыка становится быстрее, он тоже подключается к танцу, и скоро они уже вместе кружат по «сцене», совершая руками такие быстрые и плавные движения, что трудно поверить, будто у них по два локтя, а не по восемь. Его хом в виде, насколько я могу судить, двух бобров, подлетает в воздух при каждом резком движении и, наверное, сильно бьёт по груди. Народ начинает хлопать и присвистывать, молодые ребята скоро тоже присоединяются к пляскам, и Динбай, должно быть, чувствует себя настоящей королевой бала. Ни за что не поверю, что Эсарнай станет выделывать такие фокусы, да и за себя ручаюсь.

Танцы затягиваются надолго, и те, кому стало скучно смотреть, переключаются на бараньи и ещё какие-то национальные игры. Я присоединяюсь и снова кой-чего выигры-

ваю, правда, поздравляют с этим выигрышем Азамата.

И вот наконец, когда танцы уже слегка затухли, к оркестру присоединяется Ахамба. У него тоже есть квадратная скрипка, но он берёт на ней только отдельные стонущие ноты, предоставляя остальным музыкантам подхватывать его мелодию. Я с трудом разбираю, что он поёт, тем более что не узнаю многих слов, когда он их растягивает на полминуты. И всё же некое печально-обнадёживающее повествование складывается.

*Из зимней стужи прочь
Мы вышли без потерь.
Белее снега ночь,
Крадётся в ней серый зверь.*

*Гнедой мой конь силён,
Резвится на снегу.
Хозяйке бью поклон,
Добиться её не могу.*

Голос у него красивее, чем у предыдущего оратора, но тоже довольно высокий. Правда, на последних, повторяемых и до неузнаваемости растянутых строчках каждого куплета он показывает три, если не четыре октавы с самыми неожиданными переходами.

*Уж Царь-Дракон восстал
Из моря в туче брызг,
Уж Ирлик-хон отдал
Украденный солнечный диск.*

*Богатый Хивгэн-хэн
Подарки ей дарит,
Красотка Эрдеген
С несчастным мной не говорит.*

Кое-кто вокруг снова начинает подпевать, кое-кто, я вижу, утирает слёзы. Эх их пробирает, однако. Видно, общая проблема.

*Гнедой мой конь с пятном
Белей, чем снег в степи.
Уеду я верхом
Вдали ждаты весенние дни.*

*Вернусь на зелёном коне,
Сверкающем, как изумруд.
Все песни поют обо мне,
Хозяйка моя тут как тут.*

Последний куплет с изменённым ритмом он повторяет три раза, и тут уже подключаются почти все, а некоторые

ещё и постукивают сапогами об пол в такт, и атмосфера как будто пропитывается магией общего стремления, единения усилий. Азамат внезапно обнимает меня за плечи и целует в макушку, и вид у него просветлённый, и глаза его лучатся надеждой.

Глава 16

В которой милые только тешатся

Обратно на корабль нас отвозит всё тот же молчаливый водитель. Команда с пьяно-блаженными физиономиями дрыхнет, свешиваясь с сидений. Как же им всё-таки немного надо.

У меня ощущения двойственные: с одной стороны, это был, конечно, прекрасный культурный опыт, некоторая тренировка перед Мудангом. С другой, не могу сказать, что мне нравится быть выставочным экспонатом, да ещё и таким популярным. Боюсь, что я не очень долго смогу изображать примерную супругу и вести себя по их правилам. В какой-то момент я сломаюсь и примусь навязывать ближайшему окружению свой собственный устав, и это попортит мне и им много крови, хотя вряд ли к чему-нибудь приведёт. Не очень радостная картина будущего...

Зато вот Азамат очень радостный. Он, кажется, сегодня не пил, во всяком случае, я не видела, да и этой их молочной сивухой от него не пахнет. Но ластится, как кошка по весне. И так обнимет, и сяк, и в волосы поцелует, и щекой потрётся... В общем, кто-то дорвался. Ему, конечно, сегодня много похвалы досталось благодаря мне. И не только за бараньи. И, пожалуй, ради его искренней нежности я всё-таки способна

потерпеть тыканья пальцами. Раз уж он от этого так счастливец...

Уже на корабле, после душа, в ночи, я, тщательно упаковавшись в длинный и очень приличный халат, стучусь к Азамату. Замок когда-то успел починить, зараза! Теперь не прокрадёшься...

Он открывает с лёгким удивлением.

– Чего ты?

– Э-э... ну как бы... а войти можно?

Он отстраняется, чтобы меня впустить. Он снова упакован в свой гидрокостюм, по ошибке принятый за пижаму. Когда дверь закрывается, волной воздуха до меня доносит запах облепихового бактерицидного мыла.

– Мне надо взглянуть, как поживает твоя шкурка, – помахиваю тюбиком цикаತ್ರавина. – Раздевайс!

Он тут же хмурится.

– Да ладно, это пустяки, сам справлюсь, сегодня уже и так...

Интересно, сколько времени пройдёт, прежде чем он перестанет пытаться отделаться от моей профессиональной помощи? Впрочем, у меня есть очень убедительная морковка для вешания перед носом.

– Значит так, – говорю, – хочешь секса – будешь лечиться!

Азамат закрывает глаза с видом полного поражения. Я просто вижу, как у него на лбу появляется бегущая строка с

какой-то народной глупостью про бесплатный сыр.

– Да ладно тебе, – глажу его по руке, а сама едва сдерживаю хохот. – Тебе же самому лучше будет.

Он кивает без энтузиазма, садится на кровать и принимается стаскивать верх от пижамы.

Эластичные бинты, конечно, уже все пропитались, правильно я на сей раз пластырь взяла. Осмотр показывает, что лечение идёт впрок, но ему ещё предстоит примерно кругосветное путешествие. Повторяю утреннюю процедуру, пока Азамат делает вид, что равнодушно смотрит в сторону. Наконец он заклеен вдоль и поперёк, и можно прервать тягостное молчание. То есть мне-то оно не особо в тягость, я, когда делом занята, иногда забываю, что людям свойственно общаться, но вот кое-кому весьма некомфортно.

– Всё, – говорю, – живи.

И топаю мыть руки. У Азамата делается какой-то уж вовсе горестный вид. Пока намыливаюсь, доходит:

– От этого крема ногти истончаются, поэтому нужно обязательно смывать, – говорю.

– Тем более не стоит тебе в нём пачкаться, – пожимает плечами Азамат и принимается одеваться.

– А чего ты одеваешься? – говорю. – Думаешь, я щас уйду, что ли?

Он смотрит на меня снова озадаченно. Ох, чует моё сердце, нарвусь я на очередное культурное отличие, будь они неладны.

– А ты хочешь остаться? Ну хорошо, я не против...

Присаживаюсь к нему на колени.

– Я думала, мы сегодня ещё чем-нибудь приятным позанимаемся, если ты не устал.

Он коротко шевелит бровями, и взгляд его совершенно меняется. Боже мой, дошло! Ну что ж, обучаемость хорошая.

Большие способности к усвоению информации дорогой супруг демонстрирует также и в искусстве поцелуя. У меня очень быстро отключается циничная соображалка, так что я получаю от этого процесса – как и ото всех дальнейших – море удовольствия, совершенно не сравнимого с прежним опытом. Всё-таки Азамат мне безумно нравится, мне горячо просто оттого, что он близко, а уж когда мы сплетаемся вместе, я плавлюсь и вовсе до жидкого состояния. Мне хочется прочувствовать его всего, впитать его запах и голос, силу и доброту...

– Чего ты меня всё время наверх перетаскиваешь? Дай полежать!

– Боюсь придавить...

– Ну знаешь! Я не такой задохлик!

– Прости, – перерыв на поцелуй, – но так тебе точно не будет больно.

– Мне в любом случае не будет больно, у тебя мания величия, а так у меня ноги устают. Так что хватит тут разлёживаться.

На сей раз выходит ещё бодрее, чем утром в машине, и не

один раз. Правда, Азамат всё-таки явно предпочитает быть снизу, видимо, привычные ему тамлингские девки малолитражны. В итоге я устаю первая, хотя это, конечно, прекрасная усталость, но после очередной дозы кайфа в прилежащее ядро я окончательно перехожу в горизонталь, примостившись у Азамата на плече, и отрубаясь, как будто меня обесточили.

Солнечное утро включает меня обратно, по ощущениям – часов в десять, ровно в том же положении. Бедный Азамат, я ему, наверное, всё плечо отлежала, а он, конечно, меня не спихнул бы ни за что, терпел небось. Ну да ладно, хоть сейчас спит, не подорвался никуда в шесть утра. Надо надеяться, я его вчера тоже укатала, как ту сивку.

Откатываюсь к стенке, потягиваюсь. Вставать неохота, да и незачем вроде – Азамат спит, завтрака нет и не будет, дел срочных тоже не предвидится... Наверное, я снова задрёмаю, а когда просыпаюсь второй раз, Азамат уже полностью одетый сидит за буком и ожесточённо печатает.

– Доброе утро, – говорю, сладко зевая.

– Угу, доброе, – бубнит он в ответ. Я настораживаюсь.

– Что случилось?

– Ничего, – говорит, не отворачиваясь от экрана.

– А что ты делаешь?

Он наконец-то смотрит на меня, но каким-то совершенно чужим, холодным взглядом. У меня по хребту пробегает хо-

лодок.

– Какая тебе разница? – спрашивает он глухо и вряд ли ждёт ответа.

Я сажусь, натягивая одеяло под подбородок: мне резко неуютно тут в неглиже.

– Азамат, – говорю мягко, – ты чего такой злой?

Кажется, мой вопрос только больше его сердит. Он бросает в мою сторону прожигающий взгляд и отворачивается. Господи, да что ж такое? Я вроде ничего не сделала плохого. Никому вчера не нахамила, разве только Алтонгирелу немного, но по сравнению с тем, как я с ним обычно говорю, ничего особенного. С муданжцами себя вела по струночке. Может, он что-то такое обо мне узнал в Сети?.. Что я не была замужем? Или, может, у него из-за меня какие-то проблемы с властями? Но блин, я даже ничего убедительного придумать не могу, в чём я могла так провиниться!

– Слушай, – говорю я робко, – ну не сердись, я...

Замолкаю, потому что он резко встаёт и в два шага оказывается прямо надо мной, резким движением поднимает руку – я шарахаюсь к стенке, заслоняясь локтем, и тут он замирает. Я тяжело дышу, как после гонки.

– Ты чего? – говорит он в недоумении.

– Это *ты* чего? – я вся дрожу, и голос тоже.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую, протягивает руку и берёт с полки над кроватью какой-то диск. Я идиотка...

Прислоняюсь к холодной стене голой спиной, вздыхаю с облегчением. Здорова же я с утра напугаться по самым бес-толковым поводам. До Азамата, впрочем, тоже начинает до-ходить.

– Лиза, – говорит он так, как будто не верит, что это он говорит. – Ты что... меня испугалась?

– Ну есть немного... – говорю смущённо. – Ты с чего-то злой, как чёрт, а я с утра плохо соображаю...

Он внезапно хрясает диском об стол так, что коробочка разбивается на щепки.

– Ты что вообще обо мне думаешь?! По-твоему, если я урод, то со мной и обращаться можно как угодно, и ждать от меня можно чего угодно?! Представляешь, у меня ещё сохранились кое-какие остатки достоинства, трудно поверить, да?!

Я снова вжимаюсь в стенку, сметённая силой звука. Ка-кое счастье, что каюты хорошо изолированы, ещё не хвата-ло, чтобы весь корабль слышал, как мы ругаемся. Но вот за что он злится? Никак не пойму. Когда я ему на достоинство наступить успела, а? Ночью отлежала, что ли?

– Что я тебе сделала? – спрашиваю. – Я не понимаю, и поэтому мне страшно.

Он поджимает губы и снова отворачивается. Прекрасно. Имеется в виду, что если моя ошибка мне не очевидна, зна-чит, я законченная сволочь. Прекрасная тактика, если хо-

чешь выгнать человека из своей жизни, но, к сожалению, мирного исхода не имеет в принципе.

– Азамат, пожалуйста, – говорю со всей убедительностью. – Пожалуйста, не злись. Я уже поняла, что сделала что-то ужасное, но у нас с тобой разные представления об ужасном. Я тебе клянусь, что не хотела тебя обидеть!

– А-а, – говорит он медленно и продолжает после долгой паузы, – так ты не нарочно?

Никакого облегчения я в его голосе не слышу, и вообще, мне кажется, что он сейчас заплачет. М-да, кажется, сбылось моё вчерашнее предчувствие, что я где-то обязательно налажаю. Теперь вот надо убирать за собой.

Быстро напяливаю халат и выбираюсь из всклокоченной постели. Азамат стоит ко мне спиной, глядя в окно. Я осторожно беру его за руку, он довольно равнодушно косится на меня, потом снова возвращается к созерцанию космопортового пейзажа.

– Ты мне не веришь? – спрашиваю, хотя чего уж тут спрашивать.

– Верю, почему, – пожимает плечами он.

А какого тогда рожна?.. Страдает, что наорал, что ли?

– Так чего ты расстраиваешься?

– Мне жаль, что тебе со мной плохо.

Так. Ну всё, хватит. Заберите меня из этой дурной мелодрамы. Сейчас я проснусь, и всё станет, как вчера!

Дёргаю Азамата за другую руку, и он послушно развора-

чивается ко мне.

– Слушай, – говорю, – друг дорогой, а ну-ка давай выкладывай в подробностях, чем я тебя обидела.

– Да я уже понял, что ты не нарочно...

– Выкладывай, а то щас нарочно добавлю! Я, знаешь ли, очень не люблю начинать день со ссоры, это не идёт на пользу моему настроению. Да и вообще, Азамат, мы с тобой разговариваем через двойной языковой барьер и почти ничего не знаем о том, что другой считает правильным, а что обидным. Тебе не кажется, что нам надо в обязательном порядке подробно обсуждать любое непонимание?

– Это всё так, конечно, я только думаю, что всё равно ничего путного у нас не в... – тут он напарывается на мой взгляд и замолкает. Да, взгляд у меня тяжёлый, знаю. В детстве мама запрещала кепку носить, а то, говорит, из-под козырька совсем как дуло.

– Ну, – говорю.

– Ну... ты могла бы вчера уйти спать к себе.

Вот тут у меня уже и правда самопроизвольно открывается рот.

– А-э-кхэ, раньше тебя, кажется, не обижало, что я остаюсь на ночь... И вчера ты у меня дрых – и ничего...

– А я так и не понимаю, зачем тебе это надо было. Ты попросила – я остался. Но после секса это уже вовсе ни в какие ворота, – он снова поджимает губы. – Я уж ждал-ждал, может, ты подвинешься, я бы сам ушёл в другую каюту... В

итоге заснул.

Наверное, такими большими у меня глаза никогда ещё не были и не будут.

– Ты мог бы меня разбудить и выгнать, если тебе было так неприятно.

– Ну что ты, как я мог тебя выгнать... И потом, уже было бы всё равно, только поругались бы посреди ночи, – он кривится и смотрит в сторону.

У меня закипают мозги. Нет, это что-то невообразимое, я не вижу тут логики вообще! Тру лицо ладонями. Может, это я всё ещё туплю с утра?

– Слушай, – говорю, – Азамат, присядь. И объясни мне толком, чем плохо то, что я осталась на ночь? Чем именно тебя это оскорбляет?

– Ну как чем? – он послушно садится, я плюхаюсь к нему на коленку в надежде, что физический контакт заставит его думать обо мне в приятном ключе. – Тем, что ты заснула, конечно!

– Я каждый вечер засыпаю, – говорю. – Ты можешь мне объяснить, почему именно вчера тебя это обидело?

Он уже явно не знает, какими ещё словами сказать, чтобы мне стало понятно.

– Ну... ну прямо после секса... То ли тебе так скучно было, то ли я тебя утомил так, что ты просто где сидела, там и упала! Я понимаю, если бы тебе это было в принципе неприятно, а так получается, что я тебя в тоску вогнал. Я думал,

ты нарочно меня дразнишь, но если ты действительно просто заснула, то лететь на Муданг нет ни малейшего смысла.

Несколько секунд я сижу неподвижно и перевариваю. Это ж как надо вывихнуть мозги...

– Э-э... – содержательно говорю я наконец, – а что, по-твоему, от хорошего секса нельзя устать? Особенно после длинного и трудного дня? Тем более что ты хочешь, чтобы я была сверху? Это, знаешь ли, выматывает.

Он хмурится.

– Ну, собственно, о том я и говорю. Если я тебя утомляю, то зачем я тебе нужен?

Боже, упаси меня от дикарей с комплексами!

– Видишь ли, Азама-а-ат, – сладко тяну я. – Если я устала, это ещё не значит, что мне не понравилось. Вчера всё было просто чудесно, и я бы, конечно, не заснула на лету, если бы знала, что ты обидишься. У нас это просто в порядке вещей. У нас даже выражение «спать с кем-то» означает заниматься сексом...

– Да? – восклицает Азамат, широко раскрывая глаза. – А я-то всё никак понять не мог...

Я начинаю ржать и обнимаю его за шею, чтобы он не принял на свой счёт.

– То есть у вас принято оставаться на ночь? – продолжает осмысливать он.

– Ну да, конечно. Понимаешь, мне и в голову не могло прийти, что это может тебя обидеть.

Он качает головой, в полном шоке.

– С ума сойти, как же странно у вас всё устроено... Но ведь на одной кровати спать неудобно...

Я уже давлюсь от смеха.

– Тебе разве было неудобно?

– Да мне-то что, я как лёг, так и проснулся, не пошевелившись. И ты тоненькая, мало места занимаешь. Но остальные-то как?

– У нас, – говорю между спазмами хохота, – кровати делают большие, на двоих!

– Хм, – он серьёзно задумывается над проблемой. – Это выход, пожалуй. Но всё равно ведь нужно с собой одежду приносить на утро... А то и полотенце... Зачем так сложно? Можно ведь просто уйти к себе и не мучиться.

– Ну-у, видишь ли, обычно если муж и жена ладят между собой, то никакого «к себе» и нету. Просто спят вместе, и всё.

– То есть как, в одном доме? – ещё больше удивляется Азамат.

– Конечно в одном доме, – удивляюсь и я тоже, – а у вас что, в разных?

– Конечно в разных! Ну только если совсем уж бедные и не на что второй построить... Но хоть в разных комнатах...

– А у нас вместе, – мотаю я головой. – Что делать будем?

– То есть?

– Ну, ты предпочитаешь, чтобы я жила где-нибудь подаль-

ше?

– Не-ет! Что ты... То есть обычно так и делается, но мне очень нравится с тобой, я не думал, что...

Он окончательно запутывается в словах, и я его целую, чтобы выглядело, как будто это я не дала ему договорить.

– Не переживай, я знаю, что ты не пытаешься от меня отделиться. И я вполне способна ночевать в своей каюте. Хотя, конечно, с тобой мне уютнее и спокойнее, но если тебе это неприятно, то я, так и быть...

– Да нет, я совсем не против. Если это у вас так принято, то пусть так и будет. Мне очень хорошо с тобой, просто у нас без нужды вместе не спят...

– Ну и кто из нас создаёт себе трудности? – усмехаюсь я.

Вот если Азамат сидит на низкой кровати и коленки у него вверх торчат, а я сижу на его коленке, то ему совсем немного надо до меня нагибаться. Чем мы и пользуемся некоторое время, пока жажда к знаниям у меня не побеждает прочие желания.

– Слушай, а вот эти женщины, которые были вчера на встрече, – они красивые?

– Ну Эрдеген когда-то была, хотя я этого уже не помню, а две другие – да, конечно, – пожимает плечами Азамат. – Особенно Эсарнай, конечно.

Ну хоть тут мы примерно совпадаем в оценке.

– То есть у вас приветствуется, чтобы женщина была по-

толще? – продолжаю выяснять я.

– Естественно, красивая, дородная женщина – это просто мечта.

– Хм. А как тогда у вас получается, что я красивая?

Азамат пару раз моргает, осмысливая мой вопрос.

– Ну Лиза, ну ты сравнила! То ведь муданжские женщины, самые обычные. У муданжской женщины если тела много, значит, здоровая, детей здоровых родит, да и уговорить проще. Стройные, конечно, красивее, так они и дрожат над своей красотой, лет до тридцати не рожают, а там уже и дети получаются хиленькие. Но кто же тебя так будет оценивать! Ты же вылитая Укун-Тингир с картинок из древних легенд!

– Вылитая... кто?

– Сейчас покажу, если пустишь, – усмехается Азамат. Я сползаю на кровать, и он достаёт с полки одну из пластиковых книг, раскрывает на середине. Книга оказывается репродукцией какого-то древнего-преддревнего манускрипта, просто сфотографированные листы бумаги – или даже пергамента? – сшиты в книжку. Разобрать слова невозможно, буквы на себя не похожи, да ещё и затёрлось всё. Зато каждая страница в красивой узорчатой рамочке, а первая буква превращена в картинку на пол-листа. На картинке девица с абсолютно белыми волосами, похожими на каракуль, тычет мечом в брюхо некой твари вроде перекормленного тритона. Девица действительно довольно тощая.

– А, – говорю, – это который солнце проглотил?

– Да-да, ты же вчера слышала эту легенду.

– Угу, но, думаешь, я имя запомнила, что ли? И ты считаешь, что я на неё похожа? – присматриваюсь повнимательнее и обнаруживаю, что у неё в качестве пояса завязана змея, а на шее ожерелье из черепов. Миленко.

– Ну это ведь только одно изображение, вот тут, смотри, другое... – он садится рядом со мной и перелистывает несколько страниц. Там моя ипостась восседает в очень неудобной позе на такой же скрюченной клыкастой лошади, размахивая жезлом с черепом на конце, а вокруг пляшут синне-зелёные черти. – Когда много изображений увидишь, понимаешь, что есть некоторые неизменные черты, хотя каждый рисует на свой лад. Да и в самих легендах, вот тут, например, сказано: «богиня, белая и тонкая, как плачущее дерево». Ну то есть берёза. И вот, дальше: «волосы скручены, как у ягнёнка».

– С ума сойти, – говорю. А что тут скажешь? У меня как-то нет опыта внезапно оказываться богиней с каракулем на голове. – И как ты это читаешь? Половина затёрлась ведь.

– Да я по большей части помню, что там написано. Пару букв видно – и ладно, достаточная подсказка. Я ведь учил книжное дело.

– Да? А я думала, ты по технической части...

– А я и то и другое, – с лёгкой гордостью говорит Азамат. – Мы жили в столице, когда я учился, так что мне не нужно было ни уезжать домой, ни на домашние дела время тратить,

ну и мне было как-то неудобно, что все мои друзья заняты целый день, а я слоняюсь без дела. Вот и пошёл в два учения одновременно.

– Ты мой умница! – привстаю, чтобы чмокнуть его в нос. Пусть хвастается, что получил два образования, да ещё и не из корыстных соображений. Всё лучше, чем эти его утренние закидоны.

Кто-то стучит в дверь, и Азамат немедленно её открывает, даже не посмотрев, кто это. Я бы предпочла хоть пару секунд, чтобы себя оглядеть, вдруг халат не застегнут, мало ли... Тем более что за дверью Алтошенька. Ну и утро у меня выдалось.

Алтонгирел открывает рот, замечает меня и издаёт какое-то кваканье.

– Мы вас уже обыскались. Обоих! – укоризненно говорит он наконец.

– А в каюте посмотреть только сейчас догадались? – улыбаюсь я.

– А ты вообще молчи, – говорит он мне. – У тебя кровать со вчера нетронутая стоит, мы уж думали, ты сбежала.

Я ещё только набираю воздуху, чтобы ему ответить, но Азамат опережает:

– Полегче, друг. Я смотрю, тебе понравилось ходить румяным, – говорит он многозначительно, потом смягчается: – Я элементарно проспал, а потом мы тут увлеклись... разговором. Мог бы просто мне позвонить.

– Звонил, естественно, у тебя что-то не так с телефоном.

Азамат извлекает из кармана куртки телефон, почти как у меня, только побольше раза в два.

– Ах, ну да! – восклицает. – Сегодня же Новый год! Я просто забыл вчера его заряжаться поставить, а как раз год с прошлой зарядки прошёл.

Алтонгирел укоризненно качает головой:

– Что-то мне это не нравится, друг. На часы не смотришь, дату забываешь...

И косится на меня так, вроде как я виновата.

– Счастливые часов не наблюдают, – фыркаю я. Алтонгирел открывает рот, чтобы ответить, но тут его взгляд падает на открытую у меня на коленях книжку с изображением, э-э, Укун-Тингир.

– Азамат... – выдыхает он в суеверном ужасе и продолжает по-муданжски, – *ты вообще чем думаешь?!*

Азамат только недоумённо поднимает брови.

– *Ты что, сдурел?!* Зачем ты ей дал книжку? – продолжает его честить духовник.

– *Картинки показывал.*

– *Картинки!* – возглашает Алтонгирел, хлопая себя по бедру. – *Ты бы ей ещё легенды рассказывать принялся!*

Я сижу, изображая лицом разнообразность зимней обуви. Это что, чисто мужское знание? Или за пределы нации – нини? Ещё в шпионаже обвинит, знаю я его...

– *А что, собственно, тебя не устраивает?* – Азамат, ка-

жется, не меньше озадачен, чем я.

Алтонгирел в прямом смысле хватается за голову, да так, что вот-вот шею себе свернёт.

– Ну кто, кто разговаривает с женищинами о книгах?! Она же затоскует мгновенно и пошлёт тебя к Ирликхоновой матери!

Я изо всех сил напрягаю уголки рта, чтобы не ползли вверх, заразы, еле дышу уже, так хочется смеяться. Ну ничего, сейчас я тебе покажу, Алтончик!

Делаю вид, что зеваю, прикрывая рот рукой, чтобы не видно было, как меня улыбают против воли.

– Азамат, а дай мне ещё книжку с картинками? Это, по крайней мере, интереснее, чем слушать ваш непонятный язык.

У Алтонгирела сегодня явно рыбный день, вон как жабрами хлопает. Азамат покатывается со смеху.

– Спасибо, что пытаешься помочь, – говорит он духовнику, – но мне кажется, я несколько лучше тебя знаю, как обращаться с женищинами.

Алтонгирел оскорблённо фыркает и складывает руки на груди, дескать, умывает руки.

– Мы сегодня отчаливать собираемся?

– Да, но ближе к ночи. Сейчас будет большая пробка у захода в туннель.

Алтонгирел задумчиво кивает.

– Ладно, пойду, оповещу остальных, что вы нашлись.

– Ты что, серьёзно всех переполошил?

Духовник только криво ухмыляется в ответ и уходит, хлопнув дверь.

– Всё хорошо? – спрашиваю.

– Да-а, – отмахивается Азамат. – Алтонгирел любит преувеличивать.

Говорит он это с каким-то отеческим умилением, как моя мама про своего кота.

– А чего он вообще такого ответственного из себя строит? – спрашиваю. – Он же уволился.

– Да нет, я не успел его рассчитать, а потом стало незачем. Так что до Муданга он по-прежнему в должности.

Я сморщиваюсь.

– Замечательно. То есть он и дальше будет с полным правом донимать нас ценными советами.

Азамат посмеивается:

– Я тебя уверяю, его советы – ещё не самое худшее. Он просто пока что единственный, кто не боится советовать тебе. Потому что я уже наслушался от всего экипажа...

– А им, конечно, всем есть дело до твоей личной жизни!

Азамат только качает головой. М-да, а ведь если они ко мне привыкнут, то и мне перепадёт наверняка. Правда, не знаю уж, что может быть хуже Алтонгирела.

– Но я рад, что он остался, – вдруг говорит Азамат. – Мне было очень тяжело с ним прощаться. Понимаешь, он ведь единственный, кто от меня не отвернулся.

– Понимаю, – говорю. – Хотя это просто значит, что остальные были законченными сволочами и идиотами.

Азамат мечтательно улыбается.

– Лиза, ты очень добрая.

Я даже не понимаю, в свете моей последней реплики – он это иронично или как? Мне становится немного неловко, и я цепляюсь за первое, что вижу:

– А почему ты часы так неудобно ставишь?

– А я, бывает, вечером заснуть не могу долго, а у часов экран в темноте светится, и я так лежу, смотрю, как минуты идут, и так противно... Всякие глупости думать начинаю. Так что предпочитаю их не видеть.

– О, это, кстати, знакомо, – удивляюсь я. – Только у меня обычно так бывает, когда утром рано вставать и какое-то ответственное дело. И я страшно боюсь не выспаться, и вот лежу, смотрю, сколько мне спать осталось, и нервничаю.

– Надо же, – усмехается Азамат, – до сих пор ни разу не встречал человека с той же проблемой.

Его благодушное настроение несколько убывает, когда я заставляю его снова раздеться и обмазаться, но он относительно быстро восстанавливает душевное равновесие. Глядишь, ещё привыкнет. Потом мы едем завтракать куда-то в ресторан. Кажется, он приволакивает меня во что-то невероятно дорогое, но я терплю. Если уж он считает, что таким образом выражает свои чувства, то грех ему мешать... Тем

более что и еда, и сервис меня вполне устраивают. Господи, сказать кому – решат, что зажралась тётка вконец.

– Тебе больше ничего не нужно купить? – спрашивает Азамат, разобравшись с первым блюдом. Муданжцы вообще обильно завтракают.

– Да нет вроде...

– Уверена? А то теперь пять дней до Брошки, да и там уже почти ничего нет такого, чего нет на Муданге.

– А чего нет на Муданге?

– Ну пилюль твоих точно нету. С нижним бельём туговато... И вообще, всякие искусственные материалы редко завозят.

– Ну пилюль и одежды мне теперь на пару жизней хватит твоими стараниями, – смеюсь. – Разве что швейную машинку купить, а то я всё Эцагановой пользуюсь.

Азамат смотрит на меня неуверенно.

– Ну если хочешь... Слушай, – он сглатывает, – а ты прямо так уверена, что мы там надолго?

– Я намерена приложить некоторые усилия к тому, чтобы мы там остались надолго.

– Какие, например?

– Ну для начала я бы вытрясла из Алтонгирела в подробностях, как надо вести себя со Старейшинами и что говорить, чтобы произвести наилучшее впечатление. Потом, наверняка их можно как-нибудь расположить к себе...

Азамат начинает мотать головой ещё до того, как я дого-

ворила.

– Нет, Лиза, ничего не получится. Они же не по собственным симпатиям судят. У них есть предсказания, по которым они могут понять, получится у нас семья или нет. И тут ничего не сделаешь.

– Предсказания ещё можно по-разному истолковать, – пожимаю плечами. – Откуда им, например, знать, что для меня хорошо или плохо?

– Им достаточно знать, что хорошо или плохо для Муданга, – печально усмехается Азамат.

– И что, Алтонгирел не замолвит за меня словечко после того, как я Эцагана вылечила?

– Ну я рискну предположить, что они решат тебя оставить потому, что ты хороший целитель. Но не факт, что они решат оставить меня.

– Но я без тебя не останусь.

– Ты можешь выйти замуж за кого-нибудь другого.

– Азамат, радиостанция на бронепоезде! Я. Без. Тебя. Не.

Останусь.

Он улыбается счастливой улыбкой идиота.

– А со мной бы осталась?

– Мне казалось, в этом смысл всего полёта, нет?

– Ну а надолго?

– Э, – я как-то об этом не думала с точки зрения срока. –

Зависит от того, насколько я смогу там комфортно существовать. Я имею в виду, как ко мне будут относиться. Если как

к обезьяне в цирке, то, наверное, долго не выдержу. Но я буду стараться, – Азамат несколько мрачнеет, видимо, считает, что именно так всё и будет. – В крайнем случае, заберу тебя на Землю.

Он качает головой так, как будто я ему свои детские сны рассказываю. Ну ладно, погоди, увидишь ещё, что Земля реально существует.

Мы всё-таки идём за машинкой и берём стационарную большую модель, которая умеет делать несколько сотен разных швов, различает нитки по толщине, пришивает пуговицы и штопает. А потом я ещё до кучи прихватываю кухонный комбайн – просто потому, что Азамат ну очень хочет, чтобы я ещё что-нибудь купила.

– Вообще, – говорит он, поглядывая на часы, – сегодня будет ещё одна вечеринка, вот там, где мы вчера завтракали, помнишь?

Помнить-то я помню, но третье застолье за три дня – это мне многовато.

– А ты очень хочешь туда пойти? – спрашиваю.

– Не то чтобы очень, но я не хочу сидеть на корабле во время стоянки, а дела уже все переделаны.

– Ну пойдём, погуляем.

– В смысле?

– Просто... по городу. Или, может, тут парк какой-нибудь есть.

– Ну есть тут неподалёку парк, а что ты там делать собралась?

– Не знаю, – пожимаю плечами, – гулять.

Азамат так и остаётся в озадаченности, но мы отзваниваем Тирбишу на корабль, чтобы принял наши покупки, и едем в парк.

Это оказывается даже лесопарк – он большой и довольно дикий, только дорожки проложены аккуратненько. Он тянется вдоль побережья, так что среди деревьев можно видеть замечательный морской пейзаж. Я когда-то в раннем детстве была на Гарнете. Ну или даже не в очень раннем... лет в десять или одиннадцать, не помню. Мы ездили от школы отдыхать. Я, правда, мало, что помню из этого отдыха: море и море, на Земле такие же, и мороженое такое же, и аквапарк. Наверное, путёвка была со скидкой, потому мама меня и запихнула.

Зато я хорошо помню, как мы возвращались, потому что на нас напали, как теперь понимаю, всё те же джингоши. Сигналили к нам на корабль ещё каких-то взрослых, которых тоже где-то захватили. Лопотали чего-то по-своему, ничего не понятно, воспитателей заперли отдельно, все ревели... Я тихо забила в угол за дверь, и меня какой-то дядя загордил широкой спиной, так что меня даже не посчитали. Потом всех увели, а мы с дядей остались. Он, кажется, пытался договориться с террористами на их языке, но я же ничего не понимала. Потом мне удалось незаметно просочиться в

вентиляцию, потому что я читала много приключенческих романов про космос, и там все всегда ползали по вентиляции. Правда, последнее время инженеры стали умнее и делают трубы узкими, чтобы человек не пролез. Но какой я была человек – в одиннадцать-то лет, тем более что я в принципе мелкая. Вот я и пролезла. Вылезла на капитанском мостике, там никого, потому что корабль на прицепе. Ну чего, дети всегда быстро в интерфейсе разбираются, а на пассажирских кораблях управление – как в компьютерной игре, всё ясно подписано и с картинками. Так я за пульт уселась, подогнала кресло по высоте и рванула в сторону Земли, приговаривая «бввввв!» – тут ума-то много не надо, скорее уж, наоборот. Не знаю, наверное, джингоши должны были принять какие-то меры, чтобы захваченным кораблём нельзя было управлять изнутри, но, видно, что-то у них пошло не так, и мы благополучно улетели. Тот дядя, который меня заслонял, кажется, подрался с оставшимися на корабле двумя или тремя джингошами, но они же мелкие, а дядя был ого-го, настоящий положительный герой из фантастического фильма. Ну он их и уложил штабелями. Потом, когда нас перехватили земные охранные службы, он долго мне что-то говорил хорошее, только я не поняла на его языке. Он мне ещё какие-то игрушки подарил. И дома грамоту вручили. Там, где вручали грамоту, был очень вкусный зелёный чай.

Потом, правда, от этой истории произошла некоторая польза. Меня, конечно, засекретили – разве Земной Союз

признается, что у них с безопасностью такая лажа? А чтобы у меня и родных не было соблазна трепаться о своих подвигах, ЗС взял нас под свою опеку. Мы с братом на халяву получили очень недешёвое образование, а брата ещё и трудоустроили потом в тот же самый Земной Союз. Маме же с тех пор регулярно заказывают дизайн парков и палисадников у правительственных зданий. Меня тоже хотели воткнуть личным врачом какой-нибудь шишки, но тут я как раз встретила Кирилла, и мне стало ужасно мешать то, что я должна от него скрывать свои проблемы на работе, ведь болячки старпёров из ЗС – государственная тайна. Так что я решила, что пропади он пропадом этот блат, я и сама могу всего достичь и добиться, да и вообще. Вот, добилась. Просидела четыре года на нищенской зарплате, потом Кирилла убили где-то в космосе, опознавать даже нечего было. А потом я из принципа всё-таки пролезла без протекции врачом на корабль, чтобы осуществить давнюю мечту. Не могу сказать, что мне и правда всё ещё так хочется летать, особенно в свете последних событий. Зато добилась, что в ЗС меня так основательно забыли, что на родную планету пускать не хотят. Вот и все амбиции.

Я уже совсем собираюсь поведать смиренно топающему рядом Азамату эту героическую историю со мной в главной роли, но тут замечаю какое-то движение в кустах справа от дорожки чуть поодаль. Присматриваюсь.

– Там кто-то сидит, – говорю шёпотом.

– Да, заяц.

– А как ты его разглядел?

– А он дорогу переходил, когда мы ещё из-за угла выворачивали.

– Ты его ещё тогда заметил?

– Ну да.

– А чего ж не сказал?

– А зачем он тебе?

– Интересно... Я никогда живого зайца не видела.

– Да? – Азамат удивлённо поднимает брови. – А говорят, на Земле много зверинцев.

– Ну, в зоопарке видела, конечно, но это же совсем другое дело!

Азамат склоняет голову набок.

– Хочешь, поймаю, рассмотрю поближе?

– То есть как «поймаю»?

– Ну так, живым.

– А ему не будет больно?

Азамат начинает смеяться.

– Нет, не будет.

– Обещаешь?

Он кивает несколько раз, продолжая скалиться.

– Ну лови, – развожу руками. Заяц, конечно, уже куда-то ушёл из-под того куста.

– Ты пройдишь дальше по дорожке не спеша, а я сейчас.

Я делаю пару шагов вперёд, потом оборачиваюсь – Аза-

мата нет. То есть дело не в том, что его нет на дорожке, его просто нет! Вокруг ни веточка, ни травинка не шевелится.

Заинтригованная, я честно продолжаю идти вперёд, и ещё шагов через десять передо мной из воздуха, не иначе, сгущается дорогой супруг с зайцем наперевес. Ох и огромная скотина! Азамат держит его за уши, и зверю, по-моему, это очень не нравится.

– Ой, – говорю, – ну поставь его, не мучай!

– Если поставлю, ускачет, – резонно говорит Азамат.

– Ну ты придерживай.

Он сажает добычу на дорожку, не отпуская ушей. Однако заяц действительно очень большой. Рябой такой, глаза тёмные, туповатые, морда прямоугольная. Жуть.

– А почему ты думаешь, что это он? – спрашивает Азамат.

– Нипочему, сказалось так, – хихикаю. – А ты думаешь, она?

– Я вполне уверен, что она.

– Ты ей уже и под хвост заглянул?

– Нет, так... Похоже больше на самку по поведению. Это трудно так объяснить, но если много зайцев видел, начинаешь различать.

Я наконец рискую пощупать пойманного зверя. Шерсть у него довольно жёсткая, он немного дрожит.

– Класс, – говорю. – Ладно, выпускай, он же перепугался, бедный.

Азамат усмехается и отпускает руку. Заяц ещё с полми-

нуты сидит неподвижно, потом осторожно подаётся вперёд, а потом как рванёт – только хвостик и мелькнул.

Я достаю из сумки гигиенические салфетки.

– На, – говорю, – вытри руки, мало ли что на нём живёт.

Азамат берёт у меня салфетку и, следуя моему примеру, тщательно вытирает ладони.

– Знаешь, – говорит он задумчиво, – обо мне, кажется, никогда и никто так не заботился, как ты.

– Ну, – отмахиваюсь я, – мать, наверное, заботилась.

– Может быть, – размышляет он, – но только если совсем в младенчестве. Года в три меня отец у неё забрал, и потом я её редко видел.

– А... зачем забрал?

– Ну как, всё, говорить научился – должен жить с отцом.

– О.

– У вас не так?

– У нас родители обычно вместе живут, если не поссорились.

– Ах да! Никак не могу к этому привыкнуть.

Мы оба смеёмся, потом Азамат внезапно серьёзнее.

– А можно спросить... что случилось с твоим отцом?

– Ничего, – усмехаюсь. – Его никогда не было.

– О... И часто на Земле так бывает?

– Ну... может, не часто, но бывает.

Мы бродим по лесу ещё долго. Я подбиваю Азамата рас-

сказывать мне про птиц, которых мы слышим, а он и видит – мне удалось разглядеть примерно каждую пятую из тех, что он показывал. Он, правда, не всех их знает, как назвать на всеобщем, но и мне не все названия что-то говорят, так что, помучившись со словарём в мобильнике, мы решаем просто называть всех на муданжском, надо же мне учить слова, если я туда собираюсь. Потом ещё много веселья вызывает моё муданжское произношение, которое Азамат всё старается поправить, а я в упор не слышу разницы. Впрочем, он довольно быстро соображает, как мне объяснить эту разницу, ну или хотя бы позволяет мне почувствовать, что прогресс налицо.

Мы довольно далеко уходим от моря, и нам уже давно никто не встречается, кроме зверья. Кстати, попадается ещё пара зайцев, а Азамат вроде как и лису видел, но мне до его зоркости далеко. Мы набредаем на тихое лесное озеро, где в ряске пасутся несколько выводков утят, и устраиваем привал на стволе дерева, низко нависающего над водой. Это какой-то дубо-буко-платан, из тех, что моя мама сажает при ведомственных учреждениях, потому что он даёт много тени – в очереди стоять легче, да и ветки у него разлапистые, можно присесть. У нашего дерева ветки такие толстенные и плоские у основания, что я рискую предложить заняться любовью, уж очень романтическое местечко. Азамат сначала даже не верит, что я серьёзно, а потом смотрит на меня таким помутившимся взором, что удивительно, как в воду не рух-

нул. У него даже на обожжённой щеке румянец проступает – впрочем, может, крем действовать начал.

Потом мы, такие весёлые, что почти пьяные, доходим до другого края лесопарка и обнаруживаем там небольшую приятно пахнущую таверну, где заказываем обед, поскольку проголодались уже на совесть. Там оказывается полностью земное меню, и Азамат долго и мучительно не может ничего выбрать, потому что понятия не имеет, что это всё такое, а я не знаю, насколько тут съедобна земная еда. В итоге мы оба берём котлеты по-киевски – и получаем море гастрономического удовольствия, тут это блюдо почти так же прекрасно, как в исполнении моей двоюродной бабушки. Я хвастаюсь Азамату, что умею это готовить, и понимаю, что меня ещё поймают на слове.

Мы возвращаемся на такси: уже начинает темнеть. Мы здорово так погуляли, да и за столом крепко посидели. Дома, то есть на корабле, уже все в сборе и как раз думают, не позвонить ли нам. Тирбиш даже сварганил ужин, от которого мы вынуждены отказаться, потому что объелись на совесть. За стол, впрочем, садимся со всеми за компанию. Эцаган пользуется тем, что я заняла его место, и подсаживается к Алтонгирелу. Я потягиваю чаёк в блаженно-сонном состоянии, вполуха слушая, как Алтонгирел шёпотом допрашивает Азамата.

– И где вы были?

– Гуляли.

– То есть как гуляли?

– Пешком. По лесу.

– Ты что, в лес её поволок? Ты сдурел?!

– Это она меня поволокла, и ей понравилось.

– Да ты её больше слушай! Небожь опять только вид делала, что понравилось, а ты и поверил! Хоть бы в казино сводил девушку, а то – в лес!

Я в последний момент стискиваю зубы, чтобы не прокомментировать. Чур меня, чур, ещё только азартных игр не хватало!

– И где вы ужинали? – продолжает Алтонгирел свой вопрос. Азамат покорно отвечает, но он такой же блаженно-осоловевший, как я, и ему, видимо, вообще всё равно, что вокруг происходит.

– А там за лесом таверна.

– Эта мерзкая забегаловка?! Я там пять лет назад отравился!

– Там хозяин сменился с тех пор, – вставляет Эцаган, который тоже с ухмылкой слушает этот разговор.

– Там теперь земная кухня, – говорит Азамат, – потрясающе вкусно. Вот куда Тирбишу надо было бы сходить.

Духовник закатывает глаза.

– Боги, Азамат! Ты через неделю предстанешь перед Старейшинами, тебе надо думать о том, чтобы женщину покрепче к себе привязать, а ты о Тирбише! Надо было идти в какой-нибудь развлекательный центр, чтобы тут же тебе

и номера, может, удалось бы её уложить, а ты придумал тоже – в лес! Что она тебе, на дереве даст, что ли?!

У Азамата становится очень интересное лицо – ироничное и мечтательное одновременно. Я прячусь в чашке, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не фыркнуть.

– *Знаешь, Алтонгирел, –* говорит Азамат, неожиданно кладя ладонь духовнику на плечо, *– тебе стоит отвлечься от моих проблем. Постарайся просто быть повежливее с Лизой.*

На этом Азамат встаёт и объявляет отбытие, отчего все резко выскакивают из-за стола и разбегаются в разные стороны, кроме меня, Гонда, Эцагана и Алтонгирела, который так и сидит, широко раскрытыми глазами таращась на своё плечо, как будто там выросло щупальце.

Гарнет уже полностью влезает в иллюминатор, когда я в клубах пара выпадаю из душа, так и не разрешив мучающую меня дилемму: идти сейчас к Азамату или нет. С одной стороны, вроде бы он сказал, что моё общество ему приятно, в том числе и ночью, хотя вдруг я не так поняла. С другой, он уже сегодня днём опять забыл, что у нас принято жить вместе, значит, ему это всё ещё очень странно. С третьей, он вполне может считать на сегодня программу оконченной. С четвёртой, вдруг он вообще занят и не в каюте?

Мои метания прерывает сам Азамат, постучавшись в дверь.

– О, – говорю, – ты прямо мысли мои читаешь. Я как раз к тебе собиралась.

– Ну что ты, Лиза, – хмурится он, – конечно я не читаю твоих мыслей, это мерзкое тёмное дело, и я бы никогда...

– Хорошо-хорошо! – перебиваю. – Это просто выражение такое, я только имела в виду, что ты прямо угадал момент!

– А, вот как, – он расслабляется. – Ну замечательно. Я как раз хотел сказать, что не стоит тебе в халате по коридорам ходить.

– Да я вроде специально приличный халат купила...

– Ну, всё равно нехорошо, – кривится он. – Это вообще я к тебе ходить должен...

– Я бы предпочла, чтобы мы оба были подвижными субъектами, – хмыкаю я. – Так что мне, каждый раз в уличное одеваться, что ли?

– Я, собственно, хотел кое-что предложить... – произносит он задумчиво. – Правда мне немного неудобно, как бы ты не подумала, что я это заранее так спланировал...

Я только моргаю.

– Что спланировал?

– Да ничего не планировал, в том-то и дело. Так случайно вышло, только теперь выглядит, как будто нарочно.

– Ну если ты говоришь, что случайно, то я тебе поверю, – пожимаю плечами. Ещё б понять, о чём речь...

Азамат облегчённо выдыхает.

– Тогда смотри.

Он подходит к столу, берётся за ручку верхнего ящика, потом поворачивается ко мне:

– Можно открыть?

Там у меня вязанье, насколько я помню. Киваю.

Он открывает ящик, просовывает руку вглубь и что-то там делает. Я слышу тихий гул, оборачиваюсь на звук и вижу, как стена с иллюминатором быстро ползёт вверх. Я только и успеваю открыть рот, когда вся стена втягивается в потолок, а за ней открывается... каюта Азамата.

Несколько секунд хлопаю жабрами, забыв, что у меня есть лёгкие. Наконец подбираю оброненный дар речи.

– А как же иллюминатор?

– А, это просто экран, у тебя же каюта в середине корабля, откуда тут настоящий иллюминатор...

– И... ты хочешь сказать, что случайно дал мне каюту, смежную с твоей?

– Я так и знал, что ты не поверишь, – вздыхает он. – Вас всех разместили в одинаковые каюты, подряд от входа. Тебе досталась последняя. Просто так число совпало.

– А то, что тут стенка поднимается, – тоже совпадение? – продолжаю тарашиться я.

– Все стенки поднимаются, – усмехается он. – Правда, в обитаемых каютах я всегда запираю их изнутри, вот тут, в ящике кнопка. Но если отпереть, то поднимаются вообще все переборки. Собственно, холл – это шесть кают с поднятыми стенками между собой и коридором.

– Чума-а-а-а-а, – протягиваю я, осознавая масштаб дизайнерской мысли. – Кру-у-уто, слушай, это же должно быть очень удобно!

– А это и есть удобно. Только тссс! – он смешно прикладывает к губам палец – не прямой, а согнутый петелькой. – Кроме Алтонгирела и Ирнчина, никто в команде об этом не знает.

– Почему?

– Ну я просто новичкам без нужды не говорю, а вышло так, что уже много лет не было нужды. Молодняк – играть начнут, поотпирают чужие каюты... А то ещё украдут мою идею. Так что это вроде как секрет.

Я только качаю головой.

– Если захочешь поднять стенку между своей каютой и кабинетом, сними с полок всё нужное, потому что сами полки спрячутся в стенку, – продолжает наставлять Азамат. – Ничего не пострадает, но из потолка ты никак не достанешь, если понадобится что.

– Хорошо, что там стеллаж у другой стены стоит... – говорю и вижу хитрую улыбку Азамата. – Ну да, ты же и ставил, ясно. Значит, по утрам стенку будем закрывать, чтобы если кто заглянет, не заметил, так?

Азамат кивает. Я осматриваю получившееся в итоге двойное помещение. Забавно, такая чёткая линия отделяет мой бардак от порядка у Азамата. А кровати у нас в итоге бок о бок стоят.

– Ну что, – говорю, – сдвинем кровати и освоим новые пространства?

Азамат очень доволен собой.

Глава 17

В которой решено предаться молитвам и посту

Мы снова продыхиваем до десяти, что для меня, впрочем, вполне нормально, а вот Азамат сильно удивлён. Даже пытается извиняться, видно, всё ещё подсознательно уверен, что спать после секса – непростительное оскорбление, особенно много спать.

Я его успокаиваю, после чего мы снова разделяем каюты и идём завтракать. От завтрака, конечно, остались рожки да ножки, хотя Тирбиш и пытался нам что-нибудь зажать.

– Ну вы бы ещё завтра пришли, – разводит он руками, выставляя на стол остатки сыра. Этот сыр свежий и пахнет заправскими носками, и что-то меня совсем не тянет его есть. Тут Тирбиш светлеет лицом:

– А я же вам йогурты купил!

Тут и я светлею всем, чем могу.

– Молодец! – говорю. – Умница ты мой прозорливый!

Последнего слова он, кажется, не понимает, зато подводит меня к холодильнику, до отказа набитому разными кисломолочными продуктами. Тут и йогурты, и кефирчики, и творожки, и даже сметана. Ну ладно, ряженки нет, но так её почти нигде нет. Я нагребая себе завтрак атлета и делюсь с

Азаматом несладким кефиром. Ему вроде бы нравится.

Едва мы успеваем доесть, является Алтонгирел, и вид у него заговорщицкий.

– Азамат, – говорит он, – зайди ко мне, кое-что обсудить надо.

Азамат без вопросов встаёт и уходит вслед за духовником. Уж не раскусил ли он меня... Я вопросительно смотрю на Тирбиша, тот пожимает плечами.

– Наверное, что-то насчёт вашей свадьбы, – говорит.

– А при мне что, уже нельзя?

– Может, Алтонгирел капитану амулет какой хочет дать...

Эта мысль мне нравится. Конечно, с Алтонгиреловой манерой всё понимать строго противоположным образом лучше бы он вообще не вмешивался, но... Кто знает, каким образом склонны понимать Старейшины. Ой, ладно, что-то мне эти переживания уже в печёнках. Пойду, что ли, в кабинете посижу с вязаньем. Называется, хотела к Новому году закончить.

Первым делом, конечно, лезу в бук, а там письма от дорогих родственников. Маменька получила лилии и бегаёт теперь по потолку, потому что раньше мая сажать не имеет смысла. А ещё она уже вяжет-вяжет-вяжет, а что если сделать рукава три четверти?

Я отвечаю, что ни в коем случае никаких четвертей и чтобы горло было закрытое. Мода такая, вру. А то с маменьки станется лично заявиться только для того, чтобы обидчикам

зятя по шее надавать.

Письмо от брата примерно сводится к «третий день пьём ваше здоровье», слегка приукрашенное тем, как все выпадают в осадок от новостей. Правда, в конце письма он всё-таки вспомнил спросить, всё ли у нас хорошо.

Я ему отвечаю, что всё шоколадно, особенно если мунданжские Старейшины одобряют наш брак, а критериев никто не знает. Пусть ломает голову, что всё это должно значить.

Когда я наконец-то всем всё отправляю и собираюсь перейти к вязанию, раздаётся робкий стук в дверь. Я немедленно открываю, ожидая, что это Азамат – ан нет, это вовсе даже парень с красными волосами.

– Э-э, здравствуйте, – говорит он неуверенно.

– Привет, – отвечаю с широкой улыбкой. – Заходи, не стой на пороге. Чем могу быть полезна?

– Меня зовут Бойонбот, – говорит он, как будто это и есть его проблема. Но заходит и дверь закрывает.

– Очень приятно, – говорю. – Элизабет.

Кажется, я угадала: называние имени заставляет его немного расслабиться.

– Я... э-э... спросить хотел. Вы ведь, ну, типа, целитель, да?

– Да-да, – говорю. – Именно так, я целитель.

– А, так вот, я хотел спросить, – повторяет он. – Просто интересно. У вас ведь на Земле придумали, наверное, что-нибудь для глаз?

– В смысле, чтобы улучшать зрение? – уточняю.

– Ну вроде того, да.

– Много чего придумали, – говорю. – Очки для начала.

– А... кроме очков? – несколько упавшим голосом спрашивает он.

– А какого рода проблемы со зрением? – спрашиваю.

– Никаких проблем! – быстро выпаливает он. – Это я так, чисто из любопытства!

У меня начинает зарождаться нехорошее подозрение.

– У вас что, плохо относятся к людям со слабым зрением? – спрашиваю.

– Ну как... Не то чтобы плохо, но работать таким людям трудно... И их редко берут.

– И ты думаешь, Азамат тебя уволит, если выяснится, что ты плохо видишь? – заключаю я.

Он пару секунд ловит ртом воздух, потом беспомощно кивает.

– Вы ему скажете?

– Не имею права, – пожимаю плечами. – Я по закону не могу обсуждать здоровье пациента ни с кем, кроме других врачей. Целителей, в смысле.

Как стремительно человек может воспрянуть духом!

– Ну а теперь, когда мы выяснили, кто пациент, – говорю, берясь за ретиноскоп, – давай узнаем, что именно у тебя с глазами.

Обнаруживается, что у него лёгкая близорукость – а ещё

проблемы с дыханием, если я слишком близко стою. Чудесно, ага. Выдаю ему прирастающие линзы: разок надел – полгода не помнишь о проблемах со зрением. Потом они растворяются.

– Тебе, – говорю, садясь за бук, – надо бы операцию сделать. На Гарнете это можно. Как-нибудь возьмёшь отпуск, направление я тебе напишу. А теперь рассказывай давай, сколько тебе лет, чем болел...

Бойнбот ещё несколько минут мечется между счастьем, что он теперь всё видит, и подозрениями, зачем это мне понадобилось про него столько знать. Приходится писать историю болезни на родном языке, чтобы никто в команде точно не прочёл. Ну варвары! За это беру у него анализ крови – группу узнать, да и вообще из интереса. Результаты радуют – он ничем не болен, но самое главное – ни у него, ни у Азамата нету антител на неизвестные мне инфекции. То есть, надо надеяться, неизвестных мне инфекций на Муданге тоже нет...

Наконец отпускаю ошарашенного и проанализированного Бойнбота и снова тянусь за вязаньем. Не тут-то было. Следующим номером ко мне является прыщавый заместитель Тирбиша. Что ж, это хорошо, я и сама собиралась с ним пообщаться с применением пары лосьонов и гормональных регуляторов.

– Вы я лечить, – говорит он как-то угрожающе, – я вы

платить.

– Не-а, – говорю. – Я ты лечить, Азамат я платить.

Он ненадолго задумывается.

– А Азамат вы лечить?

– Да, – киваю.

– Уже? – переспрашивает он подозрительно.

– Азамат, – говорю, – сильно болеть. Долго лечить.

– А, – понимающе кивает он. Потом настораживается. –

А я сильно болеть?

– Лицо? – уточняю.

Он энергично кивает.

– Не сильно, – говорю. Достāju универсальный лосьончик, подруга-дерматолог, помнится, рекомендовала. Да и Сашке в своё время помогло. Подвожу клиента к зеркалу в ванной, беру прилегающую к флакону губочку. Выдавливаю, принимаюсь мазать. Парень, конечно, шарахается. Всё-таки у них лицо – запретная территория. Отдаю ему губку, показываю движения, как мазать. Он справляется вполне успешно.

– Утром и вечером, – говорю. – А теперь мне нужна кровь.

Черт, я даже не подумала, как это жутко звучит. Парень сильно напрягается.

– Я смотреть на кровь, – начинаю объяснять доступными средствами, – и знать, как быстро лечить.

Пациент мотает головой и отступает на шаг. Ну здравствуйте! Как я гормональный анализ сделаю, а?

– Не больно, – говорю. – Плохо не будет.

Пациент пятится к двери, пряча за спиной флакон с лосьоном. Ну нет, так не пойдёт. Беру телефон и звоню Азамату.

– Лиза? – ужасно удивляется он.

– Ты занят? – спрашиваю.

– Э-э... а что?

– Мне нужна твоя помощь, но это не срочно, если занят, не отвлекайся.

– А, нет, не занят. В чём дело?

– Зайди ко мне в кабинет, если тебе не трудно, а?

Пациент тем временем упирается спиной в дверь, но открыть-то её могу только я с пульта... Парень хмурится и шевелит губами, мучительно пытаюсь как-то объяснить, но, видимо, заготовленный для визита словарный запас недостаточен.

От стука в дверь он подскакивает на полметра и отлетает в сторону, позволяя Азамату войти без помех. Мой муж в полном непонимании переводит взгляд с меня на своего подчинённого, чьё лицо имеет отчётливо синеватый оттенок – лосьон не сразу впитывается.

– Объясни ему, пожалуйста, что мне нужно взять кровь, – говорю, сдерживая смех. Уж очень у обоих мужиков вид обескураженный.

– Ты решила нас всех проверить? – Азамат поднимает брови. – Надо было предупредить, я бы всем заранее объяснил.

– Ну, всех проверить, конечно, надо, но этот сам пришёл,

и мне обязательно нужно сделать анализ, чтобы знать, как его лечить.

Азамат кивает и принимается быстро и убедительно говорить по-муданжски. Насколько я понимаю, главные его аргументы – что я не собираюсь при помощи взятой крови творить над замповаром никакого страшного колдовства. М-да, об этом я не подумала. Юноша, впрочем, не очень верит, и тогда Азамат говорит, что я просто не умею колдовать. Тот окидывает меня подозрительным взглядом и выражает сомнение. Азамат вздыхает.

– Лиза, можно у тебя попросить волосок?

– В смысле? Волос с головы? – хлопаю глазами.

– Да, если это не нарушает никаких приличий...

Пожимаю плечами, выдёргиваю пару волосин. Азамат осторожно берёт их, достает – о боже! – зажигалку и подпаливает. Они, естественно, начинают мерзко смердеть, после чего он их быстренько отправляет в унитаз.

– *Убедился?* – спрашивает он моего пациента. Тот кивает с виноватым видом.

– Ну вот, – говорю, отгоняя ладонью запах от лица, – на-воняли тут мне.

– Извини, – улыбается Азамат. – Пришлось доказывать, что ты не знающая.

– А была бы знающая, пахло бы розами, что ли? – ворчу.

– Нет, просто сгорел бы мгновенно и без запаха.

Ну да, а ещё бы я оказалась легче утки, и что там ещё

славная инквизиция использовала для выявления ведьм...

– Теперь можно кровь взять? – спрашиваю, помахивая нераспечатанной иглой.

Парень нервно косится на капитана. Азамат выразительно кивает, дескать, а ну-ка строем на укол. Пациент сглатывает и подходит ко мне. За процессом взятия крови он наблюдает очень внимательно, и ему, видимо, тоже не больно. Наверное, болевой порог у них у всех высокий. Наконец я его отпускаю, объяснив посредством Азамата, что, когда будут результаты, я ему дам таблетки. Парень пользуется первой же возможностью смыться.

– Неужели я такая страшная? – спрашиваю. – Он ведь сам пришёл, никто его не гнал сюда.

– Ты не страшная, – улыбается Азамат. – Ты грозная. А пришёл он потому же, почему и все придут. Они теперь считают, что ты всё можешь.

– С чего это? – недоумеваю.

– Ну помнишь, ты Алтонгирела по лицу ударила после того, как он тебя оскорбил?

– Ещё бы я забыла, – хмыкаю.

– Обычная женщина так бы никогда не сделала, тем более Алтонгирел – духовник... У нас ведь ни в коем случае нельзя бить по лицу. А раз ты с этим не считаешься, значит, точно богиня. Ну и выглядишь так.

Я закатываю глаза.

– Чудесно. Ты хоть, надеюсь, понимаешь, что я по глупо-

сти ему врезала?

Азамат хитро улыбается.

– Знаешь, в таких делах трудно сказать, где глупость, а где боги твою руку направили. Я бы вот ни за что не поверил, что ты можешь его с ног сбить, если бы не видел своими глазами. Как знать, может, тебе и помог кто... – пожимает плечами.

У меня, кажется, оставшиеся после проверки волосы на голове зашевелились. До сих пор я как-то не задумывалась особенно над религиозными вопросами... Но если он так верит в высшие силы, то... то... я точно за него замуж хочу?!

Азамат смеётся. Это хорошо.

– Лиза, ну не пугайся так. Я понимаю, что ты предпочитаешь решать сама за себя. Совсем необязательно тебя кто-то подтолкнул. В конце концов, боги помогают почти исключительно слабым в минуты отчаянья, а к тебе ни то ни другое не относится. Не переживай, – он гладит меня по плечу. Я всё ещё расту на том месте, где приросла к полу, и чувствую в себе способность покрыться листьями.

– А ты... – произношу медленно, побаиваясь ответа, – веришь, что боги существуют?

Азамат очень высоко задирает брови.

– А ты что, никогда их не видела?

Я нахожу в себе силы сесть, пока не упала.

– А ты их часто видишь?

Азамат усмехается.

– Ну, нечасто, конечно, тем более что они не покидают

Муданга. Там раз пять видал. Это когда отличить удавалось, конечно.

– От чего отличить?

– От людей. Бога ведь трудно узнать, если специально не высматривать. Но я постараюсь тебе показать хоть одного, когда будем дома. У вас на Земле они, наверное, тоже редкость, как зайцы, – он смеётся.

Я постепенно прихожу к выводу, что мы что-то очень разное понимаем под словом «бог».

– У нас их, может, и вовсе нету, – говорю осторожно.

– Есть, конечно, – убеждённо говорит Азамат. – Вы ведь все с ними в родстве. Правда, может, они с вами совсем смешались, не знаю...

Я решительно мотаю головой.

– Слушай, – говорю, – для меня это всё ужасы какие-то, я до сих пор была уверена, что богов выдумали люди, а на самом деле их нет. И мне немного не по себе от того, что ты говоришь.

Азамат задумывается на некоторое время, потом говорит:

– Я, наверное, как-то неправильно перевожу с муданжского это слово. Давай, если у нас получится остаться на Муданге, я тебе постараюсь показать бога, тогда и поймём, в чём ошибка.

Я вздыхаю с облегчением. Религия – религией, но Азамат мой муж, и так тому и быть.

– А как они по-муданжски? – спрашиваю.

– *Брхон*, – охотно сообщает Азамат.

– Будь здоров, – не удерживаюсь я. Оба смеёмся.

Палёными волосами всё ещё пахнет, и я интересуюсь, как провентилировать помещение. Азамат показывает кнопку на пульте, но предлагает выйти, пока тут будет продуваться, а то ещё меня продует. Я охотно слеую за ним.

– Алтонгирел давал какие-нибудь ценные указания? – спрашиваю как бы между делом, когда мы прогулочным шагом движемся в холл.

– Он предложил провести *моцог*, но это я и без него догадался, – задумчиво пожимает плечами Азамат.

– А теперь на всеобщем, – говорю я.

– Ах да, прости, – спохватывается он. – *Моцог* – это... У вас такого нету, насколько я знаю. Ну, тоже связано с богами, вроде как, чтобы привлечь их на свою сторону, надо от чего-то отказаться в их пользу.

– И от чего же? – настораживаюсь я. Кто этих варваров знает...

– Это зависит от цели, но чтобы свадьба удалась, обычный *моцог* – день не есть мяса и ночь не спать.

– А богам от этого какой прок?

– Точно не знаю, – протягивает Азамат, – я же не духовник и не Старейшина. Но по идее, что не достанется мне, достанется им, и они должны быть благодарны.

Ну ладно, это, по крайней мере, логика, хотя и несколько первобытная.

– И когда ты намерен это устроить? – спрашиваю.

– Да сегодня, наверное. За завтраком я мяса и так не ел, а завтра ничего важного не будет, можно и ночь пропустить. Тем более я уже два дня вон сколько сплю.

– А что насчёт секса?

Азамат поджимает губы, поглядывает на меня виновато.

– Лучше бы тоже воздержаться, конечно.

– Чтобы им досталось? – поднимаю бровь. Он смеётся.

– Ну уж нет! Но хоть чтобы не завидовали.

– Ну ладно, – говорю, – сутки я потерплю.

Азамат снова поджимает губы.

– Вообще... лучше бы ты не так легко согласилась.

– Ой, прости, ты обиделся? – я что-то запоздало соображаю, что ему моя покорность в этом вопросе может быть неприятна, да и...

Он хохочет.

– Нет, что ты! Просто на богов лучше действует, если соблюсти *моцог* трудно. Поэтому сегодня на обед *тхи*, ну и я стараюсь побольше всяких дел сделать, чтобы устать и спать хотелось. Иначе не подействует, понимаешь?

– А чем *тхи* так примечательно? – спрашиваю, пытаюсь вспомнить, что это вообще такое.

– Ну как, вкусная, праздничная еда, – поясняет Азамат.

Ой, да, вспомнила! Это же очередная сырятина, только вымоченная слегка в каком-то рассоле. Не-ет, я это не буду! Хм. А не воспользоваться ли мне вынужденным постом

в благих целях? Мясо сырое я и так не стала бы есть, секса не дадут, а ночь просидеть для меня не проблема, я три года работала сутки через двое. Зато Алтонгирел сможет потом нашептать Старейшинам, что я-де старалась, *моцог* соблюдала с мужем и вообще.

– Слушай, Азамат, – говорю, – а может, я к тебе примкну?

– А тебе-то зачем?

– Тебе же не одному нужно, чтобы нас поженили. Мне тоже надо поднапрячься, по-хорошему.

Азамат долго смотрит на меня, потом на пару секунд закрывает глаза, а потом так меня обнимает, что я готова просить о пощаде, странно, что кости не хрустят.

Мои гениальные идеи достаточно часто оборачиваются мне же во вред, чтобы уже начать задумываться, прежде чем их высказывать вслух. Вот эта, например, привела меня в каюту Алтонгирела и оставила один на один с её хозяином. И ведь могла бы сообразить, что этот чёртов *моцог* нельзя начать просто так от балды. Тем более Азамат утром к духовнику заходил, ну ведь очевидно же за этим!

А, ладно, теперь уже ничего не поделаешь, осталось терпеть. Если я сбегу на середине, Алтоша точно не оценит.

Алтонгирел сидит за столом, подперев голову рукой, и смотрит на меня так, как будто восхищается размахом моей бессовестности.

– Ты знаешь, я никогда не считал Азамата доверчивым че-

ловеком, – размышляет он вслух. – А теперь вот всё понять не могу, что ты с ним такое делаешь?

– Тебе рассказать или на бумажке записать по пунктам? – спрашиваю. – Первое, я его люблю. Второе, я его уважаю. Третье, я его лечу...

– Ах ну да, – перебивает духовник. – Ты ведь ему заливаешь, что можешь его вылечить.

– Неправда, я ему совершенно честно говорю, что могу сделать шрамы менее заметными, хотя и не убрать бесследно.

– Ага, ага, – отмахивается Алтонгирел. – Его тут нет, а мне можешь не рассказывать. Мне, в общем, всё равно, ради чего ты с ним связалась, лишь бы он от этого не пострадал. Но вот сейчас мне просто интересно, чего же ты хочешь добиться от богов?

– Чтобы нас с Азаматом поженили, – пожимаю плечами. Чего тут не понять?

Алтонгирел прищуривается.

– У тебя случайно внебрачных детей нету?

– Чо? – искренне удивляюсь я. – С чего вдруг?

Он ещё некоторое время на меня пристально смотрит, потом расслабляется.

– Да так, подумалось... Обычно так хотят выйти замуж только женщины с левыми детьми. Чтобы даже *моцог* провести... У тебя должна быть какая-то развесистая причина. Может, на Землю возвращаться не хочешь? Ты не преступ-

ница ли, часом?

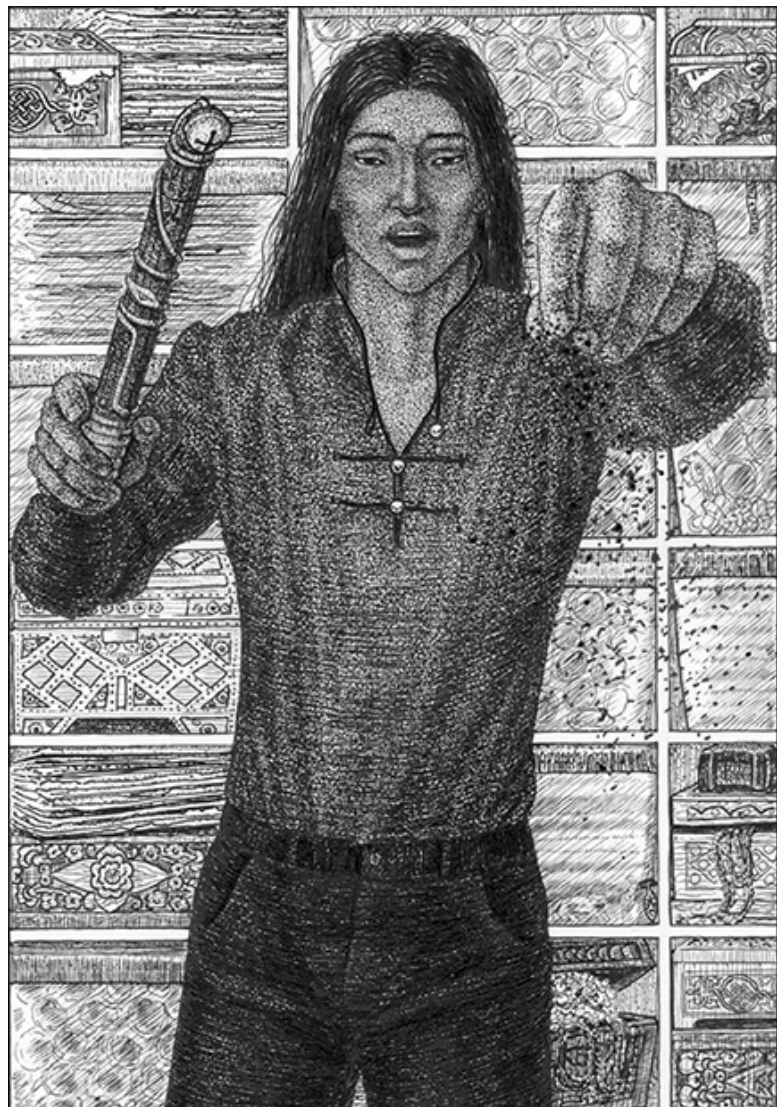
– А не пойти ли тебе ненароком? – интересуюсь, подобрав дар речи. – А то я могу, например, ухо ампутировать...

Не знаю уж, знает ли Алтонгирел слово «ампутировать», но свои безумные предположения высказывать резко перестаёт.

– Ладно, – говорит, – хватит тут болтать, если тебе обряд нужен, то не отвлекай меня.

Я закашливаюсь от неудачной попытки сказать несколько грубостей одновременно. Можно подумать, это я тут лясы точу!

Алтонгирел достаёт из одного из своих многочисленных сундучков некое подобие венка из засушенного вяющего растения с острым и пряным запахом и надевает его мне на голову. Потом разворачивает на столе платочек с какой-то трухой, берёт что-то вроде жезла с большим бубенцом на конце и принимается напевно бормотать непонятные мне слова, позвякивая жезлом поочерёдно то над одним, то над другим моим плечом, периодически посыпая меня трухой из платочка. Я уж не знаю, что я должна при этом думать, но на всякий случай загадываю желание. Постепенно бормотание Алтонгирела совсем переходит в пение. У него, кстати, неплохой голос, чистый и мелодичный, кто бы мог подумать.

Внезапно всё заканчивается. Венок с меня снимают, жезл отправляется в сундук.

– Ну, чего ждёшь? – спрашивает духовник нетерпеливо.

– А уже всё? – не торопясь произношу я. Хочешь меня выгнать побыстрее, так фигушки.

– Нет, знаешь, ещё надо постоять на голове, – ехидно отвечает он.

– Надо было заранее предупредить, я бы штаны надела, – говорю невозмутимо. Он тяжело вздыхает. Я хмыкаю. – Откуда мне знать, как выглядят ваши обряды и когда они кончаются?

– Хорошо, я тебе говорю: всё, закончился. Можешь идти на все четыре стороны.

Я стою.

– Видишь ли, Алтонгирел, – говорю я медленно, с удовольствием растягивая слова, – я думаю, что это не последний раз, когда мне придётся проходить какой-нибудь обряд. Я бы предпочла, чтобы в следующий раз ты вспомнил, что для меня всё это в новинку, и пояснил, что от меня требуется. Особенно когда дело дойдёт до Старейшин. Не хотелось бы пролететь только потому, что я не знала, в какой момент вставать.

Он снова одаривает меня долгим взглядом прищуренных глаз, потом говорит:

– Слушай, чисто из любопытства, чего ты хочешь от бо-

гов?

– По-моему, ты уже спрашивал. Что-то тебя память подводит стала, а вроде молодой.

Он закатывает глаза.

– Да, конечно, я так и поверил, что ты *моцог* проводишь ради замужества. Наверняка ведь о чём-то ещё просишь.

Я пару секунд осмысливаю информацию.

– Ты хочешь сказать, что *моцог* может мне помочь осуществить любое желание, а не только то, которое я сказала тебе? То есть ты сейчас, когда надо мной тут ворожил, никак не ограничивал, ради чего всё это?

Он смотрит на меня странно, сначала приподняв брови, потом слегка нахмурившись.

– Слушай, что тебе нужно от Азамата, что ты его так старательно добиваешься?

– Ну, если обобщить, – задумываюсь я, – то, наверное, мне нужно, чтобы он был со мной. Желательно всегда. И конечно, было бы неплохо, если бы ему это доставляло удовольствие.

Алтонгирел ещё несколько секунд таращится на меня округлившимися глазами, потом снова достаёт жезл и ещё какую-то склянку миллилитров на пятьдесят. Поводит жезлом у меня перед носом и где-то за спиной, приговаривая, потом вручает мне склянку.

– Пей.

– А что это?

– Не скажу. Хочешь замуж, так пей.

Я одариваю его мрачным обиженным взглядом и откупориваю пузырёк. Пахнет немного спиртом. Ну, была – не была. Пью.

Это оказывается настойка какой-то травы, горькая и крепкая, но не очень противная. Дух, правда, вышибает, так что я вынуждена за неимением лучшего занюхать рукавом, хоть он и пахнет слабенько стиральным гелем.

Алтонгирел внимательно за мной наблюдает, забирает склянку.

– Всё, можешь идти. Теперь твой *моцог* только ради свадьбы, ничего другого не получишь.

Ага, смотри-ка, он обучаем!

– Хорошо, – говорю радостно, – спасибо.

И быстро смываюсь, оставив Алтонгирела озадаченно качать головой.

Забористую настоечку всё-таки неплохо бы закусить, так что я чапаю на кухню, где Тирбиш уже вовсю возится с обедом.

– Привет ещё раз, – говорю, устремляясь к холодильнику. – На меня не готовь.

– Почему? – огорчается он. – А мне так интересно было, что вы скажете...

– Мне сегодня нельзя, – говорю.

– Ну вот, – ворчит он. – Капитану нельзя, вам нельзя, зачем тогда заказывали...

– Так *моцог* ведь, – говорю, выскребая йогурт со стенок коробочки.

– Что, и у вас? – удивляется Тирбиш. – Вам-то зачем?

Мне лень вступать в ещё один спор из-за этого, так что я просто говорю:

– А чтобы Азамату одному не скучно было. Так противно, когда все вокруг едят и спят вволю, а тебе нельзя.

– Это да, – смеётся Тирбиш. – Правда, *моцог* лучше удаётся, если противно, но с вашей помощью по-любому удастся.

Милый он и очень в меня верит. Интересно, будет ли прилично, если я ему тоже что-нибудь сварганю? Надо будет Эцагана спросить, раз уж он снова с нами.

– А ты что-нибудь, кроме мяса, на обед делаешь? – интересуюсь.

– Ну, тут будет немного овощей, но они все в мясном соке, вам тоже нельзя.

– Ясно, тогда ничего, если я тут что-нибудь сготовлю постное?

– Вы сготовите?! – вылупляется Тирбиш. – Может, я? .

– Да ладно, ты с общей едой возишься, чего я буду тебя отрывать, – говорю.

– Как... Чтобы вам не напрягаться, – бормочет Тирбиш.

– Ой уж прямо так напрягусь на двоих еды сделать, – отмахиваюсь.

– *На двоих?* – переспрашивает он, роняя нож.

– А сколько? – моргаю. – Азамат и я. Двое ведь?

– А... Ага... – выдавливая Тирбиш, нагибаясь за ножом. – Если так, то конечно... Вам стол расчистить?

– Умещусь, – заверяю его. И что его так потрясло? – Лучше скажи, где у тебя овощи и мука.

Овощи у него обнаруживаются даже вполне человеческие. Оказывается, я в какой-то момент успела выдать ему список еды, которую хочу добавить к стандартному муданжскому рациону. Видимо, это было примерно тогда, когда я в сушилке духи нюхала, а этот день был так насыщен событиями, что я уже плохо помню всякие мелочи. Однако на мой автопилот можно положиться.

Заполучив ингредиенты, принимаюсь за дело, напевая что-то себе под нос. Алтошина настоечка ли так действует, но я в исключительно благостном настроении. Тем более возиться особенно не надо, я же комбайн с хлебопечкой водрузила тут же на кухне, в углу, спросив разрешения всё того же Тирбиша. Он тогда ещё странно так на всё это смотрел. Думал, я пользоваться не буду, что ли?

В общем, скоро у меня уже хлеб печётся, а в духовке отдыхают баклажаны под сыром – нормальным магазинным сыром из коровьего молока. Не знаю, оценит ли Азамат, но если что, доберётся своим овечьим вонючим.

– Ну вот, – говорю, споласкивая после себя нож и коцальную доску. – Больше под ногами мешаться не буду, оно теперь само дойдёт, я только пару раз загляну.

Тирбиш только качает головой и что-то бормочет. Я было

открываю рот его расспросить, чему он так удивляется, когда наше кулинарное уединение нарушает Дорчжи.

– *Ско-о-оро обед-то?* – канючит он совсем по-детски и только потом замечает меня, тут же густо покраснев. – Ой, здрасьте... Я это... Капитан заставил с ним вместе техосмотр запасного двигателя... того... сделать. Теперь очень есть хочу.

– Капитан, наверное, тоже хочет, – нравоучительно говорит Тирбиш. – Но не приходит меня торопить.

Дорчжи пожимает плечами:

– Он крутой, – этим всё и объясняется. Я смеюсь. Кстати, что-то мне было от него нужно... А!

– Слушай, Дорчжи, – говорю, – а ведь ты обещал меня научить *гизик* плести.

– Да-а, – оживляется тот. – Хотите сейчас?

– Почему бы и нет, – говорю. – Надо же чем-то до обеда заняться.

– Тогда я сейчас принесу нитки, – кивает он и бодренько скрывается за дверью.

– Здорово, – говорит Тирбиш. – У Дорчжи хорошо учиться, он очень хорошо плетёт. У него отец торгует верёвками, поясами всякими.

Дорчжи возвращается с несколькими цветными клубками тонкой гладкой нитки и какими-то деревяшками, мы перебазируемся в столовскую часть кухни и начинаем урок. Объяснение в основном происходит на пальцах. Начало весьма

неожиданное: нитки предлагается намотать на край столешницы по всей длине. Зато потом можно чувствовать себя Пенелопой: сидишь, гоняешь челночок туда-сюда. За какие-то полчаса у меня уже готов первый кривоватый шнурок, пёстренький такой, узорчатый.

Дорчжи за это время выучил несколько новых слов на всеобщем – тоже польза. Вот, рассматривает он моё произведение и кричит Тирбишу:

– *Как будет «тяните»?*

Тирбиш:

– «Тяните»!

– О! – Дорчжи оборачивается ко мне. – Не тяните так сильно или тяните везде одинаково.

Я ржу и стараюсь соответствовать.

Следующий шнурок мы делаем пошире, и я замечаю, что способ плетения позволяет создавать довольно ровные геометрические узоры.

– А можно, – говорю, – сплести так, чтобы буквы получились?

Ещё минут десять уходит на то, чтобы объяснить Дорчжи мою отнюдь не новую идею.

– А зачем слова? – он морщит лоб, изо всех сил стараюсь понять.

– Например, какое-нибудь хорошее пожелание можно вписать, – придумываю я, размахивая руками для выразительности. – Или поздравление!

– Хм, – до него, кажется, начинает доходить. – А можно ведь, наверное... *Тирбиш, как будет «заговор»?*

– *Да кто ж его знает!* – доносится из кухни. Я прикусываю губу, чтобы не захихикать. После того как сегодня Азамат объяснял запасному повару, что я не ведьма, мой словарь обогатился всякими «заклинаниями», «зельями» и «заговорами». Вообще, я чем дальше, тем лучше понимаю помуданжски. Что и неудивительно, впрочем.

Пока Дорчжи с Тирбишем стараются сообразить, как объяснить мне свою идею и разрешит ли Алтонгирел выводить заклинание на шнурке, я не теряю времени и несколько коряво изображаю нитками три слова о самом главном – пошленько, конечно, но зато коротко и по делу. С этим шнурком мне Дорчжи почти не помогал, только на словах, и я решаю, что его-то и подарю, а первый себе оставлю, в хозяйстве пригодится.

Близится обед, я вынимаю из духовки свой противень, тут и хлебушек поспекает. В общем, не жизнь, а сказка.

– Прячьте, – говорит Тирбиш, выходя из кухни. – Сейчас все придут.

– А я хотела сейчас и подарить, – говорю, сматывая нитки.

– Не-ет, зачем, – мотают головами оба муданжца. – Вы ему подложите куда-нибудь.

– А что, у вас принято подарки тайком подкладывать? – спрашиваю, пряча шнурки по карманам. Хорошую я юбку в «Трёх тюльпанах» отхватила – длинную и сплошь в кар-

манах. Для жизни на муданжском корабле просто лучше не придумашь.

– Конечно, – говорит Тирбиш. – То есть можно, конечно, и в руки отдать, но ведь намного приятнее, когда случайно находишь подарок, правда?

Ну, о вкусах не спорят. Тирбиш отправляется скликать народ на обед, я следую за ним, пока не нахожу Азамата где-то в техническом отсеке. Он тщательно отмывает руки у общественной раковины.

– Капитан, обед готов, – неуверенно говорит Тирбиш.

– Да я пропущу, наверное, – отвечает Азамат, не оборачиваясь.

– Я тебе пропущу! – говорю. – Что ж теперь, совсем не есть, что ли?

Он поворачивается на звук моего голоса со своей фирменной удивлённой улыбкой.

– А ты запаслась постной едой? Тогда я сейчас.

– Давай-давай, – говорю, – я подойду через пару минут.

Пока Азамат с гарантией не в каюте, я иду подложить ему гизик. Захожу, естественно, через свою каюту, поднимаю стенку и оставляю шнурочек на крышке бука, завязав бантиком. Получилось довольно мило. Шнурок красно-зелёный, как Рождество, но расцветку Дорджи предложил, а я ему верю, тем более что Азамат любит красный и носит зелёный.

В дверях столовой мы сталкиваемся, Азамат сразу садится

за отдельный стол, а я иду с Тирбишем на кухню проконтролировать сервировку незнакомого ему блюда. Ничего, справился, я тем временем хлеб нарезала и сметану в пиалушки разложила. А ещё я завариваю себе чай. По-моему, мы лопнем.

Нам сервируют во вторую очередь, так что все уже радостно чавкают сырым мясом, когда Тирбиш выкатывает столик с нашими баклажанами и прочими излишествами. Азамат отвлекается от потягивания травяного чая и задирает брови:

– Я смотрю, ты не устаёшь экспериментировать, – говорит он Тирбишу.

– Это не я, – смущается Тирбиш. – Это ваша супруга.

До Азамата доходит не сразу.

– Ты что, готовила для меня? – говорит он наконец, почему-то шёпотом.

– Для нас вообще-то, – пожимаю плечами. – А что в этом такого удивительного?

– Боги, Лиза, да не надо было, – бормочет он. – Я думал, ты свои йогурты есть будешь, а то бы сам что-нибудь сварганил...

– Конечно, я йогурты, а ты ничего, здорово. Если хотел поголодать денёк, так бы и сказал. Впрочем, не хочешь, не ешь, заставлять не буду, – ворчу я и вгрызаюсь в баклажанчик. Хорошие баклажаны Тирбиш купил, не горчат совсем.

– Не обижайся, – внезапно строго говорит Азамат, я аж жевать перестаю. Он очень серьёзен. – Мне просто неудобно,

что я не позаботился о твоём обеде.

Закатываю глаза в лучших традициях Алтонгирела.

– Азамат, у меня своя голова на плечах, тебе не нужно обо мне каждую секунду заботиться. Ешь давай, пока не остыло.

Он всё ещё о чём-то думает.

– Странно получается, – говорит. – Ты вот обо мне позаботилась, а от меня того же не ждёшь?

– Жжу, – говорю с набитым ртом, – но в жажумных пже-желлах. И хватит уже переживать из-за глупостей, а то я всё съем и тебе не достанется.

Он усмехается и наконец-то – неужели! – принимается за еду. Уже хлеб почти остыл, блин, пока он тут телился.

Однако хорошо идут баклажанчики. И сыр не смущает, и сметану на хлеб мажем дружно, ох и растолстею я с этим постом... Смешно смотреть, как Азамат старается меня похвалить побыстрее от баклажана до баклажана. Тем временем запах моей стряпни заполняет столовую и перебивает запах мясного маринада, и теперь в нашу сторону все поглядывают. Мы, вероятно, выгладим очень довольными.

– *Тирбиш, а что это они такое вкусное едят?* – слышу я Эцагана.

– *Что-то земное,* – говорит Тирбиш и понижает голос до шёпота, – *госпожа Лиза сама готовила.*

Над общим столом разносятся ахи и вздохи, Азамат старательно смотрит в тарелку. Я, наоборот, оглядываюсь, вроде как моё имя прозвучало... и ловлю на себе странный взгляд

Алтонгирела. Таким смотрят на неизлечимого больного в последней стадии. Брр.

– Кажется, Алтонгирел возненавидел меня с новой силой, – говорю.

– Это он просто завидует, – хихикает Азамат. – Он сам отвратительно готовит.

Мне остаётся только подвигать бровями в том смысле, что у этого человека, кажется, вообще нет положительных качеств.

– Он хоть что-нибудь делает хорошо? – спрашиваю.

Азамат пожимает плечами:

– Боги его любят. Слушай, ну как же вкусно, кто бы мог подумать, что это какие-то жалкие овощи!

– Чего ж жалкие? Хорошие овощи.

– А что, они бывают лучше и хуже? – смеётся Азамат. – По мне-то всё одно трава.

– Конечно бывают. И что-то мне подсказывает, тамлинги знают в них толк. Они ведь чуть ли не все вегетарианцы.

Азамат только качает головой, закусывая хлебушком. Он тоже хорошо удался на тамлингских дрожжах.

– А нельзя у вас попробовать земной еды? – спрашивает из-за общего стола какой-то стриженный парень, с которым я ещё не успела познакомиться как следует.

Против него тут же поднимается волна бухтения, чтобы не наглел.

– Щас, – говорю. – Жуйте своё мясо и радуйтесь.

Азамат посмеивается.

– Только чур ужин я делаю, – говорит он внезапно. – А то всё-таки плохо это, что я тебя работать заставляю.

– Ничего подобного, – говорю. – Просто у нас взаимопомощь. Но вперёд, делай ужин, будем чередоваться.

Сметаем мы всё подчистую.

После обеда ухожу к себе, хочу проверить почту, а на буке у меня сидит зверь. Я даже не сразу понимаю, что он не настоящий, а игрушка. Или статуэтка, не знаю, как назвать. В общем, сидит там очень натуральный заяц размером с мышь от бука, и, кажется, он вырезан из дерева. Хм. В мой кабинет кроме меня только один человек мог попасть, и он, видно, свято следует правилу подкладывать подарки тайком. Очаровательная зверушка, просто как настоящая. Похоже, у нас взаимообмен налажился.

В буке письмо от мамы, которая наконец-то получила золотишко после восьми проверок на таможне. Мне кажется, что по поводу лилий она радовалась несколько больше, но зато этим добром уже успела похвастаться всем подругам, бабушке и Сашке, который (вот невежа!) велел беречь всё это дело для потомков, а потом сдать в музей. Бабушка же, оторванная от сотого перечитывания Троллопа, отстранённо заявила, что лучше бы эти деньги пошли на создание школ и библиотек и что вот она, между прочим, самолично внедрила на двух планетах тотальную грамотность, а мы... Даль-

ше её никто не слушал, потому что бабушка, кроме своих достижений в области просвещения, может говорить только об ошибках в речи телеведущих. Что-то, я смотрю, моё семейство выглядит просто оплотом культуры, кто бы мог подумать.

По контрасту с этим приходит письмо от подруги, той самой, которая в космосе работать собиралась. Её занесло в М-81 в штате тамлингского летучего ресторана в качестве санинспектора. Собираются там припарковаться на несколько месяцев, а там эти страшные огромные, как их, на букву му, она их боится. Отлепив лоб от столешницы, объясняю, что бояться можно всех, кроме них.

Стук в дверь. Открываю, там тот самый парень, который просил поделиться баклажанами. Плечистый такой, даже несколько полноватый.

– Абозорху, – представляется он с несколько самодовольным видом, протягивая мне руку. Это первый муданжец, который вспомнил о рукопожатии.

– Элизабет, – говорю, отдавая дань вежливости. – Чем могу быть полезна?

– Вы знаете, в последнее время я стал что-то плохо спать по ночам, – говорит он, не отпуская мою руку, пока я не тяну на себя. – Вы не могли бы мне помочь?

– Как часто не можете заснуть?

– Да каждую ночь, часами.

Что-то он не выглядит сильно уставшим.

– А днём спите? – спрашиваю.

– Нет, какое, днём работать надо, я ведь навигатор.

– И сильно устаёте?

– Да ужас вообще, – отвечает он грустным голосом, поднося руку ко лбу. – Только и думаю весь день, как спать буду. Вот даже к вам пришёл, хотя никогда в жизни у целителя не был, – и берёт меня за руку опять. – Вы же мне поможете?

– Помогу, помогу, – высвобождаюсь. – Кофе, чай пьёте?

– Только гармарру, – говорит он, подходя ко мне поближе.

Хм, а пахнет-то от него не гармаррой.

– А алкоголь? – спрашиваю подозрительно. – Для храбрости приняли?

– Ну-у, есть немного, – смущается он. – Всё-таки к такой прекрасной женщине идти со своими проблемами... Знаете, были бы вы моей женой, ни за что бы не допустил, чтобы вы работали.

– Это очень интересно, – говорю холодно, – но, к счастью, я не ваша жена. Так вот...

– Неужели вам нравится такое положение дел? – с придыханием говорит он, оказавшись внезапно как-то очень близко. – Неужели вам не хочется *нормального*, здорового мужчину? Почему вы не выбрали меня, я ведь был так близко!

Я открываю дверь с пульта.

– Пошёл вон, – говорю. – Раз здоровый, то нечего тебе тут делать.

Из-за двери на меня смотрят круглые глаза – оказывается,

там Ирнчин топчется. Поскольку Абозорху не рвётся выполнять команду, я быстро пользуюсь ситуацией.

– О, Ирнчин! – говорю приветливо. – Тут молодой человек заблудился немного, выведи его, пожалуйста!

Ирнчин, на которого Азамат в своё время водрузил обязанность меня охранять, подчиняется беспрекословно. Впрочем, ему стоит только приблизиться к Абозороху, как того и след простыл.

– Он вас не обидел? – спрашивает мой хранитель строго.

– Да нет, так, клеиться пришёл, несмотря что я замужем.

– Да-а, этот такой. Небось и представился «Абозорху»?

– Да, а как?

– Нету у него никакой «А»! – рявкает Ирнчин. – Придумал, понимаете, и головы дурит девушкам.

– Логично, – говорю. – Удивительно, что он такой один.

Ну ладно, а ты-то по делу или так, в гости?

– Да я... – мнётся Ирнчин. – Тирбиш хорошо, конечно, готовит, но этот маринад...

Выдав Ирнчину ложку сиропа от изжоги, отправляюсь на поиски Азамата. Ему, вероятно, будет интересно узнать, что кто-то в его команде ко мне приставал.

Он обнаруживается на капитанском мостике, где делает строгое внушение пилотам, чтобы не крошили чипсами над пультом управления. Впрочем, это, видимо, не впервые и на результат он не очень надеется, так что при моём появлении

легко оставляет тему.

– Лиза! – оборачивается он с широкой улыбкой, – спасибо тебе! – демонстрирует кончик косы с моим гизиком. По моему, хорошо вписался.

– Тебе тоже спасибо, – говорю, – очаровательный заяц.

Притягиваю его за косичку вниз, чтобы поцеловать. Потом смотрю – пилоты на меня косятся, как будто я делаю что-то ужасно неприличное. Азамат слегка краснеет.

– Ну ты уж при посторонних-то, – упрекает меня тихо, выводя с мостика. – Я думал, ты сказать что-то хочешь.

– Э, – говорю, – надо было предупреждать, что у вас нельзя целоваться при посторонних.

– Не то чтобы совсем нельзя, красивым-то можно...

Опяяять начинается.

– А моей красоты на двоих не хватит? – спрашиваю, скривившись.

Азамат смеётся.

– Вряд ли. Это как рваное платье надеть – неважно, как ты выглядишь, всё равно неприлично.

– О боже, Азамат, не надо таких сравнений! Этим красавцам до тебя... как до Земли. Тут вот зашёл ко мне один, этот, Бозорху.

Азамат поджимает губы.

– И чего он?

– Ну, я так поняла, он был в своём репертуаре. Хорошо, Ирнчин мимо проходил, спугнул его.

Азамат угрюмо молчит, а я продолжаю разглагольствовать.

– Это ж надо так обнаглеть, приставать к жене своего же капитана. Он тебя вообще, что ли, не уважает? Так хоть за кошелёк свой побоялся бы!

– Лиза... – перебивает меня супруг. – Не кипятись. Тебе стоит привыкнуть к тому, что никто не будет принимать твой выбор всерьёз. Всем слишком очевидно, что я тебя не заслуживаю.

– Ты ещё и защищать его будешь?! – поражаюсь я.

– Ну, а что я ещё должен делать, – разводит руками Азамат. – Он красивее меня, и я не могу ставить ему...

– Вломить ему промеж глаз ты должен! Чтобы неповадно было руки распускать! – взрываюсь я. – Или ты как, собрался позволять всяким придуркам ко мне подкатывать?

Азамат смотрит на меня круглыми глазами.

– Как тебя задело... – говорит он наконец. – Прости, если что не так... Я правильно понял, что ты хочешь, чтобы я не позволял другим мужчинам с тобой флиртовать?

– А что, – говорю с такими же круглыми глазами, – тебя это не заботит?

– Как это может меня не заботить? – он смотрит в сторону. – Конечно, заботит. Просто я не в праве тебя ограничивать...

– Знаешь, дорогой, – говорю неверным голосом, – я не для того за тебя выходила, чтобы потом изменять тебе со всяки-

ми молокососами, у которых мозги между ног. Мне очень обидно, что ты обо мне так думаешь.

– Лиза, я... – начинает он, и замолкает в поисках слов. – Я так не думаю. Точнее, я вообще об этом не думал ещё. Я никогда не был женат и правда не задумывался, как относиться к изменам. Просто привык, что моё мнение в личных вопросах обычно не учитывается. Следить за красивой женой – последнее дело, только ссориться. А уж я-то вообще ничего не могу от тебя требовать.

– А я тебе и не предлагаю требовать от меня, – я несколько смягчаюсь. Могла бы и догадаться, что это он не меня в подлости подозревает, а себя в несовершенстве, как обычно. – Меня только интересует, чтобы все прочие мужики хорошо понимали, что я не буду с ними спать.

– Спать? – повторяет Азамат.

– Заниматься сексом, – поясняю стальным голосом.

– Ах да, прости, забыл. Хорошо, нет проблем. С Бозорху я поговорю хоть немедленно.

– Уж сделай милость, – говорю. – А то это уже ни в какие ворота... И предупреди его, что если он снова ко мне полезет, я-то не постесняюсь ему нос сломать.

Азамат кривится, как будто я говорю о каком-то отвратительном сексуальном извращении.

– Лиза, ну пожалуйста. Ты ведь ему всю жизнь искалечишь.

– Вот тогда и прочувствует на своей шкуре все униже-

ния, – беззаботно пожимаю плечами. – А то он, понимаете ли, *нормальный*, так значит, можно к чужой жене прикалываться.

Азамат, до сих пор слушавший меня с угнетённым видом, внезапно улыбается.

– Знаешь, так странно внезапно находить среди твоих чужих и диких представлений идеи, которые мне так созвучны.

Я слегка давлюсь – это мои-то дикие?! Хотя это я знаю, что я из метрополии, а он из какой-то дыры, для него-то, наверное, всё строго наоборот...

– У меня похожая ситуация, – говорю. – С той разницей, что вас много.

– Ты молодец, – он гладит меня по голове. – Я знаю, что ты очень стараешься всё делать по-нашему, и понимаю, как это трудно. К сожалению, ребята не всегда об этом задумываются.

– Да мне в принципе достаточно, чтобы ты понимал, – говорю. – Остальные пусть что хотят, то и думают.

– Слушай, – внезапно говорит Азамат, – а как тебе удалось выпить целую фляжку пионовой водки и уйти на своих ногах?

Глава 18

В которой приходится побегать

Загадочно ответив Азамату, что это, дескать, секрет фирмы, я отпускаю его разбираться с обидчиком, а сама иду вернуть Эцагану его швейную машинку, благо у меня теперь есть своя. Он сидит у себя в каюте за бессмысленным занятием: пинками подбрасывает какой-то маленький предмет в воздух. Предмет каждый раз приземляется обратно ему на мысок и снова отправляется вверх. В общем, для этого, безусловно, нужна изрядная тренировка.

– Привет, – радостно говорит Эцаган, не прекращая своё занятие.

– Привет, – говорю. – Я так рада, что ты снова тут, а то прямо не знала, к кому пойти за советом.

– За советом лучше к Алтонгирелу, – говорит он. – Ой, моя машинка! А я уж и забыл, что вам её отдал. Вам разве больше не нужно?

Он даже немного огорчается.

– Я себе купила собственную, – говорю. – Хотя эта совершенно прекрасная. И спасибо тебе ещё раз за ткань.

– Пожалуйста, – он пожимает плечами. Мне кажется, он как-то меланхолично настроен.

– Тебя опять не выпускают, что ли? – спрашиваю.

– Да нет, выпускают, конечно, я же теперь пассажир.

– А чего ты понурый такой?

– Да не хочу я на Муданг, – говорит. – Мне не с чем туда возвращаться. Ничего не сделал, не достиг.

– Да подожди ещё, – говорю, – у тебя ещё вся жизнь впереди, достигнешь, куда ты денешься.

– Ага, на Муданге достигнешь, как же... Там везде эти джингоши, *умхнуви*...

Последнее, видимо, было ругательством. Надо запомнить. Пока только развожу руками.

– Эцаган, если б я могла тебе чем-то помочь, обязательно бы так и сделала.

Он кивает, принимая мои слова, потом ловит мысками обеих ног свой мячик и потягивается.

– Значит, собираетесь ещё много шить?

– Было бы неплохо, – говорю. – Вот просвети меня, если кому-то кроме Азамата что-нибудь сошью, это как воспримется?

– Ну-у, смотря что... – протягивает Эцаган. – А вы Азамату многошили?

– Нет, пока только рубашку и ещё гизик сплела.

– Это маловато, – строго говорит Эцаган. – Если сейчас кому-то ещё подарки делать начнёте, получится, что этот кто-то вам почти так же важен.

– Ой, – говорю, – нет, мне так не надо. Мне надо, чтобы Азамат лидировал с большим отрывом.

– Ну, тогда нашейте ему кучу всего, а потом уже можно что-нибудь простенькое остальным.

– Отлично, – говорю, – так и сделаю. Поможешь мне с фасонами?

Эцаган прямо загорается этой идеей.

– С удовольствием! – говорит. – Может, и я шить научусь? Только вот не знаю, хорошо ли это будет выглядеть, если мы будем много времени вместе проводить...

– Надо будет кого-нибудь третьего рядом усадить, – усмехаюсь, – чтобы был свидетель, что мы ничего плохого не делаем.

Эцаган, похоже, принимается всерьёз обдумывать мою идею, высказанную исключительно в шутку.

– Да ты что, – говорю, – у нас с тобой десять лет разница, не говоря уже об ориентации.

– Десять лет? – повторяет он недоумённо. – В какую сторону?

– То есть как «в какую»? – ржу. – Мне двадцать восемь.

Он вытаращивается на меня, как будто привидение увидел.

– Вы, земляне, не стареете, что ли? – спрашивает наконец.

– А чего, – говорю, – по-твоему, это так много?

Тут внезапно открывается дверь и входит... правильно, Алтонгирел!

– Ты знаешь, что ей двадцать восемь лет? – тут же спрашивает у него Эцаган, тыча в меня большим пальцем.

Духовник делает кислую рожу.

– Не знаю, но не удивлён. Земляне дольше живут, – потом он поворачивается ко мне. – Это, кстати, хорошо, что ты старше, чем выглядишь, а то Старейшины не любят большую разницу в возрасте. А теперь можно узнать, что ты тут делаешь?

– Так просто зашла... – начинаю я, но Эцаган меня перебивает.

– Мы хотим организовать швейный клуб!

Алтонгирел высоко поднимает брови и пару секунд обдумывает услышанное.

– Только в моём присутствии, – наконец говорит он. Я кривлюсь.

– Я в твоём присутствии себе пальцы пристрочу, – говорю. – А больше нас некому проконтролировать?

– Только сам Азамат, – пожимает плечами Алтонгирел. – Но у него и другие дела есть, и тем более шить-то ты ему собралась, надо надеяться? Не в его же присутствии.

– А мне ты не доверяешь? – с усмешкой спрашивает Эцаган. Вот только не хватало мне их поссорить...

– Я могу сколько угодно тебе доверять, – отстранённо говорит Алтонгирел, – но Старейшинам глубоко наплевать на это. А мы все заинтересованы в их расположении.

Я тяжело вздыхаю. Господи, неужели когда-то этот вопрос решится и мне не надо будет больше думать о реакции Старейшин, а?

– Ладно, – говорю, – я потерплю.

– Вот и прекрасно, – деловито кивает Алтонгирел. – А теперь марш в игровую, и так вчера ничего не делали.

И уходит. Эцаган бодренько подскакивает и принимается натягивать чулоксапоги прямо поверх треников.

– Куда он нас послал? – спрашиваю.

– Игры начались, – говорит он радостно. – После Белого Дня неделю надо играть, чтобы год был счастливым.

– Во что играть? – моргаю.

– Во всё, – подробно объясняет Эцаган. – Пойдёмте.

Мы спускаемся уровнем ниже – мой топографический кретинизм не позволил мне даже задуматься, что у корабля есть другие уровни. Там обнаруживается внушительных размеров спортзал, где уже собралась почти вся команда. В команде у нас, как я наконец-то посчитала, пятнадцать человек. Точнее, тринадцать плюс Эцаган и Гонд. Из них я уже хорошо знаю четверых – Алтошу, Тирбиша, Ирнчина и Дорчжи, ещё более-менее знакома с тремя – это Хранцицик, Ахамба и Бозорху, будь он неладен, ещё двоих знаю по именам – Орвой и Бойонбот, ну и наконец, есть ещё запасной повар, который не представился, пилоты, которые почти не появляются даже за столом, и длинноволосый парень, который когда-то давно ещё на земном звездолёте охранял нас на пару с Гондом. А ведь это было всего двенадцать дней назад, подумать только. Парень этот кого-то мне напоминает – ах

да, мужа Эсарнай. Интересно, может, братья?

Так вот, в зале присутствуют все, кроме Алтонгирела, Азамата и пилотов. И присутствуют они не просто так. Они играют в бабки. Нет, на полном серьёзе, посреди зала выстроены в линию костяшки, и все по очереди по ним швыряют ещё одной. Первобытный боулинг, ага.

– О, Лиза! – окликает меня Тирбиш. – Присоединяйтесь?

Меня дважды просить не надо, я уже привязалась к этим косточкам. Мы играем с полчаса, но я так чувствую, это только начало. Тут является Алтонгирел в халате – в смысле, таком, парадном халате, хотя и не таком нарядном, как тот, что он надевал на встречу с другими муданжцами.

– *Разогрелись?* – спрашивает он бодрым голосом. – *А теперь давайте в тивик.*

Вот есть у нас всякие сказки про гусли-самогуды, от звука которых все вокруг против воли принимаются плясать. Теперь я знаю, как это выглядит. Муданжцы разделяются на две команды, каждый достаёт какую-то металлическую шайбочку, подбрасывает её в воздух... и принимается подкидывать то одной ногой, то другой, но не носком, а внутренней стороной лодыжки. В итоге вся шарашка скачет на месте, быстро поочередно задирая то одну, то другую ногу коленом вбок, и всё это с ужасно сосредоточенными физиономиями, да ещё и считают вслух! Я хохочу, зажимая себе рот, чтобы их не сбить, давлюсь, но даже кашлять не могу, так мне смешно. В итоге Хранцик меня замечает и сбивается, его

шайба падает на пол. Однако игра продолжается. Постепенно игроки один за другим теряют свои фишки, и в итоге остаются только Эцаган и тот парень, похожий на мужа Эсарнай. Они больше не стоят на месте, а кружат вокруг друг друга, глядя не на шайбы, а друг другу в глаза. В какой-то момент Эцаган всё-таки дожимает противника, и тот промахивается. Он, впрочем, тут же поднимает свою шайбу и кидает её Эцагану, который с выражением превосходства на лице ухитряется отбить её ногой вместе со своей шайбой, и продолжает подкидывать уже две. Остальные принимаются улюлюкать, и я невольно присоединяюсь – пожалуй, это и правда круто.

Алтонгирел даёт знак прекратить, и Эцаган ловит ладонью свои шайбы и отходит в сторону.

– *Это никуда не годится*, – сурово распекает проигравшую команду Алтонгирел. – *Ваше мастерство с прошлого года совершенно не выросло. Эцаган как был лучший, так и остался, а ведь он был ранен. Что, больше никто не может работать над собой? А?!*

В таком духе он ворчит ещё некоторое время, хотя, по-моему, все очень здорово попрыгали, у меня вот до сих пор живот болит от смеха. Ребята мрачнеют, и в воздухе начинает попахивать адреналином. Впрочем, когда Алтонгирел объявляет, что следующим номером будет борьба, я понимаю, зачем он всех разозлил. Теперь вместо шайб парни извлекают что-то вроде фехтовальных масок, только очень крупноячеистых. Отхожу к двери на всякий случай – и сталкиваюсь

там с Азаматом, который как раз входит.

– А-а, – говорит он с довольным видом, – я как раз вовремя.

– Ты пропустил разминку, – говорю я.

– Боюсь, что она мне не понадобится, – вздыхает он. –

Вряд ли кто-то из них отважится меня вызвать. Вот в прошлом году нам пришлось на праздники задержаться на Гарнете, корабль был неисправен, вот там были мне противники. А тут все в другой категории. Ирнчин ещё когда-то пытался со мной бороться, но ему это надоело.

– Ну ничего, – говорю, беря его под руку. – До Муданга доберёмся, там-то найдутся желающие.

– Да-а, летом-то большой будет выбор, когда все съедутся... – кивает Азамат, и я практически могу у него в глазах посмотреть краеведческий фильм по воспоминаниям.

Тем временем Тирбиш бодреньким речитативом в стихах вызывает Бойонбота, а тот немного смущённо откликается, явно путаясь в ритуальных словах. Насколько я понимаю, они сводятся к тому, что я, такой крутой, хочу помериться силой с тобой, таким крутым. Очень позитивно. Пока они кружат друг напротив друга, Алтонгирел затевает бойкую песенку о том, как победа сильнейшего должна благотворно сказаться на достижениях всей нации. Мне просто удивительно, как этот циничный, высокомерный человек может с такой отдачей и совершенно искренне распевать подобную муть.

– Алтонгирел всё-таки очень странный человек, – говорю я Азамату.

Он уже вынырнул из мира грёз и внимательно и серьёзно следит за происходящим на «арене».

– М-м? – откликается он, видимо, не желая отвлекаться. – Он прекрасный проводник воли богов.

А дальше начинается собственно бой. Насколько я могу понять, у борцов задача не столько надавать сопернику, сколько увернуться от его ударов. Во всяком случае, попадают они друг по другу крайне редко и, видимо, не очень больно, зато мечутся, как бешеные: прыгают, кувыркаются, изгибаются... Ещё у них есть совершенно чумной удар ногой по голове, который, к счастью, ещё ни разу ни одному из этой парочки не удался, потому что второй всё время подныривает. Время от времени эти удары сыплются подряд с обеих сторон, так что получается и вовсе танец какой-то: пинок-нырок-пинок-нырок, и так в противофазе. Алтонгирел ходит вокруг них почти вплотную, периодически перегораживая нам весь вид своим халатом.

– Бойонбот кой-чему научился, – бормочет Азамат. – Но устаёт быстро...

В итоге Тирбиш побеждает: сбивает противника с ног. Бойонбот, впрочем, не выглядит расстроенным. Подбегает к Азамату, тяжело дыша, на ходу стаскивает маску, улыбка до ушей.

– Видели, сколько я продержался?

– Да, молодец, тебе очень хорошо удаётся...

Дальше сыплются термины, видимо, названия приёмов. Азамат очень подробно разбирает весь раунд, и как он только помнит, кто там что сделал...

Следующим номером Тирбиш довольно быстро укладывает Ахамбу, и тот не подходит к Азамату, а просто присаживается у стены.

– Слишком осторожничать стал, – качает головой Азамат. – Жаль, жаль...

В следующем раунде Эцаган выносит Тирбиша, который, как и Бойонбот, совершенно не расстраивается по этому поводу, они даже исполняют какой-то мударжский аналог рукопожатия: сцепляют локти и кружат на месте в знак примирения.

Впрочем, Эцаган в следующий тур не переходит: его после долгой схватки почти на равных побеждает Дорчжи. Ну, тут я скорее удивлена, что Эцаган так долго держался, он ведь такой щупленький по сравнению с этим шкафом. Хотя ловкий, конечно.

Дорчжи также вышибает Бозорху и запасного повара, который, кстати, нифига не зашёл за своими таблетками. Надо будет его отловить.

У Гонда сломана рука, и он отказывается участвовать, и правильно. Хоть в чём-то парень разумный. Так что Дорчжи сцепляется с Орвоем и проигрывает. Азамат очень сердится, подзывает его и долго отчитывает, что, дескать, расслабился,

решил, что самый крутой, и по невнимательности пропустил роковой удар. Дорчжи понуро кивает. Тем временем из следующего поединка выходит победителем неизвестный мне парень, похожий на...

– Кто это? – спрашиваю у Азамата.

– В смысле как кто? Тебе имя назвать? – лукаво улыбается он.

– В смысле, мне кажется, что он похож на мужа Эсарнай.

– О, ты заметила? Обычно земляне нас вообще друг от дружки не отличают.

– Это как это? – говорю. – Вы же все разные.

Азамат смеётся.

– Эндан – брат Экдала, но они поссорились несколько лет тому, так что постарайся при нём его не упоминать, обидится.

– А кто из них Эндан, а кто Экдал? – не понимаю я.

Азамат снова хитро улыбается. А, это от меня таким образом скрывают имя. Прекрасно. Остаётся только покачать головой.

Эндан-Экдал проигрывает Хранцицику (вот уж от кого я не ожидала такой прыти!), и теперь тот вцепился в Ирнчина не на жизнь, а на смерть. Бой длится минут пятнадцать, всем уже скучно.

– Их надо растаскивать, – говорит Азамат. Алтонгирел, как раз оказавшийся к нам лицом, по ту сторону единоборцев, поднимает вопросительный взгляд на Азамата. Тот ма-

шет ладонью из стороны в сторону, дескать, разгоняй. Духовник открывает было рот, но тут, изогнувшись аки змея, Ирчин каким-то хитрым ударом по лодыжке сваливает Хранцицика на обе лопатки. Красные и потные, они довольно формально сцепляют локти и расходятся, вставая в круг с прочими борцами. Под руководством Алтонгирела все вместе возносят хвалу богам и обещают приложить по двенадцать раз столько усилий, сколько они вложили в свою битву, чтобы Муданг процветал.

Когда все расходятся из зала, Алтонгирел приближается к нам.

– Слушай, Азамат, с этими двумя надо что-то делать. Так не может продолжаться, они каждый праздник портят.

Азамат пожимает плечами.

– А что мы-то можем сделать? Вот доберёмся до Муданга, может, там что-нибудь разрешится.

– Ну да, жди, – мрачно кивает Алтонгирел.

– А что они не поделили? – спрашиваю.

Алтонгирел фыркает.

– Женщину, что ж ещё. Привечает, сучка, обоих, никак не определится. Я уж с ней и так, и эдак...

Мне страшно представить задушевный разговор в исполнении Алтонгирела. А он продолжает развивать мысль:

– Ты бы, кстати, с ней поговорила, когда там будем. Может, тебя послушается.

– А что я ей скажу? Может, она и правда выбрать не мо-

жет, – не нравится мне эта идея.

– А ты бы сама кого выбрала? – спрашивает Алтонгирел.

– Азамат, – говорю, тыча пальцем в духовника, – это провокация.

Он усмехается.

– Да ладно, скажи уж. Нам ведь интересно, как вы, земляне, судите.

– Мы, земляне, и я лично – это очень разные вещи, – говорю сухо. – Если вас уж так волнует этот вопрос, то мне лично больше приятен Ирнчин, хотя бы потому, что он производит впечатление человека, хорошо делающего своё дело.

– Ты всё злишься на Хранцицика за Эцагана, – говорит Азамат.

– Конечно, злюсь, – говорю. – А чего он лезет туда, где ничего не понимает? Хорошо хоть не навредил.

– М-да, – кривится Алтонгирел. – Это вряд ли будет аргументом для нашей самки.

– Тебе пойдёт быть немного добрее, – весело говорит ему Азамат.

Духовник кривится ещё сильнее.

– Чем советовать, лучше бы поразмялся. Я что-то вообще не помню, когда ты тут был последний раз.

– Недели две не был, – припоминает Азамат, снимая куртку и извлекая у неё из кармана кожаные перчатки. Алтонгирел вытряхивается из халата, глядя на меня пустым взглядом.

– Смотреть будешь? – спрашивает наконец.

– Если никто не против... – говорю. Мало ли, может, он меня стесняется.

– Смотри-смотри, – говорит. – И пусть твоими глазами боги смотрят, – с этими словами он поводит рукой у меня перед лицом, очень близко, а потом разворачивается и отходит в ту часть зала, где шли поединки. Азамат уже там, в маске и перчатках. Они, я так понимаю, нужны, чтобы противнику было не противно. Ну или богам...

Азамат и Алтонгирел сходятся беззвучно, спокойно, медленно переступая. А потом вдруг вместо людей я вижу только вихри, мелькающие настолько быстро и ритмично, что у меня в глазах рисуется фрактал, а в воздухе стоит тоненький свист и тихое шарканье ног по полу.

Так же внезапно снова возникает картинка: Алтонгирел врезается спиной в стену, Азамат конденсируется из воздуха сбоку от него, лицом ко мне. Одной рукой он придерживает свою косу.

– *Сильно ушиб?* – спрашивает.

– *Нет, ничего,* – говорит духовник, отлипая от стены и переводя дыхание. – *Я, правда, привык, что ты волосы убираешь, а не используешь в качестве дополнительной конечности.*

Он потирает грудь по диагонали – видимо, как раз так коса пришлась.

– *Знаю, что привык,* – говорит Азамат насмешливо. – *От-*

выкай. Ты ведь хочешь совершенствоваться?

Алтонгирел кивает, и схватка возобновляется. То ли они устали, то ли мои глаза привыкли к скорости движения, но теперь я иногда вижу отдельно мелькающие конечности и лица или хотя бы два более-менее цельных пятна вместо разрозненных мазков.

Второй раунд заканчивается ещё быстрее, Алтонгирел прокатывается несколько метров по полу, медленно садится и тяжело дышит. Азамат тоже немного запыхался. Подходит к духовнику, приседает на корточки.

– *Всё*, – хрипло говорит тот. – *Хватит на сегодня.*

– *Тебе надо поработать над обзором*, – советует Азамат. – *Ты не видишь меня, когда разворачиваешься.*

– *А как, как?!* – восклицает духовник, с трудом вставая на ноги.

– *Головой надо быстрее крутить*, – смеётся Азамат и дальше что-то ещё объясняет, чего я не понимаю, а потом переходит к наглядной демонстрации: разворачивается на месте, да так быстро, что я как будто вижу его сразу со всех сторон.

Алтонгирел поджимает губы с видом упёртой решимости. Он этот приём победит...

Я слегка встряхиваюсь, чтобы прогнать застрявшие в сетчатке призраки движений, и мужчины меня замечают.

– *Насладилась?* – спрашивает Алтонгирел, и я киваю, поскольку обнаруживаю, что где-то забыла голос.

– Круто, – выдавливаю наконец. – Невероятно здорово.

Слов у меня в голове непростительно мало, но офонаревший вид, похоже, их компенсирует. Азамат довольно улыбается.

– Тебе бы на настоящий бой посмотреть... Это-то так, урок.

– Боюсь, что настоящего боя я просто не увижу, – говорю. – Я и этот-то еле-еле...

Они оба смеются. Кажется, это первый раз, когда у Азамата и Алтонгирела *одновременно* хорошее настроение.

Мы идём наверх, причём Азамат несколько хозяйским жестом притягивает меня поближе, и я обхватываю его вокруг пояса одной рукой. Только сейчас, практически уткнувшись ему под мышку, соображаю, что вот этот сладковатый травянистый запах – это на самом деле запах пота, а вовсе не какого-нибудь талька, как я сначала думала, когда ещё вся команда скакала с шайбочками. Алтонгирел вон мокрый весь, а пахнет чем-то вроде сена.

Ужин Азамат, как и обещал, готовит сам. Не всем, конечно, а только на нас двоих. Это оказываются большие и плоские кунжутные лепёшки, в которые завернут маринованный салат, грибы или ореховая паста. Мы объедаемся так, что потом ещё час не можем встать из-за стола, только сидим, хлещем чай и ржём до слёз и икоты, как пьяные. Алтонгирел пытается строить нам укоризненные рожи, но мы это встре-

чаем только свежим взрывом здорового смеха, так что он решает сделать вид, что с нами незнаком. Не знаю уж, сколько блюд может изобразить мой дорогой супруг, но если даже ничего, кроме этого, я всё равно согласна считать его великим кулинаром, о чём ему с большим удовольствием и сообщаю. Он не остаётся в долгу и сообщает мне, что я готовлю лучше, чем любая женщина, чью стряпню он пробовал. Таким образом наш разговор превращается в состязание на комплиментах, и вот тут уже Алтоша начинает смотреть на нас благосклонно. В итоге мы осыпаем друг друга ворохами добрых слов. Среди прочего я узнаю о себе, что бессмертна, ибо непременно попаду в самые популярные сказания и песни, а именем моей матери назовут звезду. В свою очередь, я как человек по определению приземлённый сообщаю Азамату, что он фантастически красив, и любое государство должно было бы гордиться, если бы он соизволил его возглавить. Соревнование затухает естественным образом, потому что мы так хохочем, что не можем вымолвить ни слова. Если Алтонгирел и счёл кого-то победителем, до нашего сознания он это не донёс.

Ближе к ночи народ расплзается по каютам, все такие довольные, а нам-то спать нельзя, хотя устали мы оба на совесть. Кстати, совесть моя напоминает о своём существовании тем, что я нагоняю в коридоре своего прыщавого пациента, вставляю ему гормональные таблетки и напоминаю намазать лицо. После этого возвращаюсь на кухню, где Азамат

всё ещё сидит за пустым столом, не иначе, ждёт меня.

– Что делать собираешься? – спрашиваю.

– Да надо бы ванну устроить, – говорит он. – В моцог обязательно нужно хорошо вымыться, отмокнуть. Только ванна на корабле одна, придётся нам по очереди...

– Зачем? – удивляюсь я. – Можем и вместе.

Азамат несколько секунд переваривает это предложение.

– Это у вас тоже на Земле так принято? – говорит он наконец.

– Ну, не поголовно, но и ничего невероятного, – отвечаю.

Он, конечно, ещё немножко сопротивляется, но, конечно, сдаётся. Правда, ванна после такого обильного ужина противопоказана, так что сперва мы решаем заняться чем-нибудь ещё, например мирно поиграть в шахматы у себя в совмещённой каюте.

Шахматы у них тоже не как у людей – огромные, и фигуры так выглядят, что я очень быстро проигрываю, потому что запутываюсь в них напрочь. Что ладья – это телега с лошадьми, я ещё уяснить могу. Но вот кто из этих милых зверюшек – ферзь, а кто слон... Нет, увольте, это надо на свежую голову. В итоге я просто сижу и рассматриваю фигурки, они все очень тонко и правдоподобно вырезаны.

– Пешек мой брат делал, – говорит Азамат, – а старшие фигуры я. Он тогда ещё совсем мальчишкой был, не всё мог.

– Так это ты делал? – спрашиваю, рассматривая фигурку императора со сложной причёской, одетого в пёстрые одеж-

ды – причём пестрота видна даже на некрашеном дереве. – У тебя просто золотые руки!

– Да ну что ты, это так, поделка. Ты просто не видела, что делают настоящие мастера.

– А у тебя есть ещё эти... поделки? – спрашиваю, сглатывая слюнки. Ох как я хочу на это посмотре-еть...

– Да есть, конечно, – говорит. – Это же знаешь, как... ты в свободное время вяжешь, а мы вот фигурки режем всякие.

Он вынимает из шкафа внушительных размеров коробку и слегка её встряхивает для звука – там гремит и шуршит. Ну-ка, ну-ка.

Боже, чего там только нет! Звездолёты, люди, звери, утварь, оружие, машины, дома, деревья, листья, компьютеры, телефоны и прочая техника, букеты, книги, мебель, лампы, мягкие игрушки, одежда и обувь, головы с разными причёсками и даже статуя свободы – всё не больше маникюрных ножниц. Это уже какой-то следующий шаг после «что вижу, о том пою».

– Ва-а-ау, – только и могу сказать я.

– Можешь взять всё, что нравится, – усмехается он. – Или ничего не бери, а я тебе специально что-нибудь вырежу, именно для тебя.

– Спасибо, – говорю, не выбирая из предложенных вариантов. Что же мне напоминает это обилие?.. Ах да, те игрушки, что мне подарил тот дядя, когда я в десять лет увела у джингошей наш корабль... Тоже был муданжец, что ли?..

Я открываю рот сказать об этом Азамату, но он уже достал вторую коробку поменьше, а та-ам... там фигурки всех членов команды. Первым делом я выхватываю Алтонгирела:

– Да-а-а, у него именно такая рожа!!! – радостно воплю я, забыв всё и вся. Азамат посмеивается.

– Он колоритный, его легко похожим сделать, – говорит. – Ты вот на Дорчжи посмотри.

Про Дорчжи мне тут же становится всё понятно: натуральный такой деревенский парень, здоровый, как бык, и такой же непосредственный.

Я угораю над застенчивым Бойонботом, хозяйственным Тирбишем, неразличимыми и вечно помятыми пилотами. Азамат с удовольствием наблюдает, как меня скрючивает от хохота. Когда команда кончается, я вижу на дне коробки ещё одну фигуру и удивляюсь – неужели и себя изобразил? Но всё оказывается веселее. Это я.

Азамат в последний момент пытается выхватить у меня фигурку, тараторя, что она-де недоделана ещё, но я очень хочу посмотреть. Боже, какая я красивая. Правда, мне казалось, я поуже в бёдрах буду, но это несущественно.

– Штаны твои у меня не вышли, – оправдывается Азамат. – Я сделаю другую, если хочешь...

– А мне эта нравится, – говорю. – Давай ты лучше её разденешь, а я ей из тряпки платье сошью?

– Такое маленькое платье?

– Ну да, а чего, я в детстве на кукол шила...

– Хм, – Азамат озадачивается новой идеей настолько, что забывает смущаться. – Так это можно всех их одеть. Тем более я там с одеждой особенно не старался... Были бы пёстренькие.

– Так и сделаем, – решительно говорю я. – Только сначала мыться.

В ванне мы дружно фантазируем, кого во что нарядить с учётом имеющихся у меня материалов. Под это дело я успеваю обработать дорогого супруга гелем со шлифующим действием. Воспаление на груди почти сошло, там теперь тоже можно массировать. А ещё я запускаю руки в Азаматовы волосы, и он так расслабляется, что едва не засыпает.

Утро застаёт нас в холле, тщательно переплетёнными на диване перед столиком, уставленным фигурками в пёстрой одежке. Азамат только что закончил вырезать фигурку себя, а я вознамерилась сшить на неё красный свитер.

– Ну куда мне красный свитер, Ли-иза, – канючит он. – Ну неприлично...

– А красный звездолёт – прилично?

– Ну то всё-таки звездолёт, а это одежда.

– А если б моя мама тебе связала, стал бы носить?

– Конечно, если подарок...

– Вот, так и считай, – я неумолимо втыкаю иголку в шерстяной лоскуток.

– Лиза, но это же игрушка, её надо одевать типично...

– Моя игрушка, – заявляю, выхватывая у него фигурку. –

Как хочу, так и одеваю!

Он принимается хохотать, а я отворачиваюсь и вижу в дверях сонного Алтонгирела с высоко задранными бровями. И то сказать, достойное зрелище: я лежу поверх Азамата, сплетаясь с ним ногами, его волосы развешаны по всей спинке дивана и подлокотнику, и мы через мою голову тянем друг у друга деревянную фигурку. Меня на мгновение ослепляет вспышка фотоаппарата.

– *Алтонгирел, ну какого рожна!* – немедленно раздражается Азамат.

– Да так, – криво улыбается духовник. – Когда ещё такое безумие увидишь? Пускай остаётся для истории.

Азамат порывается встать, чтобы отобрать у Алтонгирела мобильник, но я же сверху...

– Терпи, – говорю, – и привыкай. А то моей маменьке одной фотографии мало, она скоро ещё попросит, а лучше видео.

Азамат что-то невнятно бухтит, а Алтонгирел слегка настораживается:

– Ты показала своей матери его фотографию?

– Конечно, – пожимаю плечами.

– Зачем?

– А как же? Должна же она видеть, кого в семью принимает.

Алтонгирел хлопает глазами, и я слышу у себя над головой пояснения Азамата:

– *У них родственники большие лезут в дела друг друга, чем у нас.*

– А-а, – кивает Алтонгирел. – И что сказала твоя мать?

А я прям помню, что она там сказала... Ах да.

– Спросила, какой национальности, и правда ли, что такой высокий.

– И всё? – подозрительно спрашивает Алтонгирел.

– Ты, конечно, не поверишь, – хмыкаю я, садясь, – но да, всё.

Он, конечно, не верит, но тему оставляет.

– Вам можно есть мясо, только не налегайте особенно, не больше обычного. А спать не раньше шести вечера, чтобы не компенсировать. Это ясно?

Мы киваем, после чего Алтоша продолжает свой путь. Азамат вывинчивается из-под меня и пытается его перехватить, но я повисаю у него на руке:

– Оставь фотку в покое! – говорю. – Алтонгирел, пришли мне её побыстрее!

Алтонгирел мерзко хихикает и скоренько убегает из холла, а Азамат смотрит на меня исподлобья, но вроде бы не очень сердится.

Когда я дохожу до бука, туда уже просится пакет от духовника, присланный по сетке. На снимке Азамат получился

довольно хорошо, да и все эти волосы его... Вот я вышла похуже, собственно, одни ноздри видно. Но всё равно посылаю картинку родичам, пусть повеселятся.

Маменька отвечает почти тут же – видимо, засиделась над корректурой какого-нибудь садового каталога, это с ней зимой на каждом шагу бывает, на улице ведь работы нет, а домашним растениям всё равно, в какое время суток она с ними будет возиться.

* * *

Ого, да тебя в него можно три раза завернуть! Знаешь, я тут видела в магазине кулинарную книгу с порциями для очень большой семьи, вот тебе такую надо купить.

А что это у вас там за куколки такие? А мне можно? Так ты теперь к нему на этот его мудлак полетишь? А там почта ходит? Ты давай наснимай там растительности, наверняка есть какие-нибудь новые формы, может, удастся что-нибудь вывезти интересненькое...

* * *

В стенку стучится Азамат – ого, да у него и там, как на двери, сенсорный звонок установлен? Жму на кнопку в ящи-

ке, продолжаю набивать ответ маме.

– Маменька просит куколку твоего изготовления, – говорю.

– Обязательно, – легко соглашается он. – А у неё есть какие-нибудь любимые птицы или звери?

– У неё любимые растения, – говорю. – Но лучше сделай куклу, чтобы наряжать можно было.

Азамат задумывается.

– А как она выглядит?

– Мама?

– Да.

– Ну, примерно как я, плюс двадцать килограмм и очки.

– Очки? – удивляется он. – Неужели у вас на Земле не умеют лечить зрение?

– Умеют, – говорю, – но это надо денег заплатить, в больницу лечь... А ей лень. Тем более жить ей это не сильно мешает, и вообще, ей нравится, что в очках глаза кажутся больше.

Пока говорю, а Азамат качает головой, переваривая информацию, я просматриваю мамин дневник в поисках фотки попримличнее – то есть без лопаты или мотыги, а то с этими муданжскими представлениями о работающих женщинах Азамат меня совсем зажалет. Наконец нахожу.

– Во, – зову его, – гляди.

Он подходит и склоняется над буком, устилая мне весь стол волосами. Долго с интересом изучает снимок, на кото-

ром маменька гордо помещена посреди собственного цветущего сада, прижимая к обильной груди не менее внушительный букет в сине-сиреневой гамме. Одета она в дачную майку такой ядрёной расцветки, что сделала бы честь любой муданжской национальной одежке. Волосы чуток подлиннее моих, но такие же жёлтые и пушистые, забраны назад леопардовым хайратником. Выражение лица – просто Наполеон на троне.

– Она очень красивая, – наконец говорит Азамат, я не удерживаюсь и фыркаю. Он продолжает: – И такая молодая... Тебе, наверное, совсем мало лет...

– Двадцать восемь, – бурчу я. На меня смотрят округлившимися глазами.

– Во сколько же она тебя родила?

– В тридцать два.

Глаза округляются ещё больше. Скоро европеоидом станет.

– Дарлинг, – говорю, – у вас на Муданге в году сколько дней?

– Шестьсот пятьдесят семь...

– А у нас почти вдвое меньше.

Он долго смотрит на меня, не моргая.

– Погоди, – говорит, – правильно... Вы ведь живёте по космическому времени и на планете тоже... Так вы в два раза чаще возраст отмечаете, вот в чём дело! Боги, я даже никогда не задумывался об этом! Вроде как год – он и на Земле год.

Я покатываюсь, а потом призадумываюсь.

– Сколько же тебе по земному счёту получается?. . Около шестидесяти?

– Поменьше немного, – шурится он. – Я и в юности много летал, а в космосе мы считаем года по Земле. А ты, значит, по-нашему только-только совершеннолетняя, как я и думал.

– А сколько вы живёте? – спрашиваю с некоторой опаской.

– Ну как, в сорок лет уже в Старейшины приглашают, а там ещё лет десять-пятнадцать. Отец, вон, за семьдесят перевалил, но это большая редкость.

– Да уж, – говорю, – дерьмо не тонет.

– А что твоя маменька пишет? – Азамат быстро переводит тему. Чего это он, не нравится, что я его папашу поношу? Ладно, психоанализ оставим на другой раз, когда голова не такая дурная будет. Спать-то вроде бы уже не хочу, но этого одного мало, чтобы хорошо соображать.

Перевожу ему мамино письмо, он долго хохочет над кулинарной книгой.

– У вас и правда, что ли, женщины готовят? – спрашивает. – Но ведь это тяжёлая работа: овцу зарезать, освежевать, нарубить...

– Солнце моё, – говорю, – на Земле ты овцу нигде не найдёшь. Найдёшь ты в магазине кусок неизвестно чьего мяса размером в два кулака, без кости и жил, а жир отдельно в баночке. Да и то это ещё поискать надо, а в большинстве случаев оно уже со специями, в панировке и полуготовое.

– М-да, – задумчиво мычит Азамат. – Это, наверное, удобно...

Но по лицу вижу, что в гробу он видал такое удобство.

Потом я ещё долго объясняю, кто такие ландшафтные дизайнеры и зачем они существуют в природе, а также что это уважаемая профессия, хотя и сопровождается копанием в земле, но нет, не волнуйся, на тяжёлых работах пользуются рабочими или техникой. Мама, правда, и сама здорова вскопать поле-другое под вдохновение, но Азамату об этом знать незачем.

За завтраком мы чинно кушаем рыбный супчик с лапшой, а потом за разными бессмысленными занятиями коротаем день. Азамат вырезает очень похожую маму, и я под его чутким руководством изображаю для неё национальный костюм. Мы решаем, что её надо одевать как замужнюю, потому что с двумя детьми девкой ходить неприлично, так что помимо кофты и юбки мне приходится шить некое подобие фартука, пальто, как было на Эсарнай и сложный головной убор – тут не обходится без клея.

Водружаю получившуюся красотищу на полку, чтобы отойти и полюбоваться на расстоянии. Чудо. Рядом у Азамата на стенке висит картинка – я её раньше за полками не замечала. Какая-то пёстрая мазня в рамочке, ничего не разберёшь, разве что местами наводит на мысль о мышах и дискотеке. Странно, обычно примитивная живопись, наоборот, однотонная, но с человечками, зверюшками там... Хотя, мо-

жет, я не осознаю их видение мира.

– Твой земляк, – внезапно говорит Азамат.

– Кто? – не понимаю я.

Он кивает на картинку.

– Художник.

Я решаю, что мне это уже снится, но на всякий случай подхожу поближе, прибавляю свет и вижу внизу под репродукцией подпись: Уассили Кандински, композиция № 6.

– Разве нет? – переспрашивает Азамат, заметив мой офиговший вид.

– По идее, да... – говорю. – Знаешь... Я, э-э-э, не знаток искусства, честно говоря...

– Да, я понимаю, у тебя другое образование, – легко соглашается он.

– А-а... – начинаю я и замолкаю, не зная, как спросить, за каким рожном он держит у себя на стенке эту бессмысленную мазню. Ещё обидится или расстроится, что я так плохо знаю свою культуру. – Я хочу сказать... Он ведь довольно специфический художник... Тебя чем-то привлекло именно это произведение?

– Я очень люблю музыку, – следует ответ. – И меня поражает, как вам, землянам, удаётся её рисовать.

Я решительно прекращаю этот разговор: он явно не для моего слабого ума.

Наконец наступают долгожданные шесть часов дня, когда

можно валить спать. Как это прекрасно, когда от места работы до койки всего одна переборка. Правда, когда мы собираемся укладываться, припирается Алтонгирел, которого Азамат пускает в нашу сдвоенную каюту, дескать, он же знает про переборки, чего ж скрывать. Придётся потом провести с дорогим супругом поучительную беседу о том, что я вовсе не жажду пускать Алтошу к себе лишней раз.

Он застывает на пороге, и, когда Азамат с пульта закрывает за ним дверь, этой дверью его подталкивает внутрь.

– Очень интересно, – говорит, оглядывая наше обобщённое пространство. – Кому из вас стало тесно?

Азамат начинает объяснять, что у нас так принято, но Алтонгирел быстро его обрывает какой-то едкой фразой помуданжски, в которой мне мерещится что-то про подкаблучников.

– И чтобы до полуночи никакого секса, – строго завершает свой монолог духовник, уже на всеобщем. Я показываю ему язык, а Азамат только хмуро кивает и разделяет каюты. Какой же он всё-таки послушный, жуть просто. Только бы Старейшины нас одобрили...

Просыпаюсь, чуть не падая с кровати. Немного придя в сознание, понимаю, что позвонил телефон и я пыталась его схватить, но спросонок промахнулась мимо тумбочки и чуть не ухнула вниз по инерции. Наконец мне удаётся сграбастать изворотливое устройство и нажать на нём нужную кнопку.

– Да!

– Лиза, – там Азамат, – нужна твоя помощь на мостике, пилота дёрнуло током, он без сознания.

– Ща! – ору я сильным голосом, подрываюсь в «кабинет», хватаю аптечку для первой помощи и скатанные рулоном носилки, мчусь на капитанский мостик.

Когда я туда прибегаю, в пижаме и тапочках, пострадавший уже очнулся. Лежит на полу около пультов, скулит тихонечко.

– Ток убрали? – спрашиваю.

– Естественно, – едко отвечает второй пилот. Смотрю – пульт дымится. Да никак у них тут рвануло что-то. Осматриваю первым делом руки – так и есть, входной ожог на пальцах, а выходной обнаруживается на ступнях. Дышит нормально, пульс более-менее.

– Больно?

– Мгм, – кивает.

Пока я его обезболиваю да заклеиваю ожоги, начинаю постепенно врубаться в происходящее. Азамат тут же, полностью одетый, – толком поспать не дали, гады. Стоит «у руля», отдаёт короткие команды второму пилоту. На экранах... джингошские корабли.

– Как он? – бросает Азамат, не оборачиваясь.

– Всё нормально, но ему придётся пару дней полежать.

Азамат согласно мычит.

– Я позову кого-нибудь его унести, – говорю.

– Гонда с Эцаганом, – быстро отвечает он. – Остальные заняты.

Оба парня обнаруживаются в своих каютах, мирно спящими. Нещадно их бужу и отправляю на мостик.

– Я бы и один его унёс, – ворчит Эцаган.

– Мне надо, чтобы он лежал во всю длину и немного головой вниз. Так что понесёте на носилках, как миленькие.

Пока я собираю раскладные боковые палки, ситуация за бортом развивается.

– *Капитан, они окружают.*

– *Знаю, – рычит Азамат сквозь зубы, ожесточённо химича над сенсорной панелью. – Смотри, кто помедленней, Хранщик на орудиях.*

Пару секунд тишина, Эцаган с Гондом насторожённо оглядываются. Боже мой, вот только космического сражения нам сейчас не хватало!

– *Визу брешь!* – радостно выкрикивает пилот. Я чувствую совсем небольшой толчок, и мы резко меняем ориентацию в пространстве. Чего я вообще смотрю на экраны, у меня тут своё дело... Внезапно Эцаган и второй пилот хором выкрикивают:

– *Капитан, там...*

– *Это туннель!*

Мне кажется, я слышу, как Азамат скрипит зубами, но от клавиш он не отрывается.

– *Значит, в туннель.*

– *Но это же явно ловушка!*

– *Посмотрим.*

И мы всасываемся в туннель.

Донести пострадавшего до моего кабинета оказывается гораздо труднее, чем ожидалось: на сей раз нас изрядно швыряет. Ребята оба бледные, а пилот всё просится обратно на мостик, хотя у него практически не работает левая рука.

– Что у вас там случилось? – спрашиваю, чтобы отвлечь его. – Неисправность какая-то?

Из его сбивчивого и не очень грамотного ответа понимаю, что виноват всё тот же хакер, что уже один раз вмешивался в управление кораблём. Что-то он где-то там замкнул в пульте, не знаю уж как, или это я всё не так поняла, но факт тот, что Азамат сейчас от него отбивается, ни на секунду отвлечься не может, а второй пилот в это время пытается рулить.

Тут нас подбрасывает особенно сильно, и он прикусывает язык.

Пару часов тянется мучительное ожидание. Я прибавила в медкаюте температуру, чтобы пациент не мёрз, закатала ему капельницу, чтобы рука побыстрее восстанавливалась, и сижу, жду. Переделалась в уличное. Укачивает. Страшно.

Откровенно бояться я себе запрещаю – в конце концов, у меня нет причин не доверять Азамату наше спасение, а если я тут сейчас истерику раскатаю, это только добавит всем проблем. Так что я сижу за буком, тупо листая картинки с национальными узорами разных народов, и скачиваю себе

всё подряд. Хочется пить, но с недосыпа и перепугу очень не хочется двигаться. Вот если пациент попросит, заодно и себе налью.

Пациент скоро засыпает – реакция на обезболивающее. Я брала знакомую фирму, а она в основном специализируется на стоматологических препаратах, но и для травм они замечательно подходят. Там удобно сделано обезболивающее – совмещено с успокоительным, чтобы пациент не боялся. Прихватываю его нетуго смирительными поясами, чтобы не свалился.

Пить всё-таки хочется, тем более в каюте жарко. Решаю пойти доковылять до кухни, держась за стеночку. Там, конечно, никто ничего не готовил, а ведь время завтрака уже прошло. Ну, у меня-то мои йогурты есть... При виде еды понимаю, что голодная как собака. А вот Азамат там, бедный, пашет, тоже ведь со вчерашних шести вечера ни крошки не ел.

При обыске кладовой обнаруживаю несколько палок сырокопчёного мяса, гроздью висящих на стене. Пробую на всякий случай – жуётся довольно легко, солёненькое такое. Нас снова подбрасывает, меня слегка прищемляет дверью. Ничего, переживём. С некоторым трудом над раковиной нацеживаю в чистую бутылку молока из большой коробки, закрываю крышкой и ползу на мостик.

Тут кроме Азамата и пилота топчутся Ирнчин и деверь Эсарнай. Все в мыле, глаза безумные, на экранах такое, что

меня мутит от одного взгляда – всё крутится, несётся, извивается... беее. И они в этом ещё умудряются лавировать. Азамат переместился за манипуляторы – надо думать, хакер отстал – всё лицо в поту, то и дело пытается рукавом вытереть, а то глаза застилает. Хорошо, у меня всегда с собой платочки. Протираю ему физиономию аккуратно, чтобы обзор не перекрыть.

– Лиза? – выдыхает он, с остервенением выкручивая манипулятор.

– Я, я, – говорю.

– Сейчас мы выйдем... – бормочет он, – из узкой части... станет полегче...

– Да ты не отвлекайся, – говорю. – Я в тебя и так верю.

Он не улыбается, но лицо его немного светлеет. Я присаживаюсь у стеночки – кормить его в таком режиме совершенно невозможно, придётся подождать.

Минут через десять и правда становится полегче: теперь истерическое вихляние в пространстве продолжается не всё время, а с перерывами в пару минут.

– А, Лиза, ты ещё тут? – замечает меня дорогой супруг. – Что-то нужно?

– На, – говорю, – жуй, пока есть возможность.

– Ой да ладно, я бы перебился, пока...

– А ну быстро.

Перебиться-то он, может, и перебился, но уминает всю палку в три укуса. В чём-то всё-таки мама была права...

Остальные трое поглядывают на капитана с завистью, и я обещаюсь принести ещё еды на всех. Тут у них снова начинается опасный участок, и я уползаю, придерживаясь за стенку.

Копчёность идёт на ура, к тому же теперь меня ещё отдельно ценят как сотрудника, незанятого в управлении кораблём и обороне его непосредственно и оттого свободно бегущего по кораблю. В итоге приходится всех обносить.

Фотографии мударжских пейзажей в иллюминаторах начинают меняться на вечерние, когда Азамат наконец-то выпадает с мостика.

– Всё, – говорит он счастливо, потирая уставшую шею. – Мы выбрались. Эти сволочи думали, что мы там разобьёмся, преследовать даже не пытались.

– Вот идиоты, – говорю радостно. Оказывается, всё это время я очень-очень боялась, но понимаю это теперь только по чувству облегчения. – Как будто не знают, что ты у меня непобедимый!

Он хохочет, и я заставляю его наклониться, и мы долго и душевно целуемся посреди холла. Он пахнет молоком и мясом, и ему абсолютно всё равно, что на нас смотрит полкоманды. Сегодня можно, заслужил. Моя одежда пропитывается его потом, и я прижимаюсь плотнее, потому что хочу перенять его запах заодно с силой и удачей. Мой отважный рыцарь, муж мой.

Всё-таки приходится разлепиться, жизнь-то не стоит на месте. Мы тащимся мыться, усталые и счастливые, с чувством, что все дела в кои-то веки доведены до конца и ничто не висит над душой. Можно просто получать удовольствие от жизни. Мы оккупируем ванну второй раз за сутки, и я устраиваю Азамату подробный массаж всего тела, чтобы прогнать даже само воспоминание о каких-то неурядицах. Мы много, долго, вдумчиво целуемся, а потом занимаемся любовью, вспенивая воду и нарочно поднимая фонтаны брызг – этакая оргия жизни после спасения.

Наконец мы вытаскиваем свои промокшие насквозь тела на берег, кутаем их в тёплые халаты и перекантовываем в спальню, где позволяем им рухнуть в произвольных положениях на сдвоенную кровать. Сегодня никакой чумной духовник нам не указ.

– Где мы теперь? – спрашиваю я в полусне.

– В кровати, я думаю, – бормочет Азамат не более осмысленно.

– Не-ет! – хохочу я. – В какой галактике?

– А-а, так в Водовороте. Этот туннель выводит почти к самому Мудангу, завтра вечером уже причалим.

– Ого! – просыпаюсь я. – То есть, получается, мы срезали путь?

– Ну да, получилось, как в той сказке... Эти кусты – мой дом родной.

Мы снова смеёмся, потому что сейчас всё вызывает толь-

ко смех. Азамат жмёт что-то на пульте, и из потолка, в который ушла стенка, выдвигается на ножке экран-иллюминатор, в котором видна система со звездой и несколькими планетами. Азамат увеличивает одну из дальних, приближает её к нам. Она вся равномерно синяя, маленькая такая и похожа на стеклянные шарики для аквариумов.

– А где суша? – спрашиваю.

– Сейчас на другой стороне, – говорит Азамат странным ласковым голосом, как будто о маленьком ребёнке. – Днём увидишь.

Я закрываю глаза и жду дня.

Глава 19

В которой вершится суд

Утром мы оба нервничаем и оба это тщательно скрываем. Не знаю, как у меня, а у Азамата получается плохо. Пялится в иллюминатор пустым взглядом, зубы чистит минут двадцать, наверное, да ещё и личное пространство у него вдруг некстати увеличивается: обниматься мы не хотим, мазаться тоже, и вообще, давай опустим стенку, переодеться надо. Ну, необмазанным он от меня не уходит, и так вчера пропустили, хотя в ванне я, конечно, его всякими гелями полила, но это не то же самое. И всё-таки, как только я заканчиваю втирание, он мгновенно закрывается у себя, не успеваю и глазом моргнуть. Прекрасно. Самое то, что нужно, ага.

Что ж, мне ничего другого не остаётся, как брести на завтрак в гордом одиночестве. К счастью, никто не обращает внимания на мою кислую рожу, поскольку все увлечены мыслью, что вечером уже будем дома. Никто – кроме, конечно, Алтонгирела.

– Дай угадаю, – говорит он с мрачным ехидством, когда я падаю напротив, – закрылся и никого видеть не хочет?

Я даже не отвечаю, только строю рожи. Надо думать, это типичная реакция на стресс. Ладно, кому что. Я на нервах вышиваю, Сашка покупает бытовую технику, Кирилл за-

чем-то во всех комнатах свет включал и ругался, если я выключала... Ну а Азамату, значит, одному надо побыть.

– Ладно, – отмахивается Алтонгирел, – это максимум до обеда. Потом надо будет собираться и его всё равно задёргают.

Киваю, в принципе, я так и думала, что долго ему там не просидеть. Набираюсь духу и говорю Алтонгирелу:

– Нам вообще с тобой поболтать бы.

– О чём? – пожимает он плечами.

– О том. Я так понимаю, всё будет сегодня?

Он кивает, чешет подбородок. Потом снова пожимает плечами, даже два раза подряд.

– Ладно, приходи после еды, поболтаем, если тебе это от волнения помогает.

Закатываю глаза – ну почему ему вечно нужно выставить меня ипохондричкой? Его что, в детстве какая-то женщина обидела, что он теперь нас всех так люто ненавидит? Однако после завтрака послушно плетусь за ним.

– Я, собственно, не знаю, о чём с тобой говорить, – сообщает он мне, зайдя в каюту и закрыв за мной дверь. – Азамат тебе нужен, это я понял. Ты ему – тем более, это и джингошу ясно. Девка ты в принципе неплохая, хотя и с закидонами, но совесть есть, ещё бы пользоваться научилась... Именем ему, опять же, подходишь. Плохо, конечно, что ты командовать любишь, а Азамат слишком послушный. Надо тебе по-смирнее стать, хотя бы задачу такую перед собой поставить.

А дальше уж – что боги решат.

– Это, конечно, прекрасно, – говорю, – что я так завидно выгляжу в твоём описании, но мне как-то интереснее, как будет происходить церемония. Где это будет? Сколько будет народу? Сидя, стоя? Что надо будет делать?

Алтонгирел делает такое лицо, как будто ему вместо старших курсов вуза предложили преподать в дебильном интернате.

– Это будет в доме Старейшин в Ахмадхоте. Старейшины будут все, то есть восемнадцать человек. Ещё я, ты и Азамат. Будем сидеть на циновках, и не вздумай вскакивать, это невежливо. А делать надо будет, что Старейшины велют.

– Ну хоть примерно? Там же, наверное, каждый раз более-менее одно и то же?

– С чего ты взяла? – поднимает бровь Алтонгирел. – Азамат, мягко говоря, необычный человек, а ты-то уж и подавно. Нет, дорогая, у вас будет полный эксклюзив, и даже если я и знаю некоторые элементы, тебе о них рассказывать не стану, ты инопланетянка – так и должна оставаться в неведении.

– Неужели ты совсем не хочешь нам помочь? – вздыхаю я.

– Я могу хотеть чего угодно, но не собираюсь подделывать волю богов. Если им ваш брак на руку, то всё у вас пройдёт гладенько, а если нет, то не склеится, как ни мухлой.

М-да, толку от него не добьёшься. Ну ладно, чему быть, того не миновать, хоть оно дерись. Так я его и дала миновать, ага.

– Эй, Лиза, – окликает меня Алтонгирел с опаской, – не вздумай угрожать Старейшинам. Боги любят смиренных, набей себе это в трубку и скури.

На этом он меня выставляет за дверь, а я ещё долго размышляю: правда ли во всеобщем есть такая пословица или это калька с муданжского.

Вышивания у меня нет, так что я сажусь за вязанье, врубив по буку бесконечный мистико-детективный сериал. Какая-то у меня жуткая невезуха на свадьбы: одна вообще не состоялась – Кирилл сделал предложение, а через месяц его не стало; вторая – силком, третья вот... нервотрёпка сплошная.

К счастью, на обед Азамат таки вылезает из берлоги, хотя и почти не ест. Алтонгирел на это смотрит крайне неодобрительно, видимо, тоже считает, что голодный желудок в ответственном деле не подмога. Так что я в очередной раз пренебрегаю его заветом сидеть смирно, отбираю у Азамата рульку, которую он уже четверть часа меланхолично и безрезультатно гоняет по тарелке, нарезаю маленькими кусочками, потом раскладываю по краю так же нарезанный сыр с зеленью – и принимаюсь канючить, дескать, съе-е-ешь кусочек, ну ма-а-аленький, ну пожа-а-алуйста. В итоге я преуспеваю: скорее всего, Азамату просто перед командой неудобно становится. Алтонгирел корчит рожи, стараясь не улыбаться, чтобы не одобрить ненароком мои действия. Зато я хотя бы спокойна,

что муж накормлен. А то мышц вон сколько, а жира – меньше, чем на мне, кажется. При таком сложении не есть – это над собой издеваться, я считаю.

Потом начинаются сборы. Азамат мечется, надо ли ему вещи паковать, и Алтонгирел советует оставить пока – чтобы не сглазить. Дескать, не говори гоп. Я решаю тоже последовать его совету: во-первых, страшно лень шевелиться, а во-вторых, пусть лучше Азамат почувствует лишний раз, что я с ним заодно, куда он, туда и я, и прочие сентиментальности. Общение у нас не клеится, тем более что Азамат бегаёт по всему кораблю, разбирается, что выгружать, а что оставить из трофеев, рассчитывает премиальные (у них заведено перед прилётом на родную планету делить оставшиеся бюджетные деньги между собой, на случай если кто-то пропустит следующий вылет) и занимается прочими с виду полезными делами. Мне быстро надоедает путаться под ногами, так что я снова сажусь вязать и постигать путь смирения. Ничего, немножко осталось. Сегодня вечером всё решится.

Второй пилот всё ещё валяется у меня в кабинете, но лечить там больше нечего. Рука у него ожила, омертвевшая кожа слезла. Я выдаю ему крем с витаминами, пластырь и выписываю восвояси. Всё-таки удобная штука эта их регенерация, быстро выздоравливают. Потому, наверное, и медицина такая чахлая, что спрос невелик.

Азамат вызывается сам посадить корабль, и первый пилот

покидает мостик с напускной галантностью, дескать, пожалуйста, Азамат-ахмад, всё для вас, не буду мешать воссоединяться с родиной. Я же, наоборот, решаю, что норму по смирению на сегодня выполнила – по крайней мере, до визита к Старейшинам, – и нарушаю уединение супруга под предлогом, что никогда в жизни не видела, как звездолёт садится на планету. Это, кстати, правда: земные машины слишком большие, их вообще не сажают, а до поверхности добираются на шаттлах размером с небольшой самолёт.

Экраны-иллюминаторы показывают мне со всех сторон горы. Слева от нас за них уже начинает заходить солнце. Мне кажется, что оно немного странной формы, и, присмотревшись (благо экран не передаёт настоящей яркости), я понимаю, что солнца там два, большое и маленькое, они просто так близко расположены, что сливаются в одну фигуру.

– У вас два солнца? – спрашиваю я прежде, чем вспоминать, что Азамата лучше не отвлекать.

– Да, – отвечает он. Как ни удивительно, но он, кажется, успокоился. – Мы их называем Солнце и Присолнышек. Он удобный, за полсутки как раз описывает полный круг вокруг большого солнца. Легко время определять.

И правда удобный. Я немедленно проникаюсь уважением к этой неразумной звёздочке, которую угораздило закрутиться вокруг другой.

Итак, вокруг нас плоскогорье, а за ним ещё чуть-чуть видна какая-то зелень – и это в первые дни весны.

– А там сейчас холодно? – внезапно озадачиваюсь я. До сих пор как-то не задумывалась об этом, а тут ведь одеваться придётся... А у меня тёплая одежда-то есть вообще? На Гарнете меньше двадцати двух в принципе не бывает.

– Там градусов двести восемьдесят по Кельвину, – задумчиво отвечает Азамат, аккуратно выводя ручку манипулятора, чтобы мы продолжали ровненько снижаться. В атмосфере-то ветер, все дела...

– А... в Цельсия не переведёшь?

Он даже поворачивается, чтобы смерить меня насмешливым взглядом, потом жмёт на что-то, и в углу экрана высвечивается табличка: «Температура у поверхности 283К».

– Значит, десять, – снисходительно переводит мне Азамат. – Вот уж не штука посчитать.

– Я никогда не помню, сколько вычесть надо, – отмазываюсь. – А вы всегда по Кельвину считаете?

Мало мне было градусников с Фаренгейтом, ага...

– Кто на инженера не учился, вообще не считает в градусах. А при строительстве кораблей в кельвинах удобнее мерить.

Мы продолжаем спускаться, я уже различаю на склонах редкие деревца, что-то хвойное. Однако в блузочке в десять градусов не выйдешь, придётся что-то искать. Со вздохом оставляю Азамата рулить и отправляюсь одеваться.

Перекопав шкаф, прихожу к выводу, что из тёплого у ме-

ня только дарёные меха, которые я все сложила в один общий мешок, потому что доставать в ближайшее время не планировала. Но не знаю... На плюс десять... в мехах... Да и вообще, а вдруг Старейшинам не понравится, решат, что выпендриваюсь... Нет, надо это всё согласовать.

И я снова иду приставать к Алтонгирелу. Интересно, он когда-нибудь будет от меня бегать, как я от него раньше?

Он уже закончил паковаться, сидит на чемоданах, смотрит на меня с неммым вопросом в глазах, почему меня в детстве не утопили.

– Пойдём, подберёшь мне, что надеть, – непреклонно сообщаю я.

Он закатывает глаза, но идёт. По дороге ворчит, что, дескать, я неспособна усвоить простые истины, сказали же, что мои хлопоты ничего не изменят. Угу, знаем-знаем, в школе вон тоже говорили, что формы нету, поэтому приходите, в чём хотите. А потом: треники – дурной тон, а на джинсах коленки пузырями, иди переодевайся в приличное. Нет уж, я своим представлениям о приличном давно не доверяю.

Как выясняется – правильно делаю. Первым номером Алтонгирел категорически запрещает мне надевать тамлингское платье.

– Ты землянка, вот и одевайся, как землянка!

– А зачем подчёркивать мою крутизну? – удивляюсь. – Мне казалось, в этом как раз вся проблема...

– Ты меня позвала, чтобы спорить? Надевай земную одеж-

ду, только не штаны, я тебя умоляю, Старейшины ведь пожилые люди, могут и помереть от такой радости...

Перекапываю шкаф второй раз и раскладываю на кровати все наличные юбки. В конце концов Алтонгирел однозначно указывает на синюю годе. Потом аналогичным образом мы подбираем блузку. В итоге я собираюсь щеголять в водолазке и вязаном блейзере. Вроде бы всё эстетично, но я начинаю чувствовать себя синим чулком...

– Теперь самое интересное, – говорю. – У меня нет никакой верхней одежды.

– А что, все меха ты выкинула? – мягким, исполненным ненависти голосом спрашивает Алтоша.

– Нет, вот они, в мешке, но я не знаю, что из этого можно носить...

Духовник деловито вытряхивает содержимое мешка на кровать третьим слоем и принимается копать в разноцветных чужих шкурах. Вспоминаю, как Азамат тогда про готовку говорил... Зарезать, освежевать... Надеюсь, мне не придётся это наблюдать, не говоря уж о том, чтобы самой... Я рыбу-то живую не беру никогда.

– Во-от оно, – радостно говорит Алтонгирел. – Я же помню, что Азамат брал что-то подходящее.

– А ты с ним ходил, что ли?

– Часть времени, – уклончиво отвечает духовник. Держит передо мной пальто за плечики. Коричневая кожа, короткие широкие рукава, подбитые мехом, длиннущее, и ниже коле-

на тоже сплошной мех.

– Это для запекания ног? – спрашиваю.

– Это чтобы сидеть мягко было, идиотка, – миролюбиво сообщает Алтонгирел, вешая пальто на спинку кровати. – Говорил же, на полу, на коленках сидеть придётся.

Ну ладно, будем считать, что это он обо мне позаботился. А ещё лучше – что это был Азамат. Дальше я получаю строгую инструкцию надеть оба хомы и «не выпендриваться», не хамить Старейшинам и ему в их присутствии, не упоминать, что работаю, и вообще всем своим видом выражать, как я хочу быть хорошей женой, что бы это ни значило. Ни на одно собеседование на работу я никогда так не готовилась.

Прибредаю обратно на мостик, с непривычки волоча ноги под тяжестью настоящей кожи и меха, когда Азамат как раз только-только нас посадил. Сквозь атмосферу все всегда медленно ползают, не знаю уж почему.

– Как ты благородно выглядишь, – говорит он мне с огоньком в глазах. Похоже, на смену нервам пришёл азарт. В данной ситуации это хорошо. – Пошли на выход.

– Понесёшь мой хом до места? – прошу. – А то, я боюсь, карман оторвётся.

– А что ж ты маленький-то?..

– Алтонгирел сказал, оба.

– А, ну если Алтонгирел сказал...

Все эти маленькие разговорчики кажутся мне последними попытками зацепиться. Вроде как с одного корабля на дру-

гой переброшена пара канатов, а между ними место пустое, вот и пытаемся его паутинкой затянуть, чтобы хоть что-то было. Внезапное внимание к детали: а как он вот это слово произносит, с какого конца он начинает строить фразу, какими жестами себе помогает? Как выбившиеся из косы пряди елозят по воротнику куртки, в какую сторону стоптаны ботинки, совсем ли чёрные глаза или всё-таки можно отличить зрачок от радужки? .

Мы проходим мимо столовой, и Азамат оказывается между ней и мной, а я хотела взять с собой бутылочку воды, потому что на нервной почве всегда хочу пить. Я ещё даже не успеваю ничего озвучить, только поднимаю руку и беспорядочно шевелю в воздухе пальцами, но он вдруг отходит, освобождая мне проход.

– Ты чего? – я даже удивляюсь.

– Я думал, ты хочешь зайти на кухню, нет?

Я смеюсь. Неужели мы можем друг другу не подойти?

Впрочем, нервничать оказывается ещё рано. Мы вытряхиваемся из тёплого светлого звездолёта на горное плато, открытое всем ветрам. По одну сторону гор два солнца тонут в море травы, но нам, конечно, надо на другую, где всё серое и безжизненное, и только какие-то огонёчки вдали видно.

– И как мы отсюда? – спрашиваю, кутаясь поплотнее в пальто. Может, ещё не поздно сбегать за всеми остальными меховыми изделиями?

– По канатной дороге, – отвечает Азамат, повысив голос, чтобы было слышно сквозь ветер. Я чуть в обморок не падаю.

– Я там окоченею! – в ужасе кричу я.

Он мотает головой.

– Кабинки закрытые и с подогревом!

Ну ладно, уломал. Позволяю отвести себя по долблёной лестнице на несколько метров вниз, в серые сумерки, где посадочная площадка канатной дороги. Она, видимо, функционирует всё время, по крайней мере, не останавливается, чтобы впустить пассажиров, так что Азамат подсаживает меня в подъезжающую кабинку (мне высокогато), а сам залезает, когда мы уже почти отплываем от площадки. Кабинки рассчитаны на четверых, но мы уезжаем вдвоём, не знаю уж, как остальные.

В кабине действительно быстро становится тепло. Азамат для меня поворачивает регулятор температуры на несколько делений. Свет очень яркий, из-за него ничего не видно снаружи. Не могу сказать, что я в данный момент способна любоваться пейзажем, но я замечаю тоскливый взгляд, которым мой дорогой смотрит за окно, и предлагаю выключить свет.

Мы спускаемся почти вертикально, и я боюсь смотреть вперёд, ибо там должна открываться бездна. Хорошо хоть кабинки не как тот лифт на Гарнете, не совсем прозрачные, а то бы я до низа не дожила, наверное.

Потом скала немного наклоняется и начинаются сосновые

заросли. Сосенки тут крошечные, максимум метра три в высоту, и такие же лиственницы. Растут они довольно плотно, макушками шаркают по дну кабинки.

– А как вы грузы транспортируете? – спрашиваю. Не в кабинках же, правда...

– На лифтах под гору, а оттуда монорельсом по туннелю, – объясняет Азамат, не отлипая от окна. – Но это медленнее, чем по канатной, к тому же тут виды...

Виды меж тем подрастают – теперь мы прём над полно-размерным сосновым лесом. Огоньки вдалеке немного приближаются и начинают напоминать город, тем временем сумерки сгущаются всё сильнее, и теперь внизу уже не различить цветов, только чёрные контуры. Посреди города и в обе стороны от него, особенно влево, я вижу какой-то блеск.

– Это река, – объясняет Азамат. – Ахмадмирн, наша великая прама-терь, с водами которой все мы вышли на свет из недр...

Он явно настроен на лирический лад и продолжает нести что-то мифологическое, местами переходя на муданжский, а местами и вовсе напевая. Я ныряю ему под мышку и прижимаюсь к нему виском где-то в районе нагрудного кармана, слушая, как наполняются и сжимаются его большие лёгкие, и стараюсь впитать этот ритм в подкорку, чтобы жить дальше в согласии с ним.

Я начинаю чують запах своих духов – Алтонгирел заставил попрыскаться одними из дарёных. Это странно, потому что

обычно я не чую тот аромат, который на мне, и оттого всегда боюсь переборщить. Кажется, это и произошло, потому что запах вдруг становится ужасно сильным, я принимаюсь вертеться и обнюхивать себя – как же так вышло, что вдруг почувяла?

– Слушай, – говорю, – это от меня так? . .

– Черёмуха, – с блаженной улыбкой идиота отвечает Азамат. – Весной в столице всегда цветёт черёмуха. Ты удачно выбрала духи, в запахе черёмухи всё счастье весны. *Из зимней стужи прочь мы вышли без потерь...*

И он снова принимается что-то напевать, прижимая меня поближе. Какое это странное сочетание: ночь, горы, холодный ветер, огни впереди, густой запах цветов и басовитое мурлыканье над ухом – мне кажется, эта картина будет вспоминаться мне теперь всякий раз при слове «надежда».

Мы вытряхиваемся из кабинки прямо на дорогу, и я очень радуюсь, что надела сапожки – грязь под ногами та ещё.

– Не в лужу? – заботливо спрашивает Азамат. У него не было особенно времени смотреть, куда я спрыгиваю из шустрой кабинки.

– Не более чем везде вокруг, – пожимаю плечами.

Половина команды уже здесь, другая следует за нами, но нам никто, кроме Алтонгирела, не нужен, а он прибыл первым. Они с Азаматом обмениваются решительными взглядами, и мы снимаемся с места, а с нами примкнувший Тирбиш.

Собственно, эта дорога, как мне объясняют, окружает город, и от неё через более-менее равные промежутки идут радиальные улицы, а в центре всего как раз и стоит дом Старейшин. В мударжском языке это здорово устроено: всякие слова типа «дом», «человек», «зверь», «работа» могут присоединяться к чему угодно в качестве пояснения. Например, «устройство человек» – механик, «спать мебель» – кровать, и так далее. Вот и «Старейшины дом» мало чем отличается от, скажем, «куры дом», то есть курятник.

Дома вокруг одно- и двухэтажные, построенные, как мне объяснили, из самана. Они очень забавные, как игрушечные, все такие закруглённые с углов, с балконами и нишами в неожиданных местах.

У третьего по счёту дома от окружной дороги мы останавливаемся. Это дом Тирбиша. Он заходит внутрь ненадолго, мы видим только силуэты в освещённом, но зашторенном окне, а потом выходит вместе с мужчиной постарше, скорее всего, отцом. Мужчины раскланиваются, обмениваются приветствиями, пока Тирбиш выгоняет машину. Я с трудом удерживаюсь, чтобы не заржать: представьте себе внедорожник без верха, который растянули вширь почти вдвое, на колёсах от трактора. Мы грузимся внутрь, Азамат ворчит, что с удовольствием прошёлся бы по городу пешком, всего-то час ходьбы до центра, но Алтонгирел ему веско возражает, что он тут не один, а в темноте да по слякоти пусть его враги ходят. Задорная машинка проявляет себя прекрасно: не

знаю уж, какая там дорога, но не трясёт вообще, как по озеру плывём.

– *Хорошо справляется,* – говорит Азамат затылку Тирбиша, хлопая по сиденью.

– *Ну!* – охотно соглашается Тирбиш. – *Недаром же я у вас учился!*

Дальше я понимаю плохо, но, видимо, фишка в том, что машину эту Тирбиш собирал сам, а у Азамата их на счету сотни. Интересно, тоже все на скамейки похожи?

И вот мы у дома Старейшин. Это очень простое здание, одноэтажное, прямоугольное, только чуток сглаженное по углам, крыша из какой-то странной блестящей черепицы, окон мало, и они сдвинуты к торцам, а посередине вообще нету. Стоит дом на высоком фундаменте, к дверям надо по лестнице довольно круто подниматься. Как же эти стариканы-то восползают? . Но времени задумываться у меня нет, да и вообще, стоит переключиться на какие-нибудь более благородные помыслы. Соринку у мужа из волос вынуть, например, типа внимание проявить. Хом у него взять, напялить.

Он искательно заглядывает мне в глаза, я сжимаю его руку, мы синхронно делаем глубокий вдох и ныряем в двери.

В доме тепло, даже душноовато, и смердит какими-то благовониями. Я ожидала чего-то в таком духе и запаслась леденцами от головной боли, которая у меня всегда начинается

от всяких ароматических палочек. Брат в детстве на основе этого делал вывод, что я настоящая нечисть.

Азамат не дрожит, ещё не хватало, но движения у него дёрганные, неуклюжие. Войдя, мы оказываемся в маленьком тамбуре, где положено оставлять обувь. Мужикам-то хорошо в носках, а я что-то не подумала... И духовник не сказал ничего, конечно. Такие сапоги, как у меня, с мягким ворсом внутри, лучше теплоизолируют, если между ними и ногой ничего нет, тогда и нога не потеет, вот я носков и не надела. Ну ладно, буду босиком, хоть не запарюсь в пальто, может быть. В противоположном ото входа конце тамбура отодвигается занавеска, из-за неё выходит молодой человек в традиционном халате и приглашает нас внутрь. Кстати, Алтонгирел тоже вырядился, да и Азамат мою рубашку надел, а с гизиком он так и не расставался.

За занавеской длинный зал, и мы оказываемся прямо в центре. Мебели тут почти нет, только вдоль торцевых стен комоды, а под дальней от нас стеной на возвышении на больших подушках восседают все восемнадцать Старейшин. Они все действительно выглядят старыми. Половина из них носит жидкие длинные бороды и усы, переплетённые лентами и гизиками и унизанные бусами (в том числе, кажется, драгоценными), другая половина – чисто выбритые. Практически все седые, причём абсолютно белоснежной сединой. На них богато вышитые халаты, яркие штаны и длинные мягкие сапоги, на некоторых ещё те самые шапки с башенкой

посередине. Комната ярко и равномерно освещена жёлтыми лампами, встроенными заподлицо в потолок.

Азамат и Алтонгирел (а Тирбиш с нами не вошёл) пояс-но кланяются, и я повторяю за ними, поскольку не получаю никаких других инструкций.

– *Азамат Байч-Харах*, – скрипуче говорит сидящий на-против меня огромный дед с золотой цепочкой в бороде.

Азамат делает два шага вперёд и садится на колени.

– *Алтонгирел, ученик Изинботора*, – называет дед. Алтон-гирел тоже идёт вперёд, но занимает место не рядом с Аза-матом, а у ног одного из бритых Старейшин поближе к ле-вому краю, красивого, статного и не очень старого ещё муж-чины. И тут же принимается ему что-то нашёптывать. Тот кивает и громко говорит:

– *Элизабет Гринберг*.

У него такой сильный мударжский акцент, что я еле опоз-наю своё имя. Иду вперёд и сажусь рядом с Азаматом, ди-ко озираясь, – а вдруг я должна что-то другое сделать? Но вроде нет.

Старейшины принимают перешёптываться, потом дядя на-против меня (видимо, местный церемониймейстер) спра-шивает:

– *А это твоё имя – что?*

Я с некоторым трудом соображаю, что он хочет получить значение. С надеждой гляжу на Азамата, но он не реагирует, смотрит перед собой, хотя вроде не в прострации.

– Азамат, – шепчу, – ну поговори с ним!

Он только коротко мотает головой. Алтонгирел смотрит на меня как на убийцу. Вот подонок, мог бы заранее предупредить, что разговаривать нельзя! Ладно, будь проклята конспирация.

– Элизабет, – говорю неверным голосом, – *божья клятва*, – в мударжском языке удобно, что непонятно, кто кому поклялся, потому что этого я в своё время так и не удосужилась выяснить. – Гринберг – *зелёная гора... это просто место... происхождение...*

Господи, как же меня колбасит! Ещё никогда не было так страшно говорить на чужом языке. Кроме обычных страхов «а вдруг что неправильно» тут ещё и сознание вины, что обманывала мужа... Конечно, меня никто не спрашивал, понимаю ли я мударжский, но это хилая отмазка...

Кошусь на Азамата – а он на меня со своей фирменной удивлённой улыбкой, даже немного умилённой. Решил, что я специально несколько слов выучила, что ли? Ладно, потом будем разбираться. На Алтонгирела старательно не смотрю.

Старейшины, впрочем, принимают моё знание языка как должное – ни тени удивления. Самый крайний справа дедок, сморщенный, как изюм, карябает что-то в толстом ежедневнике. Остальные откидываются назад в свободных позах и некоторое время изучающе на нас смотрят. Я потихоньку беру Азамата за руку. Смирение – смирением, но вдруг они решат, что я не хочу за него?

Один из Старейшин, бородатый и какой-то особо ухоженный, хмыкает и качает головой.

– *Азамат*, – говорит он, – *бормол у тебя изменились?*

Муж мотает головой. Старейшина кивает. Этот язык голов мне несколько приелся, но он хотя бы понятный в отличие от загадочных *бормол*.

Старейшина подзывает ученика, который провожал нас внутрь, и говорит ему что-то неразборчивое, тот идёт к одному из комодов у стены, выдвигает и вынимает верхний ящик и подносит его нам. В ящике бешеная прорва деревянных статуэток-игрушек, изображающих всё на свете, примерно как Азаматова собственная коллекция, только раз в десять побольше.

– *Вызывай*, – говорит Старейшина. Азамат немного роет-ся в гремящих деревяшках и извлекает три предмета: книжку, саблю и старика с посохом. Раскладывает их перед собой.

Старейшина кивает и поворачивается ко мне:

– *Вызывай*.

Ну я понимаю, что надо выбрать фигурки. Но по какому принципу?! Сформулировать это по-муданжски я не смогу, даже если вспомню все слова и правильные формы, просто потому что слишком нервничаю, и голова не варит. Так что я только беспомощно разеваю рот и растопырываю ладони, дескать, спасите, не понимаю ничего.

Старейшина с золотой цепочкой сжаливается:

– *Тебя описывают бормол выбери*.

Ох, что-то я прослушала на уроках в колледже... Ладно, поищем *бормол*, которые «меня описывают». Что я им о себе хочу сказать? Что я буду хорошей женой. Что требуется от хорошей жены? Дети, вестимо. Роюсь в статуэтках, но детей не нахожу. Ни люльки, ни коляски, ни бутылочки, ничего даже отдалённо напоминающего о ребёнке. Правда, там есть некоторые предметы, которые я не могу соотнести с реальностью, но их выбирать я боюсь. Ладно, что ещё нужно от жены? У них женщины не готовят, это мимо. С любовью тоже туго, да и как они её изобразили бы? Сердечком? Кстати, сердца даже как органа тут нет. Из одежды нахожу шапку и сапоги, но подозреваю, что они значат что-то ещё... Боже

мой, тут так всего много, я могу что-то просто не найти, даже если оно есть! И уже так долго роюсь, и уши у меня красные, я чувствую, и это меня так злит, прям щас расплачусь! Нет, тихо, девочка, смирение, сказали тебе! Ищи.

На глаза попадается подушка. Такая, на которой сидят. Вышитая (это прямо прорезано), со вмятинкой посередине. Что ж, и то хлеб. Подушка – это удобство, уют, утеха, постель, в конце концов. Правда, может, тогда уж кровать... Но ещё полчаса искать – нет уж, они меня выгонят. И так вон некоторые зевают, Алтонгирел лицо руками закрыл. Блиинин, я такая дура...

Ладно, подушка. Едем дальше. Будем исходить не из того, что я хочу сказать, а из того, что есть в наличии. Вот вижу зонтик, полуоткрытый. А у Азамата старик с посохом. Ну, резво вспоминаем Библию, в каком-то детективе попадалась цитата про жену... «опора спокойствия его»... Конечно, где Библия, а где Муданг, но всё-таки древний текст, архетипический. Тем более зонтик, не просто тросточка. Можно и как защиту от невзгод понять. Короче, пойдёт.

Осталось всего один. Господи, а лучше, боги, вы, эти, муданжские боги, подкиньте что-нибудь уже, а? Так, ещё раз, у Азамата старик, меч и книга. Ну, меч – это не ко мне, разве только как фаллический символ... Но нет, спасибо, искать тут ножны я не буду, все идут лесом, это уже слишком. Старик – опять же, посох, а что он ещё может значить? Кроме нужды в опоре? Старость – мудрость, так? И книга. Надо бы

что-то с книгой... Вон Алтонгирел не верил, что мне может быть интересна книжка, значит, это будет сильная отличительная черта, да ещё и наша с Азаматом общая. Он – книжник, я тоже с образованием, у них это диковинка, но у нас общие интересы... О! Вижу книжку. Ура! Есть!

Гордо и с великим облегчением выкладываю из ящика книжку. Она поменьше, чем у Азамата, но это вполне логично, он всё-таки специалист, да и старше.

Голова у меня совсем ватная, а ведь это ещё наверняка не конец. Соберись, девочка, это тебе не экзамен на международный сертификат, который можно сдать на будущий год. Это на всю жизнь.

Старейшины тихонько шипят. Те, что подальше сидят и паршиво видят, просят им рассказать, что я выбрала, и им по испорченному телефону передают. Тогда дальние тоже начинают шипеть на вдохе. Не знаю уж, что это значит.

Азамат... Азамат, дико вытаращившись, переводит взгляд с меня на фигурки и обратно, как будто у меня там топор, скалка и череп, как минимум. О-ох как плохо, что я не знаю принятых значений фигурок... Алтонгирел, скотина, ты должен был мне это сказать, ведь знал наверняка, что надо будет выбирать! Да и Азамат знал, у него даже с давних пор один и тот же набор есть, всем известный. Боже мой, ну в чём я облажалась, что вы на меня все так смотрите? Ну не знаю я, не знаю, что надо было выбрать!

Ухоженный Старейшина чуть влево от Азамата качает го-

ЛОВОЙ.

– *Это невозможно*, – говорит он. Господи, уж не про нас ли?!

Остальные общим гулом соглашаются – *нет, конечно, никак*.

Азамат бледнеет и опускает глаза, я вцепляюсь в его руку. Нет, ребята, так не пойдёт, я не верю, вы ещё не закончили! Что это за идиотская соционика?!

Дед с золотой цепочкой в бороде внезапно покатывается со смеху, хлопает себя по коленке:

– *На какую девку позарился! И ведь привёз, не сбежала!*

Я уже готова убивать. Сидит, хохочет, козлиной бородой своей трясёт. Остальные поддакивают. Ладно же, давайте я с вами по-вашему...

– *Он мою душу украл!* – выпаливаю. Съели?

Скорее уж подавились. Смех мгновенно умер, но лица их не стали просветлённее, скорее уж нахмурились, как будто я неприличный анекдот рассказала. Азамат на меня смотрит со всей своей высоты, дескать, ты что, брось бяку. Алтонгирел беззвучно артикулирует «спя-ти-ла». Мне остаётся только закусить губу – в основном, чтобы не вцепиться зубами кому-нибудь в глотку. Вот только заплакать не хватало. Не надейтесь, унижаться не буду.

Ладно, мы сейчас выйдем. У Азамата есть на планете двенадцать часов. Прошло от силы три с момента посадки. Эти Старейшины ведь не живут здесь, они уйдут на ночь.

Вряд ли всем скопом, по команде. Значит, можно будет отловить нескольких по одному, поговорить. От мужиков помощи ждать не приходится, но ничего, я сама. Я красивая, гордая, сильная. Попрошу в виде исключения, частным порядком. Предложу полечить... да хоть глаза, линзы-то выдать не штука. А вон тот носом шмыгает. А у этого в животе урчит как-то нехорошо, и держится он за него. Есть чего полечить. Или деньгами. Плевать, что всё это нереально. Утром Азамат улетит, а я останусь и буду ездить им по мозгам, пока не согласятся. Я хорошо играю в клеща...

Азамат пытается стряхнуть мою руку, но я впилаась на совесть. Смотрю на Старейшин, жду чего-то. Один мне помахал, дескать, уходи уже. А вы думаете, я могу встать? Прожигаю его взглядом, и он хмурится. Так-то, махать мне тут, старая плесень. Какого чёрта ты мне не даёшь жизни, а?

Я накручиваю себя до того, что уже готова действительно их побить, но тут крайне-правый дед с ежедневником вдруг привлекает общее внимание громким болезненным воплем. Я подскакиваю, в голове проносятся дурные мысли, вот уж с кем поведёшься... – не призвала ли я на их головы какое-нибудь проклятье? Или это мой шанс пошантажировать почтенный Совет?

Но вопль относился не к внезапной хвори, а к дыре в памяти. Дедуля шатко поднимается на ноги и ковыляет к комодам, приговаривая что-то вроде *«где же это было, где же эт-то бы-ыло, цыпочки-лапочки, листочки мои...»*. Он

принимается рыться в ящиках, сопровождая свои действия бесконечным количеством свободно льющегося фольклора.

Надо мной вырастает Алтонгирел и тянет за рукав. Сейчас я уйду, как же. Нет уж, не раньше, чем этот дед найдёт, что ищет. И Азамата не отпущу, хоть руку отрывай. Моё. Не трожь. Не трожь, кому сказано! Ты и так мне сегодня всё испортил. Вот, получи локтем в коленку. Попадаю в сухожилие, Алтоша еле сдерживается, чтобы не взвыть, губу прикусывает, но отходит. Кажется, кто-то из Старейшин это видел, и теперь по рядам идёт новая сплетня. Азамат несколько безучастно наблюдает за старичком у комода, с тем же успехом можно смотреть на водопад.

А водопад мой тем временем прерывает свой поток речи и с победным воплем (мало отличающимся от первого) извлекает какой-то древнющий документ, обтрёпанный так, что непонятно, как ещё вместе держится.

– *Глядите-ка!* – радостно взывает дедуля к остальным Старейшинам. – *Поглядите, нашёл!*

Листочек кочует из рук в руки, оставляя на лицах задумчивое выражение. Старейшины с левого края устают ждать, когда до них дойдёт, вскакивают и подходят сами, заглядывают через плечи... Я начинаю чувствовать, что про нас все забыли.

Наконец наш церемониймейстер поднимает голову, стараясь не отрывать взгляда от загадочного листочка, и бросает нам:

– Выйдите, нам посоветоваться необходимо, мы с вами ещё не решили.

Мы с Азаматом выходим в тамбур, а оттуда куда-то вбок, в одну из комнат с окнами. Азамат устало опускается у стены и потирает лицо. Я сажусь рядом. Господи, я вся упрела там в этой духотище. Мы долго молчим.

– Зачем ты это сказала?

– Что?

– Про душу.

– В моём сознании это хороший довод.

– Это неприлично говорить при посторонних. Тем более при Старейшинах.

– Да, я поняла по взглядам. Кстати, спасибо за моральную поддержку, ты столько усилий приложил, чтобы у нас всё получилось.

Понимаю, что глотаю слёзы. Мне кажется, я не доживу до второго приговора. Азамат тяжело вздыхает. Ну да, сейчас будет мне рассказывать, как моё недовольство лишний раз указывает на то, что мы не пара.

– Лиза, я не могу угадать, что для тебя очевидно, а что – совершенная дикость. Для этого... нужен какой-то взгляд извне. Мне даже в голову не могло прийти, что ты не будешь знать, что делать с *бормол*. Ты ведь у меня их видела, мы столько о них говорили...

– А ты знал, что я понимаю ваш язык? – перехожу к следующему пункту претензий. Ладно, с фигурками, может, и

правда не сообразил. У меня такие случаи с иностранцами в гостях тоже бывали.

– Нет конечно, я очень удивился!

– А тогда как ты себе представлял, *как* я должна общаться со Старейшинами?

– Я говорил об этом с Алтонгирелом... Он считает, что если боги хотели бы нашего брака, они бы тебе помогли. Так и случилось...

– Чёрта с два они помогли! Я просто в колледже его учила два года!

– Боги могут менять и прошлое, – пожимает плечами Азамат.

Я роняю голову на колени. Господи, да что же это такое! И это первые часы на планете! А он уже такой чужой... Нет, нет, не надо так думать, всё наладится! Он ведь такой хороший, он всё для меня делает, он умный, смелый, сильный, непобедимый и прекрасный! Так трогательно обо мне заботится, и это его такое родное лицо из прошлой жизни, улыбка доброго бога...

– Азамат, – говорю, – ты меня любишь?

Глупо, но нужно.

– Конечно, – удивляется он. И неправильно понимает.

Чёрт.

– А душу я у тебя украла?

Опускает глаза.

– Зачем тебе это?

– Мне надо знать. Пожалуйста, скажи. Мне это важно. Я слышала тогда, но это было так ненадёжно...

– Ну да, – произносит он, почти не открывая рта. И смотрит на меня с опаской. – Я знаю, что ты ненарочно...

– Хорошо, – говорю. – Значит, твоя душа у меня, а моя у тебя. И нам никак не распутаться, мы очень крепко связаны вместе. Не забывай об этом, пожалуйста.

Он хочет что-то ответить, но тут нас зовёт всё тот же ученик.

Когда мы входим в зал второй раз, я уже уверена в ответе. Мне шибает в нос затхлый душный запах набитого людьми помещения, но я знаю, что мне недолго предстоит тут быть.

Старейшина с цепочкой откашливается, поглядывая всё в тот же ветхий листочек, который явно ещё сильнее обветшал после такого активного чтения.

– Мы... решение пересмотреть вынуждены. Забытыми текстами, неправильно решили.

Я сглатываю его грамматику, примерно соображая, что это должно значить. Великий и могучий, да.

Наставник Алтонгирела внезапно взрывается:

– Неправильно! Это не так называется! Боги нам иное решение навязывают!

– Слишком громко, – веско говорит дед с цепочкой, и учитель Алтоши замолкает. – *Голосовать пришлось*, – поясняет он нам.

Ого, да мы тут будем самой популярной сплетней на

несколько месяцев, я так чувствую.

– *Так вот,* – продолжает «спикер», – *Старейшина Ун-гуц великой памятью обладает, древнее пророчество вспомнил. Того пророчества посередине ты написана. Вот, кхм,* – откашливается, приближает листок к глазам. – *Волос витой, плечи узкие, белая жена... э-э... се грозная богиня есть. Так... Это вам не надо... Вот, дальше. Чёрное лицо, однако тёплая душа высокий воин ту жену полу-учит... ну и дальше всё хорошо кончается, а уж как – не ваше дело. Побыстрее говоря, мы вас поженить должны. Поскольку боги ясно говорят когда, нечего и раздумывать.*

Учитель Алтонгирела, а с ним ещё двое фыркают и ругаются себе под нос, но большинство есть большинство, да ещё и подавляющее.

Старейшина-духовник, всё это время тихо сидевший справа от «спикера», подзывает нас к себе жестом. Мы встаём и подходим. Азамат, по-моему, с трудом держится на ногах. Бритый старик берёт наши хомы в руки, что-то шепчет, еле-еле выдыхая, отпускает – и они становятся абсолютно невесомыми. Он опускает руки и делает вид, что его вообще тут нету.

Старейшина-церемониймейстер улыбается нам по-отечески и молвит – вот именно, что не говорит, а мо-олвит:

– *Сту-упайте, сту-упа-айте, и пусть у вас волею богов всё получится.*

Мы уходим, оставляя за спиной пятнадцать благословля-

ющих улыбок и светящихся пар глаз.

Глава 20

В которой пейзаж заселяется портретами

Азамат даже пугается моего истерического хохота, а уж тем более когда я сползаю по прохладной шершавой стене дома Старейшин – решает, что мне плохо. А мне не плохо, мне очень-очень хорошо и легко так невыразимо, кажется, вот сейчас прямо отсюда могу на крышу сигануть, как блоха. Ну или ветерком подует – улечу.

Наконец, досмеявшись до слёз, кашля, икоты и колик, я нахожу в себе силы прекратить хаос, а то Азамат и правда нервничает, а уж он-то больше меня заслужил сейчас вздохнуть с облегчением. Сидит передо мной на корточках, за руки держит, воркует по-муданжски:

– *Лиза, Лизонька, ну что ты, тише, тише...*

Обнимаю его.

– Поднимай, – говорю.

Он встаёт со мной в охапке, как будто с пустыми руками, так легко. Ему, наверное, теперь тоже легко, как мне, и даже легче. Когда он меня ставит, мне кажется, что он сам уже парит над землёй, нависает оттуда сверху, огромный, как столб дыма, вот-вот ветром развеется. Но и я сама представляю из себя сгусток черёмухового запаха, не более. Подпрыгиваю на

месте, не знаю зачем, и вдруг и правда подлетаю так высоко, как никогда раньше не удавалось.

– Ух ты! – заявляю авторитетно. Гляжу вниз – да нет, ничего особенного, те же плитки, которыми вся площадь с домом Старейшин выложена. Подпрыгиваю ещё раз – и снова невероятно высоко. Хом болтается на шее, как пенковый: вижу, но не чувствую.

Азамат смеётся:

– На Муданге притяжение меньше, чем на Земле, планетка-то маленькая!

– А почему я это только сейчас заметила? – удивляюсь.

– Кто тебя знает? – пожимает плечами Азамат. – Мысли тяжёлые думала, наверное.

– Зато теперь голова абсолютно пустая, – пожимаю плечами. – Автопилот пьян, так что командуй, как мы живём дальше.

– Ну, для начала я бы что-нибудь съел, – говорит Азамат настолько аппетитно, что я немедленно заражаюсь идеей. А заодно вспоминаю про припасённую воду и выхлёбываю полбутылки на радостях. Оказывается, у меня ужасно пересохло во рту.

– Веди, – говорю, – туда, где кормят!

– Ещё бы я знал, где теперь кормят... – бормочет он растерянно. – За столько лет всё могло десять раз поменяться...

На наше счастье из-за угла вырывается Тирбиш. Правда, он сразу засекает озабоченный вид Азамата и меня в слезах,

и лицо его делается таким жалостливым, что у меня аж сердце сжимается.

– Что... всё? – неловко спрашивает он подходя.

– Всё отлично! – говорю я с широченной улыбкой сквозь слёзы. – Мы просто не можем решить, где лучше закатить пир горой в честь окончательного соединения прекрасных нас семейными узами!

Тирбиш по ходу моего монолога демонстрирует всё больше зубов и под конец начинает напоминать акулу. Азамат похлопывает меня по спине.

– Лизонька, у тебя точно вода в этой твоей бутылке?

– Точно, – говорю, неуклюже протягивая ему бутылку. – На, проверь. Я вообще удивляюсь, что ты такой спокойный, можно подумать, твёрдо знал, что всё так и выйдет!

– Твёрдо знал! – фыркает Азамат. – Да я до сих пор поверить не могу! Тем более мне прошлой ночью наснилось столько вариантов, как всё случится, что я уже совсем не отличаю, где сон, где явь.

– Так пошли в *«Щедрого хозяина»*, там быстро разбудят! – предлагает Тирбиш, махнув влево, где, видимо, и находится оное заведение.

– Он ещё стоит? – удивляется Азамат. – Я думал, после смерти старого Угуна *«Хозяин»* долго не простоит, – он продолжает говорить, пока мы садимся в машину. – Его племянник ведь ни за что не хотел переезжать в Ахмадхот, а больше и родственников не было живых вроде бы.

– Не хотеть-то он не хотел, – говорит Тирбиш, вырুলивая с площади на одну из радиальных улиц, – да только старый Угун его не спросил. Устроил всё так, чтобы трактир ни на день не закрывался, вы же помните, как он это умел.

Мы подъезжаем к особо глубокой луже, и Тирбиш форсирует её, не снижая скорости. Фонтаны из-под колёс, конечно, до небес, но нас даже не качнуло. Сашка бы за такую машину полцарства отдал, у него вокруг дачи дороги-то не лучше в межсезонье.

Нужный нам трактир оказывается совсем близко – оно и немудрено, Ахмадхот вообще небольшой город. Это тоже саманный дом, большой и круглый, насколько я могу судить, с маленькими окнами, подсвеченными красным и оранжевым, а над входом торчит уж очень толстый козырёк. Темновато для рассматривания, свет только из окон соседних домов да из фар Тирбишева драндулета.

– *Развернись, посвети,* – говорит ему Азамат. – *Лиза ведь не видела...*

Тирбиш послушно разворачивает машину так, чтобы фары глядели на здание трактира, и становится видно, что козырёк – вовсе никакой не козырёк, а голова вроде змеиной. Через несколько секунд я понимаю, что всё здание представляет собой гигантскую черепаху с монументальными ножищами-колоннами, подпирающими покатую крышу-панцирь.

– Ух ты-ы-ы... – протягиваю я, рассматривая исполинскую черепаху. Она правда как живая, не стилизация ка-

кая-нибудь, не намёк, а просто того и гляди двинется на нас, разевая свой драконий клюв.

– Пойдём, пойдём, – посмеивается Азамат. – Налюбуешься ещё на архитектуру теперь.

А сам довольный, как слон, что я так впечатлилась.

– Да уж, – говорю, – это не гарнетское стекло с пальмами.

Мужики ржут.

Внутренность «Щедрого хозяина» не уступает наружности. Там и правда красно-оранжевое освещение, не очень яркое, но видно хорошо. Потолок представляет собой гигантский зонтик, вдоль спиц которого развешаны фонарики, бусики, ленточки, шнурочки, статуэточки и прочая дребедень. Посередине зала, очевидно, кухня, распространяющая во все стороны здоровые запахи вкусной, сытной и разнообразной пищи. Там заправляет сурового вида тётка в три обхвата, а к ней иногда присоединяется спящая по залу официанточка в свободных штанах, тоже не дистрофичная, мягко говоря.

Сам зал представляет собой очень толстый ковёр, по которому хаотично раскиданы подушки для сидения, а между ними с трудом втиснуты столики соответствующей высоты. Сейчас тут довольнолюдно, хотя и не аншлаг. Вокруг столиков поблёскивают чёрные лоснящиеся мударжские затылки. Посетители по большей части вальяжно раскинулись на подушках, попивая, пожёвывая, покуривая и попохатывая. Действительно сидят и едят единицы. Удивительно, но при

всём при этом совсем не душно, не то что у Старейшин.

Мы устраиваемся вокруг столика неподалёку от входа.

– Всё-таки женщина готовит? – замечаю я. – Нарассказывали мне тут...

Азамат поднимает взгляд на кухарку.

– Сам удивляюсь, – кивает Тирбишу: – чего это она?

– Её племянник Угуна нанял, – говорит Тирбиш с хитрой физиономией. – Она вдова с Восточных островов. Всю жизнь хотела жить в столице, да муж заработать не успел на это. А тут Удан ей предлагает халявное жильё да парнишке её образование. Она же с годовалым осталась. Ну так она решила, ради такого дела можно и поработать, пока на повара не скопит. Да и втянулась, сыну уже пятый год пошёл, а она всё здесь. Девчонок со своего острова притаскивает, а они там красивые такие... По паре месяцев поработают – и замуж.

– Это так Восточные острова вообще без женщин останутся, – усмехается Азамат.

Тут к нам подходит официантка, похожая на свежую булочку.

– *Чего будет угодно?* – спрашивает она, без тени стеснения рассматривая меня. То так голову повернёт, то сяк. Азамат открывает было рот, но Тирбиш вдруг перебивает и заказывает какое-то непроизносимое блюдо, которое, насколько я поняла, ему здесь особенно нравится. Он тут же извиняется перед Азаматом и поясняет:

– *Бул-Ивсин потрясающе готовит...* – тут он снова говорит то непроизносимое слово, – *вам обязательно надо попробовать!*

– Не уверен, что Лизе понравится, – говорит Азамат, но сглатывает при этом очень выразительно.

– Да я не шибко голодная, – отмахиваюсь. – Не понравится – обойдусь, так что бери что хочешь.

Сдобная официантка приносит нам чаю, и Азамат, понюхав его, тут же зачем-то требует ещё. Оказывается, обо мне печётся: принесённый чай содержит в себе бараний жир и острые приправы и для меня совершенно несъедобен. Но вот, второй чайник тоже тут, и можно спокойно разлечься на подушках в ожидании основного блюда.

– Ну расскажите же, как всё прошло! – не выдерживает Тирбиш.

Азамат кратко излагает ему основные моменты, даже слишком кратко, на мой вкус, и поглядывает на меня как-то странно всё время. Моё эпатажное заявление про кражу души он и вовсе пропускает.

– Так вы понимаете по-муданжски?! – в полном ужасе говорит Тирбиш, краснея. – Ой, боги, да мы ж при вас столько всего... Ой, простите!

Азамат только головой качает – тоже, похоже, только что дошло.

– Да ничего особенного вы при мне не говорили, или я не поняла. Я ведь не так чтобы хорошо знаю язык...

– Кошмар, ужас, – бормочет Тирбиш.

– Да тебе-то ладно, – говорит Азамат. – Я пытаюсь прикинуть, чего я мог наболтать, вот где ужас начинается. Удивительно, как ты вообще за меня пошла, если всё понимала.

Я хмыкаю.

– Скорее уж наоборот, честно говоря. Тебе крупно повезло, что я случайно подслушала вас с Алтонгирелом у твоей незапирающейся двери, а то бы сошла на Гарнете, и поминай как звали.

Азамат пару раз моргает, пытаюсь припомнить, о чём был разговор, потом бледнеет, краснеет и закусывает губу. Тирбиш, кажется, дышать перестаёт. Я покатываюсь со смеху.

– Да ладно, – говорю. – Теперь-то чего нервничать?

– Да та-ак, – нетвёрдым голосом протягивает Азамат, потом облегчённо переводит дух. – Всё никак не могу привыкнуть, какие невероятные вещи кажутся тебе важными и привлекательными.

– А пора бы, – говорю, наставительно грозя пальцем. – Не всё же мне одной под вас подстраиваться. Кстати, объясни мне наконец, что было не так с этими фигурками?

– Какими фигурками? – Тирбиш хватается за другую тему, как утопающий. Видно, сильно ему было неуютно.

– *Бормол?* – переспрашивает Азамат. Можно подумать, большой выбор. Киваю. Он трёт подбородок. – Не то чтобы с ними было что-то не так, просто... – поднимает на меня робкий взгляд, – Ты их всерьёз выбирала?

– Ты думаешь, я могла в таком деле пошутить?! – огрызаюсь я несколько более агрессивно, чем оно того заслуживает. Видимо, злость, что никто мне ничего заранее не объяснил, всё ещё не улеглась.

– Нет, конечно, – быстро говорит Азамат. – Просто мне казалось, что я тебя уже неплохо знаю, а тут вдруг такие символы... Ты пыталась напугать Старейшин, что ли?

Нет, так мы никогда друг друга не поймём.

– Азамат, – говорю. – Расскажи мне, что значат мои *бормол*.

– Ну как... – он разводит руками, потом чешет в затылке. – То и значат. Куда ещё рассказывать-то? .

– А какие? – спрашивает Тирбиш.

– Можно ему сказать? – уточняет у меня Азамат. Я киваю, чувствуя, что сейчас начну убивать.

Он быстро бормочет по-муданжски, и Тирбиш резко спадает с лица, а потом окидывает меня благоговейным взглядом. Проблема в том, что сказанное Азаматом совершенно непохоже на то, как по-муданжски называются те предметы, что я выбрала. Я настораживаюсь.

– А ну-ка повтори названия на всеобщем, – говорю.

– Э-э... – Азамат на секунду задумывается, – трон, небеса, молитвы.

Я роняю голову в ладони. М-да, где уж мне было догадаться.

– Алтонгирел – идиот, – заключаю я в итоге. – Да и ты

немногим лучше. Уж извини, но предметы, которые я выбрала, называются подушка, зонтик и книжка. А всё остальное – это ваше больное воображение.

Азамат смотрит на меня пару секунд, не моргая, а потом как грохнет хохотать, Тирбиш аж подскочил.

– Ну коне-ечно, – стонет мой муженёк, – ты же не знаешь значений! Ой, не могу, Лиза, а я-то волнуюсь! Боги, да если бы Старейшины знали...

Тирбиш чешет в затылке:

– Вот это да-а... И ведь не поспоришь, правда же, подушка, зонтик и книжка!

Азамата накрывает второй волной хохота. Я сижусь, посмеиваюсь дебиленько, жду, пока его отпустит и я получу какие-нибудь объяснения. Ну ладно, параллель зонтик-небо я ещё могу себе представить. Подушка-трон – уже хуже, но если на ней сидят... А уж книжка – сборник молитв, что ли? Ну и как, откуда это можно было знать?!

Ишь, как его разбирает, прямо как меня у дома Старейшин. Тоже стресс выходит небось. Но всё-таки Азамат гораздо сдержаннее меня, так что у него это не так долго длится. Поднимается только что не из-под стола в сидячее положение, утирает слёзы.

– Лиза, – всхлипывает он, – с тех пор, как ты появилась, я смеюсь вдвое больше, чем за все пятнадцать лет изгнания вместе взятые!

– Это меня не сильно удивляет, – говорю. – Лучше объ-

ясни, как я должна была, по-твоему, понять, что есть что в этих несчастных фигурках.

– Ну это же... всё равно что ты бы про дом сказала, что это кусок глины! В голову ведь не придёт, что можно не узнать такие вещи! Да и вообще, если забыть о значении, то как ты выбирала-то? Не по внешнему сходству ведь!

Высоко задираю брови, стараясь выразить на лице как можно большее фе.

– Я, естественно, наделила их значениями по функции. Подушка нужна, чтобы было мягко и уютно, зонтик от дождя, книжка – чтобы не скучать, тем более у тебя ведь тоже книжка была...

Он воздевает руки к небесам:

– У меня были летописи, я ведь книжник! А ты взяла молитвенник!

– Чем они отличаются на вид-то?!

– Молитвенник узкий, потому что стихи в столбик пишутся, – объясняет он, снова начиная смеяться.

– Дал бы мне рулетку, – говорю, – я бы померила и сравнила!

– Ты лучше скажи, – Азамат с трудом борется со смехом, – зачем тебе был зонтик? От какого тебе дождя защищаться надо?

Я открываю рот... и чувствую, что краснею, припоминая тот сентиментальный бред, который был у меня в голове. Тем более при Тирбише уж и вовсе неудобно... А этот сидит,

похохатывает, зонтик ему смешно.

– Ну, видишь ли, – говорю прохладно, – мне Алтонгирел велел постараться показать себя хорошей женой. Вот я и старалась выбирать такие вещи, которые описывают хорошую жену.

– И причём тут зонтик? – фыркает Азамат, трясаясь от смеха.

Мне это начинает надоедать. Подзываю его пальцем, чтобы наклонился поближе. Он перегибается ко мне через столик, а Тирбиш, наоборот, откидывается назад, чтобы не слушать.

– Видишь ли, дорогой, – говорю я довольно раздражённо, – я считаю своим долгом защищать тебя от злословия и поддерживать в трудную минуту. Конечно, если ты находишь это смешным, я могу воздержаться.

Отодвигаюсь, чтобы заглянуть ему в лицо. Смеха и след простыл, конечно. Жалко его так осаживать, вон извиняться принялся... Господи, как же я с ним жить-то буду, если даже после такого крошечного выговора сердце сжимается и хочется всё вернуть, как было. Пускай смеётся, если ему весело, на его долю и так достаточно злобы выпало.

Пересаживаюсь к нему под бок, обнимаю, насколько дотягиваюсь.

– Не мечись, – говорю. – Если я намекаю, что ты неправ, это ещё не значит, что я тебя ненавижу.

– Надеюсь, – улыбается он, целует меня в макушку.

Тут является официантка с нашей едой, Тирбиш оглядывает и девушку, и подносы весьма плотоядно, тем более что на нас ему смотреть неудобно. Официантка пялится пару секунд на нашу скульптурную группу, краснеет, быстренько составляет с подноса блюдо и уматывает – не иначе, сплетничать.

На блюде тушка чего-то типа кролика в окружении белых хлопьев.

– Кто это? – спрашиваю.

Азамат щурится, напрягая память.

– Сурок.

Тут вдруг становится очень шумно – в трактир вваливается толпа народа, в гуще которого я различаю Алтонгирела.

– *Вот, точно они!* – кричит какой-то мужик от двери. – *Я ж говорил, Азаматов хохот ни с кем не спутаешь.*

Они довольно бесцеремонно рассаживаются за нашим столом. Хорошо, что я к Азамату подседа, а то оказалась бы в гуще чужих тел. Он, не задумываясь, отрывает от тушки половину и отдаёт Тирбишу, а остальное так и держит на весу. Видимо, иначе сожрут.

– Ты будешь? – спрашивает меня, как бы не замечая толпы вокруг.

– Кусочек... – без энтузиазма соглашаюсь я. Он выдаёт мне, видимо, голень. Ох, как же я не люблю соотносить еду с тем, что бегаёт! Впрочем, на вкус эта тварь оказывается вполне приемлемой, особенно если не думать. Азамат нали-

вает мне молока и предупреждает не запивать чаем, а то, говорит, невкусно будет. Верю беспрекословно.

Практически напротив меня усаживается Алтонгирел с видом мецената-юбиляра, можно подумать, это его свадьбу мы тут празднуем. Девушка-булочка приносит два кувшина с выпивкой, которые практически тут же пустеют, хотя мы и не участвуем. Мне кажется, Азамат хочет выпить, но отказывается вслед за мной.

Один из вновь прибывших произносит длинный хитроумный тост, но поскольку эта чарка у него явно не первая, я почти ничего не понимаю – только то, что пьют они за Алтонгирела.

– *Молодец!* – от души хвалит его мужик постарше справа от меня, показывая какую-то конструкцию из пальцев. – *Вот это я понимаю, в корень смотришь! Это ж надо так разглядеть! Даже учитель твой не увидел, что они подходят, а ты прямо раз – и всё! Великий Старейшина из тебя получится, под стать Ажгдийдимидину!*

Я чуть не давлюсь – и от имени, и от ситуации. Шепчу Азамату:

– Это у вас принято так, не молодожёнов поздравлять, а того, кто их поженил?

– Они с нами говорить стесняются, – объясняет Азамат. – Ты и для нас, в космосе, почётная гостья была, а тут и вовсе божество, тем более про твои *бормол* уже полгорода знает, я думаю.

Видимо, заслышав знакомое слово, Алтонгирел обращает ко мне свой царственный лик, открывает рот – и наступает тишина.

– Можно узнать, чего ты хотела добиться? – спрашивает он меня с высоты своего величия. Ну и что я должна отвечать?

Азамат приходит на выручку, быстро и тихо что-то объясняет. На лице Алтонгирела, который с меня взгляда не сводит, на секунду мелькает удивление и даже уважение (или мне мерещится), но тут же снова сменяется маской превосходства.

– Что же, – говорит он размеренно, – это ничего не меняет. Одна трактовка *бормол* не отменяет прочих. И твоё понимание, и наше описывают тебя в равной степени, это вопрос точки зрения, а суть едина.

Он замолкает и отпивает из чашки, обозначая, что речь окончена. Все вокруг начинают скандировать хвалы Алтонгиреловой мудрости, а мне предлагается утереться.

Я уже собираюсь предложить Азамату пойти отсюда нафиг, но он успевает первым:

– Ты будешь ещё есть?

– Нет, спасибо. Доедай и пойдём.

Он кивает и быстро дожёвывает сурка. Брр. Хотя я его тоже ела... Нашариваю в кармане влажные салфетки – я без них никуда – и выдаю ему руки вытереть. Мы уже даже встали, когда дверь таверны снова распахивается и врывается

высокий раскрасневшийся мужик в неподпоясанном шитом халате поверх пижамы, пузо наружу, борода во все стороны торчит, глаза на лбу, дышит, как насос.

– *Азамат!!!* – вопит он срывающимся голосом, но так громко, что все посетители оборачиваются. – *Ты вернулся!!! Боги милостивые!!!*

А после этого происходит уж вовсе нечто феерическое – этот большой дядя прямо-таки напрыгивает на моего мужа, обхватывает его руками-ногами и повисает, как коала на дереве, перемежая сдавленные возгласы полнозвучными рыданиями. Азамату только и остаётся, что поглаживать его по спине да приговаривать что-то утешительное.

– Кто это? – шиплю я Алтонгирелу.

– Младший брат, – как ни в чём не бывало отвечает духовник. Видимо, у младших братьев заведено именно так приветствовать старших, иначе я чего-то не понимаю.

– А он всегда такой... э-э... эмоциональный? – спрашиваю. Те из мужиков вокруг, которые понимают на всеобщем, фыркают и смеются.

– Возможно, тебе это в новинку, – начинает Алтонгирел, и я уже жалею, что спросила, – но некоторым людям свойственно выражать свои чувства, а не представления о том, какими они должны быть.

– Несомненно, – говорю, – например, обиду на всех баб.

Я завоёвываю ещё несколько сдавленных смешков, а тем временем пылкий братишка всё-таки отпускает моего му-

жа. Точнее сказать, он становится на свои ноги, хотя в вертикальном положении всё ещё находится только благодаря Азамату. Я обхожу этот монумент сбоку, смотрю на мужа вопросительно. Он нежно улыбается в ответ.

– Он всегда боялся космоса, – говорит Азамат через голову братика. – Поэтому мы не виделись всё это время...

Ох, смотрю я, семейка у меня образуется... Честно говоря, я от этого деверя ожидала чего-то большего. Думала, он на Азамата будет похож, что ли... А он и лицом не похож, да ещё борода эта длиннющая, козлиная, и пузо круглое поверх пижамных штанов. М-да.

– *Мне тебя так не хватало*, – бормочет этот дядя Азамату в воротник. Хорошо хоть этого шрамы не смущают. Азамат в кои-то веки человеком себя почувствует. У меня за спиной возобновляется процесс прославления Алтонгирела.

Наконец осчастливленный родич находит в себе силы держаться на ногах самостоятельно и отпускает Азамата. Я тут же беру дорогого супруга под руку в надежде, что он нас официально познакомит. Он понимает намёк.

– Это Арон, мой брат. Ты как предпочитаешь ему называться?

– Как обычно, как тебе, ты же знаешь, я полное имя не люблю.

– Хорошо. Арон, это Лиза, моя жена.

Арон хлопает на меня мокрыми глазами. День истерик.

– Так это правда? Действительно земная женщина?

Я киваю.

Внезапно он набрасывается с объятьями на меня – хорошо хоть не с ногами! Я очень выразительно артикулирую Азамату, чтобы забрал от меня своего родича, а тот всё бормочет, захлёбываясь:

– *Спасибо Вам, спасибо, спасибо!*

В муданжском кроме «ты» и «вы» есть ещё «Вы», которое употребляют при обращении к богам в молитве, насколько я помню. Ну да, я уже прониклась своим величием, а теперь отпусти.

Азамат не сразу, но всё-таки ухитряется его отцепить от меня, а подоспевшая официантка приносит кувшин гармарры, которую Арон выпивает залпом до дна. Памятник поставлю тому, кто заказал, если только это не Алтонгирел.

Когда мой чувствительный деверь обретает способность снова воспринимать мир, Азамат заводит речь о ночлеге.

– *Не хочется на корабле ночевать, после стольких лет без дома... У тебя же наверняка летний пустует?*

– *Да, да, пустует,* – кивает Арон, вытирая нос, – *но вообще... знаешь... Я так хотел, чтобы ты вернулся... так надеялся...*

Азамат гладит его по плечу, выжидательно глядя. Надеюсь, он не предложит ночевать у него? Я не уверена, что он не залезет к нам третьим под одеяло...

– *В общем,* – продолжает Арон, – *я за твоим домом присматривал. Чтобы крыша не протекла, следил, тропинку выкашивал... Короче говоря, вещей там, конечно, нет, но это я дам, а так вообще...*

Я вижу, как у Азамата округляются глаза.

– *Ты... сохранил мне мой дом? За все эти годы?*

– *Ну да,* – Арон застенчиво краснеет, – *я так тебя ждал...*

Ещё одной семейной сцены моя хрупкая натура не выдерживает, я отворачиваюсь и звучно сморкаюсь. Удивительно, что то же самое делает Алтонгирел. Ну всё, теперь вечно буду мучиться, он это всерьёз или тоже от цинизма?

Азамат тянет меня за локоть, в глазах душа прямо даже не в зеркале, а из окошек глядит.

– Ты поняла, да?

– Я поняла, что кое-кто любит тебя почти так же сильно,

как я.

Он улыбается с влажными глазами, и Арон тащит нас скорее к дому, который по другую сторону площади. Мы пробегаем пешком до дома Старейшин чуть ли не быстрее, чем на машине, потом в горку чуть-чуть, потом за калитку, сквозь кусты и мокрую траву по прелой листве – и вот он, дом. В темноте не вижу ничегошеньки, но Арон где-то на стенке нашаривает выключатель, и над входом вспыхивает радостная жёлтая лампочка. Арон отходит, предоставляя Азамату открыть дверь:

– Я сейчас домой сбегаю, постели вам принесу!

Я слышу, как его ноги быстро чавкают по листве и грязи.

Азамат не спешит: к ручке двери привязана толстая верёвка с несколькими узлами, покрашенными в разные цвета, между ними на отдельных ниточках навязаны перья и камушки. Азамат всё теребит её в руках.

– Что это? – отваживаюсь спросить я.

– Надпись, – отвечает он. – «Хозяина нет дома, но он скоро вернётся, потому что здесь его любят».

Глава 21

В которой вьют гнездо

Азамат наконец дёргает за ручку, вернее кольцо, и большая деревянная дверь с трудом поддаётся, дребезжа досками от усилия. Мы входим в свободное тёмное помещение. Азамат нашаривает на стене выключатель и зажигает свет.

– Однако просторная у тебя прихожая, – говорю. Какого размера сам дом, я разглядеть не успела в потёмках, но надо думать, под стать хозяину. И потолки метра три с половиной.

– Да-а, это все замечают, – с гордостью говорит Азамат, оглядывая комнату и дверь, через которую мы вошли. – Ага, дверь он менял... Прогнила, наверное. А что у нас в чулане делается? . .

Слева от входа, между вешалками приоткрыта дверца в чулан. Азамат заглядывает внутрь и издаёт разочарованный возглас:

– Бо-оги, какой бардак... Ладно, завтра разгребём.

Мне через его плечо видно только какие-то палки-рукоятки, не иначе, садовый инвентарь. Эх, маменьку бы сюда, уж она бы нам сад сделала по последнему писку моды.

Напротив чулана плетёный диванчик под огромным витражным окном со стрельчатым верхом. Цветным стеклом (или пластиком, не знаю) выложены какие-то диковинные

цветы и фрукты, а по кайме народный орнамент.

– Витраж тоже сам делал? – спрашиваю. Азамат перестаёт ужасаться состоянию чулана и поворачивается ко мне:

– Кого? А, окно? Да, сам. Как ты его назвала?

– Надо же, я знаю на всеобщем на одно слово больше тебя, – хихикаю.

Дальше мы обучаем Азамата слову «витраж», а меня вообще всем домашним названиям на муданжском. После этого мы проходим меж двух галошниц через проём, завешенный пыльной занавеской, в гостиную. Там большое пространство голого деревянного пола, справа украшенное диванчиком, а слева печкой цвета загара, которая частично уходит в глиняную стену. Слева от меня ещё одна занавеска, Азамат её аккуратно отдёргивает, чтобы не особенно пылить, – за ней лестница на второй этаж и дверь в туалет.

– Пойду гляну, в каком там состоянии... – бормочет он, скрываясь за дверью. Я решаю его не смущать и обхожу печку справа. В правой стене ещё одна дверь, как я выясняю, на кухню. В дальней – на открытую террасу, а совсем уж за печкой – в ванную, которая тут отдельно и содержит в себе огромную почти круглую отделанную пластиком яму и угол всё той же печки. Тут, наверное, очень тепло, если протопить. Мне-то уже давно совсем не так жарко, как было в доме Старейшин, так что я очень надеюсь, что печка функционирует. На террасу я только выглядываю, но не выхожу. Там тоже есть какая-то мебель, но ею вряд ли можно пользоваться.

Тут из лестничного закутка возникает Азамат.

– Я открыл воду, – говорит. – Теперь всем можно пользоваться. Арон тут серьёзно поработал, – качает головой. – Чтобы необитаемый дом в таком хорошем состоянии...

– Мало ли, может, тут кто-нибудь жил.

– Не-ет, я бы почуял, – улыбается Азамат. Ну, как скажешь...

Тут собственно объявляется Арон, который пригнал машину с тряпками. Азамат пытается его ещё раз поблагодарить, но он только отмахивается и тараторит:

– Вот, перинки привёз, свежие, этого лета состриг, а это вот, смотри, ковёр для общей комнаты, я же старый забрал, а это вот новый, прошлой зимой справил, бери, бери, ты же знаешь, от меня не убудет...

Он оставляет два тюка в прихожей и убегает обратно к машине; Азамат тоже идёт помочь таскать, а я тем временем забираюсь на второй этаж по довольно крутой лестнице с двумя поворотами. Лестница только чуть слышно поскрипывает.

С верхней площадки лестницы открываются двери в две узкие спальни и одну непонятную захламлённую комнату, а также коридорчик, ведущий к балкону. И при каждой комнате свой санузел, как и на корабле. Что ж, неплохо: дом достаточно большой, чтобы развернуться, но недостаточно, чтобы умереть при уборке.

Спускаюсь и обнаруживаю бурную деятельность: Арон

подметаает пол самым натуральным веником, какой я только в музее и видела, а Азамат развешивает по стенам какие-то занавески.

– А это зачем? – спрашиваю.

– Чтобы об глиняные стены не запачкаться, – отвечает он, пристёгивая плотную занавеску под потолком, а потом и у самого пола к каким-то невидимым крючочкам. Занавеска, собственно, оказывается гобеленом с птицами и зверями. Азамат отходит на пару шагов и окидывает дело рук своих придиричивым взглядом.

– *Ты уж извини, что старые...* – бормочет Арон с несчастным видом.

– *Спасибо тебе большое,* – говорю, – *за заботу. Я очень рада, что у... моего мужа такой замечательный брат!*

Я вообще-то хотела сказать «что у меня такой замечательный деверь», но вовремя сообразила, что не знаю слова «деверь» по-муданжски. Арон улыбается счастливой улыбкой идиота и пару раз кланяется мне, тараторя что-то совершенно невнятное. Азамат похлопывает его по плечу:

– *Ладно, ладно тебе, она не любит чрезмерного почтения.*

Не иначе, мне тут уже молятся... Азамат тем временем обращается ко мне:

– Надо бы съездить на корабль, вещи забрать.

Я как представляю, что опять нужно переться наружу, в холод и слякоть, да ещё в эти горы, где ветер...

– А я тебе для этого сильно нужна? – спрашиваю. – Мо-

жет, ты там возьмёшь моё шмотьё и косметичку, а я пока тут приберусь?

Азамат открывает было рот, но тут же закрывает: да, дорогой, если бы я не хотела убираться, то и предлагать бы не стала. Пожимает плечами.

– Хорошо, тогда мы сейчас всё привезём. Смотри, не переутомись тут, – добавляет он с напускной грозностью.

Они с Ароном выходят в прихожую, и я слышу, как Азамат по дороге объясняет, что я предпочла остаться и заняться нашим обустройством.

– *Уберётся?* – в ужасе переспрашивает Арон. – *А она тебя потом в дом-то пустит?*

– *Как знать,* – смеётся Азамат.

Когда их становится не слышно, я берусь за дело. Веник так веник, на даче ведь чем-то подобным дорожки подметаем, хотя и пластиковым, конечно, а тут из травы, но это не так важно. Зато быстро согреваюсь, стряхиваю пальто и вешаю в прихожей – то и двигаться легче. Конечно, начинать надо было со второго этажа, но на первом всё равно одним разом не обойдётся, так что ничего страшного. Как всегда, уборочный азарт накрывает меня с головой, так что я даже одной из снятых старых занавесок, как следует промытой в ванной (о счастье, горячая вода из крана, а я-то боялась...), протираю полы в спальнях на втором этаже – кровати-то нет, все перины прямо на пол стелются, а дышать пылью со-

всем не хочется.

Перины представляют собой квадратные зашитые мешки, набитые чем-то мягким. Одежда – вязаные из шерсти. Надеюсь, у меня не будет аллергии, впрочем, от этого дела я закупила огромную партию разных препаратов.

Мужики возвращаются, когда я уже занялась кухней. Посуды тут нет, только пара огромных печных горшков, как на картинках в сказках. И эти ещё, ухваты, вот.

Азамат доходит до порога гостиной, задумывается и разувается. И то верно, по ковру можно и в носках.

– Кинь мне тапочки, – говорю.

– Мы ещё не всё привезли, – сообщает он, извлекая мои тапочки из гигантской сумки, которую затем оттаскивает наверх. Видимо, моя одежда... Ох, ну и барахла же у меня теперь... – В машину не всё поместилось за один раз, так что сейчас ещё поедем.

– Тут совсем нет посуды, – говорю. – А ещё я, помнится, покупала всякие моющие средства...

Средства Азамат благоразумно захватил первым рейсом, так что я радостно отправляюсь обрабатывать места общественного пользования бактерицидными жидкостями. Арон только и вертит головой туда-сюда, наблюдая, как я бегаю с бутылочками и губками.

Азамат спускается, морщась.

– Лестница скрипит, перебирать надо... – бухтит. Вот перфекционист! – Арон, у тебя посуды лишней не найдётся? А

то на корабле вся Тирбишева.

– Думаешь, Тирбиш пожалеет нам пару тарелок? – хмы-каю, но Арон уже пустился трещать, как он всю посуду забрал и совсем забыл, ах он растяпа. Мы с Азаматом весело переглядываемся, и они снова уходят.

Пока их нет, я успеваю домыть всё недомытое и даже распахать свои вещи по шкафам в комнате. Их там много, они все встроенные с купейными дверями и отделаны изнутри чем-то странным: вроде бы дерево, но уж очень на пенку похоже. Азамат, конечно, сначала привёз все мои вещи, а свои только во вторую ходку. Ну ладно, у нас наверняка разные представления о том, что где должно лежать, так что пусть сам раскладывает. Места я ему оставила прорву.

Технику и лекарства пока оставляю внизу, надо сначала решить, где у меня будет кабинет, чтобы не таскать лишний раз.

Вторым рейсом они привозят Азаматовы вещи, посуду, мои йогурты и ещё какую-то еду из запасов Арона, на чём он и откланивается, оставив нам машину во временное пользование. У него, дескать, есть запасная. С ума рехнуться.

– Свет мой, – говорит Азамат, приобнимая меня, пока я мою руки на кухне, – чего бы тебе сейчас хотелось?

– Чтобы тепло было, – говорю. – Я тут пока колбасилась, ещё как-то грелась, а теперь опять замерзаю.

– Так я сейчас печку натоплю, – он тут же скрывается где-

то в доме, а потом я слышу лязг, скрип и гудение огня. Выйдя из кухни, нахожу Азамата перед печной дверцей, совсем рядом с ванной. Не знаю уж, чем они тут топят, но горит хорошо, и теплом так и веет.

– А почему бы не сделать батареи? – спрашиваю. – Так ведь быстрее и проще, да и по затратам должно меньше выходить...

Азамат пожимает плечами, не отводя взгляда от пламени в топке.

– Люблю, когда в доме живой огонь. Тем более есть блюда, которые без печки не приготовишь. А тебя что-то в этом не устраивает?

– Не, – мотаю головой, – ничуть, только я зажигать её не умею.

– И это мешает тебе чувствовать себя самостоятельной, – усмехается Азамат.

Мешает, конечно, но я только машу рукой. Кстати о блюдах. Я наконец-то провяла.

– Давай, – говорю, – разбирай свои вещи и не поджаривайся тут особенно, тебе вредно. А я пока погрею что-нибудь на ужин.

Среди принесённой еды обнаруживается коробочка с чьей-то увесистой голенью и уже знакомыми мне белыми хлопьями, которые я, впрочем, так и не попробовала в «Щедром хозяине». Горячий камень я уже нашла в одном из шкафчиков, осталось приладить его на стержень, торчащий из

плиты, и повернуть так, чтобы светился не очень сильно. И пусть кто угодно другой исследует, почему и как оно всё работает.

Запах того, что оказалось бараниной, притягивает Азамата, и мы вместе ужинаем за капитальным кухонным столом, как на корабле. Белые хлопья на вкус похожи на очень-очень рассыпчатую картошку. Азамат объясняет, что это *чома*, прекрасный и всеми любимый муданжский корнеплод, который в тёплых широтах выращивают круглый год, но, увы, он совсем не хранится, поэтому его совершенно невозможно брать с собой в космос. Собственно, больше мы ни о чём за ужином не говорим, потому что *чома* и правда очень вкусная, да и баранина ничего...

Вот за чаем можно и поболтать. Я замечаю, что мы оба всё ещё не сняли хомы, и меня начинает разбирать любопытство.

– А у тебя хом тоже лёгким стал? – спрашиваю. И как раньше не поинтересовалась?

– Конечно, – говорит Азамат. – Иначе мы бы недолго прожили вместе, в тяжёлом-то браке. А теперь нам легче должно стать, на то и обряд.

Пока я всё это осмысливаю и скребу в затылке, он спрашивает:

– Я так понял, ты нам вместе постелила наверху?

– Ну да, – говорю, – если ты не против.

– Я не уверен, что засну сегодня, – задумчиво говорит он.

– Ну уж я постараюсь, чтоб ты заснул, – усмехаюсь. – А то я одна в незнакомом доме только и буду от каждого шороха подскакивать.

– И чего ты такая нервная? Я просто думал прогуляться по городу...

– Завтра вместе прогуляемся, – говорю. – По городу, за городом, где хочешь. Покажешь мне всё.

– А ты хочешь посмотреть? – удивляется он. – Ну хорошо, тогда можно и завтра, – под моим недоумённым взглядом он кивает: – да, точно, ты ведь и на Гарнете гулять хотела... У нас-то, понимаешь, люди предпочитают по домам сидеть и делом заниматься, это меня всё куда-то тянет...

– Ничего удивительного, – говорю. – Мне бы через пятнадцать лет тоже захотелось пройтись и осмотреться. У нас люди гуляют для удовольствия, если время есть, это да.

– Жаль, Алтонгирел этого не знал, – усмехается Азамат. – Он так долго мне расписывал, как я всё неправильно делаю...

– Я слышала, – говорю со вкусом.

– Точно, – Азамат взмахивает рукой и хохочет. – Ты же всё понимала!

Он ещё долго смеётся и трясёт головой, а потом облакачивается об стол и долго на меня смотрит.

– Сегодня такой безумный день, – говорит. – Я чуть с ума не сошёл, когда Старейшины нам сперва отказали. И потом эти ребята в трактире... Я им ещё завтра устрою взбучку за

такое хамское поведение. Ты извини, что я сразу их не прогнал... Просто не соображал ничего. Знаешь, чувство такое было, как будто это всё не со мной. И вообще весь день как сон. А теперь вот, на собственной кухне – вроде бы отпустило немного, возвращаюсь к реальности.

Я беру его за руку через стол, и мы ещё долго так сидим, и нам всё теплее и теплее.

– Печка прогрелась, – сообщает мне Азамат. – Давай-ка мыться и спать, если уж гулять ты меня не пускаешь.

В ванной жарко, как в парилке, я довольно долго просто лежу пластом, пытаюсь привыкнуть к температуре, но прихожу к выводу, что ничего не выйдет, мне просто слишком жарко, чтобы двигаться.

– У тебя есть два варианта, – говорю Азамату, который сидит рядом и деловито намыливается. – Либо открыть окно, либо помыть меня без моего участия.

– Второй мне больше нравится, – без раздумий заявляет он с задорной искоркой во взгляде. Эге, да кто-то осмелел, я смотрю. Ну что ж, давно пора. Впрочем, на деле он по-прежнему невероятно осторожен, как будто боится, что я растворюсь, если посильнее потереть.

– А где будет жить мой комод? – спрашиваю лениво, пока он возится с моими волосами.

– Я его пока поставил в мастерской, а ты уж потом сама решишь, куда его. В спальне-то особенно некуда, только если

один из шкафов перегородить.

– Мастерская – это на втором этаже, где какие-то мешки и опилки?

– Ну да, у меня на сборы времени еле хватило тогда, а уж убираться – и вовсе некогда было. А брат ничего не трогал там. Он, кстати, не очень тебя напряг? Ты на него как-то странно смотрела поначалу.

Смеюсь.

– Он душака, – говорю. – Просто забавный такой... И я думала, он больше на тебя похож.

– Он на мать похож, – Азамат пожимает плечами.

– А-а, – говорю я глубокомысленно. – В любом случае, даже если бы мне что-то не понравилось, всё равно он твой брат, и я рада, что он у тебя есть. Кстати, как по-муданжски будет «деверь»?

– Никак. У нас есть только дети, родители, братья и сёстры.

– А... бабушки-дедушки?

– Тоже нету.

– С ума сойти, – удивляюсь вяло. – Это же так неудобно!

– А зачем они? – он буксирует меня по воде к крану, чтобы смыть шампунь. – Их видишь-то пару раз в жизни, случайно. Да и братья не так часто рядом живут, это просто Арон с детства привык, что я всегда помогу, если что, и поселиться решил неподалёку, чтобы так и дальше было.

– Так ты его избаловал, – хмыкаю.

– Есть немного, – улыбается Азамат, безуспешно пытаюсь прикрыть напускным раскаяньем гордость. – Но он хороший парень. Двое детей уже, оказывается.

Последнее он произносит с особым пиететом – впрочем, оно и понятно, тут в детях, видимо, измеряется социальный статус.

Азамат споласкивает меня под гибким краном, бормоча, что душ он обязательно установит в ближайшие дни – я только киваю с идиотской улыбкой и послушно дрейфую по поверхности – и извлекает на воздух, попутно заворачивая в полотенце.

– А с твоим... умершим мужем ты тоже вместе мылась? – внезапно спрашивает он. Всю мою расслабленность как рукой сняло.

– Иногда, – говорю, запахивая халат, – а что?

– Чего ты так испугалась? – хмурится Азамат. – У вас не принято о мёртвых говорить?

– Да нет, принято, – пожимаю плечами, стараясь изобразить равнодушие. – Просто ты до сих пор о нём ничего не спрашивал, вот я и удивилась...

Азамат долго на меня смотрит молча, теребит в руках полотенце.

– Я не чувствовал себя вправе, – говорит он наконец. – Но теперь нет смысла откладывать.

– Что откладывать?

– Вопрос про него.

– Какой вопрос?

– Ты знаешь.

Я обескураженно поднимаю взгляд – а до сих пор, оказывается, упорно смотрела в сторону – и понимаю, что и правда знаю.

– Я всегда отбивалась, если он пытался поднять меня на руки, – произношу задумчиво. – И когда болела, лечилась так, чтобы он не видел.

Мы снова долго молчим, потом Азамат медленно кивает. Привлекает меня к себе, гладит по голове и плечам, нагибается к моим губам, его огромное тело везде вокруг меня, но тут уже у меня закипают мозги.

– Пойдём, – говорю, – куда попрохладнее. Пожалуйста. Смеётся.

– Ты у меня как редкий цветочек. То холодно, то жарко, но уж если с климатом попасть, расцветаешь всем на зависть.

В спальне у нас с климатом всё хорошо, и всё же Азамат пытается меня укутать в пару-тройку одеял.

– Ну ты меня ещё в перину заверни, – ворчу.

– Перин нет, – жизнерадостно отвечает он. – Только шерсть. Арон ненавидит, когда перья колются сквозь чехол. Он разводит «женских овец», у которых шерсть мягкая и не пахнет, именно чтобы матрасы делать.

– А, – говорю, мучительно соображая, что и где я перепутала. – Нам в колледже *диффжир* переводили как «перина».

– Что ж они у вас там, пух от шерсти не отличают? – возмущается Азамат.

Я закатываю глаза.

– Дорогой, ты всерьёз думаешь, что у нас кто-то что-то набивает перьями? Из шерсти ещё одежду делают иногда, а всякие подушки-матрасы уже много веков с искусственными наполнителями.

– Ах ну да, – усмехается он, укладываясь вокруг меня, – никак не привыкну, что такие обычные вещи можно совершенствовать при помощи технологий. У нас как-то принято считать, что технологии – они для войны, ну и для транспорта ещё, а всё прочее – по старинке.

– Я только рада, что вы догадались модернизировать туалеты, – говорю. – А то пришлось бы тебе совершить прорыв в сфере сантехники.

Мы смеёмся, получая столько удовольствия от самого процесса, что вскоре уже забываем, что послужило причиной. Потом я берусь за цикатравин и принимаюсь обрабатывать своего ненаглядного на ночь, а он вдруг заявляет, что ему щекотно. Я решаю, что это хороший признак, и продолжаю втирания – он жмурится, хохочет, пытается пощекотать меня, потом мы много и обстоятельно целуемся, катаемся по тёплому ложу, закукливаемся в одеяльный кокон с накалённой сердцевиной, обжигающим тугосплетённым ядром, вечным двигателем на силе трения, шумно дышим в такт резонирующим пульсам, наши слившиеся души вспыхивают

двойным светом, ослепляя друг друга, чтобы открыть внутреннее зрение, которое не замечает между нами границы, а чего мы не видим, того и нет, ведь это наше слияние творит миры и пересоздаёт нас самих – куда-то же надо девать тот бесконечный поток любви, который хлещет из нас, пропитывая жизненной силой всю нашу и пару-тройку соседних вселенных.

Глава 22

В которой прошлое законченное оказывается настоящим продолженным

Пробуждение у меня тяжёлое: Азамат всё-таки укрыл меня всем, чем мог, так что я теперь чувствую себя изрядной лепёшкой.

Самого Азамата, впрочем, рядом нет. Неужто всё-таки свалил гулять один? А я-то вчера расстаралась его убеждать, как он мне важнее всего на свете! Нет, он, конечно, и правда важнее, чего уж там. Все познаётся в сравнении, и теперь я начинаю понимать, что с Кириллом меня не покидало ощущение необязательности: мы могли и не встретиться или встретиться и разойтись, а вот решили пожить вместе, а могли бы и не решить. А если бы со мной что-то случилось, нашлась бы другая... Правда, случилось-то с ним, а другой нашёлся у меня, хоть и нескоро – но и это по-своему показательно.

К Азамату же я принайтována намертво. Не знаю уж, если вдруг я исчезну, его выгонят снова или как? Но проверять не буду. Если поначалу мне ещё казалось, что его бы любая землянка с руками оторвала, то теперь понимаю, что нет. Ме-

ня хватило вчера на то, чтобы не поссориться с ним из-за *бормол* и его бесконечной покорности судьбе. Я легко меняю свою жизнь в соответствии с условиями, могу сорваться с места, могу осесть на чужой планете за много миллиардов световых лет от дома, лишь бы цель оправдывала. Конечно, почти любая земная женщина могла стать ему женой. Но я ещё и могу быть с ним счастлива.

Ну да ладно, утренняя рефлексия никогда не была моим сильным местом, как, впрочем, и всё утреннее, так что стоит уже пойти выяснить, куда это мой драгоценный и единственный подевался. Может, хоть зайдёт за мной посреди своей прогулки, если уж с утра не усидел.

Однако стоит мне выйти на лестничную площадку, как тут же становится стыдно: никуда Азамат без меня не ушел, он просто завтрак готовит. И очень кстати. Я скатываюсь по ступенькам, существенно приободренная.

В кухне довольно дымно, но дело вовсе не в том, что Азамат что-то упустил, просто муданжская еда в принципе довольно часто так готовится, всё в дыму и чаду.

– Привет, – жизнерадостно кричит он мне от плиты, где что-то ужасно шкворчит. – Ты как раз вовремя, сейчас уже всё будет!

– Давно ты встал? – подхожу ближе.

– Часа два назад, – он прерывается на утренний поцелуй. – Ты меня и правда вчера укатала, как и грозилась. Не замёрзла?

– Ничуть. Я бы даже сказала, что пара этих перин, которые не перины, была лишней. Ты меня греешь лучше любой печки, – я падаю за стол в мягкое кресло, всё равно Азамат мне не доверит сервировку.

– А, так это я уже когда встал, тебя укрыл. Утром как раз холоднее всего, потому что печка остывает.

Он раскладывает в две пиалы что-то кашеобразное, пахнущее мясом и молоком.

– Погода сегодня отличная, – говорит. – Мокро, конечно, но солнечно. Я выходил до калитки, когда молочник проезжал, вот, молока купил... Там просто всё сияет! Так что прогулка должна быть приятной.

– У меня прогулка будет приятной уже потому, что ты сияешь, – говорю, пробуя загадочное варево. Оно практически гомогенное и похоже скорее на подливку, чем на самостоятельное блюдо, но довольно вкусное, о чём я не забываю сообщить.

– Куда ты хочешь сходить первым делом? – спрашивает Азамат, молниеносно расправившись со своей порцией.

– Можно подумать, я знаю, куда тут можно сходить. Я думала, мы просто погуляем, разведаем местность.

– Хорошо, – широко улыбается он. – Тогда, наверное, начнём с высокой стороны.

– С какой?

– Ну та половина Ахмадхота, в которой мой дом, находится на возвышении. А по другую сторону от дома Старейшин

– низкая сторона. Вот «Щедрый хозяин» там стоит.

– Хм. А есть какая-то разница, где жить?

– Небольшая, – пожимает плечами Азамат. – На низкой стороне больше тракторов, шумнее, и за ней космопорт, так что в любое время суток ездит кто-нибудь. Здесь потише.

– А как понять, где кончается одна и начинается другая, если дома Старейшин не видно?

– Ну как, между ними ведь река...

– Погоди, ты же говоришь, граница по дому Старейшин проходит.

– Нет, граница проходит по Ахмадмирну, а дом Старейшин стоит на мосту, ты разве не заметила?

Изо всех сил напрягаю память, пытаюсь воссоздать окрестности этого самого дома. Помню плитку под ногами. Но вот реку...

– Мост очень широкий, – усмехается Азамат, – а по краям много кустов, так что ты могла перил и не заметить. Думаю, оттуда и стоит начать осмотр.

На улице и правда очень солнечно и черёмухой пахнет ещё сильнее, чем вчера. Сад вокруг дома представляет собой смешанный лес, в котором половину деревьев я никогда в глаза не видела, несмотря на все маменькины старания натащить на дачу экзотики со всех концов Вселенной. Я опознаю дуб, сосну и пихту, а в среднем ярусе – агаву и какой-то боярышник. Под ногами блестит круглыми листочками что-то

получее с маленькими белыми цветочками вроде выюнка.

Дом у нас жизнерадостного рыжего цвета и покрыт такой же блестящей черепицей, как дом Старейшин.

– Это чешуя морского дракона, – гордо сообщает мне Азамат. – Ловить их – дело опасное, зато уж если поймаешь, два дома можно покрыть. Кстати, я ведь не продал излишки... Можно будет использовать.

Мы выходим на расквашенную, залитую солнцем радиальную дорогу, на которую из-за заборов свешиваются ветви диковинных деревьев, частично увешанные сморщенными прошлогодними фруктами. Азамат срывает несколько больших бордовых ягод с ближайшей грозди, что-то вроде фиников, протягивает мне. Они оказываются ужасно сладкими, как это бывает с перезревшими фруктами, но Азамат ест их с таким блаженством на лице, что мне сразу становится ясно: вкус детства. Будем считать, я тоже в восторге. Мне вообще Азамат особенно сильно нравится, когда довольно улыбается, он от этого сразу делается ужасно родным.

Лавируя между лужами в колеях и валами жидковатой глины по обочинам, мы движемся вдоль очаровательных пряничных домиков, припрятанных за деревьями с разноцветной листвой. Запах черёмухи смешивается с запахами других рано цветущих деревьев и кустов, кофе и острого жареного мяса. Пару раз Азамата окликают знакомые, он отвечает на приветствие, но разговоров не начинает, да и окликнувший, разглядев его поближе, пятится прочь.

Радиальные улицы пересечены кольцевыми, и вместе они образуют кварталы со стороной в три-четыре дома. Через три таких квартала от нас обнаруживается открытый рыночек на лужайке под сенью пеканов.

– Замечательно, очень хорошо, – бормочет Азамат, проходясь вдоль рядов. – На обратном пути обязательно сюда зайдём.

Впрочем, он тут же подходит к ближайшему лотку и покупает у лучезарного бурого и кряжистого лотошника корзинку фруктов. У кого-то витаминный голод, похоже.

Мы доходим до площади с домом Старейшин, и теперь, при свете, я вижу, что он и правда стоит на очень большом мосту. Ахмадмирн в этом месте шириной метров сто, а мост почти квадратный, так что получается практически туннель. Парапеты невысокие, мне до пояса, и по обеим сторонам все заросли кустами и лианами. Мы перегибаемся через бортик, чтобы посмотреть на чёрную воду со слепящими белыми солнечными бликами, над которой колышутся бороды пунцовых листьев какого-то ползучего растения. Чуть слева от меня на бортике сидит гигантский лазурный зимородок и даже не думает меня бояться.

– Здесь под мостом, где темно, водится одна потрясающе вкусная рыба, через пару недель можно будет ловить, когда отнерестится, – с энтузиазмом рассказывает Азамат.

– А вы все сами себе еду добываете или всё-таки можно где-то купить? – озадачиваюсь я.

– Можно, конечно, – пожимает плечами Азамат. – Но это значит признаться, что ты плохой охотник. Да и потом, если своими руками добыть, то как-то вкуснее...

Мы спускаемся с моста на пологий низкий берег и ещё с полчаса гуляем вдоль воды на приятном ветерке. Я всё в том же полумеховом пальто, но под него надела штаны и теперь очень рада: скакать по кочкам в юбке мне совершенно не улыбается. Азамат с таким смаком уписывает фрукты, что я тоже соблазняюсь и присоединяюсь. Бледно-жёлтые сморщенные груши оказываются похожими на очень сладкую тыкву, а серые персики – скорее, на хурму. Азамат рассказывает, что разновидностей этой хурмы на Муданге очень много, практически в каждом саду она какая-нибудь другая, такой большой разброс. На дне обнаруживаются и вообще безумные плоды: длинные скрученные спиралью стручки цикламенового цвета. Азамат называет их *обезьяньими сергами*. Внутри у них большие сладкие горошины. Азамат легко ломает пальцами твёрдые стручки, а мне это не под силу.

Выбравшись из речной долины, мы зигзагами ходим по низкой стороне города. Здесь и правда много едален, и все они в форме каких-нибудь тварей: свернувшейся змеи, сидящего волка, быка, барана, даже сурка. На самой окраине обнаруживается один трактир – Азамат говорит, что новый, он его не помнит – так тот вообще в форме какой-то мифической твари вроде барса с крыльями. Проходя мимо него, Азамат вдруг притормаживает и показывает мне на что-то

на дорожке к двери.

– Видишь тень?

На дорожке и правда есть тень, будто бы от человека. Она лежит неподвижно, потом как будто поворачивается и движется мимо нас через дорогу и в глубь города. Я принимаюсь вертеть головой, пытаюсь понять, что же её отбрасывает.

– Не ищи, – усмехается Азамат. – Это была тень бога. Он тут прошёл пару часов назад, судя по следам, а тень, как всегда, забыл. Хотя бывает и наоборот, тень вперёд забегает.

Я открываю было рот что-то сказать (убей, не знаю что), но тут из дверей трактира выходит Старейшина Унгуц, тот самый, которому мы обязаны состоявшимся браком.

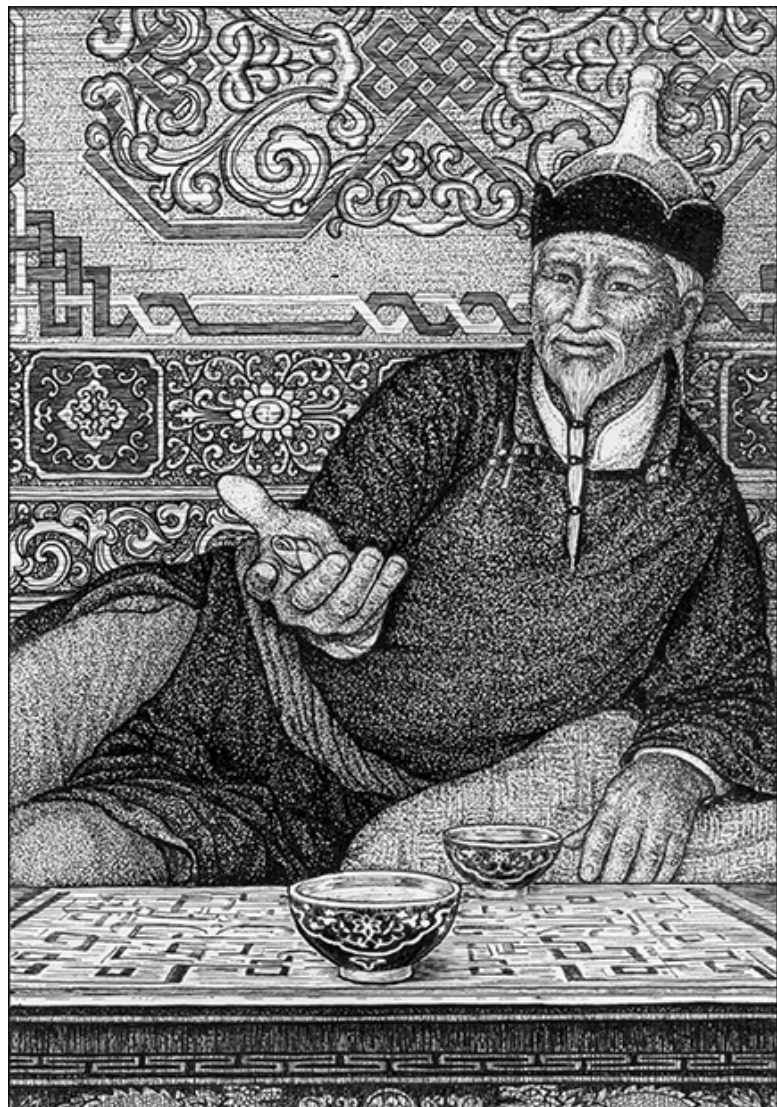
– А, Азамат-сын, – радостно говорит он. – *Жену свою погреть зайди. Со старым Унгуцем вместе чайничек чаю выпить...*

Азамат кидает на меня вопросительный взгляд, и я ожесточённо киваю. Этого деда я из своей чашки поить готова. Как скажет, так и будет.

Интерьер заведения, носящего гордое название «*Лесной демон*», мало отличается от «*Щедрого хозяина*» только заправляет там могучий молодец, раскрасневшийся от жара плиты. У него недлинные вытравленные до мутно-жёлтого волосы, убранные со лба повязкой, и жиденькая бородёнка, как будто нарисованная.

Старейшина Унгуц располагается полулёжа за одним из

столиков – судя по промятым подушкам, он только что отсюда встал. Хозяин, оказавшийся вблизи ещё больше, чем я думала, чуть ли не выше Азамата и намного шире, приносит огромный чайник из местной зелёной глины, расписанный ковылём. Азамат снова вынужден заказать ещё один для меня, потому что в этом оказывается гармарра, а мне ещё рано баиньки. Наш сморщенный дедок что-то говорит, и Азамат усмехается, но переводить отказывается, дескать, мужская шутка. Я сильно сомневаюсь, что в природе существуют мужские шутки, которые наш заведделением не успел мне рассказать за обедом, ну да тем более нет смысла вытягивать из Азамата, что там про меня Старейшина сказал.

Наш пожилой сотрапезник возлежит, пожёвывая полоску сушёного мяса, разглядывает меня.

– *Алтонгирел не сам догадался, – наконец изрекает он. – Земляне по чужой указке не женятся.*

Я улыбаюсь, довольная, что хоть кто-то понимающий тут есть. Унгуц качает головой, бормочет:

– *Ишь ты, какие нынче богам бормол угодны. То всё смирение да покорность, а тут нате вам, зверюшку дикую впустили. Перемены грядут, да-а...*

Азамат неуверенно поглядывает на меня и пытается что-то возразить, но Старейшина отмахивается.

– *Знаю всё, знаю, чужие люди, чужие мысли... Но нам за себя думать надо...*

Он ещё что-то бухтит под нос, я ничего не разбираю, потом запускает руку в длинный карман штанов и достаёт резную фигурку – нераскрывшийся бутон какого-то диковинного цветка.

– *На вот, – говорит, протягивая мне, – ты ведь это вчера не нашедши искала.*

Я принимаю бутон двумя руками – этому жесту вежливости нас преподаватель в колледже обучил. Старейшина усмежается, а Азамат смотрит на меня растроганно, как будто понял обо мне что-то великое и прекрасное.

– *Будет твоей бормол коллекции началом, – говорит Унгуц, поднимаясь в сидячее положение, скрещивает ноги и*

наклоняется над столом ко мне. Он довольно щупленький дедок, сидя даже не намного меня выше. Его сморщенное лицо обрамлено сахарно-белыми волосами и бородой, в которые кое-где вплетены серебристые шнурочки. – *Бормол, – говорит он наставительно, – каждый у себя держит, в руки другому не даёт. Случись пожар в доме, бормол вынесешь, – он задумывается ненадолго, потом добавляет, – ну, можно, муж вынесет. Другим не дарить, незнакомым не рассказываешь. Дома поставишь в только-ты-бываешь комнате. Вернёшь дарителю, – он наставительно поднимает палец, – страшнейшее оскорбление. Особенно от тебя: равно как боги отвернулись.*

На этом он решает, что его миссия как наставника выполнена, и заваливается обратно на подушки, кивнув Азамату, чтобы налил ещё гармарры. Я рассматриваю бутон: он сделан невероятно изящно. Узкие лепестки скручены в спираль, листочки завёрнуты кудряшками. Прожилки на дереве проходят как раз так, что получают прожилки на лепестках.

– *Очень красиво, –* говорю осторожно. – *Спасибо вам большое.*

Старейшина смеётся, а Азамат, улыбаясь, протягивает мне свеженаполненную пиалу.

– *Чужаки по-муданжски говорят второй раз слышу, –* говорит Старейшина Азамату, – *но всё смешно.*

– *А вы ещё кого-то знаете, кто муданжский выучил? –* спрашивает Азамат.

– *Молодой был, на Гарнете работал,* – пожимает плечами Унгуц, – *там один восемь-языков-знал парень был. Наш язык от меня учил. Как-то имя-то его... Вайен-чин.*

– *Валентин?* – ошеломлённо переспрашиваю я.

– *Да-а, да-а, так,* – кивает Старейшина.

– *Это мой учитель,* – говорю. Ибо вряд ли в мире есть два Валентина, знающих муданжский язык. Правда, насчёт восьми языков я про нашего препода не знаю, ну так я про него вообще почти ничего не знаю, если вдуматься.

– *О!* – хохочет Старейшина. – *Боги мне задолжали!*

И снова покатывается, чуть не давясь, выставляя напоказ полный рот крепких, здоровых, рыжеватых от курева зубов.

Мы с Азаматом весело переглядываемся: кажется, на сей раз он точно так же, как я, ничего не понимает.

– Почему Старейшины так странно говорят? – задаю давно мучащий меня вопрос. – Я легко понимаю, когда ты или Алтонгирел говорите по-муданжски, а эти совсем по-другому слова ставят...

– Это потому что всеобщий очень сильно на мозги садится, – говорит Азамат. – Считается, что у тех, кто его выучивает, личность меняется. На муданжском ведь всё главное в конце, и можно очень долго говорить и в это время решать: сказать правду или нет, о будущем или о прошлом, согласиться или возразить... А во всеобщем с главного начинаешь, вот и получается, что думать надо очень быстро. Старейшинам же ничего быстро делать не пристало, поэтому у

них речь очень правильная. А мы, наёмники, косноязычные.

– А разве ты не можешь говорить, как Старейшины? – спрашиваю. Как-то обидно думать, что Азамат по местным меркам косноязычен.

– Могу, конечно, – улыбается он. – Не зря же я книжник. Так и Старейшина Унгуц всеобщий знает, а говорит правильно.

Я чувствую, что краснею. Что-то я не сообразила, что раз он на Гарнете работал, то и на всеобщем понимать должен. Могла и подождать с идиотскими вопросами.

Унгуц, впрочем, смотрит на меня благодушно, потягивая свою гармарру.

– Азамат ведь у меня учился книжному делу, – спокойно говорит он на всеобщем почти без акцента. – Я же его первым начал и всеобщему учить. Я бы предложил тебя поучить муданжскому, но, думаю, Азамат и сам справится.

Азамат слегка кланяется, и я тоже. Старейшина снова долго смотрит на меня изучающим взглядом, потом вдруг говорит Азамату:

– Ты бы с ней на игры сходил, похвастался.

– А что, игры ещё идут? – оживляется Азамат.

– А как же! Конные уже прошли, а сейчас бои. После обеденного отдыха финал будет. А завтра уже лучники... Сходил бы, о себе напомнил. Ты как Непобедимый в любое время в игру вступить можешь.

Азамат поворачивается ко мне, и я сразу понимаю, что он

готов хоть сию секунду туда помчаться. Ещё бы, так страдал, что нет достойного противника...

– Ты не против, если мы после обеда... – начинает он, и мне даже смешно делается.

– Конечно, сходим, можешь и не спрашивать, я знаю, что ты хотел на игры попасть.

Азамат целует меня в висок, а Старейшина только посмеивается, глядя на нас.

До начала финала ещё три часа, так что мы отправляемся домой, чтобы пообедать и переодеться. Мне полагается нацепить что-нибудь подороже и покрасивее, а Азамату – спортивное. Унгуц проходится с нами до дома Старейшин, и я обнаруживаю очевидную практическую пользу от высокой стороны города: сзади в дом можно войти без лестницы, там порог вровень с землёй. Мы же идём дальше и по дороге заходим на тот рыночек, который обнаружили утром, покупаемся там ещё горой фруктов, *чомой*, сыром и тушкой ягнёнка, на которую я предпочитаю не смотреть, чтобы не портить себе аппетит. Я понимаю, конечно, что молодое мясо вкуснее, но...

Азамат весело насвистывает, подготавливая ножи для свежевания, и я решаю, что на кухне мне сейчас делать нечего, так что пока отправляюсь фотографировать сад для маменьки.

Сад у нас, по моим меркам, просто прекрасный: много те-

нистых деревьев, из них довольно большой процент со съедобными плодами, а под ногами плотная низкая травка, на которой можно посидеть и полежать. А главное – ничего не надо полоть! Хотя некоторые кустики я бы подстригла, да, особенно колючие.

В саду довольно зелено, потому что многие деревья тут явно не сбрасывают листву на зиму. Листья сплошь крупные, тёмные и блестящие, а под ними висят сморщенные прошлогодние плоды, которые никто не убрал. Некоторые деревья увиты какими-то дикими родственниками тыквы, ипомеей и ещё всякими лианами. У белых цветочков в траве длиннющие малиновые тычинки, как выставленный язык. В одном углу сада обнаруживаю сгущение белых цветочков, которые опознаю как дикий лук. Надо сказать Азамату, а то он его купил, а ведь есть свой...

Когда возвращаюсь в дом, ягнёнок утрамбован в булькающий котёл, и я вздыхаю с облегчением. Поскольку Азамат всё ещё чем-то занят на кухне, я приношу туда же бук и сажусь перекидывать маме фотки.

– У нас там лука целая делянка, – говорю. – Можно не покупать.

– Да? Это прекрасно. Надо только проверить, не выродился ли... за столько лет.

От мамы пришло письмо, что она довязала свитер. (Вот это я понимаю, скорость! Видимо, азарт разобрал.)

– А где, – спрашиваю, – у вас тут почта?

– А как раз рядом с игровым полем. Слушай, точно, надо ведь твоей маменьке куклу отправить.

– Ага. Да и от неё тут посылочка ожидается. Номер туннеля скажи? .

После еды мы быстренько собираемся. Азамат вспоминает, что не сунул вчера стирать свою рубашку моего изготовления, и очень сокрушается по этому поводу – на игры положено являться в самом нарядном и только на месте переодеваться в спортивную форму. Утешаю его, как могу, а сама тихонько строчу маме сообщение на телефон, чтобы поскорее отправляла, потому что уже нужно.

Меня полагается одеть во всё самое яркое, чтобы изда- лека заметно было. Я чувствую себя немного выставочным экспонатом в музее игрушек, но уклад есть уклад, а я действительно хочу, чтобы Азамату все позавидовали. Так что послушно наряжаюсь в оранжевую водолазку с синей юбкой и белый полушубок, в котором, конечно, слишком жарко, но там ведь придётся долго сидеть под открытым небом, лиш- ним не будет.

К месту игр мы едем на машине на север. От города это недалеко, минут пять всего, но Ахмадмирн там уже намного шире, наконец-то видно, что это великая река. Наша цель – огромное поле в локальной впадине, на естественных скло- нах которой установлены плетёные сиденья, как у Азамата в

прихожей. Мы проезжаем вдоль края впадины до подножия восточных гор, где и выходит почтовый туннель. Выбравшись из машины, подходим к неприметной пещерке. Оттуда вдруг раздаётся поток страшных проклятий.

– Не помню, говорил я или нет, – произносит Азамат, – но туннель довольно ненадёжный, очень ценных вещей лучше не посылать. Впрочем, если там сейчас у кого-то что-то съелось, то в ближайшие дни десять это вряд ли повторится. Там есть некоторая периодичность.

Пещера довольно большая, и я с облегчением понимаю, что она оборудована как любая нормальная туннельная почта на Земле или на Гарнете, а именно – автоматическая. Это значит, что посылать и получать можно в любое время, а не только когда служитель на месте. От выхода туннеля, который припрятан где-то в глубине, по движущейся ленте посылки выезжают в зал, сканеры считывают с них получателя и отправляют в соответствующий ящик. Собственно, в зале только ящики и видны, на много метров в обе стороны.

Мы идём минуты две, пока находим Азаматов ящик.

– Вот ещё одно преимущество гласного имени, – говорит он. – Тирбиш полчаса к своему ящику ходит.

Он открывает дверцу – а там битком набито.

– Ого, ну тут и баракла... Видно, скопилось за то время, что меня не было. Ладно, давай это пока всё в машину свалим, сейчас нет времени разбираться.

Он кидает монетку в стоящий рядом автомат, получает

оттуда большую сумку и сгребаёт в неё содержимое ящика. Только я открываю рот на тему того, что мамина посылка должна быть где-то тут, как она падает в расчищенный ящик. Узнать её легко – красный свитер в прозрачном пакете.

– Во, – говорю. – А это тебе от маменьки. Примерь-ка.

У Азамата аж глаза на лоб лезут.

– Ты серьёзно? Боги, да когда ж она успела? .

– Да она это быстро умеет, если хочет, – ухмыляюсь я. – Давай надень, посмотрим, впору ли.

Свитерок приходится как раз. Маменька всё-таки не удержалась от выпендрёжа с фасоном: широкие рукава длиной в три четверти, а дальше из них торчат более узкие из тонкой пряжи, и то же самое с горловиной, встроенной в как бы открытый ворот. Азамат вертится передо мной ощупывает себя со всех сторон, благодарит маменьку бесконечно.

– Ну вот, – говорю, – теперь и одет нарядно, можно идти хвастаться.

Азамат аккуратно складывает упаковку от посылки и вдруг извлекает оттуда открытку:

Дорогому зятю на свадьбу.

Плодитесь и размножайтесь.

Ирма Гринберг.

Азамат закрывает куклу в ящике и поворачивает рычажок на дверце с «приёма» на «отправку». Текст открытки в моём переводе производит на супруга такое сильное впечатление,

что он молчит до самой машины, куда мы скидываем содержимое ящика и Азаматову куртку за ненадобностью. Свитер на солнышке просто огнём горит, маменька моя – человек прямолинейный: сказали, красный, значит, будет такой красный, чтоб светился.

У машины на нас нападает Арон с улыбкой шире бороды.

– *Ты просто посмотреть или участвуешь?* – спрашивает он, пропустив приветствие.

– *Надеюсь, что поучаствую,* – улыбается Азамат, закрывая багажник, в который упихивал посылки. Арон оглядывает его от пояса и выше округлившимися глазами.

– *Какой у тебя... Это жена сделала?*

– *Мать жены,* – улыбается Азамат.

Арон обходит его кругом пару раз, рассматривая мамино изделие, при этом страшно напоминает павлина в зоопарке, гуляющего вокруг кормушки с новым кормом. Вышагивает так странно, глазом косит, на лице изумление.

– *Невероятно... И пряжа такая дорогая... О прошлом годе мой сосед такую привозил, он на Броду летает торговать, – так никто не купил, слишком дорого!*

Азамат бросает на меня обеспокоенный взгляд.

– Не волнуйся, – говорю, – моя мать состоятельная женщина и очень себя любит. Раз сделала, значит, могла себе позволить.

На самом деле у нас такая пряжа стоит гораздо дешевле чистой шерсти, хотя я их плохо различаю на ощупь, но пусть

Арон думает, что вещь и правда дорогая.

Мы наконец-то двигаем на стадион, где уже довольно много народу. Арон откланивается, потому что сидит где-то в гуще людей с семьёй, а мы идём искать места поближе к полю, чтобы Азамату было недалеко идти.

– А ты правда непобедимый? – спрашиваю я, провоцируя его на хвастовство.

– Это просто звание, – скучно отвечает он. – Если четыре года подряд выиграть, то на всю жизнь получаешь звание Непобедимого Исполина, даже если больше не участвовать.

У края поля мы натываемся на одного Старейшину-духовника в золотом халате и с карманным буком в руках. Азамат подходит к нему записаться на участие. Старейшина окидывает его странным взглядом, но записывает. Тут я замечаю, что нам кто-то машет из второго ряда, – это Старейшина Унгуц. Эге, и он сюда доехал. Однако важное мероприятие, похоже.

Мы садимся рядом с Унгуцем.

– *Всё-таки выбрались, – одобрительно улыбается он. – Молодцы. И хорошо, подобающе одеты. Лизонька, хом наружу вынь, чтобы поверх шубы был... Ага, вот так. Мужнин будешь в руках держать и тереть, это на удачу.*

Похоже, у меня появился путеводитель в этом диком мире.

Наш разговор заглушает внезапная музыка, а потом на поле выплывают несколько десятков девиц в ярких платьях и

забавных шапочках, их ручеёк рисует по полю петли и круги, при этом они всё время делают какие-то выкрутасы руками, так что действительно очень похоже на рябь на воде.

Потом музыка стихает, а вместо неё раздаётся оглушительный вой какого-то духового инструмента, такой, что, по моему, горы затряслись. Я с перепугу зажимаю уши и вжимаюсь в Азамата.

– Это просто рог трубит к началу боёв, – объясняет он, посмеиваясь. Старейшина тоже хихикает.

– А что ж он такой безумно громкий-то?! – жалобно блею я.

– Чтобы в городе все слышали, а лучше и за горами.

– *В этот раз, – поддакивает Старейшина, – хорошо дунули. За горами слышно было, я думаю. Хороший знак.*

Златооблачённый Старейшина-духовник поднимается на нечто вроде трибуны и зычно оглашает:

– *Великие мужи Муданга, слушай!*

Народ вокруг гаркает в одну глотку:

– *Есть слушать!*

– *Величайший, сильнейший из сильных, выдвинувшийся из тысячи борцов, преисполненный неубывающей мужественности, вступивший в семью могучих Тигр Гирелбойгол вызывает борца Шриновча, прославленного народом Исполина, наимогущественнейшего, выдвинувшегося из трёх по три сотен борцов, достигшего расцвета сил и мощи!*

Упомянутые граждане появляются из двух шатров по кра-

ям поля и орут:

– *Благодарим за честь!*

Они сходятся, и начинается бой. Вокруг них почти вплотную выются двое в ярких халатах, из-за которых иногда ничего не видно.

– А что эти двое там делают? – спрашиваю я нетерпеливо.

– Они... – Азамат задумывается, подыскивая слово, – секунданты. Следят за правилами и наставляют.

– Это называется «тренеры», – поправляет Старейшина на всеобщем. – Хорошо, конечно, что ты много слов знаешь, но иногда надо быть проще, сынок.

Азамат смущённо улыбается, но мне кажется, ему нравится тон Унгуца. Впрочем, неудивительно, если родной отец – такой моральный урод, то умный и добрый учитель его легко замещает.

Бой кончается неожиданно быстро: юноша в звании Тигра до Исполина ещё не дорос и проиграл. К нам подходит очередной человек-в-халате и намекает Азамату, что пора идти в шатёр разминаться.

– *А вы не его тренер?* – спрашивает он у Старейшины.

– *Куда мне,* – хохочет Унгуц. – *Я-то уж плесень старая!*

– *Так что же, вы без тренера?* – обращается озабоченный халатоносец к Азамату. Тот смущённо пожимает плечами.

– *Нет, сам разберусь...*

– *Да ладно!* – перебивает Старейшина. – *А Алтонгирел на что?*

– А я ему не говорил, что буду на играх.

– А то он сам не догадался! Уже полчаса как в шатёр вошёл, иди давай.

И Азамат так и двигает прочь, небрежным жестом бросив мне хом. Приходится поймать мужа за карман штанов, вернуть и нагнуть – как же не поцеловать на удачу?! А то, что потом все вокруг на меня квадратными глазами смотрят, так это бесплатное приложение.

Но вот он ушёл, а я сижу со Старейшиной, смотрю бои. Честно говоря, не то чтобы мне было сильно интересно, я только радуюсь, что они обходятся практически без травм. А ещё я понимаю, что до Азамата этим всем далеко, потому что я прекрасно вижу их движения, а когда Азамат с Алтошей махались, ничего я не видела. Сижу, позёвываю, в общем, развлекаюсь только титулами борцов. С первого ряда на меня то и дело оборачивается какой-то дед. После третьего невероятно долгого и нудного боя дед не выдерживает и спрашивает:

– Чего ты, женщина, сидишь тут вообще, если так скучно?!

Я слегка обалдеваю от такой постановки вопроса, но решаю не откусывать голову сразу же.

– Муж участвует, – выговариваю мучительно. – Пришла посмотреть.

Всё-таки мне очень тяжело пока говорить на мударжском. Понимать-то понимаю, но как только нужно заговорить, ми-

гом забываю всю грамматику и половину слов.

Дед разворачивается на сиденье так, чтобы получше меня видеть.

– *Это ты Азамата жена?* – спрашивает. Я киваю. – *И как он?*

– *Как он – что?.* . – моргаю.

– Он спрашивает про здоровье, – поясняет Унгуц. – Это целитель.

– Тот целитель, что его лечил? – уточняю. Старейшина кивает. Так, главное, не взорваться.

– *Хорошо он,* – цежу сквозь зубы. – *Очень хорошо. Хотя не вам за это спасибо.*

– *А я что?* – удивляется он. – *Я его спас! А что шрамы – так с этим я ничего поделать не могу.*

– *Конечно,* – шиплю я, – *Распрямить кожу, чтобы не загибалась, было совершенно невозможно! Зашить – в голову не пришло!*

Не знаю уж, насколько я действительно сказала то, что хотела, но горе-целитель от меня отшатывается.

– *А чего ты за него вышла, если так не нравится моя работа? Исправить решила, что ли?* – он имеет наглость рассмеяться. Ну погоди же...

– *Да,* – киваю, – *решила. Это долго, конечно, зато потом все ко мне лечиться пойдут. И все деньги мои будут.*

Теперь уже и целитель, и Старейшина на меня как-то странно смотрят.

– Так про Эцагана – это не байки? – спрашивает Унгуц, кивая куда-то назад. Присмотревшись, замечаю в той стороне одиноко сидящего Эцагана, который со скучающим видом наблюдает за боем. – Ты и правда целительница?

– Правда, правда, – киваю. – И лучше многих.

У местного лекаря вдруг загораются глаза:

– Целительница?! С самой Земли?! – он встаёт коленями на лавку, поворачиваясь спиной к полю. Вокруг начинают шипеть, что мы мешаем. – Научите меня, как вы лечите!

– Я этому десять лет училась, – выдавливаю, проморгавшись.

– Ничего! – заверяет он, – Я ещё десять лет проживу, мне Старейшины обещали, правда же? – он поворачивается за поддержкой к Унгуцу. Тот кивает, усмехаясь. Я ещё ничего не успеваю сообразить, когда Старейшина кладёт мне руку на плечо и говорит по-отечески:

– Не ссорься с ним, Лиза. Учить его, я думаю, бессмысленно, старый слишком, зато вы можете вместе книги про целительство писать, чтобы другие могли пользоваться. Я думаю, боги предвидели, что от тебя тут будет польза.

– Я вообще-то собиралась практику открыть, – говорю.

– Откроешь, – заверяет меня Старейшина. – И целитель Ндис тебе поможет. Без его... э-э... рекомендации всё равно к тебе никто не пойдёт. Я вот всякое повидал в жизни, но женщина-целитель – это даже для меня слишком. Так что ты не спеши, освойся сначала, язык подучи... Опять же Ндис

тебе расскажет названия болезней. Ты, главное, не кипятись. Раз уж Азамата принимаешь с его уродством, то и нас прими.

Ндис всё это время смотрит на меня пожирающим взглядом, и я понимаю, что есть один только способ от него отделаться.

– Ладно, – говорю. – *Старейшина меня убедил. Я с вами поработаю.*

Ндис осыпает меня благодарностями и возвращается на место, лицом к полю. Там как раз объявляют новую пару борцов, и титулы у них такие длинные, что я вся извожусь, пока доходит до имени – но нет, ни один из них не Азамат. Господи, какой же длины у него титул, если они по нарастающей? .

– А-а, – внезапно говорит Старейшина, – это навсегда. Эти двое равны, пока один не споткнётся, так и будут кружить. Скучища.

Я несколько падаю духом.

– Ну расскажите мне пока, кто тут ещё есть примечательный, – прошу его. А то, наверное, спать неприлично, вон как народ скандирует вокруг.

Старейшине моя идея нравится, он садится повыше на сиденье и оглядывается.

– Ну кто... Вон, видишь, тётка сидит?

– Та, что из *«Щедрого хозяина»*?

– Она, она. С ней две девчонки-официантки, видишь?

– Ага, одну из них вчера уже видела, ту, что потолще.

– Тебе надо со второй познакомиться. Тоже очень само-

стоятельная девка. Приехала из такой глухомани, сказать страшно, а замуж нейдёт, хотя вьются вокруг неё изрядно. Я думаю, вы с ней сдружитесь, две белые вороны.

Указанная ворона, впрочем, вполне чёрная. Этакая чернобровая красавица с длиннющей косой, сидит, орехи какие-то щёлкает. Ну что ж, с виду на человека похожа, можно и пообщаться.

– Она хотела в ученицы к повитухе пойти, – продолжает Старейшина, – а та говорит, слишком красивая ты для этого. Я, говорит, буду тут стараться, учить тебя, а ты выскочишь замуж – и поминай как звали. Не взяла её, в общем. Смотри, может, она к тебе пойдёт?

Вот этот подход мне нравится гораздо больше. Я и сама уже думала, что я делать буду, если сама заболела. Пожалуй, идея взять ученицу мне нравится.

Старейшина меж тем продолжает сканировать окрестности на предмет интересных людей.

– А вон, гляди-ка, кто приехал! – удивлённо восклицает он вдруг. Потом как-то каверзно хихикает: – Вот обалдеет-то, когда Азамата увидит!

– Кто?

– А вон, видишь, справа в первом ряду старик в зелёной шапке? Это отец Азамата.

Я аж через Старейшину перегибаюсь, чтобы посмотреть на это чудо природы. Он очень высокий – даже отсюда видно, как он возвышается над сидящими рядом мужиками. Клас-

сические бело-седые волосы, борода с бусинами, орлиный профиль прямиком из вестерна. Одет ярко, глядит высокомерно. Мой сверлящий взгляд, видимо, приобретает материальные характеристики, потому что папаша вдруг оборачивается и смотрит на меня, приподняв бровь, дескать, вам чего?

А мне уже ничего, потому что я его узнала. Это он был на том корабле, это он меня заслонял от джингошей, это он подарил мне горстку игрушек, это на него так похож Азамат, когда улыбается и кажется родным...

Я откидываюсь на спинку сиденья, невидящим взглядом уставившись на поле.

– Ты чего? – вопрошает Старейшина. Я решаю развеять всё тут же.

– А он... тоже в молодости на Гарнете работал?

– Кто, Арават? Нет, он всегда был охотником... На Гарнете бывал пару раз, но даже не снизошёл до выучивания всеобщего, а уж после того, как джингоши на него напали, вообще не высывался с Муданга.

– О-о, – говорю я как бы удивлённо, – джингоши напали?

– Ну да, было такое дело... Он сопровождал мальчишек, у которых отцы на Броге работают, а матери на Муданге живут. У нас ведь принято, как говорить научился, к отцу переселять. И корабль перехватили джингоши, отбуксировали почти до самого Гарнета, потом на какой-то другой корабль их перегнали, земной, что ли... Арават потом эту историю

столько раз рассказывал, что у всех уже уши замылились. В общем, взяли их в заложники, а у джингошей представления никакого, сами-то плодятся, как крысы. Так они, когда заложников берут, обычно ребёнка какого-нибудь убивают и отправляют на родину, дескать, платите, а то всех так пришлём. Арават всё пытался их уговорить, чтобы детей не трогали, чтобы его убили, он ведь уважаемый человек, переполох будет не хуже. Ну а пока он там препирался, какая-то девчонка пролезла на мостик и увела корабль чуть не до самой Земли, а с оставшимися на борту джингошами Арават быстро разобрался, тоже ведь с двадцати лет Непобедимый Исполин. Потом, когда вернулся, всех детей с этой девчонкой сравнивал, смогли бы они так выкрутиться или нет. А потом Азамат... Вот тоже, нашёл время выслуживаться... Ну ты знаешь, как его ранило-то?

– Сказал, гранатой... – выдавливаю я, изо всех сил стараюсь слиться с местностью.

– Да уж, гранатой... – невесело хмыкает Старейшина. К счастью, на меня он вообще не смотрит, а продолжает рассказывать. – Джингоши попытались захватить Сирий, это город у нас такой, на севере. Там месторождение платины большое. А Азамат как раз там был по какому-то делу, вечно у него на всякие катастрофы нюх. Там, в Сирии, большой такой дворец стоял, от старого императора остался, чудаковатый был мужик, в Ахмадхоте жить не хотел... Так, к чему я... Да, дворец этот. Когда Сирий обороняли, женщин и де-

тей сигналы внутрь, а сами стояли под стенами. И долго стояли ведь, уже и припасы кончились, и вода. А во дворце фонтан. Ну вот, Азамат, как самый молодой, кто там случился, таскал им воду от фонтана. И вот он был как раз внутри, а джингоши перешли в атаку, и один возьми да и кинь гранату. И ведь гранатка-то была такая, знаешь, для космических боёв, чтобы людей поубивало, а обшивку не испортило, а то если разгерметизация... В общем, понимаешь, слабенькая. Но попала ровно во дворик, где фонтан, а водой такие гранаты не тушатся. Дворик – колодец по десять локтей стороной, и полным-полно тёток с младенцами. Они как начали вопить, что тут бомба, остальные, что за дверями были, двери быстренько и заперли, все ж о себе думают. Ну и что парню делать оставалось?.. – Старейшина замолкает, накручивая кончик бороды на палец. Тяжело вздыхает, потом продолжает: – В общем, привезли его в Ахмадхот, еле откачали, опять же Ндис, что мог, сделал. И тут является Арават, весь под впечатлением от земной девочки. Она-де всех спасла, а на самой ни царапинки. А тут ему собственного сына предъявляют... в таком виде...

Я всё-таки не могу удержаться и всхлипываю, так что Старейшина отвлекается от рассказа и переключается на меня. Зря он это, так себе зрелище, должно быть.

– Э, Лиза, ты чего?

Я смотрю на него и молчу, иначе разревусь в голос. Выразительно смотрю. Он хмурится, а потом вдруг тихонько аха-

ет:

– Ты, что ли... Это ты и была?

Я только киваю.

Не знаю, что он мне собирался сказать, но очередной бой на поле кончился, и ведущий зарядил объявлять титулы следующих борцов, причём там уже пошли такие слова, что я и близко не понимаю, что они значат. Когда список растягивается на вторую минуту, Старейшина сообщает мне:

– Вот, сейчас будет Азамат.

Я спешно вытираю лицо и стараюсь успокоиться. Призраки прошлого не должны омрачать настоящего и всё такое.

Из ближайшего шатра выходят Азамат с Алтонгирелом, напротив них останавливаются противники. Трибуны снова принимаются скандировать, но имени мужа я не слышу. Ладно же, сейчас исправим. Надо ведь мне куда-то эмоции стравить. Набираю побольше воздуха и принимаюсь орать, в одном ритме с остальными, но другое имя. Голос у меня громкий, зато противный, и на фоне общего басовито-мужского гула я выгодно выделяюсь. Азамат находит меня взглядом и кратко улыбается. В непосредственной близости от меня болельщики начинают обескураженно затыкаться – спорить бояться, что ли? Целитель оборачивается ко мне, смотрит недоумённо, а потом присоединяется. Где-то за спиной я различаю голос Тирбиша. Что ж, неплохо для начала. Кошусь на папашу: он отчётливо побледнел и упорно смотрит на поле, сжав губы. Так-то тебе.

Бой начинается, и я, как и в тот раз, перестаю видеть Азамата, хотя противник у него не такой шустрый. Я тереблю в руках Азаматов хом под самым подбородком, чтобы видно было, а к моему голосу присоединяется всё больше народу. Не проходит и минуты, как противник оказывается навзничь в песке, и тренер помогает ему подняться. Я перехожу уже на чистый визг, хотя и понимаю, что это была лёгкая победа. Борцы расходятся до объявления следующего. Пока ведущий излагает бесконечные титулы (а он вынужден повторить Азаматовы с начала), я тихонько кропаю маме сообщение на телефон: **«Мама, пришли мне срочно резные статуэтки из прозрачного шкафчика на кухне»**.

Азамат выходит второй раз и примерно так же легко укладывает прошлогоднего финалиста. Ко мне уже присоединилась добрая половина болельщиков – поняли, кто в курятнике петух, я смотрю. Папаша делает вид, что его происходящее никак не касается. Ничего, погоди, скоро коснётся.

После третьего боя Азамат даже не уходит в шатёр. Стоит на поле, маску снял, медленно поворачивается, окидывая взглядом трибуны.

Ведущий откашливается, а Унгуц вдруг покатывается со смеху:

– У него уже язык отсох твоего мужа объявлять!

– *Желает ли кто-нибудь*, – с расстановкой начинает ведущий, – *вызвать на бой...*

И дальше следуют все титулы с самого начала плюс упо-

минание о трёх свежих победах. Самое ужасное – это что по окончании тирады никто не вызывается, и Унгуц совсем заходится от смеха, потому что ведущий вынужден повторить вопрос три раза, если никто не вызовется.

После второго на поле всё-таки выходит какой-то дядя, вот этот точно крупнее Азамата, самый настоящий Исполин.

– Ишь ты, – комментирует Унгуц, – кто пожаловал. Он ещё до Азамата Непобедимым был, только улетел наёмничать надолго. Интересно, интересно...

Целитель снова поворачивается к нам:

– *Они ведь никогда не бились, правда же?*

– *Не-ет,* – отвечает Унгуц, – *Они на год разминулись.*

Несчастный ведущий наконец прорубается сквозь бесконечные титулы обоих борцов и объявляет начало боя. Сперва оба стоят неподвижно, осматривают друг друга то так, то этак. Потом внезапно в центре поля возникает смерч, Алтонгирел от греха в сторонку отходит. Старейшина Унгуц следит жадными глазами, он-то, наверное, различает, что там происходит. Трибуны притихли, какое уж тут болеть.

Мутное пятно внезапно разделяется, Азамат отъезжает назад, поднимая из-под ног тучи пыли. Однако быстро тут земля просохла на солнышке. Могучий противник расставляет ноги пошире, и через секунду я уже опять ничего не различаю, а тут ещё от мамы приходит ответ, что она всё отправила, но жаждет объяснений. Подождёт.

Второй раз клубок расцепляется, когда старший Исполин

слегка запутывается в ногах, но удерживается и не падает. Азамат, мне кажется, запыхался, но я прямо отсюда чувствую, как ему нравится сам процесс. Старейшина закусил кончик бороды и машинально пожёвывает.

Что происходит дальше, я не совсем понимаю, то ли на Старейшину отвлеклась, то ли ещё что, но Азамат, видимо, напал неожиданно не только для меня – и великан-противник загремел на обе лопатки в пыль.

Боже, что тут началось. Народ ринулся с трибун на поле с дикими воплями, Азамат затерялся где-то в толпе. Смотрю на Старейшину в ужасе, он только похохатывает:

– Не бойся, не разорвут. Это, деточка, признание. Ты сиди, они ещё четверть часа его поздравлять будут, а потом ещё благословение, призы, всякое прочее... Можешь сходить поесть, в общем. К мужу тебе всё равно не пробиться, а в шатёр и нельзя женщинам.

Мне несколько обидно, что не могу сразу пойти Азамата поздравить, но впрочем... А куда это папаша линяет? Нет уж, погодите-ка.

– Я сейчас, – бросаю Старейшине и мчусь наверх, а потом на почту. Ключ от ящика Азамат мне отдал вместе со всеми личными вещами, теперь только имя отыскать... Ага, вот он, А-за-ма-т, четыре буквы. В ящике меня дожидается фирменная упаковочная коробочка с почты, что около мамино-го дома, вся такая в ирисах. Бормол все в ней. Перебираю их ещё раз напоследок. Рыба с драконьей мордой, женщина

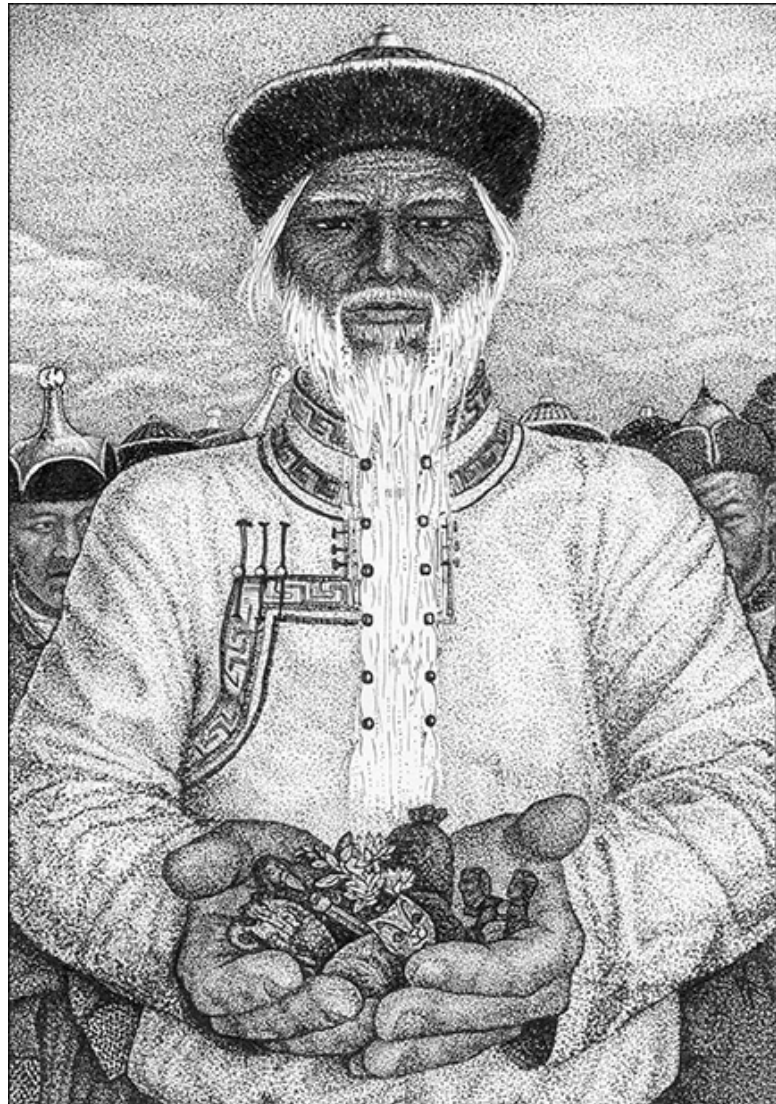
за пяльцами, воин с мечом, кошка, ветка туберозы, мешочек, распираемый изнутри монетами. Как я любила играть с этими фигурками. Думала, что получила их от хорошего человека. Кирилл как-то раз в приступе демагогии стал меня убеждать, что невозможно совершить такое доброе дело, чтобы никому от него не стало хуже. А я ещё приводила в пример, вот, я же совершила...

Всё это проносится у меня в голове мимолётом, когда я уже бегу наружу. К счастью, дорогой свёкор ходит медленно, я перехватываю его в самой толпе на краю трибуны – и становлюсь на дороге.

– *Здравствуй*, – говорю, когда он поднимает голову посмотреть, кто это ему пройти мешает. Он хмурится, оглядывает меня.

– *Ты ещё кто?*

Я молча протягиваю ему горсть бормол, а когда он не берёт их, просто хватаю его руку и вываливаю фигурки ему на ладонь. Он смотрит на них озадаченно, перекатывает между пальцами. Вокруг нас образуется небольшая толпа зевак: как же, грозная землянка встретила отрёкшегося отца свежего Исполина!

На лице Аравата отражается узнавание, и он поднимает взгляд и тут же весь озаряется той самой родной улыбкой, которую в такой точности унаследовал от него Азамат, мне даже больно становится где-то внутри.

– *Это ты та девочка!* – восклицает он совершенно Азаматовым голосом, и я не знаю, чего мне стоит не заплакать. Он протягивает мне обратно свои бормол, они соблазнительно светятся на солнце рыжеватым деревом.

– *Я жена Азамата,* – говорю я медленно и чётко, и каждое слово падает, как камень мне же на ногу. – *Мне не нужны твои подарки. Ты недостойн своего сына.*

Вона какое слово вспомнила, когда припекло. Ну всё, не стоит дожидаться, пока он сообразит, что мне ответить. Разворачиваюсь и ухожу сквозь расступившуюся толпу. Тишина, не знаю, когда успевшая повиснуть, прорывается шепотком. Я могу быть уверена, что завтра весь Муданг будет в курсе моего жеста. Спускаюсь вниз к полю, где толпа начинает потихоньку отхлынывать от шатра. Ноги у меня довольно деревянные.

Старейшина Унгуц сразу замечает моё далеко не радостное настроение и аж привстаёт.

– Что ты сделала?

– Я сделала ваш бормол по-настоящему первым в коллекции, – отвечаю легко.

Он опускается обратно на сиденье со вздохом.

– Ты знаешь... – произносит он после паузы. – Арават не такой уж плохой человек...

– Вы одобряете, что он отрёкся от Азамата? – рявкаю я. Мало мне сегодня было разочарований в людях!

– Нет, конечно, – пожимает он плечами. – И всё же он сделал много хорошего в жизни.

– Ну так я его жизни и не лишаю, – выдавливаю я со слезами в горле. – Просто подумала, будет иронично, что именно я не в восторге от его решения.

– Лиза, – окликает меня подошедший Тирбиш. – Так это правда, что вы и есть та девочка, про которую...

Я кратко обнимаю его, потому что он такой хороший и наивный, потом вытираю слёзы и иду к шатру ждать Азамата. Старейшина Унгуц бормочет мне в спину, что мой бутон начал раскрываться слишком быстро.

Азамат выпадает из шатра раскрасневшийся, да ещё в мамином свитере, от него пахнет фруктовым вином, а в руках корзина со всевозможными сладостями. Он демонстрирует чудеса эквилибристики, умудряясь обнять меня и не просыпать сласти. Я, как всегда после стрессов, особенно липуча и отпускать его не собираюсь, только хом навешиваю обратно. Рядом с ним мне становится сразу намного легче, а то даже мелькала мысль где-то в глубине подсознания, что вдруг он мне станет меньше нравиться теперь, когда я соотнесла его лицо с воспоминанием о его отце. Но нет, слава богу, на том

тёплом восторженном чувстве, которое у меня появляется от его улыбки, выходки его папаши не сказались.

– Я слышал, как ты всех перекричала, – говорит он. – Спасибо тебе. Это такая редкость, чтобы женщина на играх активно за кого-то болела...

– Надеюсь, это не против приличий? – усмехаюсь. – А то с меня станется. Но ты и сам всех здорово на свою сторону перетянул, ишь как этого большого дядю сделал!

Азамат смеётся в голос.

– Да они тут на планете расслабились, я смотрю. Я ведь далеко не всё могу, что мог бы... То есть, ты понимаешь, – он немного путается в словах. Как же быстро на муданжцев спиртное действует, жуть. – С такими борцами куда нам джингошей скинуть, эххх.

Мужики вокруг опускают головы, кто понимает на всеобщем.

– *Азамат-ахмад*, – окликает его подошедший Тирбиш, – *а что бы вам не поучить нас, как на корабле бывало? После сегодня-то, я думаю, найдутся желающие.*

Его предложение встречают дружным одобрительным гоном, какой-то тучный мужик у меня за спиной предлагает одно из своих полей отвести под занятия, благо оно так хорошо укрыто между скал, что никто их там не увидит. Подошедший Эцаган тоже загорается идеей продолжить тренировки под руководством капитана и предлагает взять на себя организационную сторону. Я высматриваю у шатра ведуще-

го, подманиваю его поближе и уговариваю составить список желающих принять участие. Если у Азамата ещё и были какие-то возражения, то их смело толпой.

– Лиза, да тут целый полк, – шепчет он мне, глядя, как всё больше мужчин, оповещённых о возможности поучиться у «самого Байч-Хараха» стекаются обратно на поле, чтобы записаться.

– Ну подели их на группы, – пожимаю плечами. – И пусть более сильные тренируют более слабых, а ты сиди в кресле да оценивай. Потом, наверняка сейчас многие на энтузиазме запишутся, а потом отпадут.

– Да нет, я не про то, – говорит он ошарашенно. – Справиться-то я с ними справлюсь, но странно, что столько народа вообще хотят со мной дело иметь! Я ведь мало того, что урод, так ещё и не сын своему отцу...

– Ну, твой отец нынче не в почёте, – усмехаюсь я.

К нам подходит Алтонгирел, останавливается перед Азаматом и некоторое время просто стоит и смотрит: то на него, то на меня. Потом отводит взгляд и произносит:

– Ну что же... Этот брак принёс более обильные плоды, чем я ожидал. Но тебе, Лиза, надо быть очень осторожной. Все эти люди, что записываются на уроки к Азамату, на самом деле просто хотят оказаться под сенью твоего могущества. И ты должна их не разочаровать.

– Предлагаешь немедленно научиться убивать взглядом и воскрешать словом? – хихикаю я.

– Нет, – кривится Алтонгирел. – Но придётся тебе хотя бы первое время поизображать образцовую жену.

– С этого места поподробнее, – напрягаюсь я, – а то я уже договорилась с целителем переводить земные медицинские справочники на муданжский.

Алтонгирел закатывает глаза.

– Старейшины никогда в жизни тебе этого не разрешат...

– Старейшина Унгуц это сам предложил! – перебиваю я.

– Старейшина Унгуц... – Алтонгирел сглатывает ругательство. – Что он тебе ещё предложил?

– Взять ученицу.

Духовник мотает головой, а Азамат прижимает меня покрепче. Гляжу на него – он выглядит страшно довольным.

– Ладно, – сдаётся Алтонгирел. – Я уже понял, что Старейшина Унгуц теперь весь твой. Боги с тобой, бери ученицу, переводи свои книжки, только умоляю тебя, ходи в женский клуб, не хами старшим, и пусть Азамат тебе дом построит где-нибудь... подальше.

Когда мы наконец-то вылезаем из ямы с трибунами, неподалёку прямо на траве уже расстелены скатерти и всё уставлено яствами. Азамат щедро раздаёт сласти из своей корзинки, я еле успеваю всё попробовать. К счастью, оно всё не такое сладкое, как на первый взгляд кажется, только очень жирное.

– Это и весь приз? – спрашиваю разочарованно, когда корзинка начинает показывать доньшко. Я как-то ожидала, что

хоть медальку дадут или статуэтку платиновую...

– Нет, ещё участок земли у дальнего края Дола и табун. Хоть лошадь себе подберу, а то старый мой друг меня не дождался...

Я не придумываю ничего лучшего, как присвистнуть. Однако и правда вестерн, вот и ранчо теперь есть.

Нас усаживают на ковры и подушки в торце импровизированного длиннющего стола рядом со Старейшинами, кормят сырыми фруктами и мясом, потом мясом, тушённым с фруктами, потом ещё в каких-то комбинациях, и всё это под хримгу и фруктовое вино. Впрочем, алкоголь я игнорирую, а то ещё развезёт из-за папаши... Не стоит Азамату праздник портить. Да и вообще, кто-то же должен будет сесть за руль.

Под конец застолья начинает темнеть. Азамат уже давно растянулся во весь немалый рост на ковре и пристроил голову мне на колени. Я же каверзно расплела ему волосы и сижу, глажу по всей длине, сколько дотягиваюсь. Он только что не мурчит. Народ вокруг уже даже перестал тыкать в меня пальцами и шушукаться. Кажется, все приняли как должное, что у Байч-Хараха ужасно ласковая жена.

Начались песнопения. Интересно, что бородатые Старейшины принимают в них живейшее участие, и у многих даже вполне приличные голоса. С моей пролетарской точки зрения, гораздо приятнее, чем у профессионального певца, который вместе с музыкантами надрывается. А вот бритые Старейшины рта не раскрывают.

– А почему духовники не поют? – спрашиваю сонного Азамата.

– Ещё бы они запели, – усмехается он. – Если духовник поёт, то получается молитва-заклинание, ну знаешь, *гуйхалах*. А вон тот Старейшина... который нам хомы заговаривал... он и говорить не может, такая в нём сила. Чуть губами шевельнёт, уже чудеса творятся. Любовь богов даром не даётся, знаешь ли.

Ох, знаю. И очень надеюсь, что Азамат уже заплатил за сто лет без бед. Я поднимаю лицо к небу и возношу свой собственный молчаливый *гуйхалах*, чтобы все дальнейшие сражения в своей жизни он выигрывал так же легко, как сегодняшнее. Музыка подхватывает мою просьбу и уносит в темнеющее небо над головами счастливых людей.

Глазами знающего

Капитан Адицан пригнулся, чтобы не задеть макушкой низкую притолоку, и прищурился, привыкая к полумраку таверны. В зале почти никого не было, и хозяйка не стала зажигать половину фонариков, экономя дорогое гарнетское электричество. Однако знакомый силуэт капитан высмотрел сразу – спиной к двери в самом дальнем закутке. Только Байч-Харах обладал талантом так чудовищно сутулить такие широкие плечи.

Адицан мысленно вздохнул и помешкал: встречаться с давним соратником ему с каждым разом хотелось всё меньше и меньше. Когда-то давно, когда Азамат только явился на Гарнет, они работали на одном корабле, но со временем им там стало тесно, да и капитан был уже стар, вот они и разошлись, основав каждый свою команду. Байч-Харах был удачливее, хитрее и храбрее, а Адицан – Слушающий – лучше разбирался в людях и предпочитал бешеной гонке спокойную уверенность. Тогда, давно, он ещё немного завидовал горячей смелости Азамата, пока не распознал стоящий за ней лихорадочный блеск в глазах, нездоровый такой огонёк. Который со временем потух, оставив по себе лишь привычку рисковать и не более чем привычку уворачиваться.

От барной стойки отделился официант, и Адицан понял, что медлить больше не выйдет, поэтому пошёл-таки присо-

единяться к чёрной глыбе едва тлеющих углей, оставшихся от давнего товарища.

– А, ты пришёл, – Байч-Харах мягко улыбнулся, но Адицану почудилось то ли облегчение, то ли разочарование. Уж не заметил ли тот, как он мешкал у двери? А тот, может, и сам был не рад встрече. Но пытаться угадать, что творится в голове у Байч-Хараха себе дороже, даже его духовник ни шакала там не понимал. Плечи он когда-то успел расправить, и сидел теперь непринуждённо, как будто всегда так и было.

Адицан, стараясь не выглядеть обречённым, опустил на подушки по другую сторону массивного, хоть и низкого стола.

– Что у тебя нового? – произнёс он дежурную фразу, хотя смысла в ней было не больше, чем в реплике самого Азамата. Тот улыбнулся чуть шире, но снова одними губами.

– Что у меня может быть нового? – И тут же, опомнившись, перебил сам себя. – Или ты про работу? В команде пополнение, кстати...

Адицан покачал головой.

– Я бы мог хотя бы предположить, что у тебя может быть нового, если бы ты позволил наконец тебе погадать.

Байч-Харах мотнул головой и отвернулся в сторону.

– Опять ты за своё... Я же объяснял уже: зачем мне обращаться к знающему, если у меня в команде один из сильнейших духовников Муданга?

– Ну, например, чтобы удовлетворить моё любопытство, –

пожал одним плечом Адицан. – Твой духовник же мне не расскажет, что он видит. Да и опыта толкования у меня побольше будет.

– Дату смерти скажешь? – в очередной раз завёл свой торг Байч-Харах.

– Нет, – привычно мотнул головой Адицан.

– Ну почему? – как обычно возмутился собеседник. – Ты ведь знающий, на тебя духовничьи запреты не распространяются. И вообще, что плохого-то? Я просто не люблю оставлять недоделанные дела. Это неаккуратно и несправедливо по отношению к остающимся. Уж ты-то должен понимать, все мы, наёмники, под Ирлик-хоном ходим, не сегодня так завтра, не завтра так через месяц, удача кончается...

– Перестань, не проси, – отрезал Адицан. – Кому другому сказал бы, но только не тебе.

– Да почему же?

– Да потому что истинный срок никому, кроме Ирлик-хона, не ведом, и даже если я увижу что-то, похожее на смерть, это может быть ошибкой, а может быть только одной из возможностей.

– Ну и что? – по-прежнему не понимал Байч-Харах. – Пронесёт так пронесёт, погадаешь ещё раз.

– Да вот ещё быть бы мне уверенным, что ты хочешь, чтобы пронесло! – выпалил Адицан и зло уставился в глаза Азамату.

Тот выдержал взгляд с честью, только ноздри раздул,

ОСМЫСЛЯЯ.

– Если бы я так хотел на тот свет, как ты это представляешь, – медленно проговорил он наконец, – я бы уже там был.

– Ой ли? – скривился Адицан. – И что же тебя здесь держит?

Тишина так растянулась, что казалось, вот-вот порвётся и лопнет.

Наконец Байч-Харах опустил взгляд и пожал одним плечом.

– Туда я всегда успею. Меня мало что держит, но мало что и подталкивает, так куда спешить? Чай не подросток. Но я тебя понял – не хочешь ставить меня перед выбором. Мне кажется, это излишняя предосторожность, но тебе как знающему виднее, наверное, да и ответственность в случае чего не хочется на себя брать, так ведь?

Адицан только открыл рот ответить, но тут Азамат полез в карман за телефоном, а вытащив и глянув на экран, тут же засобирался. Нерасторопный официант принёс чай, заказанный ещё до прихода Адицана, когда за Азаматом уже закрылась дверь.

Капитан задумчиво поболтал ложечкой в чайнике. Предосторожность, видимо, и правда была излишняя – Байч-Харах обиделся, а он не такой человек, чтобы обижаться на правду. Но Адицану не впервой было видеть у наёмников вот такой же самый пустой взгляд, в котором не читалось ничего кроме привычки, и обида Азамата казалась ему тогда невысокой

ценой за уверенность, что через год они встретятся снова.

Вот только не встретились. Адицан просидел весь вечер за облюбованным ими для этих встреч столиком в полупустом зале, вскидываясь всякий раз, как отворялась дверь, но Байч-Харах так и не явился. В конце концов нервы сдали. Адицан ему позвонил. И не получил ответа.

– Хоть бы волосок оставил, зар-раза, – прошипел себе под нос знающий, неверяще качая головой. – Я бы хоть знал...

В итоге так и не заказав ужин, он вышел вон и отправился в другое заведение, где подавали напитки покрепче. Знающий там или какой, а поспать этой ночью ему удалось бы только с хорошей хримги.

Однако спустя несколько дней капитанский телефон запиликал в приличном часу утра. Точнее, у кого другого, может, и приличном, а капитан Адицан ещё совершенно не собирался просыпаться. Он открыл один глаз глянуть на экран, просто чтобы решить, скажет ли он «пошла» или «пошёл», когда возьмёт трубку, но тут сон как рукой сняло.

– Азамат?!

– И тебе не болеть, – раздался на том конце непривычно жизнерадостный голос. – Извини, что не явился без предупреждения, влип тут в один контракт... Ну в общем. Я чего звоню, у тебя всё ещё есть тот контакт в земной военке? Помнишь, ты говорил, что экспериментальные образцы выкупал? Мне бы что-нибудь этакое.

– Есть, – Адицан принялся мучительно вспоминать, что

там ему толкал последний раз его приятель за бешеные деньги. – Они сейчас занимаются бездонными контейнерами, коробочки такие делают маленькие, в которые целый шкаф запихать можно.

– О! Пойдёт. Подгонишь мне?

– Да не проблема... А..?

– Спасибо, друг! Я завтра буду на Гарнете, у Кочерги в мастерской. Ты же знаешь Кочергу, ювелира?

– Да, конечно...

– Ну вот, подъезжай. До завтра!

И сброс.

– Однако, – пробормотал Адицан в молчащую трубку, безуспешно пытаясь сообразить, какая муха укусила вечно спокойного и сосредоточенного товарища. Даже слова вставить не дал – а ведь Адицан пытался сказать, что сам завтра занят и не сможет приехать лично, придётся прислать подручного. А жаль, поговорить с Байч-Харахом ой как хотелось. Впрочем, Белый День не за горами, и его Байч-Харах при всём желании пропустить не мог. Вот там и поговорят.

Загадка разрешилась, стоило Байч-Хараху переступить порог зала встреч.

– Азамат Байч-Харах с женой, – объявил его Старейшина, и по уже собравшимся наёмникам пробежал ропот.

– Вот так та-ак, – пробормотал Адицан, в который раз жалея, что Байч-Харах не дал ему погадать. Вот было бы пред-

сказание, конфетка! Он выступил из-за колонны, присматриваясь к женщине, вошедшей вместе с Азаматом, и повторил ещё протяжнее: – Вот так та-а-ак...

Женщина была маленькая и тощая, в одном только синем тамлингском платье и совсем без украшений, если не считать весьма лестного хома – ни дать ни взять Алтонгирел специально для Азамата берёг какой посимпатичнее, хотя по идее зверя-хранителя брака называет духовнику его бог накануне церемонии. На голове у женщины была копна белёсо-жёлтых волос, похожих на горку деревянной стружки, не украшенных, и, кажется, даже не расчёсанных. Черты лица у неё были настолько бледные, что с его места было почти не разглядеть. В целом на человеческую женщину она была похожа весьма условно, скорее на изображение богини из сказок, такое, нереалистичное, вплетённое в узор.

– Землянка, что ли? – выдохнул его первый помощник, тоже заворожённо уставившийся на это явление.

Действительно, земляне ведь как-то так и выглядят, хоть Адицан сам в живую не видал, но на Гарнете всё заклеено земной рекламой, так что представление у него было.

Женщина меж тем вслед за Байч-Харахом спустилась по ступенькам и зашагала по залу – совсем не по-женски, неровно и размашисто, стараясь угнаться за мужем, который, видимо, с непривычки, забыл подстроиться под неё. Теперь, когда она подошла поближе, Адицан различил, что у неё большие круглые полупрозрачные глаза, которыми она ис-

пуганно тарашилась по сторонам, как будто впервые увидела людей. Впрочем, наверное, муданжцев в таком количестве и правда впервые. Она была вся такая белая, словно вырезанная из бумаги, что лицо, что голые до локтя руки, видневшиеся в прозрачных рукавах, нервно сцепленные слишком большие для женщины ладони.

– Она такая... другая... – зачарованно произнёс первый помощник, тоже рассматривая землянку. – Как ненастоящая.

Пока Адицан соображал, что на это сказать, пара поравнялась с ним, и Байч-Харах приветливо кивнул. Глаза его горели, но не тем сумасбродным, болезненным блеском, что раньше, а живым, озорным огоньком. Адицан ошарашенно кивнул в ответ и вдохнул аромат дорогих духов, которым пахнуло от землянки. Она скользнула по нему взглядом примерно с тем же интересом, что и по колонне рядом с ним и продолжила прилежно переставлять свои спичечные ножки с выпирающими лодыжками. Она казалась невесомой, как будто шла по земле лишь для вида, и с тем же успехом могла шагать прямо по воздуху, и её угловатый силуэт вписывался в убранство зала, словно она была одним из декоративных элементов, росписью, небылицей.

Позже, когда женщины ушли наверх, а официальная часть закончилась, Азамат подловил его в стороне от основной толпы.

– Видел? – спросил он нетерпеливо и с плохо скрываемой гордостью.

– Да уж тут слепой бы увидел. Вот, значит, для кого был подарок, – хмыкнул Адицан. – Ты её у Кочерги в ювелирной мастерской выковал, что ли?

– Нет, в небе поймал, – ещё шире улыбнулся Азамат. – И она только кажется хрупкой. На самом деле, сильная и грозная.

– Как скажешь, друг, как скажешь, – покивал Адицан, сразу поняв, что добродетели этого интерьерного украшения тут будут защищать до потери пульса. – Ты только похвалиться подошёл или дело какое есть?

– Дело, – не переставал улыбаться Байч-Харах. – Погадаешь?

Адицан фыркнул.

– То тебя было не уговорить, а теперь сам просишь. А ведь я мог бы ещё год назад тебе её предсказать.

– Вряд ли, – сморщился Азамат. – Алтонгирел не смог, а уж он больше всех на свете мечтал меня женить.

– А теперь что, думаешь, я дальше него вижу?

– Просто он с ней не поладил, – Азамат отвёл глаза, явно смягчая серьёзность ситуации. – Я подумал, вдруг у тебя выйдет лучше.

– Байч-Харах, ты опять ставишь меня перед жестоким выбором. Вдруг я увижу, что тебе с ней не по пути. Ты думаешь, я смогу тебе в твою счастливую физиономию это сказать?

– Да ты можешь мне вообще ничего не говорить, – отмахнулся новообручанный. – Просто если что, не будешь ждать меня на следующий год.

Адицан закрыл глаза и глубоко вдохнул. Потом, стараясь ничего не выражать на лице, достал из поясной сумки зип-пакет, раскрыл пошире и подставил. Байч-Харах аккуратно выдернул у себя несколько волосков – предусмотрительно с нормальной стороны – и пропихнул их в пакет.

– Ничего не обещаю, – буркнул Адицан, застёгивая пакет.

– А я и не прошу, – кивнул Азамат, доставая телефон, чтобы перевести гонорар за предсказание.

– Но желаю тебе такого года, чтобы в следующий раз мы всё же встретились, – закончил Адицан и развернулся прочь.

Тем же вечером, не утерпев, он вытряхнул волоски на стол и обмотал ими – благо длина позволяла, – сразу три разноцветных свечи. Сочетание благовоний было отвратительным до тошноты. Духовники так никогда не делают, у них всё по правилам и всему своё место. Адицан же предпочитал провести ночь в обнимку с унитазом, но прояснить все нюансы, а не гадать в полутьме.

Через несколько часов, немного придя в себя и прополоскав рот, он выполз в спальню и подобрал лежащий на подушке телефон. Удостоверился, что на Муданге сейчас не спят и выбрал из списка нужное имя.

– Онхновч? Давненько, да, здоровья тебе, родич. Я тебе

что хочу сказать. В ближайшие дни на Муданг вернётся наёмник. Байч-Харах – слышал, наверное. Ты его не знаешь, но мой тебе совет, держись его. За ним будущее планеты.

